Марина Суржевская

Совершенные

Тайны Пантеона

Annotation

«Если Август Рэй Эттвуд пройдет свой темный путь, он превзойдет дьявола и наш мир падет…» Так говорит инквизиция и все ее силы теперь направлены на то, чтобы найти и уничтожить разрушителя. А мне, Кассандре Вэйлинг, золотой девочке и поверженной королеве, надо решить на чьей я стороне.

- Марина Суржевская
  - Глава 1. Кастел
  - Глава 2. Новая жизнь
  - Глава 3. Секреты
  - Глава 4. Озерный Дом
  - Глава 5. Розовое
  - Глава 6. Рвы и барханы
  - Глава 7. Снежинка и Крапива
  - Глава 8. Шаги во тьме
  - Глава 9. Все решено
  - Глава 10. Тик-так, Август
  - Глава 11. Благой Дом
  - Глава 12. Тик-так, Кассандра
  - Глава 13. Беглецы
  - Глава 14. Монастырь Истинодуха
  - Глава 15. Открытия и ночные монстры
  - Глава 16. Танцы и сражения
  - Глава 17. Темные воды
  - Глава 18. Данной мне властью, объявляю…
  - Глава 19. Ложные истины
  - Глава 20. Здравствуй, Кэсс
  - Глава 21. Беглецы снова
  - Глава 22. Погоня
  - Глава 23. Со вкусом дождя и дыма
  - Глава 24. Неварбург
  - Глава 25. Зеркала
  - Глава 26. Скверна

- Глава 27. Ритуал
- Эпилог

Марина Суржевская
Совершенные. Тайны Пантеона

Все звезды гаснут

Глава 1. Кастел

Хрясь!

Тяжелый кулак впечатался в деревянную стену и оставил в ней внушительную дыру. Я решила не думать о том, что еще миг назад на месте этого отверстия была моя голова.

Впрочем, думать стало некогда.

Подпрыгнув, я повисла на балке, качнулась и закинула себя на узкий козырек наверху.

– Стоять! – взревело жуткое лысое чудовище, лишь по ошибке причисленное к роду человеческому. Схватив доску с торчащими гвоздями, монстр с силой провел ею по козырьку, норовя зацепить на узком парапете подошвы моих сапог и скинуть меня на землю. Во все стороны брызнули древесная стружка и черепичная крошка. Я перепрыгнула через доску – раз, другой… Длинный – с мою ладонь – гвоздь чиркнул совсем рядом.

– Не уйдешшшь! – зашипел монстр внизу.

Сверху я видела мелкие красные символы, кругами расходящиеся от центра его макушки до самой шеи. Интересно, это странная традиция всех выходцев из Вишкармана или конкретно того, который жаждет меня достать?

Жутковатое орудие вбилось в черепицу, гаденыш решил пришпилить меня – словно букашку.

Я оглянулась, решая, куда бежать. Но за спиной была бетонная стена. Значит, снова прыгать. Вниз теперь точно нельзя…

Места для разбега оказалось маловато, да и преследователь не хотел сдаваться, снова и снова вбивая рядом со мной гвозди. Каждый удар издавал неприятный скрежет, терзающий уши.

Хрясь-скржж! Хрясь-скржжж!

Три шага для разбега, длинный миг невесомости, и я упала на козырек соседнего строения. Но здесь крыша была слишком отвесной, а зацепиться как следует я не успела. Ничего! Бывало и хуже! Главное, забраться повыше и опять перепрыгнуть…

Ладони в кожаных перчатках с обрезанными пальцами неистово заскребли по черепице и… безнадежно соскользнули. Что за ерунда? Я

моргнула, всматриваясь в блестящий на солнце скат. Потянула носом. От крыши ощутимо несло чем-то терпким… Это что, масло?

Внизу захохотало чудовище.

– Думаешь, ты самая умная, Вэйлинг? Думаешь, опять убежишь по крышам? Не сегодня. Масло черного тмина с моей родовой плантации. Нравится?

Масло… Недурно. Догадался все-таки через два месяца! Или… кто-то подсказал? Мой преследователь отличался силой, но не сообразительностью.

Я фыркнула, все еще пытаясь удержаться на предательском скате. Отчаянно взмахнула руками и ногами, но кожаные штаны и куртка, как назло, оказались великолепны для скольжения. Проклятие! Я тряхнула рукой, и на левой перчатке выступили короткие шипы. Вбила ладонь в опору. Потрясла правой рукой – тщетно. Кажется, надорванный в сражении край повредил защиту.

Носки ботинок, на которых я балансировала, скользнули по гладкому настилу и поехали вниз. Я глухо вскрикнула, пытаясь удержаться, но собственный вес неумолимо тянул мое тело. Ноги повисли в воздухе. Я барахталась, надеясь залезть обратно, но мою лодыжку обхватили толстые пальцы, сдергивая меня с козырька.

И я свалилась, знатно приложившись о землю. Благо, уже не замерзшую, а рыхлую и напитанную весенней влагой. Вскочила вовремя. Как раз за миг до того, как рядом опустился чертов кулак.

Увернулась я лишь в последний момент.

Рывком перекатилась в сторону и гибко выгнулась, поднимаясь за спиной верзилы. Пыхтя, он обернулся, наклонился… и тут же получил по морде. Острые грани кольца на моей правой руке блеснули в луче света и рассекли бровь громилы. Вернее, то место, где она должна быть, ведь на теле этого чудовища не было ни единого волоска.

Хлынула кровь.

– Ты труп, Вэйлинг!

Я присела, крутанулась, попуская чужую атаку, вскочила.

– Сначала поймай меня, малыш Лю, – нежно пропела я, глядя в лицо того, кто пытался меня прибить. Лицо впечатляло. Багряные знаки-заклинания сползали по лбу на щеку, завивались кругами на скулах. В маленьких водянисто-голубых глазах дрожала моя смерть. Широкий перебитый нос дергался, словно у зверя. Причем, как мне

рассказали, нос наследникам Джамрат ломали еще в детстве, чтобы делать мальчиков более стойкими и устрашающим.

И что бы я ни думала о подобной дикости, устрашение получилось впечатляющим. Малыш Лю был самым безобразным человеком из всех, кого я только встречала!

– Я – не малыш! – яростно взревев, верзила снова бросился на меня. – Не крошка! Не детка! Ни Лю-Лю! Я Люхараджан Джамрат! И не смей звать меня малышом! Поняла? Поняла?

Я не отвечала, сберегая дыхание и уклоняясь от кулаков. Противопоставить его силе мне было нечего, кажется, одна рука громилы весила больше меня. Поэтому я лишь уходила от атак, каждая из которых могла размазать меня по влажной земле.

– Повтори мое имя!

Новый смертельный удар едва не разрубил мне грудину. Я сумела ускользнуть, но носок зацепился за камень и ногу прострелило болью. Плохой признак…

– Как думаешь, зачем она это делает? – Ветер донес от барьера задумчивый голос. – Доводит Лю до бешенства? Каждый раз… Хм. Люхараджана то есть.

Я усмехнулась, проносясь мимо. Вот это больше всего злило бритоголовое чудовище. То, что с моей легкой руки почти все адепты Кастела забыли его гордое имя и именовали сокращенными прозвищами. Как собаку – по мнению самого чудовища.

Хотя нет. В родовом поместье этого двухметрового монстра даже у псов были пафосные и непроизносимые клички. В этом я не сомневалась.

– И ведь ни разу не повторилась, – услышала я меланхоличный ответ. – Как ей это удается?

– Не повторяться? Или доводить до бешенства?

– И то и другое…

– Не знаю. Может, потому что это Кассандра Вейлинг. А она…

Что «она» – я не услышала. Может, «невероятная стерва»? Или «невыносимая дрянь»? Или «та самая Вэйлинг, от которой лучше держаться подальше»?

Ответа я не услышала, потому что вконец озверевший адепт Святой Инквизиции решил все-таки меня прикончить. А я слегка устала уклоняться от его диких атак. Люхараджану я проигрывала в

силе, но зато он мне значительно уступал в скорости и ловкости. И в грации – конечно. Несмотря на огромную, смертоносную мощь и медвежьи размеры, адепт отличался неуклюжестью. Лишь благодаря этому я продолжала его дразнить, а не валялась на тренировочном поле с проломленным черепом. Но кажется, сегодня ярость верзилы достигла своего апогея, и он вознамерился прикончить меня во что бы то ни стало.

Мелькнула мысль – если Лю и правда меня достанет, станут ли зрители делать хоть что-нибудь, чтобы спасти стерву Вэйлинг и по совместительству – свою сокурсницу? Ну хоть кто-нибудь из двух десятков мерзавцев, собравшихся у барьера, чтобы понаблюдать за спарингом двух неравных противников? Хоть кто-то пошевелит пальцем, чтобы помочь мне?

Или лишь поставят пару свечей Истинодуху – в благодарность за мое убийство?

Я выдохнула, отбрасывая мысли.

– Да я тебя… ребра сломаю! – Пугающее сплюснутое лицо исказилось от бешенства. – Потом руки-ноги! Потом глаза… выдавлю! Я скормлю тебя своим псам…

– В Кастеле у тебя нет никаких псов, дурень.

– Скормлю бродячим!

– Поймай сначала, малыш-лютик, – пропела я, угрем выскальзывая из тупика, в который он меня загнал. Дыхание сбилось. Я устала. А значит, теряю скорость – мое единственное преимущество. И почему меня снова поставили в спарринг с тем, кто гораздо сильнее? Впрочем, я уже поняла, что подобные вопросы в Святой Инквизиции не задают.

«Мы не выбираем противников, равных себе. Мы сражаемся с каждым, кто преступил закон».

Снова стена – на этот раз бревенчатая. Я снова ухитрилась выскользнуть, но коса, закрепленная вокруг головы, освободилась от держащих ее шпилек, взметнулась в воздух… И натянулась, сжатая огромным кулаком с окровавленными костяшками.

Лю крепко стиснул ладонь, дернул. И я, вскрикнув, спиной свалилась ему на грудь. Затылок обожгло, показалось – этот дикарь с дурацким именем сейчас оторвет мне скальп! Адепт дернул снова, намотал мою косу на руку так, что я едва могла пошевелиться, и

потянул, заставляя смотреть ему в глаза. Я всегда считала, что рост у меня вполне высокий для девушки, но по сравнению с громилой я выглядела совсем крошечной. И потому пришлось встать на цыпочки, вытянуться в струнку, когда ухмыляющийся мерзавец притянул меня ближе.

– А потом… потом я знаешь, что сделаю? Потом я узнаю, так ли хороша ты на вкус, как о тебе болтают…

Лицо с низким лбом, выпуклыми надбровными дугами, крошечными глазами и огромным, выступающим вперед подбородком оказалось совсем близко. Явно ближе, чем я хотела бы. Так близко, что я рассмотрела поры на толстом носу и морщинистые веки без ресниц. Из пореза на лбу хлестала кровь, капли стекали по щекам адепта и падали на мою куртку. Я брезгливо поморщилась. Однако проблема в лице обозленного сокурсника никуда не исчезла, а помогать мне явно никто не собирался. Толпа зрителей у барьера лишь делала ставки. На то, что именно оторвет мне верзила – в первую очередь.

Взгляд зацепился за айк – одинокую серьгу в толстом ухе верзилы. Почти фиолетовый камушек покачивался, так и умоляя за него дернуть.

Но делать этого нельзя ни в коем случае. Использовать в бою айк – значит тут же загреметь в карцер.

Лю широко улыбнулся, показав кривые желтые зубы.

– Ну вот и все, Вэйлинг. Вот ты и попалась!

Я попыталась отодвинуться, но затылок обожгло новой болью. Увы, отбрасывать косу подобно хвосту ящерицы, я не умела. А гад держал крепко! Ну еще бы…

– Сейчас ты ответишь за все, – с жарким предвкушением в глазах выдохнул парень. – За каждое словечко из твоего поганого рта! За каждое прозвище! За все унижения! За…

Я выпрямила спину, сосредотачиваясь. Боль мешала думать, но…

«Не бывает идеальных условий для сражения. Не бывает идеальных соперников. Не бывает полумер. Победи или умри».

Что ж, пожалуй, с этим постулатом из главного трактата для инквизиторов я готова согласиться.

Я отклонила голову, натягивая волосы так, что кожа вспыхнула огнем. Но я даже не моргнула. Расправила плечи. Поймала свое отражение в торжествующих глазах Люхараджана: серебристые пряди,

бледное лицо, тонкие черты… нет. Уже другие: пряди седые, глаза с редкими белыми ресницами – злые и прищуренные, крупная родинка на левой щеке – словно присосавшийся к коже клещ… И яркие алые губы, словно их хозяйка только что отобедала кровью одного из несчастных адептов, которых ей поручили обучать.

– Немедленно уберите от меня свои руки, адепт! – рявкнула я высоким, неприятным голосом. Сымитировать чужие интонации получилось превосходно, я сама собой восхитилась.

Лицо убийцы враз побледнело, кровожадная улыбка слетела с его лица, и он разжал руку, прижимая кулаки к бокам и вытягиваясь в струнку. Всего на миг. Уже через секунду до верзилы дошло, что пугающей наставницы здесь нет, а я использовала Маску, нацепив лицо преподобной Агамены. И уж если этот огромный монстр кого и боялся, то это точно была она – хрупкая наставница, едва достающая Лю до плеча.

Впрочем, ее все боялись. Даже я.

Но мига хватило, чтобы я изо всех сил двинула верзиле кулаком в нос, а когда тот взревел от боли и ярости, нырнула под мужской локоть, перелетела через сложенные бревна, скатилась с другой стороны и сорвала с флагштока развевающийся платок.

Подняла его вверх, знаменуя победу, а потом царственным жестом разжала пальцы, позволяя белому шелку упасть к моим ногам. У барьера с адептами кто-то зааплодировал, кто-то недовольно скривился. Я запомнила и тех, и других.

– Стерва! Дрянь! Гадина! – обиженно выл Лю, осознав провал. – Нечестно! Нельзя пользоваться оружием!

– Маска не причислена к списку оружия, – пропела я. – Доктрина Святой Инквизиции, часть шестая, параграф седьмой. Учи правила, малыш.

– Я тебя поймал!

– Вот же… Вэйлинг… Опять его надула!

– Я опять проспорил десятку… Черт, ну как она это делает?

– Однажды у него получится… Наверное.

Голоса – недовольные, разочарованные, злые, восхищенные – слились в однообразную какофонию. Но я уже не слушала. Я шла прочь от тренировочного поля, от голосов и от брызгающего слюной наследника Джамрат. А еще от молодого мужчины в черной форме.

Дамир стоял в стороне, укрытый тенью тренировочного строения, и внимательно наблюдал за ходом сражения. И меньше всего мне сейчас хотелось общаться с куратором. Поэтому я пролезла под нависающим козырьком, взобралась на узкий мостик между рвами, уже пошатываясь, преодолела его. Впереди виднелся выход. Позади остались инквизиторы – будущие и настоящие.

Оборачиваться я не стала.

***

Я помню, как увидела Кастел впервые.

Нет, я, конечно, знала, где находится это здание, но никогда не думала, что однажды пройду мимо огромных кованых ворот как адепт инквизиции. На железной ленте, тянущейся через две створки, темнел выбитый девиз одного из первых инквизиторов: «Смерть и Справедливость». Но открытая половинка чугунной преграды делила надпись, оставляя только первое слово. И некоторое время я таращилась на него, не находя в себе силы шагнуть на территорию Кастела.

Я стояла в воротах и смотрела туда, где тучи штопали черные шпили древнего здания. Сердцевиной всех академий, где обучаются будущие военные и гражданские миротворцы, всегда становится древний храм или церковь – средоточие высоких вибраций, уплотняющихся веками. Но центром Кастела был замок. И раньше я не задумывалась над этой особенностью. А сейчас поняла – этот выбор основан на особенностях людей, которые здесь обучаются. Если среди инквизиторов есть деструкты, то высокие вибрации могут помешать им освоить свои силы.

Черный замок возвышался в сердце Кастела как шипастая игла. С витражных черно-красных окон смотрели лики суровых инквизиторов, у их ног корчились в муках умирающие чудовища. В этом здании располагались лекторные и комнаты наставников.

Адепты жили в четырёх угловых башнях вокруг замка, между которыми тянулась кирпичная стена, ограждающая территорию Кастела. Верх стены, подражая замку, щерился пиками, на которые опасались садиться даже вездесущие вороны.

И стоя в воротах, я не могла отделаться от мысли, что попала то ли в военную крепость, то ли в тюрьму. В тот день небо над Кастелом висело сумрачным тяжелым покрывалом, готовым обрушиться на

землю дождем и снегом. Подножие стен тонуло в тумане. В Старограде болтали, что все дело в загубленных инквизицией душах. Неуспокоенные призраки слетались в Кастел, дабы до самой смерти изводить своих убийц и мучителей.

Конечно, была и более рациональная версия природной аномалии. Древний храм располагался в низине, где температура и влажность воздуха идеально способствовали образованию белесого марева, а кирпичные стены вокруг сделали это место идеальным колодцем.

Раньше я верила в рациональность. Сейчас я не верила ни во что.

Сейчас я знала, что Кастел и здравомыслие – вещи несовместимые.

Я помню, как шла к замку, черными углами нависающим над людьми. С двух сторон от подъездной дорожки высились исполины-деревья, такие огромные и старые, словно были ровесниками самого здания. В конце зимы голые ветки этих деревьев торчали черными кривыми корягами, словно нарочно пугая путников, вознамерившихся преодолеть границы их владений. Вернее, путницу. Меня.

Я шла и злилась, убеждая себя, что мой визит в Кастел – ничего не значит. Что я не стану адептом, не надену черную форму и не смирюсь. Пока получилось выполнить лишь последнее.

Да, я по-прежнему искала способ избежать судьбы, уготованной мне архиепископом. Но при всей своей изворотливости я не могла придумать, как это осуществить. Не находя выход, я решила временно принять правила игры и не противиться. Конечно, лишь для того, чтобы усыпить чужую бдительность. По крайней мере я отчаянно пыталась в это верить.

Сейчас, спустя месяц, я перестала вздрагивать, видя темные камни, суровые шпили и багровые отблески витражей. Древнее здание, полное извилистых коридоров и тупиков, лестниц без перил и потайных комнат, готических арок и пугающих гобеленов, выросло, как только я перешла мостик, отделяющий его от тренировочного поля. Но к основному входу я не пошла, свернув на дорожку между двумя рядами статуй, посеревших от времени. Иногда мне казалось, что легендарные воины, вытесанные в камне, презрительно ухмыляются, провожая взглядами мою шатающуюся фигуру.

Я показала статуям неприличный жест и толкнула деревянную дверь в восточную башню.

В длинном перечне того, что я ненавижу в Кастеле – самом закрытом и пугающем месте города, – лаваторий попадал в первую десятку. Нет, комнаты, предназначенные для особых процедур, были вполне комфортными и даже по-своему роскошными, инквизиция заботилась о своих питомцах. Но мне не нравилась причина, по которой я была вынуждена сюда приходить.

Как будто в Кастеле мало поводов для моей ненависти!

Пока я шла по извивающемуся коридору в лаваторий, мой правый ботинок хлюпал все сильнее. В комнате для переодеваний, где полагалось оставить наряд перед проходом в чаши, топталась Виона. Ее фамилию я не знала, лишь помнила, что девушка приехала из какой-то северной провинции. Короткие и мокрые волосы Вионы торчали слепившимися прядями и делали ее похожей на недовольного ежа.

– Проваливай, – приказала я, привалившись плечом к стене.

Девушка окинула быстрым взглядом мою грязную тренировочную форму и разлохматившуюся косу. Поджала губы.

– Ты не имеешь права меня выгонять, Вэйлинг! Лаваторий – для всех адептов! А я еще даже обсохнуть не успела…

– Проваливай, если не хочешь, чтобы весь Кастел узнал о том, кто таскается в твою комнату по ночам, – бросила я, и голубые глаза Вионы удивленно расширились. Пару секунд она стояла, рассматривая меня с закипающей злостью. И немного – страхом. Потом, подхватив свои вещи, девушка выскочила за дверь.

– Обожаю чужие секреты, – пробормотала я, щелкая задвижкой на створке.

Кстати, хорошо бы и правда узнать, кто посещает эту скромницу. Мой выстрел наугад неожиданно попал в яблочко и сильно испугал девчонку. А чужие секреты лишними не бывают! Правда, узнать что-либо в Кастеле гораздо сложнее, чем в Аннонквирхе. А еще – опаснее. Я уже успела убедиться, что в этом месте царят жестокие законы. Никогда не знаешь, какой силой обладает адепт. И на что он пойдёт, чтобы поставить на место того, кто сует нос в чужие дела.

Втягивая воздух короткими рваными глотками, я тяжело опустилась на широкую лавку и стянула перчатки. Поморщилась – руки дрожали. Впрочем, ноги тоже. Малыш Лю неплохо погонял меня по полю.

«Если вы не можете выжить на тренировке, то какой от вас прок в бою? – раздался в голове ехидный голос преподобной Агамены. – Умрите в грязи, раз не способны победить! Инквизиции не нужны слабаки!»

Снова поморщившись, я стянула грязные ботинки и тугие кожаные брюки, тихо выругалась. Бедро перечеркнула длинная кровавая полоса – гвоздь все-таки достал меня. Разорванные края кожи висели лоскутами и выглядели отвратительно, кровь заливала ногу и хлюпала в обуви. Меня замутило, перед глазами поплыло. Святой Дух, как же больно! Ненавижу инквизицию и ублюдка Лю! Шипя сквозь зубы, я стянула одежду и белье, бросила все на пол. Медленно выпрямилась и снова осмотрела себя. Помимо раны на бедре – синяки, порезы, ссадины. Сбитые костяшки. И вдобавок – на левой руке сломаны три ногтя. На правой – два. И это разозлило даже сильнее всех остальных ушибов.

– Ненавижу!

Говорить вслух, что ненавижу Кастел и всю Святую Инквизицию – не стала. В этом месте и у стен есть уши. А я не хочу провести еще неделю в ледяном остроге. С этим местом я и так познакомилась ближе, чем хотелось бы.

На правой руке багрянцем подмигнул камень. Прозрачный бриллиант, густо покрытый кровью Лю, казался рубином. Я поджала губы, опуская ладонь. Кольцо, помолвка, Дамир. Свадьба.

Слишком много «ненавижу».

Уже привычным жестом дернула серьгу в левом ухе. На золотом колечке висела одинокая прозрачная слеза. Айк. Такой же был у малыша Лю. Такие были у всех адептов, еще не получивших аксельбант инквизитора. Только камни отличались. У новичков – прозрачные, за которые нас именовали стекляшками, у более опытных – фиолетовые или почти красные. Чем багровее оттенок, тем ближе адепт к званию полноправного служителя Святого Воинства. Моя серьга за месяцы обучения даже не порозовела.

А самое гадкое, что снять серьгу невозможно, это мог сделать только наставник, когда сочтет нужным! У колечка просто не нашлось замка, оно было цельным.

Снова пробормотав бесполезное ругательство и пошатываясь от боли, я двинулась в сторону белой арки, за которой располагались

чаши. Из пореза на бедре обильно текло и на светлом мраморе за мной тянулась дорожка влажных кровавых следов. И это еще одна причина, по которой после тренировки я всегда выгоняю из лаватория посторонних. Я не хочу, чтобы адепты увидели меня такой. Жалкой. Дрожащей. Раненой.

Я королева! А значит, во мне нет слабостей.

Хотя Кастел делал все, чтобы доказать мне обратное.

Чаш было три. Цепляясь за перила, я забралась по ступенькам первой и медленно вошла в масляно-белую жидкость, густую, как скисшее молоко. Держась за бортик, опустилась, чтобы жидкость покрыла все мое тело – от пяток до подбородка. Вязкое тепло спеленало, облепило тугим коконом. «Молоко» лежало тяжелой неподвижной массой, давило на грудь на плечи. Находиться в нем было страшно, жидкость засасывала как губительное болото. Но я заставила себя расслабиться и закрыть глаза. Острая боль в бедре медленно утихала, сменяясь ноющей. А потом исчезла вовсе. Поначалу я пыталась узнать, что за состав используется в чашах лаватория, но получила в ответ лишь косые взгляды и смешки. А когда стала настойчивее – штраф и карцер. Инквизиция свято хранит свои секреты.

Пожалуй, так же свято, как и Пантеон.

«Молоко» сомкнулось над головой, лишая меня дыхания.

Я вынырнула, отплевываясь и жадно втягивая воздух. Проклятие! Неужели отключилась? Барахтаясь в белесой трясине, выбралась из чаши. С волос и тела тяжелыми кусками плюхалась на мрамор вязкая гадость. Но я улыбнулась, потому что порез на бедре затянулся, а все царапины, ушибы, синяки и ссадины – исчезли без следа. Жаль, ногти так и остались сломанными. Но это я исправлю сама, с помощью своей нейро-панели. Большинство адептов Кастела ногти стригли коротко и точно не стали бы тратить ресурсы организма на то, чтобы щеголять с красивым маникюром. Но я не большинство. К счастью!

Поэтому вытянула руку и улыбнулась шире, увидев восстановившиеся ноготки. Хоть что-то приятное перед погружением во вторую чашу. Жидкость в ней была черная, как деготь, и такая же неприятная. Однако если я не хочу, чтобы к вечеру рана снова открылась, необходимо погрузиться и в нее. Белая чаша давала первичное заживление. Черная – закрепляла эффект.

Третья чаша была наполнена обычной теплой водой и в нее я упала с облегчением, наконец позволяя себе расслабиться.

Однажды в недрах Кастела я увидела еще одну чашу, но то воспоминание я попыталась вычеркнуть из памяти как невозможное. Оно меня пугало.

Через полчаса – пахнущая лимонным мылом и закутанная в белоснежное полотенце, – я снова вернулась в комнату для переодеваний. Но поднявшееся было настроение мигом скатилось к нулевой отметке, когда я увидела сидящего в кресле Дамира.

Инквизитор облил мое тело горячим взглядом. Задержался, рассматривая край полотенца и голые ноги. Кивнул.

– Вижу, чаши помогли. Хорошо. Я переживал.

Не отвечая, я отвернулась и принялась вытирать волосы. Дамир за моей спиной вздохнул.

– Кассандра, ты ведешь себя неразумно.

– Тебе нельзя входить сюда. – Я резко обернулась. – Это женская половина лаватория! К тому же я закрыла дверь!

Дамир снисходительно улыбнулся, а я насупилась. Ну конечно, какая дверь удержит того, кто освоил «Пыль»! Конечно, это незаконно, только кому я пожалуюсь?

– Кэсс, я беспокоился, что ранение окажется слишком серьезным и тебе понадобится помощь. Или что ты отключишься в «молоке», – быстро проговорил Дамир. – Я ведь знаю, что ты всегда выгоняешь других учениц и остаешься одна. Я лишь хотел помочь. Как твой куратор… и будущий муж.

Я яростно дернула свою прядь, не отвечая.

– Кэсс, нам давно пора об этом поговорить, – сказал за моей спиной Норингтон. – Свадьба состоится меньше, чем через месяц. А ты делаешь вид, что ничего не происходит. И что мы друг другу… никто.

– Потому что так и есть! – не выдержав, я крутанулась на босых пятках, разворачиваясь. – Мы друг другу – никто!

– Совсем скоро ты станешь моей женой, – тихо сказал он. – Не хочешь узнать, как идут приготовления к свадьбе? Какое платье я заказал для тебя и какие цветы выбрал для букета?

– Мне наплевать! – рявкнула я.

– Это платье от Дюрана Моро.

Мое сердце на миг дрогнуло, отозвавшись на самую известную фамилию в мире высокой моды. О его платьях слагали легенды, каждое было уникальным и отражало характер той счастливицы, что его надевала. Когда-то я мечтала пойти к алтарю в платье от великого Совершенного. И Норингтон прекрасно знал об этой мечте… Но где теперь та Кассандра? Сердце дернулось и умолкло, а минутная радость утонула во тьме, поселившейся внутри меня.

– Плевать, – повторила я.

Дамир снова вздохнул.

– Ты делаешь успехи на поле, – решил он сменить тему. – Сегодня ты была очень быстрой. Поразительно быстрой. И сумела применить Маску без зеркала, удивительно. Ты очень быстро учишься, Кэсс. И я горжусь тобой.

Я упрямо поджала губы, не отвечая на похвалу.

– Справиться с таким противником может не каждый.

– Если бы меня научили применять атмэ, гребанный верзила не распахал бы гвоздем половину моей ноги! За три месяца я не узнала ничего по-настоящему полезного, только и делаю, что ношусь по чертовой полосе препятствий!

– Кэсс, прояви терпение! Никто не начинает практику, не освоив теорию! Я перешел к изучению духовного оружия лишь на последнем году обучения, а ты хочешь все узнать в первый же день!

– Ну я-то точно не стану ждать несколько лет, – буркнула я.

– Прошу, прояви благоразумие. Наставники Кастела знают свое дело. Ты всему научишься – в свой срок. И… ты ведь помнишь, что надо соблюдать осторожность? Никому не рассказывай своих тайн, Кассандра.

Я неохотно кивнула. Конечно, я не стану кричать на каждом углу о своем разрыве духовных линий! В Кастеле за подобную тайну можно стать чужим рабом. Здесь никто не говорит правду. Не говорит о своей семье. И не знает, как и почему другие стали адептами инквизиции. Глядя на витражи храма и камни башен, я не раз задавалась вопросом, сколько внутри деструктов. Увы, ответа я не знала. Увидеть линии адептов оказалось невозможно, сколько я ни пыталась – ничего не вышло. Словно сам Кастел защищал своих сынов и дочерей от моего любопытства!

Я швырнула на скамью мокрое полотенце, которым сушила волосы.

– Ты обещал, что здесь меня научат блокировать разрыв линий и применять свои силы. Но пока я только и делаю, что бегаю в лабиринте и катаюсь в грязи! Может, это твоя месть, а, Дамир?

Он вздохнул с видом святого мученика, вынужденного терпеть несправедливые упреки.

– Ты всегда ищешь во мне подвох? Твои мышцы должны окрепнуть, Кэсс. Ты должна научиться не только убегать, но и сражаться. И для начала – с обычным оружием! Или и вовсе без него. Так учился я и все остальные инквизиторы! Сначала ты должна усвоить азы. И выучить правила.

– Правила! Ненавижу правила! И ты знаешь, что я уже вызубрила вашу чертову доктрину наизусть!

– Кэсс. Будь осторожна в словах. – В мягком голосе Дамира скользнули острые ноты, и внутри стало зябко.

Словно у путника, разнежившегося на солнечной поляне, но вдруг заметившего в траве желтые глаза наблюдающего за ним хищника…

– Правила нужны, чтобы сдержать твое… своеволие. Пойми, пока ты не научишься подчиняться и следовать приказам, ты не сможешь обучаться применению ата-атмэ и занять место в рядах инквизиции. Как только ты сдашь экзамен, тебя переведут на новый уровень. И это случится совсем скоро, потерпи. Просто будь послушной. Доверяй мне, Кассандра. И не дерзи.

Я хотела сказать, что это то, о чем я как раз и мечтаю, – оказаться непригодной для святого воинства, но промолчала, понимая, что моя злость бесполезна. Не Дамир принимает решения. За его плечом стоит совсем другая сила. И эта сила решила, что я буду носить черный мундир!

И каждый раз, когда я – избитая или раненая, – погружалась в «молоко» белой чаши, то сжимала зубы и думала о том, что сбегу. Просто сбегу на край света! Вот только… В моей комнате угловой башни на комоде стояла клетка с крысенышем. И за прошедшие месяцы его белая шкурка украсилась тремя новыми пятнышками. Будто стоило мне отвернуться – и кто-то невидимый брызгал на Опиума чернилами! Это означало, что мой разрыв увеличивается, а мое «зелье» больше не работает.

Словно поняв, о чем я думаю, Дамир поставил на мраморную полку пузырёк. Синее стекло блеснуло в свете бра.

– Не забудь вечером выпить, – в голосе куратора звучала истинная забота.

Я сжала зубы. Как будто я могу об этом забыть! Чертов лицемер.

Дамир мягко улыбнулся, и эта улыбка вызывала во мне желание схватить мерзавца за черный рукав мундира, дотащить до чаши и утопить. Жаль, что у меня не хватит на это сил. На спарринге с Норингтоном я никогда не побеждала, к сожалению.

Утешало лишь то, что никто из адептов не побеждал на спарринге с моим куратором. Дамир Норингтон и правда был выдающимся инквизитором. Я могла бы им восхищаться, если бы этот блестящий воин Святой Инквизиции не шантажировал меня, принуждая к браку. А самое ужасное, что Дамир верил в свою правоту. Верил, что делает благое и правильное дело. Что со временем я смогу оценить его терпение и любовь, что пойму его действия. Эту веру активно питала поддержка моих родителей, увы, они оба оказались на стороне Норингтона. А я… я лишь избалованная и взбалмошная девица, которой необходима твердая рука и опора в виде любящего мужа. А еще я – деструкт, и инквизиция – мой единственный шанс на жизнь и свободу. А та, кто стоит на самом верху иерархической лестницы святого воинства, полностью одобряет действия моего ненавистного жениха. Та, кого я даже мысленно не называю мамой. Ее святейшество архиепископ Аманда Вэйлинг.

Да, жаловаться мне совершенно некому.

Но это не значит, что я перестану сражаться! Всеми доступными мне способами! Только вот увы, пока в моей раздаче не было ни одного козыря.

Но вдруг появится?

Ведь что может быть полезнее чужих секретов?

Встряхнув влажными волосами, я выпрямила спину и мягко переступила ногами, делая шаг к Дамиру. И еще один. Перемена во мне насторожила Норингтона, он замер, внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Кэсс?

– Говоришь о доверии, а сам скрываешь от меня свое истинное лицо. Нечестно, Дамир. – Еще один мягкий шаг, приоткрытые губы. –

Ты не говоришь мне правды.

– Разве?

Еще шаг – и мои босые ступни соприкоснулись с глянцевыми сапогами инквизитора. А сам он вздрогнул, глядя на меня сверху вниз. Я увидела, как дернулся кадык, сдавленный жестким воротничком мундира, как расширились зрачки в зеленых глазах.

– Да. У вас слишком много секретов от той, кого вы называете своей невестой, господин инквизитор, – понижая голос до шепота, продолжила я.– Слишком много тайн. Расскажи хоть одну, если хочешь моего доверия.

– И что ты хочешь узнать? – Норингтон наклонил голову, и наши губы почти соприкоснулись.

Я поймала его рваный выдох.

– Ты деструкт, Дамир?

Он снова выдохнул. Медленно положил ладонь на мой затылок, утопая пальцами во влажных волосах. Наклонился еще ниже.

– И как далеко ты готова зайти, чтобы узнать ответ?

Я улыбнулась, надеясь, что выгляжу достаточно многообещающе.

– Я отвечу тебе, – тихо произнес инквизитор, и я подалась ближе, чтобы не упустить ни звука. – Утром, после нашей свадьбы. Когда ты станешь моей.

Я зашипела и попыталась отстраниться, но пальцы Норингтона сжались, не отпуская. Губы почти коснулись моих.

– Ох, Кэсс. Я слишком хорошо тебя знаю.

Я сжала кулаки, едва удерживаясь от того, чтобы не броситься в бой. Но увы, тогда я рискую снова очутиться в карцере – за нападение на куратора.

– А я, как оказалось, совсем не знала тебя.

Ярость едва не заставила меня сделать глупость, но я сумела затолкать ее в дальний угол моей души. Дамир думает, что читает меня словно открытую книгу, – пусть. И это можно использовать себе на благо.

Развернувшись так резко, что длинные волосы хлестнули Дамира по щеке, я двинулась к полкам, где лежала чистая одежда.

За спиной раздался протяжный, тяжелый вздох, а потом хлопок. И когда я обернулась, Норингтона в комнате уже не было.

Глава 2. Новая жизнь

Коридоры Кастела были столь извилистыми и непредсказуемыми, словно их создавали лишь для того, чтобы адепты терялись в них, как в лабиринте. Каждый раз блуждая по узким извилистым туннелям и переходам, я с грустью вспоминала Аннонквирхе. И удивлялась тому, что академия миротворцев когда-то казалась мне мрачной и унылой! Да по сравнению с Кастелом Аннонквирхе просто образец веселья!

Никогда не думала, что скажу это, но я скучала по своим комнатам в альма-матер, по синей гостиной с каминами и даже по сокурсникам. Марку, Адаму и Виктору, даже по толстушке Бригитте! Конечно, мы никогда не были друзьями, но зато они не пытались убить меня на каждом спарринге.

Я поморщилась, старясь не хромать. Чаши исцеляют, но фантомная боль каждый раз эхом отзывается в теле еще несколько часов. Хотя сейчас меня больше волновала боль в животе, а вернее – дикий голод, заставляющий спешить в сторону гостиной, где накрывали обед. Вкусные запахи я ощутила еще на лестнице и прибавила шаг, стараясь не хромать, а идти ровно и царственно.

Если и было в Кастеле что-то, вызывающее мое одобрение, так это еда.

Тренировка и последующее исцеление сжирали кучу энергии и ресурсов организма, так что кормили инквизиторов так, словно собирались однажды зажарить вместо праздничного гуся. На длинном столе громоздились блюда с самыми разнообразными кушаньями. Взяв тарелку с огромным стейком и гору запеченного с розмарином картофеля, два салата и пирожное с ванильным кремом, я устроилась за столиком. В углу напротив уже двигал челюстями малыш Лю. Кровоточащего рубца на его лице не было, что слегка меня огорчило. Поймав мой взгляд, верзила прищурился и красноречиво провел ладонью по шее. Я пожала плечами, возвращаясь к своему обеду. И лениво размышляя о масле на крыше. Неужели громила сам додумался до такого трюка? Вот уж никогда не поверю… Но если не сам, то кто его надоумил? Кто подсказал? На спаррингах существовало строгое правило: каждый сражается сам и не имеет права обращаться за

помощью. Обманывать противника – можно, а вот пользоваться чужими подсказками – нет. Инквизиция пыталась научить своих адептов думать самостоятельно, но насколько я успела понять, с наследником Джамрат это получалось плохо. Люхараджан умел бить – сильно и смертоносно, но он не умел хитрить. И именно поэтому проигрывал мне на каждом спарринге.

Так кто же надоумил лысого монстра?

Сделав глоток ароматного чая, я блаженно зажмурилась и осмотрела гостиную поверх кружки. Время трапезы заканчивалось и занятых мест оказалось немного. Напротив Лю по обыкновению сидел молчаливый Далий Веридов, светловолосый и бледный, как снежный край, из которого он приехал. Далий, как всегда, кутался в огромный шарф, словно никак не мог согреться. Бледный заморыш был самым очевидным кандидатом на того, кто разлил масло. В отличие от малыша Лю, Веридов соображал отлично. Может, поэтому меня никогда не ставили с ним в спарринг.

Стол рядом занимали девушки: Ханна, Янса и Вероника. По углам расселись парни, некоторых я знала, некоторых нет. На меня никто из присутствующих не смотрел, каждый был занят своим обедом. Я обвела зал быстрым взглядом и задумалась. О том, кто разлил масло. И о том, сколько вокруг меня деструктов.

Сделав еще глоток, я снова перевела взгляд на верзилу, из-за которого буду хромать до утра. Сосредоточилась, пытаясь увидеть его линии Духа. И снова глаза обожгло белым светом. Вздохнув, я отвела взгляд. Что ж, похоже, Кастел каким-то образом защищал личности своих питомцев. Одно радовало: если я не способна увидеть чужой разрыв, то и мой не рассмотрят другие. Может, все дело в синем пузырьке с горькими каплями, который я сейчас грела в кармане своей черной формы? И именно это снадобье создавало белую завесу на линиях Духа?

Увы, еще один секрет Кастела и инквизиции, который я пока не сумела разгадать.

Однако после сытного и вкусного обеда мое настроение значительно улучшилось. Я жива и почти здорова, ощущаю себя бодрой и сильной, а значит – смогу найти все ответы. И выход из ловушки, в которую меня загнали! Если рассматривать Кастел как

временную неприятность, а не вечную обязанность, то жить становится гораздо веселее!

Я оправила край жесткого мундира. Форма – еще одна строчка в длинном списке моей ненависти. Адептам инквизиции позволялось ходить только в ней. Черные узкие брюки, заправленные в сапоги, рубашка и удлиненный мундир. Даже красный шнур-аксельбант, способный хоть как-то оживить эту неприглядную тьму, надо было заслужить. А из украшений в Кастеле допускались лишь серьги-айки и в качестве редкого исключения – помолвочные и обручальные кольца. Вопиющая несправедливость!

Конечно, я нарушила это правило в первый же день своего пребывания в Кастеле, явившись на ужин в прекрасном наряде цвета зимнего заката. Рукава опускались почти до пола, по шелку платья плелись всполохи грозы. Когда я шла по сумрачным коридорам Кастела, высоченные каблуки моих туфель выбивали на древних камнях марш моего протеста, аметистовые браслеты на руках и ногах звенели песню несогласия, а лиловые пряди плыли по воздуху подобно знамени освобождения! От меня шарахались черные тени, а когда я вошла в переполненную адептами гостиную, воцарилась такая тишина, которой не смогла бы добиться и армия восставших из небытия призраков. Что ж, мое появление, определенно, стало лучшей легендой этого жуткого места, так что я могла собой гордиться! Величественно прошествовав к столику, я взмахнула рукой и объявила, что Кассандра Вэйлинг готова испробовать угощения Кастела.

Первой очнулась преподобная Агамена, поедающая за столом наставников унылые, как она сама, листья салата. Тогда-то я и узнала, что у этой стервы нет ни изысканного вкуса, ни жалости. Не позволив сделать даже глотка чая, меня отправили в карцер. Жуткое местечко с ледяными стенами, дырой в полу и завывающим под потолком ветром. После трех дней голода и холода я выучила десяток упражнений, чтобы согреться, и придумала сотню способов убийства преподобной Агамены и всех обитателей Кастела. А еще поняла, что роскошное платье и драгоценности не способны подарить ни капли тепла. Когда ты сидишь на каменной скамье карцера, а твои внутренности сводит от голодного спазма, в твоем распоряжении остаются лишь воспоминания. И лишь они могут согреть и успокоить.

Свои воспоминания я хранила как самый скупой кредитор, доставая во тьме и оберегая от чужих глаз. И даже от себя. В тех воспоминаниях были темные как ночь глаза, снег, на котором тянулась цепочка следов, и чашка с отбитым краем. Слишком мало, чтобы сложить в историю. И так много, что могло заменить целый мир.

Но доставать эту память я себе не позволяла.

Я сглотнула, ощутив внезапную горечь. Последний разговор с Августом я вспоминать не хотела. Некоторые воспоминания могут согреть. А некоторые сделать больно, как гвоздь, воткнутый в кожу до самой кости.

Когда меня – замерзшую, голодную, грязную и злую – выпустили из карцера, я обнаружила, что в моей комнате не осталось ни одного платья. Все мои прекрасные наряды испарились, вместо них в шкафу висели ряды совершенно одинаковых мундиров и тренировочных костюмов. Мой шкаф стал похож на могильник – черные надгробные плиты мундиров и серые скелеты тренировочной формы.

В тот момент я подумала, что угроза оказаться в Песках не так уж и страшна.

Я сгребла их в кучу, намереваясь швырнуть с высоты своего окна, но остановилась. Холод карцера все еще царапал мои кости. Даже еда и лаваторий не сумели изгнать его.

Выкидывать одежду инквизиторов я не стала. Но отказывалась считать это поражением. Королевы не сдаются, они стратегически отступают. Если противник сильнее, то нет смысла бунтовать. Надо сделать вид, что принимаешь вражеские условия. А потом…

Потом…

Увы, «потом» у меня существовало лишь в виде мечтаний, от которых было мало проку.

Вместе с одеждой у меня забрали и телефон, оказалось, что адептам-новичкам его выдают лишь раз в две недели. Правда, об этом я почти не сожалела. Спустя означенный срок я увидела на своем экране несколько сообщений от Марка и Адама – сокурсники удивлялись, куда я исчезла, и правда ли, что Кассандру Вэйлинг перевели в академию Неварбурга, да пожелание от отца. Родитель призывал меня сохранять благоразумие и слушаться наставников Кастела. Ну и сообщения Дамира, конечно.

Так и не отправив ни одного ответного письма, я отдала телефон обратно.

За три месяца я не смирилась с порядками этого военного учреждения, но сделала вид, что следую им.

Сейчас, допив одним глотком чай, я окинула быстрым взглядом адептов и, не увидев ничего интересного, покинула гостиную. Все же сытость способствовала хорошему настроению, так что в свою комнату я поднималась почти довольная. Увы, мои роскошные апартаменты остались в Аннонквирхе, Кастел выделил мне лишь одну комнату. Да, достаточно просторную, чтобы в ней поместилось все, необходимое адепту, но слишком маленькую для Кассандры Вэйлинг! Мои просьбы и требования о смене жилья натыкались лишь на усмешки и угрозу переселить меня в карцер.

Повернув ключ в замке, я толкнула дверь и дернула цепочку настенного бра. Тусклый свет плеснул жёлтой краской на узкую кровать, шкаф и стол, обозначил углы и контуры. За окном без занавеси плескался вечерний свет, но словно бы не желал проникать в Кастел, отчего в этом месте всегда царил полумрак. Я расстегнула пуговицы надоевшего мундира, скинула его на стул, сбросила ботинки. С наслаждением распустила волосы. Убранные в косу или пучок пряди – еще один строгий закон академии инквизиторов.

При виде меня Опиум заверещал, и я закатила глаза.

– Иду я, иду! Я помню, что тебя тоже надо кормить. Хотя бы иногда…

Крысеныш сидел на столе, в окружении талмудов и учебников. Оказалось, что мне достался невероятно свободолюбивый питомец. Находиться в клетке крыс отказывался наотрез, а когда я пыталась его там запереть, грыз прутья, верещал и шуршал опилками, не давая мне спать или учиться. Он проделывал это до тех пор, пока я не открывала дверцу клетки и не выпускала Опиума на волю.

Выбравшись из заточения, крысеныш шел обследовать комнату, а может, устремлялся и за ее пределы, потому что несколько раз я не находила его в своих покоях. Когда это случилось впервые, я лишь обрадовалась, решив, что гадкий питомец исчез. Но утром Опиум обнаружился в моем шерстяном носке, забытом в углу. Свернувшись внутри, малыш сладко спал. На его шкурке блестели крупинки сахара и хлебные крошки, которые он неизвестно где раздобыл.

С тех пор мой носок стал его любимым убежищем, а клетку я запирать перестала, поняв, что это бесполезно. Ночами Опиум отправлялся гулять по Кастелу, но каждое утро возвращался в носок отсыпаться. И я махнула рукой на похождения свободолюбивого крыса. Меня это даже устраивало, потому что порой я забывала, что звереныша надо кормить. Опиум тоже понял, что ему досталась нерадивая хозяйка, и решил самостоятельно озадачиться своим пропитанием и времяпровождением.

Можно сказать, что мы достигли согласия.

Приоткрыв окно, я глянула вниз. Кирпичные стены тянулись между башнями и подступали к замку. Моя комната располагалась в северной башне, из окна я видела южную и западную, восточную скрывал шпиль замка, под которым блестел циферблат часов.

Очертания самого замка тонули в подступающих сумерках, холодный ветер трепал полотна на флагштоках. Три короны – символы трех столиц империи – и рядом развевающееся знамя инквизиции. Я с досадой поморщилась, отворачиваясь. И снова посмотрела в сторону южной башни. Весеннее тепло заставило многих адептов приоткрыть окна, впуская в духоту комнат свежий воздух.

Опиум за спиной снова заверещал, требуя угощение.

– Да иду я!

Зверёк встал на задние лапки и застыл, не сводя с меня напряжённых блестящих глаз. Длинный хвост изогнулся вопросительным знаком.

Я насыпала в миску овса и проса, сунула лист салата. Усы Опиума задергались.

– Вот еда, видишь? Я не забыла. Но не надейся, что ты мне нравишься, – буркнула я, когда крысеныш уморительно сложил на животе лапки. – Ты по-прежнему жуткая неприятность, от которой я мечтаю избавиться!

Белые усы повисли, словно зверек изобразил недовольство. Я фыркнула и поставила миску на пол.

– Ну? – спросила, когда Опиум не двинулся с места. – Почему не ешь? Думаешь, я буду тебя уговаривать?

Крыс повел мордочкой и заверещал, игнорируя угощение.

– Да что с тобой? Яблок нет, не жди и ешь, что дают! Тоже мне, привереда! – возмутилась я. Крысеныш снова встал на задние лапки, и

я, не выдержав, вытащила припасенное яблоко, отрезала кусочек и сунула зверю. Опиум заворчал и принялся есть. Я закатила глаза.

– Нельзя лопать только яблоки! Завтра не дам, даже не надейся.

Крысеныш насмешливо фыркнул, и я отвернулась, не желая признавать, что проиграла сражение с крысой. Снова.

Вернувшись к распахнутому окну, залезла на подоконник. Подо мной была пропасть и каменные плиты, в стыках которых даже трава не росла. Я свесила ноги вниз, раскачиваясь на краю. Вытянула руку, сложив ладонь лодочкой.

На миг я представила, как в ней сгущается часть чужого Духа, складываясь лепестками в цветок лотоса.

Сжала кулак.

Нет. Больше никогда.

Я закрыла глаза, позволив себе вспомнить. Темные как ночь глаза и мягкую заботу человека, меньше всего подходящего на эту роль. Если бы я могла просто поговорить с ним… Просто посидеть рядом. Просто увидеться.

Но… невозможно. Нельзя.

Я разжала ладонь, которой жаждала ощутить чужое прикосновение. И открыла глаза, не позволяя себе утешиться даже воспоминаниями.

Я слишком хорошо помнила слова Аманды в тот день, когда меня переводили в Кастел. Архиепископ соизволила позвонить и сухо сообщить о том, что сегодня же мне нужно собрать свои вещи и покинуть Аннонквирхе.

– Кассандра, это приказ, – холодно оборвала она мои возражения. – Не буду напоминать о том, кто ты. Твои линии нестабильны, а разрыв увеличивается, это значит, ты можешь причинить вред и себе, и окружающим. Неужели ты хочешь навредить этому милому мальчику, с которым сегодня обедала за одним столом? Марк Коллахан, не так ли? Собирай вещи, Кассандра. Лишь самое необходимое… В Кастеле о тебе позаботятся. Преподобная Агамена знает о твоих особенностях и будет начеку. Тебя научат владеть собой и дадут эликсир. Не спорь. Это бесполезно. Ах. И еще. Каждую неделю ты будешь составлять отчет о проделанной работе. И… – Пауза заставила меня сжать телефон до боли. – И обо всем, что касается Августа.

Трубку я тогда швырнула в стену, но это мало мне помогло. А увидев Кастел, я поняла, что архиепископ просто отправила меня в заключение, решив, что так гораздо проще контролировать своевольную дочь.

Тогда, глядя на тень Люция, я и пообещала себе, что Инквизиция может получить Кассандру Вэйлинг, но никогда – Августа.

Правда, мне не хотелось вспоминать слова, которыми я навсегда прекратила наше общение. Это было слишком… жестоко. Даже для меня.

Я прищурилась, рассматривая гаснущее солнце. Сумерки уже сожрали дневной свет и темным маревом окутали черный замок Кастела и громады башен вокруг него. Пики, расположенные наверху крепостной стены, растворялись во тьме и казались практически незаметными. Но я точно знала, что они там есть.

Глянула на клетку с Опиумом – крысеныш внимательно следил за мной, стоя на задних лапках. Я помахала ему рукой. А потом разжала руки в обрезанных перчатках и рухнула вниз.

Глава 3. Секреты

Мгновение полета, и я уцепилась за камни, а носки ног нащупали опору в виде тонкого карниза, опоясывающего башню.

Некоторое время я стояла, балансируя и переводя дыхание. Осторожно глянула через плечо. В замке уже зажгли огни, и мрачный инквизитор на черно-красном витраже, казалось, наблюдал за прилипшей к стене нарушительницей. Я удержалась от желания показать ему неприличный жест. Не из уважения, конечно. Просто опасалась отрывать руки от камней.

Выдохнув, я осторожно двинулась вдоль стены. Носки моих ботинок едва-едва помещались на узком парапете, приходилось балансировать и прижиматься животом к холодным камням, чтобы не рухнуть вниз. Правая нога провалилась в выщербленную ямку, и я чуть не рухнула, но зацепилась ногтями. А я ведь только их восстановила!

Стараясь не шипеть, я удержала равновесие и снова поползла вдоль башни, напоминая распластавшееся насекомое.

До узкой лесенки я добралась, взмокнув от усилий. Ноги ныли и слегка дрожали, плечи сводило от напряжения. Но уцепившись одной рукой за перекладину, я едва сдержала довольный возглас. Лестница, ведущая на верхнюю площадку, начиналась на середине башни и добраться до нее снизу было невозможно. Да и кому подобное придет в голову? Зачем адептам ползать по стенам, рискуя жизнью и целыми костями?

Незачем, если вы не хотите узнать то, что вам знать не положено. А я вот хотела, поэтому уже не впервые гуляла по краю, заглядывая туда, куда заглядывать нельзя.

Свою северную башню я уже изучила и сделала вывод, что интересного в ней мало. Рядом со мной проживали такие же адепты-«стекляшки».

Аметисты и рубины селились в других башнях, и их секреты меня волновали гораздо больше. А самое заветное мое желание – забраться в комнату Дамира. Конечно, у Норингтона была квартира в городе, где он и проживал, но все же пару раз инквизитор ночевал в Кастеле. А это значит, здесь есть его личные покои. И мне страсть как хотелось в них

заглянуть. Хорошо бы Дамир держал в своей комнате нечто ужасное и секретное, что дало бы мне хоть какое-то оружие в нашем противостоянии.

Я улыбнулась, хватаясь крепче за выступы. Успокоила дыхание. Что ж, тренировки и спарринги оказались не так уж бесполезны, похоже, я и правда стала сильнее.

Еще раз глубоко вздохнув, я подтянулась, забрасывая себя на первую перекладину. И поползла наверх. А добравшись, перевалилась через парапет и свалилась на ровную площадку. Выпрямившись, я мгновение смотрела на Кастел с высоты башни. Черный шпиль замка устремлялся вверх и казалось, протыкал само небо. Но витражи остались внизу, как и осуждение смотрящих с них инквизиторов. И это меня приободрило. Улыбнувшись, я ступила на стену, соединяющую северную башню с восточной. Такая стена тянулась между всеми башнями, заключая Кастел в кирпичную рамку. Острые пики возвышались на стене через каждые пять шагов, так что двигалась я предельно осторожно. Перебравшись на восточную башню, я немного отдохнула и поползла дальше – на южную, с другой стороны замка. Луна уже взошла над Кастелом, а это значит, в замке началось занятие для полноправных инквизиторов, то есть отмеченных красным аксельбантом. Лекторные залы, архивы и библиотека, а также столовые и кабинеты наставников находились в замке, а в башнях располагались личные комнаты.

Свесившись с парапета южной башни, я некоторое время рассматривала стену. Лестницы здесь не оказалось. А парапет выглядел еще более узким, чем тот, по которому мне уже довелось прогуляться. И на уровне третьего этажа блестели в свете луны жутковатые изогнутые копья. Я сглотнула. Если я просчитаюсь, то рискую напороться на одну из них и стать бабочкой, наколотой на булавку! Боюсь, даже лаваторий мне тогда не поможет!

Зато слева виднелось открытое окно! Кто-то оставил распахнутую створку, решив насладиться весенним воздухом.

Решив не думать о блестящих наконечниках, я повисла на краю крыши. Качнулась – раз, другой. Третий – еще сильнее. И разжала ладони. Тело изогнулось дугой – и, пролетев над пропастью, я ухватилась за распахнутую створку. И прежде, чем она треснула под моим весом, ввалилась в раскрытое окно.

Скатившись на пол, я некоторое время дышала, приходя в себя. Вскочила, сжимая кулаки. Но к моему счастью, комната оказалась пустой. Как я и ожидала, инквизиторы исправно зубрили догматы либо упражнялись на спаррингах.

Я осмотрелась уже спокойнее.

Обстановка мало отличалось от той, где жила я. Разве что кровать гораздо больше. Достав маленький, с мизинец, фонарик, я провела лучом по мебели, пытаясь определить хозяина. Потянула дверцу шкафа и ощутила пряный аромат. Люхараджан! Запах специй, которые он обожал, пропитал все помещение.

Я подавила вздох разочарования, хотя верить в то, что попаду в комнату Дамира, было глупо.

Малыш Лю меня не интересовал, и я двинулась к выходу. Но тут уловила шорох, а бледный луч света выхватил темное пятно в углу. Клетка! Клетка, накрытая тканью.

Крадучись, я приблизилась и стянула полог. Крыса. Совершенно лысая и огромная – почти с кошку, – крыса встала на задние лапы и ощерилась, показав длинные желтые зубы. Голову и бока зверя густо покрывали чернильные пятнышки.

Я отшатнулась от чудовищного грызуна, едва сдержав вскрик.

Деструкт. Малыш Лю – деструкт.

И возможно, именно разрыв духовных линий сделал его таким громилой. Может, когда-то он был обычным парнем? Возможно, даже симпатичным?

Меня передернуло от мысли, что разрыв однажды изменит и мое тело. Что, если я тоже стану лысым чудовищем?

Я торопливо накинула ткань обратно и вышла из комнаты. За дверью оказался небольшой коридор, ведущий в большую ванную, на которую я завистливо облизнулась, и еще в одну комнату. Но здесь не пришлось гадать о личности ее хозяина: с портрета на столе улыбалось семейство Веридовых, Далий – такой же щуплый, как и сейчас, – нашелся во втором ряду, среди многочисленных братьев и сестер. Значит, малыш Лю и Далий живут по соседству.

И в комнате Веридова тоже стояла клетка. Его крыса оказалась маленькой и худой, словно хозяин морил зверька голодом. Но присмотревшись, я заметила, что почти все тело крысы покрыто не только пятнами, но и костяными пластинами, словно броней. И если

верить, что зверь – это определенный индикатор деструкта, то… то на спаррингах мне не стоит пытаться бить Далия! Все, чего я добьюсь таким действием, – сломаю себе руку!

Зато шея крысы выглядела тонкой, бледно-розовой и почти прозрачной. Что ж, теперь понятна любовь Веридова к шарфам. Он знает свое уязвимое место.

Больше ничего интересного в комнатах не нашлось, так что я решила исследовать другие помещения. Но входная дверь оказалась заперта и открыть ее можно было лишь ключом с внешней стороны.

Пришлось вернуться на карниз.

Увидев еще одно приоткрытое окно, я двинулась к нему. Камушки крошились под моими ногами, порой соскальзывая вниз. Держась рукой за стену, я прошла несколько темных окон и остановилась под распахнутым. Подтянувшись, заглянула внутрь и увидела темные шкафы с книгами, стол… то ли библиотека, то ли кабинет.

Может, здесь удастся найти что-то полезное и секретное? То, что не полагается знать новичкам?

Я подтянулась, намереваясь перевалиться через раму, и тут хлопнула дверь и вспыхнул свет.

Свалившись обратно и едва не сорвавшись с карниза, я замерла, прижимаясь к стене.

– …здесь можно поговорить спокойно. Так почему его до сих пор не нашли?

Голос звучал приглушенно и негромко, но я узнала бы его из тысячи. Архиепископ Святой Инквизиции Аманда Вэйлинг собственной высокочтимой персоной. Здесь, в Кастеле! Когда она приехала? Я ведь была уверена, что несравненная Аманда по-прежнему в Неварбурге.

– Мы делаем все, что в наших силах.

Второй голос был лишен эмоций и звучал бесцветно, как у механического солдата. Но его я тоже, несомненно, знала. Дамир…

– Вся Святая Инквизиция не может поймать одного человека! – недовольно фыркнула Аманда. Что-то зашелестело. Видимо, архиепископ снимала пальто.

Я боялась даже шевелиться. Если эти двое застанут меня подслушивающей… ох! Ничего хорошего мне это не предвещает. Но

мысли сбежать, пока не поздно, я отмела сразу же. Желание подслушать разговор Норингтона и Аманды пересилило благоразумие.

– Не просто человека, Ваше Святейшество. Разрушителя. Даже мы не понимаем до конца, с чем столкнулись. И как его искать.

Они говорят об Августе? Я так вжалась в стену, что на спине наверняка образовался узор кирпичной кладки, до малейшей трещинки! Так вот куда Дамир регулярно уезжает! А я-то радовалась его отсутствию. Значит, Норингтон ищет разрушителя.

– Все оставляют следы. – Голос Аманды звучал сухо. – Беглец без денег и помощи – тем более.

– Да… Но его средства в имперском банке остаются нетронутыми. Низкочастотные датчики молчат. Следы… Вы правы, они есть. Но довольно… необычные.

– Что вы имеете в виду?

– Эттвуд пересек Гряду. Само по себе это невероятно, в горах несколько дней бушевала буря. Сошло несколько лавин. Обычный человек не смог бы преодолеть десятки километров через леса, кишащие оголодавшими к весне хищниками. И все же разрушитель сделал это. Мы не знаем – как. Первый след обнаружен в Мзамате, это небольшой городок у реки Мзам. Как раз у Горного Гряда. Местный трактирщик рассказывает… историю.

– Историю?

Несколько минут висела напряженная тишина. Словно Дамир не знал, как говорить о том, что произошло. Я приподнялась, чтобы не упустить ни звука.

– Истинодух, да не томите же! Рассказывайте, – недовольно протянула Аманда, и я в кои-то веки с ней согласилась.

– Вы знаете, что больше месяца мы не могли выйти на след разрушителя.

Они потеряли Августа? Я ощутила, как губы сами собой растягиваются в улыбке. Они его потеряли!

– Обычные средства обнаружения оказались бессильны. Эттвуд словно растворился в воздухе. И мы даже начали думать, что он сгинул в лесах Гряды. Не выжил.

– Он выжил. – Голос Аманды стал еще суше.

– Да. – Голос Дамир был полон сожаления. – Мы стали искать его по-другому. Не…официально. Прислушиваться к тому, что болтают на

улицах. Первый след привел в маленький городок в предгорье. Хозяин местной харчевни рассказывает… рассказывает, что к нему приходил ангел. Сел за столик и попросил еды. Сказал, что у него нет денег. Но…

– Но?

– Сначала мужик хотел его выгнать. А потом увидел крылья. Огромные и белые, они стелились по полу его таверны. И так сияли, что свет заслонил лицо и фигуру посетителя. Конечно, он накормил этого гостя. Да еще и отдал всю выручку, что у него была. Более того, теперь он демонстрирует всему городу перо из ангельского крыла. Хранит его под стеклянным колпаком.

– И это перо?

– Гусиное. Мы проверили, конечно. Вероятно, кто-то выбивал рядом подушки… Но проблема в том, что горожане видят свечение. Либо утверждают, что видят… Инквизиции пришлось изъять это проклятое перо, прежде чем в Мзамате появилась новая святыня, к которой потянутся паломники.

Некоторое время в комнате висела тишина. Я таращилась во тьму, где острыми углами вырисовывался замок и белел циферблат часов под шпилем. Но едва ли видела их, обратившись в слух.

– Вот как… Значит, антиматерия внутри разрушителя увеличивается. Он набирает силу. Куда он пошел потом? – резко спросила Аманда.

– Следующая странная история произошла в Хостере, недалеко от Мзамата. Местный клирик утверждает, что видел в часовне Святого Варфоломея своего небесного покровителя. И от него тоже исходил свет.

Из комнаты раздалось постукивание, вероятно, архиепископ барабанила пальцами по столу. Меня тянуло поднять голову и заглянуть внутрь, но я решила не рисковать.

– Эффект скверны…

– Думаете, он внушает людям некие… видения?

– Вероятно, неосознанно. Низкочастотные вибрации влияют на человеческий разум, – задумчиво протянула Аманда. – Даже ямы скверны опасны тем, что попадая в них, человек не желает уходить. Многие видят галлюцинации и чудеса. И остаются в ямах, пока их Дух

не разорвется. А то, что носит в себе разрушитель, – гораздо страшнее. Скверна взывает к скверне… Что дальше?

– В часовне Эттвуд ничего не взял. Вероятно, он действительно желал лишь помолиться. Но не желал, чтобы его увидели. Мы думаем… Думаем, что разум клирика, как и разум трактирщика, самостоятельно изменил образ разрушителя. Он тоже не сумел описать гостя.

– Продолжайте. – Властный приказ заставил меня поморщиться.

– В Ронтобурге местный столяр дал Эттвуду денег и довез до ближайшего городка. Он хотел отдать ему все свои сбережения, но странный попутчик, от которого исходил свет, взял лишь немного наличных. Похожая история случилась с фермером в Бурсе и библиотекарем из Джанта.

– Никто из них не обратился к стражам правопорядка?

– Нет. Каждый считает, что он повстречал кого-то чудесного. И каждый готов был отдать этому… человеку последнюю рубашку.

– На пострадавших не было нейропанелей, не так ли? – Видимо, Аманда получила кивок на свой вопрос. – Значит, Эттвуд понимает, что влиять на миротворцев, а тем более инквизиторов будет куда сложнее. К сожалению, люди без браслета для него не представляют опасности. Вы допросили свидетелей?

– Лично. Воспользовался реципиентами инквизиции.

– Похвальное рвение. Но будьте осторожны, слишком частое перемещение в чужие тела вредит здоровью.

– Со мной все в порядке. Благодарю. Вы знаете, как сильно я желаю поймать этого… человека.

– Личная заинтересованность – отличное топливо… Куда Эттвуд пошел дальше?

Даже за окном я услышала вздох Дамира.

– После Джанты мы потеряли его след.

– Почему?

– Похоже, разрушитель понял, что о нем болтают. Люди пересказывают небылицу то об ангеле, то о святом, который творит чудеса. Фермер из Бурсы утверждает, что прикосновение путника излечило его застарелый ревматизм. А библиотекарь верит, что помолодел на десяток лет. Люди болтают, и видимо, Эттвуд стал

действовать осторожнее. Святого, ангела или просто кого-то необычного больше никто не видел. И никто не запомнил его лица.

– Он учится управлять скверной… и учится быстро. Проклятие! Дайте мне карту.

Зашелестела бумага. Я прилипла к холодной стене, боясь дышать.

– Мзамат, Хостер, Джанта… Куда же он направляется?

– Может, просто бежит?

Снова шелест. Резкий звук царапающего бумагу карандаша. И голос архиепископа.

– Я уверена, что он по-прежнему в северном округе. Надо искать здесь. Чтобы перебраться к западной или восточной столицам, надо пройти наблюдательные посты. А там всегда дежурят обладатели нейропанелей. К тому же у Эттвуда нет документов. Мы обязаны найти его как можно скорее! Опасность этого человека трудно переоценить… Мзамат, Хосте, Джанта… Куда дальше? Провидцы инквизиции погружаются в транс практически без перерыва, но не видят Августа. Скверна прячет его. А будущее меняется слишком быстро. Это значит, что Эттвуд становится сильнее. Пока он человек, всего лишь человек, но если мы его не остановим… Что ж. Придется снова обратиться к блаженной Анастасии.

– Она поможет?

Небольшая пауза, словно Аманда в чем-то сомневалась.

– В империи нет прорицателя сильнее. Если кто и увидит разрушителя, то только она.

– Почему мы не обратились к ней сразу?

– Пока стоит повременить с обращением в Неварбург и Северный Дворец. Инквизиция найдет разрушителя сама, – с заметным раздражением отозвалась женщина.

А я задумалась. Аманда скрывает результаты поисков от императора? Но почему?

Снова короткий перестук пальцев. Я почти видела темный кармин на ногтях Аманды.

– Надо усилить охрану постов между границами столиц. И выставить дополнительное наблюдение у ям скверны. Эттвуд все еще в северном округе. И здесь четыре крупные низкочастотные ямы: «Грязная лавка» у реки Онка, там, где тридцать лет назад случилась кровавая резня, «Дикая Берта» на месте деревни, где в начале века

сожгли всех женщин, посчитав их ведьмами, и «Безголовое поле» под Неварбургом. В этих местах погибло более пятидесяти человек, они годятся для инициации разрушителя. Все ямы тщательно охранять. Выделить стражей и инквизиторов с атмэ.

– Думаете, он придет к одной из ям?

– Несомненно. Скверна взывает к скверне, это закон… А я попытаюсь добыть разрешение на проверку подданных империи. Стражи правопорядка будут проверять документы у любого, кто соответствует описанию или выглядит подозрительно. Надо выставить посты и организовать рейды.

– Такое разрешение не получить без обращения в Северный Дворец. А император уже высказался против подобных мер, – с сомнением произнес Норингтон, и я едва не присвистнула. Дамир действительно впечатляюще продвинулся по службе! – Впереди празднования в честь наследного принца, съезжаются гости из западной и восточной столиц, повальные проверки могут вызвать массовое недовольство…

– Я знаю, Дамир! – рявкнула Аманда, и я едва не свалилась с карниза. Тело затекло от неудобной позы, спина горела огнём. Но я продолжала слушать. – Я знаю. А еще знаю, чем мы все рискуем. Я переговорю с императором Константином. Промедление может стоить нам всем жизней. Мы обязаны найти разрушителя и заключить в карцер Песков.

– Клянусь, мы поймаем его! Рано или поздно…

– Поздно становится с каждым днем бесплодных поисков. – Аманда помолчала, звякнула крышечка графина, потекла вода. И архиепископ сказала уже спокойно: – Продолжайте искать. Я выделю все возможные ресурсы. Охраняйте ямы скверны. Пока Эттвуд не набрал силу и не прошел путь разрушителя, у нас есть шанс обезвредить его.

– Конечно, Ваше Святейшество. Сколько времени требуется на полную инициацию разрушителя?

– Зависит от самого разрушителя. Увы, даже в наших архивах слишком мало данных. Пока нам везет. Разрушение зародилось в теле человека, годами практикующего благолепие и смирение. Август Рэй Эттвуд не знал порока и избегал женщин. Его тело сохранило невинность, а Дух – чистоту.

Сидя на своем карнизе, я слегка покраснела.

– Но в этом же кроется и самая большая опасность. Падение такого человека может сотрясти мир. В догмате «Власть темного» перечислены некоторые условия для вхождения разрушителя в полную силу. Ненависть и ярость, тоска и боль, вожделение и вкус предательства…. То, что ведет к отречению от добродетелей и погружает в низкочастотную тьму. То, что питает антиматерию внутри Августа. Ну и еще ему необходим сильный низкочастотный источник. Те самые ямы скверны. Поэтому он обязательно придет к одной из них. А мы его встретим.

– Так точно, Ваше Святейшество.

– Рада, что мы понимаем друг друга. И еще… присматривайте за Кассандрой, Дамир.

Я вжалась в кладку, спина заледенела.

– Вы знаете, что я всецело доверяю вам, господин Норингтон. Вас ждет прекрасное будущее в Святой Инквизиции. Возможно, однажды вы займете мое место. А может… может, и место самого кардинала?

Ну отлично. Я едва удержалась от злого смешка. Мало того, что отец видит в Дамире сына, о котором всегда мечтал, так еще и Аманда считает его достойным кандидатом даже на свой пост. Удивительная солидарность тех, кто произвел меня на свет!

– Благодарю за столь высокую оценку моих способностей, Ваше Святейшество.

– Конечно, если вы не дадите эмоциям взять вверх над разумом.

– Что вы имеете в виду?

– Чувства, Дамир. Вы знаете, что инквизиция не терпит сантиментов. Вы знаете это. Наша миссия священна, и долг – превыше чувств. Скверна может поглотить наш мир, если мы перестанем с ней бороться.

– Я готов отдать жизнь за служение Святому Воинству. Я помню догматы, Ваше Святейшество. Меч, обагренный нечистой кровью. Огонь, пожирающий скверну. Дух, свободный от зла.

– Замечательно. Но лучше живи, будь начеку и присматривай за Кассандрой. Она очень… своевольна. Сообщай, если заметишь любую странность. Будь внимателен, сообщай обо всех изменениях, даже самых незначительных. Помни, что любая мелочь может иметь значение!

– Думаете, Кэсси знает больше, чем говорит? Они провели вместе довольно много времени. – Дамир постарался скрыть эмоции, но я слишком хорошо его знала. И уловила нотки ревности.

– Он подарил ей часть своей души. – После долгой паузы произнесла Аманда со страной интонацией. Я так и не смогла разобрать, что слышу в ее голосе. Усталость? Сожаление? Или нечто иное? – Подобная связь сама по себе необычна. А связь с разрушителем и вовсе… Такого никогда не случалось. Никто не знает, к чему это приведет и как отразится на Кассандре. Твоя любовь к ней может стать ее спасением. Но помни, что Кэсс нестабильна. Ее линии Духа изменчивы и ненадежны, как черные пески у стен Равилона. И так же губительны. Я бы не хотела, чтобы ты… пострадал.

Я скривилась. Да уж… У Дамира изумительный талант нравиться моим родителям.

– Тогда распорядитесь ускорить наше венчание, – быстро произнес Норингтон. – После свадьбы я смогу лучше присматривать за Кэсс. Церемонию можно провести уже сейчас, не дожидаясь лета.

– Я обдумаю ваше предложение, – снова перешла на официальный тон его собеседница, а я стукнулась головой о стену, чтобы сдержать желание кого-нибудь придушить. – А сейчас мне пора идти. В Кастеле еще ждут дела. Надо кое-кого навестить.

– Конечно, Ваше Святейшество…

Но дальше я слушать не стала. Кое-кого навестить? Так это же она обо мне! Наверняка Аманда направится прямиком в мою комнату! И я должна оказаться в ней раньше незваной гости!

Внимательно осмотрела камни внизу, но двор был пуст, и я упала с карниза. Короткое парение – и ноги коснулись земли. Я присела, тронула пальцами влажную землю. Вскочила и бросилась к северной башне.

По лестнице я пронеслась вихрем, хлопнула дверью своей комнаты, оправила форму и схватила какую-то книгу, решив сделать вид, что все это время безмятежно читала. Когда войдет Аманда, надо изобразить недовольство и гнев, в конце концов, она заточила меня в этом проклятом Кастеле! Интересно, что хочет сказать мне архиепископ? Может, она даже извинится? Хотя на это, пожалуй, не стоит рассчитывать…

В любом случае, улыбаться ей я точно не буду.

Перевернула книгу, поняв, что держу ее верх ногами.

Откинулась на спинку кресла. Посмотрела на спящего в носке Опиума. Пригладила волосы.

Посмотрела на закрытую дверь.

Над башнями Кастела катилась луна.

И каблуки архиепископа не стучали по ступеням башни. С чего я вообще вязла, что Аманда собирается навестить меня? Она заставила всех поверить в свою смерть и была вполне счастлива, живя далеко от мужа и дочери. Так с чего бы это должно измениться?

Во рту стало горько, горло перехватило.

Я отбросила книгу, стянула форму, умылась.

Залезла на кровать, запрещая себе коситься на дверь. Она оставалась закрытой. Конечно же.

Я перевернулась на другой бок, сухими глазами уставилась в окно.

Мне не хватало крылатой тени Люция. Но он остался в Аннонквирхе, на террасе комнаты, которая больше не была моей. Это странно – тосковать по статуе с выкрашенными черной краской крыльями, но я тосковала.

По крайней мере, в чувствах к Люцию я могла себе признаться и даже погрустить, скучая. Бездушная статуя заслужила такое право. А вот скучать по живым людям нельзя, это слишком опасно. И – больно.

Нельзя скучать по женщине, что когда-то пела мне колыбельную, а потом исчезла, как не было.

Нельзя скучать по отцу, которого враги империи заботят больше, чем родная дочь.

Нельзя скучать по друзьям, которые однажды предадут.

У королевы нет привязанностей, только свита…

И самое главное – нельзя скучать по человеку с глазами темными, как крылья Люция.

Я гнала от себя любую мысль, любое воспоминание, которое так и норовило проскользнуть в мою голову, стоило отвлечься и забыться…

Я не заметила, как уснула.

Мне снились волки.

Глава 4. Озерный Дом

…Брюхо под моей щекой медленно поднимается на вздохе и так же медленно опадает на выдохе. Внутри зверя что-то бурчит, верно, переваривается зайчатина, которую мы съели на ужин. Я – обжарив мясо на костре. Хантер удовлетворился сырым. От его шкуры слабо пахнет еловыми ветками, едва уловимо – дымом. И зверем. Больше всего пахнет зверем. Волком. Этот запах невозможно описать словами. Но каждый в лесной чаще, почуяв его, поспешит убраться с дороги ночного охотника.

Приоткрыв глаза, я некоторое время смотрю на мощные волчьи лапы, вытянутые на еловой подушке. Заметив мое пробуждение, Хантер поднимает морду и недовольно ворчит. Ему не нравится, что использую его брюхо вместо подушки.

Зевнув, я осматриваюсь. Снег все еще падает, но буря прошла. Тяжелые белые хлопья медленно кружат в воздухе, опадая на ветви и землю. Подтаявший наст лег коркой, в дырах снег кажется розоватым, словно лепестки цветущих вишен…

Холодно.

Стая сбилась тугим коконом, согревая меня. За спиной – несколько молодых волков, у ног и головы – волчицы. Если бы не звери, я не пережил бы бурю. Но укрытый живым и горячим серо-белым одеялом, сейчас лишь продрог.

Хантер снова ворчит. Не знаю, зачем я дал вожаку имя, но надо же хоть как-то его звать.

Имя ему тоже не нравится.

– Да, я знаю, – ежась от зябкого зимнего воздуха, сажусь, и вожак тут же вскакивает. Щерит желтые клыки, но я лишь отмахиваюсь. Мы уже выяснили, кто здесь главный. И оба знаем, что Хантер не нападет. Не после того, как сохранял мне жизнь своим теплом. И своим умением добывать в лесной чаще пищу.

Я стараюсь не думать о этом. О том, что во мне заставляет дикого волка рисковать жизнью и стаей, лишь бы спасти человека.

Несколько дней они вели меня через чащу, добывая еду и согревая ночами. Но лес редеет. Если бы не буря, уже сегодня я мог бы выйти

на склон, откуда видны крыши небольшого городка за Горным Грядом.

Пора возвращаться к людям.

Я не заметил, что последнюю фразу произнес вслух.

Хантер снова ощерился. А потом поднял морду и коротко взвыл. Стая вскочила, тяжело скидывая со шкур лежалый снег, разминая лапы и отряхивая длинные морды. Двое молодых волков покатились клубком, пытаясь ухватить друг друга за загривки. Волчицы стояли рядом, смотрели. На играющих щенят, на меня. На падающий снег и воющего вожака. К его песне никто не присоединился, может, это было соло.

Я размял закостеневшее в ночи тело. За деревьями дороги не видно, но я знал, что она там.

Надо возвращаться…

И двигаться дальше.

Здесь, в диком лесу и горах, было просто. Холодно, голодно, одиноко. Но просто. В городе будет сложнее.

Согревшись и отряхнув одежду, сделал несколько шагов. Обернулся. Стая смотрела, стая ждала…

– Больше не держу. Уходите.

Волчицы вздрогнули. Молодняк понесся по снегу и за пару мгновений скрылся за деревьями. Вожак остался. Я посмотрел в желтые волчьи глаза.

– Спасибо.

И уже не оборачиваясь, пошел вниз, к городу. За спиной снова раздался тоскливый волчий вой…

…вздрогнув, я проснулся. Мгновение смотрел на потолок и паука, деловито плетущего в углу свою сеть. В небольшом отеле на тихой улочке Неварбурга со слегка покосившейся вывеской «Озерный дом» – ленивая горничная. Но зато здесь тихо, недорого, вкусно кормят и не задают лишних вопросов. Только неясно, почему отель так называется, ведь никакого озера поблизости нет.

Снежный лес и волчья стая остались далеко в горах.

Я потряс головой, сбрасывая сон. Хотя этот мне понравился. Чаще всего ночами я видел кошмары, после которых голова еще пару часов оставалась тяжелой, а спина болела, словно вновь ощущая те удары, которые сейчас заросли шрамами.

Бросил быстрый взгляд на ручные часы – шесть утра. Обычно я встаю раньше, но от волчьих снов не хочется просыпаться. Под окном отеля изредка проносились автомобили, но Неварбург еще спал. Северная столица империи просыпается поздно, даже пекарни открываются не раньше десяти.

Но надеюсь, я смогу раздобыть хотя бы горячий чай.

Умывшись в крохотной ванной и одевшись, я спустился на первый этаж. За стойкой приема никого не было, зато в маленькой столовой, где постояльцев потчевали нехитрой едой, протирала столы зевающая хозяйка – дородная розовощекая женщина. Накануне, когда я заселялся, она представилась Клавдией и велела обращаться с любыми просьбами, если такие появятся.

– О, господин Аров!

– Прошу, зовите меня по имени. Роберт.

– Вижу, вы ранняя пташка, Роберт, – улыбнулась она, и я кивнул. Клавдия быстро пробежала взглядом по моей фигуре.

Я знал, что она видит. Неприметная серая рубашка, потертые джинсы и кожаная куртка. Черный шарф, потому что даже сейчас, весной, Неварбург не радует теплом и солнцем. Коричневые замшевые ботинки – не слишком новые, но чистые. На правом запястье тяжелые металлические часы с широким браслетом и массивным циферблатом. А значит, никакой нейропанели. Потому что никто из обладателей этого знака привилегий и почета не станет скрывать его под дешевыми часами. Взгляд выше – в неприметное лицо молодого мужчины. Сероглазый шатен, не слишком привлекательный, но и не отталкивающий. Обычный. Внешность парня, что подвез меня до Неварбурга на огромном и пыхтящем «Aes bouvol». За это пришлось слушать ужасную музыку и болтовню, но зато не пришлось обманывать. Почти не пришлось. Платы добряк не взял. А я вот кое-что позаимствовал – его лицо и имя.

Я постарался не кривиться от этой мысли. Ложь и обман – вот теперь моя жизнь.

«Лжецы всех мастей после смерти станут добычей демона обмана. Их ждет зловонная трясина, болото, в котором будут вечно гнить лживые языки и осквернённые тела…» – вспыхнули перед глазами строки из святого писания.

Я улыбнулся женщине.

– Да, привык вставать до рассвета. Может, у вас найдется для меня чашка чая?

– Ох, – застыла она на мгновение, комкая фартук и пристально рассматривая меня. – Чай?

– Да, если можно. Я пью любой. Можно самый… простой. Прохладно по утрам, я хотел бы немного согреться.

Она моргнула. И вдруг бросилась к двери.

– Согреться… Чай, ну конечно! Побудьте здесь! Никуда не уходите!

Я нахмурился, глядя ей вслед. Может, что-то заподозрила? Зовет на помощь? Узнала во мне отступника?

Но в темном оконном стекле по-прежнему отражался лишь незнакомец. Ничего общего с Августом Рэем Эттвудом.

– Вот! – пыхтя под грузом огромного подноса, вернулась хозяйка отеля. – Я хотела позавтракать на веранде, как уберу столовую. Все свежее!

– Что вы, не стоило, – несколько растерянно произнес я, глядя на огромный сэндвич с ветчиной, сыром и листьями салата, вареные яйца, миску овсяной каши, щедро сдобренной голубикой, орехами и медом, пузатый чайник, в котором раскрывался чайный лист. – Я не возьму ваш завтрак…

– Прошу вас! – Клавдия поставила поднос на стол и моргнула. Еще раз. Казалось, еще миг – и она расплачется. – Прошу. Вы голодны. В конце концов, накормить вас – моя обязанность, за которую вы заплатили! И чай! Я налью!

Чай пах лимоном и вербеной, а завтрак оказался по-настоящему вкусным, приготовленным «как для себя». Я усмехнулся этой мысли, все еще недоумевая доброте хозяйки. Впрочем, «если мир посылает вам подарок, не надо от него отказываться, прими с благодарностью». Так говорил мой наставник, когда прихожане приносили в монастырь корзины с продуктами, теплые одеяла или денежное пожертвование.

Я решил последовать наставлению мудрого человека.

Хозяйка присела на соседний стул, налив и себе чая. Но не пила, больше мяла в руках фартук и краснела.

– Вы проездом в Неварбурге?

Я кивнул, занятый сладкой кашей.

– Дела?

Снова кивок.

– Значит, скоро уедете?

Я пожал плечами.

– Жаль. Оставайтесь! – Женщина вздохнула. – Столица страсть как хороша, есть что посмотреть. Один дворец императора Константина чего стоит! Вы уже видели? Обязательно сходите! Это особая гордость неварбужцев! А императорские сады? Павлины, лебеди, белки и еноты! И все ручные, с рук кормятся. И цветы, цветы всюду. Невероятное великолепие!

Я перешел к сыру и ветчине.

– … но климат, конечно, сырой, холодный, – тарахтела Клавдия. – Что делать – север! Весна уже, а солнце даже не заглядывает. И все же красота… Не зря его величество Константин живет здесь, а не где-нибудь в тепле. Говорят, самый красивый город всех трех столиц! Ни восточная, ни западная не сравнятся с северной короной! Хотя южная когда-то была под стать…

Женщина осеклась, когда моя ложка звякнула о край тарелки.

– Но Равилон давно занесен черным песком, так что, может, и врут о его красоте, – быстро добавила хозяйка. – Кстати, слышали новости?

– Какие же? Я приехал лишь вчера.

Очередное вранье… Еще немного, и я стану в нем виртуозом. От этих мыслей внутри тяжело и темно. И тьма эта ширится с каждым днем. Я чувствую, как течет по жилам скверна, как вгрызается в кости. Ощущаю ее каждый миг. И особенно – когда иду путем зла.

Но об этом я тоже стараюсь не думать.

В Неварбурге я уже несколько недель, но стараюсь не задерживаться на одном месте.

Сейчас главное – спасти тех, за кого я в ответе. Найти Зою и Ирму, найти друзей.

– Вот же, смотрите…

Клавдия выхватила из корзины при входе свежую газету «Парадный Неварбург», развернула. В глаза бросились заголовки:

«…Выставка-турнир поделок из латуни и дерева “Почти совершенство”! Для участников без нейропанелей…»

«… Открытие новой академии миротворцев…»

«…Из городского зверинца сбежал волк, будьте бдительны…»

«У дворцового моста зацвели снежные сакуры – удивительный подарок наместника из восточной столицы в честь двадцатипятилетия наследника, принца Юстина…»

«Разыскивается опасный безумец…»

Я порадовался, что мои пальцы не дрогнули. Медленно допил чай, вкус которого теперь почти не чувствовал. С газетного листа смотрело мое лицо. Фото старое, из монастырских архивов. Я помнил тот день. Весна, как и сейчас. В семинарии – время поста и бдения, но в честь приезжего фотографа, который собирал материал для местной газеты, на завтрак дали не только пшенную кашу, но и маковую булочку… Марий, с которым мы делили комнату, кривляется за спиной серьезного усатого репортера, корчит рожицы. Марий выше меня на голову и выглядит старше своего возраста, но порой ведет себя как ребёнок. И я едва сдерживаю улыбку, а потом отворачиваюсь, чтобы все-таки не рассмеяться. Потому и на фото мое лицо не в анфас, а в профиль…

– Разыскивается безумный деструкт. – Женщина потрясла листом, испуганно вытаращив глаза. – Убийца. Десятки человек прирезал и не поморщился, представляете? Видимо, сбежал от инквизиторов. И как он вырвался?

Съеденный сэндвич сделался внутри тяжелым и мерзким, как ком могильной земли.

– А ведь такой молодой, вы гляньте! И… симпатичный. Кто бы мог подумать? Разрыв Духа никого не щадит. Вот же напасть! Интересно, что с ним случилось? Верно, попал в яму скверны, вот и обезумел. А может, эти жуткие Отрезатели постарались? Страшные они творят вещи, я вам скажу! Верят, что можно отрезать чужой Дух. Отрезать и пришить себе! Стать Совершенным даже без нейропанели… Называют себя Братством Ваятелей, а на самом деле – обычные головорезы. И безумцы! Брат рассказывал о тех, что довелось поймать. Об их… изменениях. Жуткая жуть!

Клавдия передернула полными плечами и постучала ногтем по моему фото. Я отвел взгляд.

– Ничего, и этого парня скоро поймают, я вас уверяю. Всем деструктам место в Песках, нечего им делать среди добрых горожан. Поймают! Это ведь Неварбург. Нам не стоит бояться. – Она склонилась и понизила голос. – Мой брат сказал, что этого убийцу ищут по всем районам, даже оцепили ямы скверны. У самой большой в Неварбурге – Лютейное поле – ну той, где когда-то была площадь для казней, день и ночь дежурят отряды. Тайно!

– Зачем?

Ямы скверны есть во всех городах. Иногда маленькие, иногда побольше. Горожане о них знают и обходят стороной, как заброшенные стройки или опасные пустоши. Некоторые ямы столь опасны и известны, что действительно имеют названия. Я слышал о Лютейном поле, на котором пару столетий назад отрубили сотни голов и четвертовали столько же тел. Низкие вибрации этого места не развеялись даже за века. Кажется, эта гиблая яма находится где-то на западе столицы. Но зачем ее охранять? У ям скверны всегда стоят флажки и предупреждающие знаки, чтобы не забрел случайный прохожий. Но выделять для этого охрану? Странно…

– Так скверна ведь зовет. – Клавдия облизала полные губы, и ее щеки стали еще краснее. Глаза женщины маслянисто заблестели, словно она думала о чем-то неприличном. – Все это знают. Зовет. Деструктов всегда тянет к таким местам, особенно тех, что уже на последней стадии. Этот безумец, – снова постучала она по фото в газете, – обязательно придет к яме. Нужна она ему, понимаете? Для… набирания силы! Вот его и ждут. Так говорит брат.

Я нахмурился, осмысливая услышанное.

– Ваш брат – инквизитор?

– А то. Уважаемый человек, с нейропанелью! Гордость семьи! Несет службу в Благом Доме. Ах, вы, верно, не знаете? Туда привозят деструктов. Ну перед тем, как отправить эшелоном в Пески. Дело-то хлопотное, опасное… – Хозяйка отеля вдруг испуганно осеклась, поняв, что сболтнула лишнее. – Ох… Только брат запрещает об этом болтать. И об убийце, которого ищут, – тоже…

Я отцепил взгляд от своего запястья. Под железным браслетом часов зудела черная полоса. Я знал, что вечером увижу, как часть ее опять восстановилась. Ложь и обман питают не только зло внутри.

Я заставил себя думать о деле. О тех, кто ждет моей помощи.

Медленно поднял голову и посмотрел женщине в глаза. Краска румянца сделала ее пунцовой, полные руки нервно сжали уже и без того измятый фартук. Так же медленно я положил ладонь поверх ее.

– Но вы ведь мне все расскажете, не так ли? – мягко произнес я.

Она кивнула.

Расскажет. Конечно, расскажет.

Нет, дело не в доброте и благолепии, не под их влиянием Клавдия отдала постояльцу свой завтрак, да еще и упрашивала его съесть. Просто она права.

Скверна зовет каждого.

И порабощает не только волков.

Глава 5. Розовое

Спустя почти месяц бесплотных поисков и отчаянных попыток выяснить судьбу друзей мне наконец-то повезло. Брат Клавдии – Захар, служил комендантом Благого Дома, где содержали деструктов. Здание находилось на окраине города, подальше от дворцов и садов, и конечно, прекрасно охранялось.

Но Клавдия пообещала узнать у брата о тех людях, которых я ищу.

До вечера я не находил себе места, не зная, правильно ли сделал, доверившись хозяйке отеля. Конечно, я ни сказал ей ни слова правды, лишь уверил, что ищу пропавших родственников.

Возможно, и Зою, и Ирму уже отправили в Пески.

Возможно, уже сегодня инквизиторы придут в этот дом, чтобы надеть на мои руки железные браслеты.

Я содрогнулся, вспоминая ощущение стылой тяжести на своих запястьях. Вспоминая цепь, что тянулась от лодыжки к кольцу в стене. После Нью-Касла я был прикован почти год, и звон металлических звеньев до сих пор звучит в ушах, вызывая судорогу и лишая дыхания. Ощущать себя зверем на цепи – ужасное чувство.

Что если Клавдия обманет и сдаст инквизиторам постояльца, который задает пугающие вопросы?

Но ответа не было и оставалось лишь ждать. Я хотел молиться, но слова, привычные с детства, больше не утешали меня. Напротив. Казалось кощунством произносить их. Не после всей моей лжи. Не после всего, что случилось. Не в чужой одежде и с чужим лицом.

Я единственный наследник не только своей родной семьи, но и наставника, ставшего приемным отцом, но мои счета остались в банках, а попытка воспользоваться деньгами приведет ко мне инквизиторов. Чтобы выжить и спасти друзей, мне пришлось научиться не только врать, но и воровать.

«Человека, покусившегося на чужое добро, ждет демон со звериным оскалом и огненными плетьми, отсекающими руки…

Каждое утро в жестоких муках они отрастают снова, и каждый закат демон отрубает их вору…»

Я помню, как украл впервые. Перед тем, как решиться, я голодал несколько дней. Но разве это может служить оправданием?

Тот городок был совсем маленький: несколько улиц, центральная площадь со статуей святого покровителя, за ней – рынок, где продавали овощи, молоко, яйца и рыбу из местной реки. За рынком в тени вечнозелёных кустарников – живописная улочка и таверна «Сытый путник». Из приоткрытой двери одуряюще пало свежеиспеченным хлебом и картофельным супом.

Некоторое время я стоял на пороге, споря с собственной совестью. На деревянных перилах таверны белело птичье перо, и я поднял его, повертел в пальцах, не в силах сделать шаг в манящее тепло харчевни. Потом решил, что скажу правду – о том, что у меня нет денег. Попрошу обед в долг или за какую-нибудь работу…

Каково же было мое удивление, когда хозяин таверны не только накормил меня сытным обедом, но еще и вручил мятые купюры, умоляя их взять…

Из «Сытого путника» я уходил с полным желудком и набитыми карманами. И с гудящей головой. Я не обманывался насчёт доброты трактирщика… Я знал ей цену.

Отбросив воспоминания, я решил прогуляться.

В северной столице империи было гораздо теплее, чем в горах или на окраинах. По улицам и проспектам гуляли улыбающиеся, красиво одетые люди. Девушки и даже некоторые мужчины принарядились в яркие пальто – бордовые, темно-синие, желтые… От цветных тканей, неоновой иллюминации и светящихся окон город казался праздничным. Чем ближе к центру – тем больше ярких витрин и вывесок, больше фонарей-цветов и роскошных «ferrum mostro» на брусчатке.

Но я свернул с центральных улиц и отравился на окраину, туда, где находился Благой Дом. Суровое здание из черного камня возвышалось в стороне от других построек. Ко входу вели железные ворота – запертые. На стенах и окнах блестели решетки.

Опустив голову и пряча подбородок в шарфе, а руки – в карманах, я прошел мимо и уловил цепкий взгляд стража при входе.

Остановившись у стены, опоясывающей здание, я вытащил из кармана плоскую железную коробочку. Она была в украденной куртке, вместе с мелкими купюрами. Еще один грех…

Выбил тонкую коричневую трубочку, чиркнул дешевой зажигалкой. Втянул в рот пряный дым. Стражник у ворот отвернулся, потеряв ко мне интерес. Глотая горький дым, я еще раз осмотрел здание и решетки на окнах.

Дым защекотал язык и нёбо, я едва сдержал кашель. Отвернувшись и снова опустив лицо в шарф, неторопливо двинулся к дороге.

Если друзья и правда здесь, то придется постараться, чтобы их вытащить.

Я не заметил, как докурил сигарету. И постарался не думать о том, что она успокаивает лучше, чем обращение к привычным молитвам…

Клавдия сказала, что поговорит с братом лишь вечером, так что у меня в запасе было еще несколько часов. Не в силах оставаться на месте, я все-таки отправился в центр города.

Императорский дворец на набережной оказался тяжелым монументальным зданием с арками и колоннами. Но меня сейчас мало волновали архитектурные красоты, даже такие выдающиеся. Обойдя площадь, я перешел ажурный железный мост. За ним шумела наряженная толпа, и я еще ниже опустил голову, не желая встречаться с кем-либо взглядом.

Внутри было темно. Горький дым все еще обжигал язык и першил в гортани. Мне казалось, что я весь состою из этой дымной горечи. Она стекает по нёбу, впитывается в кожу и вены. Желание освободить Ирму, Зою и других деструктов жгло изнутри. Но я не мог задаваться вопросом: на что я готов пойти ради этого. Чего это будет стоить. И что, если мое желание приведет к новым жертвам?

Спасение своих близких я поставил выше закона, ради этого я вру, скрываюсь, ворую… Использую доверчивость людей, которые помогают мне. Очередная сделка с совестью…

Но стоило вспомнить решетки на окнах Благого Дома, стоило подумать, каково там, за стеной… внутри снова разворачивалась бездна. И воспоминания отравляли душу. У моей памяти вкус железа –

холодного и жёсткого на руках, багрового и горячего во рту. Вкус цепей и крови. Вкус беспомощности. Вкус отчаяния.

Нет, я не допущу, чтобы их отправили в Пески. Ирма и Зоя и без того слишком много страдали – по моей вине. Они не заслужили свою судьбу. Никто не заслужил.

Розовое под ногами смялось, и я остановился, удивленный. Задумавшись, я не смотрел по сторонам. И сейчас понял, что стою на аллее, вокруг смеются люди, а с деревьев… с деревьев облетают розовые лепестки.

«У дворцового моста зацвели снежные сакуры…»

Теперь я знал, что снежные они не потому, что белые. А потому что цветут, когда у подножия деревьев еще сохранился тонкий снежный наст. Розовый вихрь кружил в воздухе, осыпаясь на плечи и головы смеющихся людей. Розовое…

… Раскрытая дверь – словно рама холста, свет обливает золотом тонкую фигуру. Летят по воздуху розовые пряди и тяжелые турмалиновые серьги звенят, когда она входит в чайную…

«—Не смей приходить ко мне, Август! – Слова звучат в голове и отзываются в груди набатом. – Не смей являться! И забери этот проклятый духовный цветок…

– Его невозможно забрать, Кассандра.

– Мне плевать! Тогда просто исчезни. И никогда, слышишь, никогда не приходи! Меня не надо жалеть. Меня не надо спасать. Я Кассандра Вэйлинг! И я хочу, чтобы ты исчез из моей жизни. Навсегда».

Слова обжигают.

Я не хочу думать о той, кто сказала их. Но розовые лепестки, кружащие в воздухе, безжалостно напоминают.

Протянул руку. На черную перчатку, танцуя, упал лепесток. Жар опалил спину, заныли шрамы, словно на меня дыхнула пламенем бездна. Или во мне? Лепесток обуглился, словно мотылек в огне.

Розовое под моими ногами превратилось в пепел.

Кто-то вскрикнул.

Отвернувшись, я торопливо пошел прочь. Какое-то время петлял по проулкам и проходным дворам, сворачивал то на набережную, то на проспекты. А потом заметил возвышающийся церковный купол и двинулся к нему.

Поднялся по ступеням, вошел внутрь, глубоко вздохнул.

Меня окружили и заполнили запахи ладана, свечей и благовоний, пропитавшие стены и рясы служителей, знакомые и родные. Все здесь было привычным. Звуки песнопений или тишины, бормотание молитвы и скрипы лавок, полутьма и блики огня, пляшущие на изображении Истинного Духа. В витражных окнах белело северное солнце, зажигая бледным золотом мозаичных святых. Большую часть своей жизни я провел в подобной обстановке и сейчас дышал глубоко, пытаясь наполниться тем, что любил и во что верил.

Прихожан в этот час почти не было, только одинокий старик в углу бормотал, поминая почивших родственников. Не спуская глаз с алтаря, я медленно приблизился, опустился на низкую скамейку для колен. Говорят, когда-то у Истинного Духа был лик, но его стерло время. И иногда я думаю, что было бы проще обращаться к тому, кто имеет лицо, а не только размытый силуэт. Однажды я даже озвучил эти кощунственные мысли наставнику, но к моему удивлению, он не наказал меня, а лишь рассмеялся.

«В этом есть великий смысл, Август, – сказал он. – У Духа нет зримого воплощения, потому что он в каждом из нас. Все мы носим часть Истинного Духа. Все мы – он».

На фреске плясали блики свечей. На ярусах тихо напевал певчий. Я замер, погружаясь в привычное медитативное отчуждение.

– Дух Истинный, всеобъемлющий и всепроникающий, спасающий и дарующий, исцеляющий и благотворящий. Духом своим я обращаюсь к тебе. Прошу, помоги, – негромко произнес я. Помолчал, собираясь с мыслями. Внутри звенело от напряжения. – Помоги найти моих друзей. Помоги спасти их. Помоги освободить. Они не виновны и не заслужили наказания. Ирма уже не отличает реальность от своих видений, ее разум запутался в парах опиума и дымных образах. Заточение убьет ее. А моя сестра… – Я на миг прикрыл глаза, вспоминая лицо, закрытое костяной маской. – Зое нужна любовь и поддержка. Она теряет себя. Она не виновата в том, что с ней случилось. И она не выживет в заключении. Помоги освободить их.

Я посмотрел на фреску.

– Я даю обет, что позабочусь о друзьях, Ирме и Зое. Увезу их в пустоши или на ледник, туда, где они никому не причинят вреда. И им

– никто. Позволь им прожить жизнь свободными. А что касается меня…

Вдох со вкусом ладана заполнил грудь.

– Я сдержу скверну внутри себя. Я буду сдерживать ее до тех пор, пока мои друзья не окажутся в безопасности. А после… после. Если твоя воля в том, чтобы заточить скверну в Песках или уничтожить вместе со мной – пусть будет так.

Обмакнув пальцы в чашу с водой, я поднес их ко лбу.

Поднялся с колен и покинул церковь, слушая тишину внутри себя. Стало легче. Я верил, что Истинный Дух услышал меня. Услышал и принял мой обет.

***

К отелю мы с Клавдией подошли одновременно. На ступеньках я обернулся. Осмотрел переулок. Но он был почти пуст, вновь разгулявшаяся непогода разогнала случайных прохожих. Но после того, что случилось на аллее, так и казалось, что кто-то смотрит мне в спину.

Я придержал дверь, пропуская женщину, получив в ответ улыбку и заалевшие щеки.

– Ох, Роберт, благодарю! Опять дождь, это ужас что творится! Я едва не околела! А ведь с утра обещали ясный и тихий день, вот и верь этим погодникам! Что ни слово – то вранье! Старая Эстер из соседнего дома, гадающая на кофейной гуще, и то реже ошибается, чем они! А вы слышали новость? Из зверинца сбежал хищник и теперь бродит по улицам Неварбурга! Что творится-то, вы представляете?

Клавдия повесила пальто на рогатую вешалку при входе, я туда же пристроил мокрую куртку и шарф. Мне не терпелось узнать о разговоре с ее братом, и Клавдия, поняв это, подмигнула.

– Давайте выпьем чая, господин Аров. Согреем руки и языки. У меня есть что вам рассказать.

Мы прошли на кухню, где хозяйка готовила обеды для постояльцев и здесь же, судя по всему, иногда отдыхала. У стены стояла кушетка, рядом столик и слегка потёртое кресло. Я опустился в него, хозяйка у плиты загремела чашками, залила кипяток в стеклянный чайник, насыпала чайных листьев. Вернулась ко мне.

– Не знаю, обрадую вас или огорчу, но две недели назад в Благой Дом действительно привезли новых деструктов. И среди них две девушки: одна брюнетка с обезображенным лицом, а вторая не снимает траурную вуаль.

– Они… здоровы? – вскинулся я.

– С ними все в порядке. Их хорошо кормят и пытаются лечить. – Женщина вздохнула. – Но вы ведь понимаете… разрыв Духа – дело серьезное. Мне жаль ваших родственниц. И вас. Такая трагедия…

Я рассеянно кивнул, уже плохо помня, что соврал, когда просил разыскать Зою и Ирму. Остальные деструкты, очевидно, тоже в Неварбурге. Именно отсюда отправляют поезд в Пески.

– Вот только…– Клавдия прикусила губу. – Брат обмолвился, что скоро деструктов повезут дальше. Ну вы понимаете… Благой Дом лишь временное пристанище.

– Когда?

– На следующей неделе.

Я ощутил желание снова закурить. Что ж, значит, у меня всего несколько дней, чтобы вытащить сестру и друзей. И первый почти закончился.

А я пока даже не представляю, как это сделать!

Что способен сделать один человек, затерявшийся среди шумного города?

Ничего.

А что способен сделать тот, кто носит внутри бесконечную бездну?

– Господин Аров… Роберт. Я ведь могу вас так называть? – Краснеющая Клавдия тронула мой рукав и испуганно отдернула ладонь. Я пожалел, что снял перчатки. – Что же вы не пьёте чай? Вам не нравится? Хотите, я достану пирожные? С малиновым джемом и взбитыми сливками?

Качнул головой.

– Я не большой любитель сладкого, госпожа Хок. И благодарю за вашу помощь…

– Я с радостью помогла вам! – жарко выдохнула Клавдия. Ее лицо сделалось умоляющим. – Но вы ведь не уедете сегодня, правда? Вы ведь побудете здесь еще? Я… вы можете жить совершенно бесплатно, господин Аров… Роберт. Я понимаю, что вы небогаты, и

наверное… Ох! Я что-то не то говорю. Я не хотела вас задеть. Напротив! Напротив… Знаете, я очень рада, что вы поселились в моем доме… Я ощущала себя такой счастливой… Ох!

Я осторожно поставил на столик чашку. Мое присутствие влияет на людей. Меняет их. Но раньше это не случалось настолько быстро. Хозяйка отеля уже в опасности, и надо убираться отсюда как можно скорее.

Но я не ушел. Я откинулся в кресле, внимательно посмотрел женщине в глаза. Улыбнулся.

– Расскажите мне о вашем брате и о Благом Доме. Расскажите мне все, что вы знаете, Клавдия. Абсолютно все.

…Сделка с совестью похожа на брошенный с горы камушек. Маленький незначительный осколок. Сам по себе он почти ничего не значит. Но он увлекает за собой другие камни. И камни катятся, катятся… Пока все живое не погибнет под удушающим камнепадом.

***

Мне повезло во второй раз – Захар Хок, комендант Благого Дома, оказался высоким и худым. Глядя на его сестру, я опасался увидеть массивного и пузатого инквизитора, а я научился менять лицо, но не тело.

Да и с лицом не все гладко. Я уже понял, что Маска слетает от сильных эмоций, смена обличия порой происходит спонтанно, и я не всегда это замечаю. К тому же я не знаю о способностях инквизиторов. Могут ли они видеть сквозь чужие Маски? Я о таком не слышал, но что, если это возможно?

И все же придется рискнуть. Другого варианта я так и не придумал.

Клавдия рассказала, что большую часть стражей составляют обычные люди, без нейропанелей. Они стерегут ворота и наблюдают за порядком. В Благом Доме содержатся не преступники, а несчастные с разорванным Духом, чаще всего это и вовсе испуганные подростки. Подобные дома считаются не тюрьмой, а лечебницей. Но я видел массивные стены и решетки на окнах. Если это и лечебница, то никто не войдет в нее по доброй воле.

Клавдия уснула прямо на кухне, положив голову на пухлые руки. Во сне женщина продолжала шевелить губами, словно все еще разговаривала с воображаемым собеседником.

А ведь я всего лишь устал от ее присутствия и захотел, чтобы она немного помолчала.

На оставшейся части стола я разложил карту Неварбурга, купленную в книжной лавке. Обвел пальцем Благой Дом. Рядом несколько заброшенных домов, дальше склады. А за ними – то самое Лютейное поле. Неприглядный район, в который большая часть горожан старается не соваться.

В лечебнице, помимо стражей, несколько инквизиторов, включая самого коменданта.

И всех их надо обмануть, чтобы вытащить друзей.

Я задумчиво провел пальцем, не обращая внимания на сопящую Клавдию. Если бы рядом был наставник… Мне не хватало его мудрых советов. Но приемный отец и так сделал для меня слишком много, и содеянное подкосило старика, все-таки годы его молодости давно в прошлом. Все, что он может теперь, – это доживать остаток отпущенных дней в старом монастыре.

Я прищурился, рассматривая на карте центральную площадь города. Через несколько дней там пройдут массовые гуляния, праздник в честь победы миротворцев над преступниками «Снежного бунта». Тогда все закончилось хорошо для империи и плохо для мятежников, их безжалостно казнили, а монарха спасли. Юный принц вырос и повзрослел, в газетах пишут, что император Константин даже готовится передать ему правление. У наследника золотой браслет нейропанели и несколько наград, полученных в академии миротворцев и даже в реальном сражении. Со всех сторон впечатляющие достижения.

Помимо ярмарки и выступления артистов, в этот день в небо запустят тысячу красных бумажных фонариков – славя монаршую семью и миротворцев, готовых до последней капли крови защищать империю.

А еще там будет большая часть города. Кто же откажется посмотреть на венценосных особ да погулять на празднике?

Пока не ясный, но в голове уже вырисовался план.

Сложив карту, я сунул ее в задний карман джинсов. Поднял рамку с фото, которую принесла Клавдия, и подошел к окну. Разгулявшаяся стихия утратила силу, буря превратилась в слабый дождь.

Инквизитор Хорк сурово и подозрительно глядел на меня с фото, и я поморщился.

Под фонарем на улице шевельнулась темная тень. Кто-то быстро пересек полосу света и снова скрылся во тьме. Но не ушел. Я чувствовал чужой внимательный взгляд, и мне это не понравилось.

Значит, не показалось. Кто-то следил за мной от аллеи с сакурами до этого дома. Кто-то заметил обугливишиеся в моих руках лепестки. Кто это был? Инквизиторы? Безопасники? Но в дверь стражи порядка не ломились, а колокольчик на стойке молчал.

Я сделал мягкий шаг назад, отступая от окна. Не глядя вытащил из подставки кухонный нож, сжал его в ладони. Но когда снова подошел к окну, ощущение чужого взгляда исчезло.

Оставив сопящую Клавдию, я тихо закрыл дверь и прошел на второй этаж, в свою комнату.

...В эту ночь мне снились розовые пряди. Прохладные в моих пальцах. Такие шелковые, что не хочется разжимать ладонь. Миг – и розовое тает, становясь серебряным. Ветер воет в трубе маленькой хижины, затерянной среди снежных гор. И та, что лежит рядом, подставляет губы для поцелуя.

Частью холодного и неспящего сознания я понимаю, что вижу лишь воспоминание. Что могу открыть глаза и прекратить этот запретный сон. Но я их не открываю. Я погружаюсь глубже в греховную грезу и позволяю нашим губам соединиться.

Глава 6. Рвы и барханы

С кровати я встала невыспавшаяся и оттого чертовски злая. Зеркало за ширмой отразило бледную и взъерошенную Кассандру. Черные буквы на моей светлой коже сегодня казались особенно темными. Я медленно провела по ним пальцем. «Бремя свое несу с радостью, ибо бремя мое легко…» Слова, выжженные епитимьей, слишком о многом напоминали. Да еще и этот ночной сон…

Зеркало показало предательски покрасневшие щеки. Днем я гнала мысли об Августе, но была не властна над ночными снами. Он снился мне, и эти сны будили внутри пожар. Хотя что может быть менее совместимо, чем святоша Август и чувственное волнение? И все же… Во снах он целовал меня, снова и снова. И это прикосновение губ ощущалось венцом порока. Непозволительно… прекрасно.

Но в нашем случае лучше остановиться на первом слове.

Непозволительно. И точка.

Приняв душ и собрав волосы в хвост, я подергала ненавистную серьгу в ухе. Издеваясь над моей злостью, она осталась на месте, только мочка нещадно покраснела.

Завтракала я всегда в одиночестве, за мой стол никто не садился, да и я не желала делить это время с адептами. Неторопливо пережевывая омлет с кусочками бекона и томатов, я размышляла о вчерашней прогулке по южной башне. И обо всем, что довелось увидеть и услышать.

– Эй, Кассандра, – широко улыбнулся верзила Лю, проходя мимо с подносом, на котором высилась целая гора еды. – Поешь как следует, сегодня новый спарринг! И если поставят со мной, то твои хитрости уже не помогут! Я надеру твой красивый зад, Вэйлинг!

Парни за соседним столиком радостно рассмеялись, кто-то заулюлюкал. Я изящно промокнула краешек рта льняной салфеткой и обворожительно улыбнулась.

– Мой красивый зад навсегда останется лишь в твоих влажных мечтах, малыш Лю-Лю. Поверь, у меня в запасе столько хитростей, что тебе и не снилось.

На другой половине гостиной захлопали девушки. Воинственная Ханна подняла вверх большой палец.

Верзила насупился и покраснел, казалось, еще миг, и не сдержится – швырнет в меня поднос. Но за это грозило немедленное перемещение в карцер. Выяснять отношения и драться дозволялось только на тренировочном поле. Любая потасовка в стенах Кастела жестоко пресекалась и наказывалась.

– Ты точно труп, Вэйлинг! – прошипел Лю, сдерживая злость. Судя по красному лицу – ему это давалось с трудом. Светло-фиолетовая серьга в его ухе мелко дрожала.

Я царственно махнула рукой, словно королева, отпускающая надоевшего прислужника.

– Продолжай мечтать, малыш.

Оглядываясь и бросая на меня зверские взгляды, Лю ушел за свой стол. Веридов положил ладонь на плечо друга, что-то ему нашептывая. Я вернулась к прерванному чаепитию. Но вкусный ягодный напиток больше не доставлял удовольствия. Чертов верзила все-таки испортил мне аппетит! Или он испортился от мысли о новом спарринге, который ждал после лекций? Я в Кастеле чуть больше месяца, но уже изрядно надоело, что меня регулярно пытаются убить!

Отставив недопитый чай, я покинула гостиную, ощущая, как смотрят в спину адепты.

Лекции оказались скучными. Наставник – белобородый старик – рассказывал историю святого воинства, но я не слушала. Я бездумно чертила на бумаге круги и спирали, думая, что делать дальше. Но увы, не находила ответа. А потом мысли и вовсе сбились на ночные сны. И чем сильнее я запрещала себе о них думать, тем, конечно же, больше думала! И гадала, был ли поцелуй – лишь моей грезой или… или этот сон мы разделили на двоих? Часть чужой души образовала между нами связь, и моя тень с глазами темнее ночи все еще была рядом. Невидимая, но была. Я ощущала Августа. И гадала, чувствует ли он то же самое.

– …надо открыть окно, дышать нечем!

Брюзжащий голос преподобного прервал мои мысли, и я подняла голову. Адепты обмахивались тетрадями, многие покраснели. И в лекторной действительно ощущался жар, словно летний зной вдруг заполнил комнату. Но тут ударил гонг, извещая о конце урока, и адепты

сорвались с места, спеша покинуть и нудного старика-историка, и душную лекторную.

Я тоже собрала свои тетради. На листе, где я бездумно водила ручкой, остался рисунок. Бесконечность звезд и созвездий… Пару мгновений я смотрела на них. А потом сжала в кулаке и выбросила в корзину. Если бы можно было точно так же выбросить и свои чувства!

***

Тренировочное поле для адептов я ненавидела всей душой. Полем оно лишь называлось, но на самом деле состояло из множества кусков и лабиринтов, участков леса и даже болота. Кое-где высились полуразрушенные здания, стены и искусственные насыпи или тянулись рвы. Одновременно на поле могли находиться несколько десятков соперников, по каждому спаррингу начислялись баллы. Дополнительные получал тот, кто продержится дольше всех и завладеет белым платком, который в центре поля трепал ветер.

Сегодня адептов привели в самый дальний угол поля, на котором я еще не бывала. Вместо леса или холмов здесь виднелись песочные насыпи, имитирующие барханы. Наблюдатель – суровый бородач-инквизитор – указал на сложенные куски черной ткани. Ряды адептов в одинаковой форме дрогнули, все бросились к столу.

– Это еще зачем? – удивилась я, поспешив тоже присвоить длинный хлопковый отрез.

Ханна рядом со мной хмыкнула и торопливо обернула полотно вокруг головы, прикрывая лоб, нижнюю часть лица и шею.

– В моих интересах, чтобы ты не знала, Вэйлинг, вдруг сегодня ты – мой противник? – Голос девушки сквозь намотанные слои звучал глухо. – Но я люблю честное сражение, а без тагельмуста у тебя нет шансов победить. Поэтому вот тебе совет – сделай, как я.

Я посмотрела на почти рубиновую каплю в ухе Ханны. Еще немного, и девушка получит красный аксельбант, станет не адептом, а инквизитором. Что ж, пожалуй, ее опыту стоит довериться.

Торопливо и неумело намотав полосу хлопка, я подошла к краю поля. И как раз вовремя – прозвучал гонг и над самым высоким барханом взвился белый платок. Адепты ринулись к нему. Я тоже побежала, радуясь простоте задания. Но тут раздался глухой, набирающий силу гул и сама земля завибрировала. Барханы вздрогнули, песок, до этого казавшийся плотным и надежным, потек

словно живой. Девушка рядом со мной вскрикнула и упала, покатившись вниз. В яму! Предательский песок раздвигался, образуя чавкающие рвы, наполненные грязью и болотной тиной. Фу!

Пока я оглядывалась, несколько парней вырвались вперед. Сильные тренированные адепты легко прыгали по редким камням бархана, почти добравшись до вершины. И тут снова загудело, где-то заработали огромные лопасти, а песок взвился в воздух сплошным потоком, ударяя в лицо жесткими сухими оплеухами и сбрасывая адептов с вершины. Я тоже не устояла и покатилась вниз. Встав на ноги, повертела головой, пытаясь хоть что-то рассмотреть в желтой песчаной буре, которая выедала глаза и скрипела во рту. Теперь-то я поняла, зачем нужна защита! Правда, мой неумелый тагельмуст плохо держался, порывы жесткого ветра трепали кончик ткани.

Глянув на вершину бархана, где копошились адепты, я махнула рукой. Черт с ним – с белым платком. Не так уж мне и нужны дополнительные баллы. Вполне могу и тут переждать бурю…

Сильный удар сбил меня с ног и уложил щекой на песок. Перекатившись, я вскочила, сжала кулаки. Из бури выступила фигура, и я вздохнула с облегчением – девчонка! Всяко лучше, чем верзила Лю или, например, Железный Борис – адепт с огромными кулаками…

С девчонкой-то я точно справляюсь!

Новый удар едва не сломал мне ребро и отправил обратно на песок. Я поднялась, уже ощущая подступающую злость. Попыталась рассмотреть соперницу, но видела лишь полосы черной ткани, намотанные на лицо девушки. Кстати, ее тагельмуст выглядел идеальным. Рассмотреть лучше не получалось, даже просто держать глаза открытыми удавалось с трудом. Казалось, что на моих ресницах уже выросли собственные барханы, веки нестерпимо пекло. Новый удар! Еще сильнее и яростнее. Словно соперница хотела не просто победить в состязании, а прикончить меня! Может, это Виона, которая боится за свою тайну? Которую я даже не знаю, к слову…

– Эй, полегче… – начала я и снова покатилась по песку, сбитая яростным ударом. Щека горела – похоже, я разодрала кожу. Гадина повредила мое лицо! Даже злобный Лю не рисковал бить по нему. Вероятно, справедливо опасался, что за это я прирежу его ночью во сне, наплевав на правила Кастела!

Ах так!

Я вскочила, развернулась, ударила… Но фурия в идеальном тагельмусте оказалась безумно сильной! И такой же злобной. Ее нога врезалась в мой живот, и не успела я встать, как гадина прыгнула сверху.

Я попыталась ее сбросить, перевернулась, но соперница прижала меня и уперлась коленом в спину. Во мне что-то хрустнуло, окатило болью и ужасом. Показалось, что мерзавка сломала мне спину! Извернувшись, я швырнула ей в лицо горсть песка и услышала вскрик. Шатаясь, я поднялась, и пока соперница терла воспаленные глаза, пнула ее по ногам. Та упала, но каким-то образом сумела зацепить и меня.

Мы покатились вниз по движущемуся бархану, молотя и избивая друг друга. Плюх! Песочный зев раскрылся, и мы угодили в жидкую грязь. Мне повезло – я оказалась сверху. С воплем сжала шею барахтающейся подо мной девушки, макнула ее лицом в чавкающую жижу, не давая подняться.

Фурия обмякла. Но стоило убрать руку, как гадина взвилась, сбросила меня со своего тела и ударила. Промахнулась. Кулак скользнул по скользкой ткани на моем лице. Плохо завязанное полотно окончательно размоталось и слетело с моей головы. Впрочем, в нем уже и не было проку. Мы барахтались в грязи, толкая друг друга и пытаясь утопить. Жидкая грязь покрывала нас обеих с ног до головы. Ударить со всей силы не давали усталость и месиво, плюхающее у колен. Фурия попыталась снова достать меня ногой, но не удержалась и шлепнулась на зад. Я захохотала, верно, представляя собой ужасающее зрелище – злобное чудовище, у которого вместо лица глиняная маска.

Кое-как дотащив тело до соперницы, я ткнула ее головой в край рва. Из-под ее тагельмуста вывалился кончик косы – рыжей. И пока я таращилась на него, мерзавка вывернулась из моей хватки, врезала мне под дых и сразу – по ногам, заставляя свалиться в грязь. И оседлав сверху, обхватила локтем шею. Сдавила. Я захрипела, перед глазами поплыли черные круги.

«Вот и конец», – мелькнула в голове какая-то заторможенно-спокойная мысль. Гадина на спине меня душила и, похоже, не собиралась останавливаться. И кажется, я знала почему.

Круги и звезды перед глазами закружили сильнее. Их вихрь завораживал и пленил, отвлекая от боли и удушья. Бесконечность созвездий наполняла меня. Еще миг… Еще один лишь миг, и…

Гадина разжала захват и слезла с моей спины.

– Я победила. – Ее голос звучал хрипло. И… знакомо.

Звезды и созвездия внутри меня погасли, оставив лишь тьму.

Хрипя и кашляя, я перевернулась на спину и медленно, с трудом поднялась.

Оказывается, искусственный ветер стих, барханы снова лежали монолитными кучами песка. Далий махал добытым на вершине белым платком. Но на него почти никто не смотрел. Адепты и наставники столпились вокруг рва, наблюдая за двумя борющимися в грязи девушками. За мной и гадиной с рыжей косой. Я медленно опустила взгляд. Жижа пропитала тонкую тренировочную сорочку и брюки, обозначив контуры и изгибы. Макс Уджин одобрительно присвистнул, другие парни поддержали. Моя соперница выглядела не лучше, ее форма также облепила тело – стройное, но более пышногрудое и крутобедрое, чем мое.

– Обалдеть, – выдохнул Тиен Скворовски. Из его разбитого носа текла кровь, но похоже, парень этого не замечал, увлеченный представлением. – Вот это зрелище! Святой Дух, я же сегодня не усну! Девчонки, а может, повторите? На бис?

Мы с рыжей гадиной переглянулись и одновременно скривились. Я увидела, как сузились ее глаза, хотя лицо девчонки все еще прикрывала ткань.

Оттолкнув протянутые руки парней, соперница полезла из рва. Я от помощи не отказалась и потому оказалась наверху раньше. На миг возникло искушение пнуть мерзавку, отправив обратно в жижу, но я удержалась, понимая, что ничего этим не добьюсь.

Наши взгляды снова встретились. Но не успела я ничего сказать, подошел наставник.

– Вижу, знакомство состоялось, – хмыкнул инквизитор, рассматривая стекающие с нас потоки грязи.

Фурия кивнула и принялась разматывать ткань на голове. Виток, еще один. И девушка повернулась, с презрением и злостью глядя на меня. Серьги адепта на ней не было.

– Какого хрена, – процедила я, вдавливая в ладони снова сломанные ногти.

Фурия, едва не убившая меня в грязи, прищурила светло-карие глаза.

– Не рада меня видеть, Кассандра?

Джема Ржаник, а это была именно она, откинула на спину пушистую рыжую косу. К моей злости, она выглядела почти чистой, в отличие от моего слипшегося в грязи хвоста.

– Господа адепты, раз знакомство уже состоялось, позвольте представить вам квалифицированного миротворца третьего уровня, проходящего в Кастеле усиленную подготовку. Джема будет тренироваться с вами, а значит…

Дальше я слушать не стала. Развернулась и хромая пошла прочь от поля и от Джемы, глядящей мне в спину. Этот взгляд прожигал дыру. Если бы он мог убить, я бы уже упала замертво. Впрочем, волей неведомых мне жестоких богов, скоро это может случиться на самом деле. Никогда не поверю, что Ржаник решила повысить в здешней обстановке свой уровень. В Кастел ее привела ненависть. И желание сделать чучело из своей давней соперницы.

Отлично. Ненавижу Кастел!

***

На этот раз не пришлось никого прогонять, удивительно, но когда я заползла в лаваторий, он оказался пустым. Стянув насквозь грязную форму и дрожа всем телом, я постояла под искусственным водопадом и залезла в белую чашу. Молочная жижа неприятно сомкнулась у лица, и я устало прикрыла глаза.

Но шаги заставили снова их открыть и зашипеть. Тоже шатаясь, в «молоко» медленно забиралась Джема. Увидев меня, она вздрогнула. Потом вздернула подбородок и опустилась на дно. Некоторое время мы лежали молча, сверля друг друга свирепыми взглядами.

Мне надоело первой, и снова опустив ресницы, я попыталась расслабить тело. В молоке нельзя двигаться и нельзя напрягаться, иначе трясина засасывает сильнее.

Но я это знала, а вот Джема, похоже, нет. Когда густая как кисель жидкость покрыла ее тело и начала обволакивать, подобно паучьему кокону, глаза девушки испуганно распахнулись. Она забила руками,

пытаясь выбраться и увязая еще крепче. Чем больше сопротивление, тем меньше шансов…

Несколько минут я злорадно наблюдала, как «молоко» пожирает Ржаник, утаскивая на дно. По грудь, по шею, по глаза, в которых плескалась паника. Джема билась и карабкалась, скребла ногтями по скользким вогнутым бортам. Но я-то знала, что это бесполезно. Некоторое время я лениво размышляла, не дать ли чаше поквитаться за меня. А что, одной проблемой меньше…

– Расслабься, – буркнула я, поймав обезумевший взгляд Джемы. – Просто расслабься и успокойся. Ну если хочешь жить, конечно.

Ржаник дернулась. И замерла, вытянувшись в струнку. Бурлящее вокруг нее молоко тоже замерло в ожидании. А потом разгладилось, словно натянутая на теле простыня. Уже легко, без усилий, Джема подняла голову и сделала глубокий вдох.

Я с некоторым недовольством подумала, что Ржаник сумела справиться с паникой гораздо быстрее, чем я в свой первый раз.

– Почему… меня… не предупредили… об этом? – выдохнула она.

– Потому что это Кастел. Здесь ни о чем не предупреждают, – буркнула я. – Эффект неожиданности и твоя готовность к… сюрпризам – важная часть обучения.

Некоторое время мы сверлили друг друга взглядами.

– Наверное, пришлось постараться, чтобы добраться до меня даже в Кастеле, да, Ржаник? Ненависть творит чудеса.

– Моя вполне оправдана, Вэйлинг!

– Ты ведь понимаешь, что не можешь меня убить? Это преступление.

Молоко у рук Джемы всколыхнулось, верно, рыжая сжала кулаки. Но тут же снова расслабилась. Что ж, она всегда быстро соображала.

– Зато я могу на законных основаниях избивать тебя на поле. – Исцарапанное лицо Джемы озарила почти счастливая улыбка. – Каждый день, Кассандра. Я буду делать это каждый день. Сегодня тебе повезло. Но завтра…

Еще одна улыбка, и я поежилась, не сдержавшись. Джема сильнее меня. Всегда была. Я слишком тонкая, в моем теле нет мощи. Ржаник всегда казалась рядом со мной крепким дубком, всеми корнями впившимся в земную твердь. К тому же она довольно умелая, я помнила ее точные и сильные удары.

– Ты – чокнутая.

– А ты – стерва, уводящая чужих женихов!

– Да забери ты его обратно, спасибо скажу! – выкрикнула я, и молоко пошло возмущенной рябью. Я понизила голос. – Дамир вбил в голову, что хочет жениться на мне. Только вот я этого совсем не хочу!

– Врешь!

– Не вру. Больше всего я хочу разорвать эту помолвку.

Джема тяжело задышала, всматриваясь в мое лицо и ища признаки лжи. Не знаю, что она там увидела, кроме царапин и заживающих ссадин, но нахмурилась.

– Не понимаю. Ты носишь его кольцо, а «Вестник Старограда» уже написал о вашей свадьбе. Я знаю, что даже платье уже сшито! И ты уверяешь, что тебе не нужна эта свадьба? Еще скажи, что Дамир тебя заставляет и шантажирует!

– Думай, что хочешь, – внезапно устала я и от Ржаник, и от разговора. – Но я сделаю все, чтобы избежать этой свадьбы. И это правда, Джема. Единственная правда, которую ты от меня услышишь!

Хватаясь за бортик, я доползла до лесенки и вытолкала себя из жижи. Исцелив тело, молоко больше не держало меня. Забралась в черную чашу и села спиной к Джеме, решив сделать вид, что моей заклятой подруги вовсе не существует.

Что бы ни решила сама Ржаник, но больше она со мной не разговаривала. Впрочем, и убить тоже не пыталась.

Глава 7. Снежинка и Крапива

К сожалению, чтобы отделаться от Джемы полностью, пришлось бы покинуть Кастел. Пока мне это не удавалось, так что я видела пушистую рыжую косу, мелькающую в коридорах, замечала взгляд прищуренных глаз, наблюдающих за мной на лекциях.

После представления, которое мы устроили в грязи, Джема мигом стала всеобщей любимицей, удивительно, но с ней хотели общаться не только парни, но и девушки. Я за месяцы не завела ни одного друга или даже приятеля, а вот Ржаник уже на второй день весело болтала и смеялась в кругу адептов. Может, дело было в располагающей теплой улыбке Джемы или том, как она слушала – внимательно, словно ей действительно было интересно.

Меня все это почему-то злило.

А спустя три дня Ржаник нарушила мое уединение за ужином, усевшись напротив. Я даже опешила от подобной бесцеремонности.

– Совсем обнаглела?

На Ржаник красовалась черная форма инквизитора, но без аксельбанта и айка – серьги адепта. Вместо них ее рукав украшала зеленая полоса миротворца.

– Наглости я училась у лучшей, – хмыкнула мерзавка. – У Кассандры Вэйлинг. Слышала о такой?

Ровные зубы девушки впились в румяный бок булочки с малиной, и Джема замычала от удовольствия. Капли повидла брызнули и упали ей на подбородок, но Ржаник это ничуть не смутило. Наверное, в этом тоже таился секрет ее обаяния. Джема была простой и понятной, как зарумянившийся в печи хлеб.

– Что тебе надо?

– Поужинать, – хмыкнула Ржаник, потянувшись к новой сдобе – с миндальным кремом. – И поговорить. Я обдумала твои слова, Кассандра. Не знаю, что у вас происходит, но если ты сказала правду и не желаешь свадьбы… мы можем заключить соглашение.

– Какое же?

– Ты поможешь мне вернуть моего жениха.

– А что взамен?

– Я не стану на каждом спарринге ломать твои кости, Кассандра, – усмехнулась Джема, рассматривая меня. – Ну и еще помогу, не забывай, что я квалифицированный миротворец и многое умею. А ты… – Ржаник усмехнулась, – хреново дерешься, Вэйлинг.

– Я едва не утопила тебя в грязи!

Она щелкнула пальцами – и вилка на столе согнулась. Я уставилась на нее, не веря глазам. О Ржаник говорили, что она очень способная. Но я не знала – что настолько. Если бы мерзавка применила силу Духа на тренировке, от меня осталось бы мокрое место.

Джема кивнула, довольная произведенным впечатлением.

– Вижу, ты поняла. Помоги мне – и я в долгу не останусь. Научу всему, что знаю, потренирую. Ты слишком слабая, а значит, никогда не получишь рубин. – Джема тронула свое ухо. – Да, я знаю о порядках в Кастеле.

– Может, я не хочу его получать!

– Ну и зря. – Джема потянулась к очередной булке и с наслаждением вгрызлась в хрустящий бок. – Не знаю, что ты натворила и как угодила сюда, но уйти не можешь. Если бы могла – уже помахала бы Кастелу рукой. Но ты здесь. И чтобы стать свободной, у тебя один путь, Вэйлинг. Заменить стекляшку в твоем ухе на рубин и получить красный аксельбант. Квалифицированные инквизиторы могут сами распоряжаться своей жизнью.

Я сдержала кривую улыбку. Инквизиторы – да. Деструкты – нет.

– Ты и о Дамире знала? – тихо спросила я. – Что он – инквизитор.

– Конечно, – снисходительно улыбнулась Джема. – В отличие от тебя, я спала с ним в одной кровати, Вэйлинг.

– В отличие от меня? – подняла я брови.

– Да. И это я тоже знаю. Не спрашивай, откуда. Но это заставляет меня тебе верить. Немного. Дамир бывает очень… упрямым. Надо показать Норингтону, что ты не так хороша, как он думает.

– Я пыталась неоднократно, – поморщилась я.

– Попытаешься снова!

На возглас обернулись другие адепты, и Джема прикрыла глаза, успокаиваясь.

– Вместе мы придумаем, как расстроить свадьбу, а дальше я разберусь. Ну так что?

Я сложила руки на груди, размышляя, насколько могу довериться Ржаник. С другой стороны… что я теряю?

– Если будешь лопать столько булок, растолстеешь – и никакое соглашение не поможет вернуть жениха, – проворчала я.

Джема хмыкнула, доев сдобу и слизав с пальцев крем. Я закатила глаза.

– Со своей фигурой я разберусь сама, не переживай, Вэйлинг. Ну так что?

– Перемирие? – подняла я брови, и Джема поморщилась.

– Скорее пакт о ненападении.

Она протянула руку, на запястье блеснул белый браслет нейропанели.

– Помой сначала, – недовольно сказала я, и рыжая хмыкнула.

– Только не забывай, что я по-прежнему терпеть тебя не могу, Вэйлинг.

– Это взаимно, Ржаник, – сказала я.

Королевы знают, когда отступать. И когда для победы нужно заключить союз с заклятым врагом.

***

Уже спустя несколько дней я вспомнила, почему Джема Ржаник стала одной из лучших не только в Нью-Касле, но и в Аннонквирхе. Рыжую отличала ослиная целеустремлённость и напор, которому мог бы позавидовать ледокол, пробивающий вековые айсберги в замерзшем океане. Внутри нее скрывался вечный двигатель, которому не нужны были передышки. А на очередной нашей тренировке я начала подозревать, что этот двигатель работает на многолетней злобе, которой Джема сейчас нашла применение.

Хитрый удар – и я улетела на пружинистые циновки. Снова.

Мы с Джемой занимались в крытом зале, предназначенном для индивидуальных спаррингов. Признаться, до появления Ржаник я даже не знала, что такие здесь имеются. Оказывается – в них могли приходить все желающие, чтобы отработать приемы. Вот мы и отрабатывали. Хотя я пока большей частью валялась на циновках и пыталась вспомнить, почему я не могу взять нож и прирезать рыжую гадину.

– Признайся, что тебе просто доставляет удовольствие меня бить, – протянула я, поднимаясь. В голове шумело.

Ржаник весело рассмеялась.

– Не без этого, – хмыкнула она. – Соберись, Вэйлинг. У тебя слишком слабый удар.

– Даже если я соберусь, сильнее мой удар не станет, – мрачно произнесла я.

– Это точно. Тонкое тело, худые запястья, слабый кулак. В прямой атаке ты не победишь даже подростка, – припечатала Джема. И вдруг добавила: – Но ты быстрая. Очень быстрая. Ловкая. У тебе идеальное сопряжение движений и невероятный баланс. Я никогда такого не видела. Ты могла бы без страховки танцевать на канате, протянутом через горящую пропасть. И знаешь, я бы поставила на то, что этот танец будет великолепным.

Я несколько ошарашенно молчала. Неожиданные слова Ржаник оказались… приятны? С чего бы мне таять от ее странной похвалы? Может, дело в том, что меня слишком давно никто не хвалил. Я слишком привыкла быть стервой, изгоем и паршивой овцой.

– Нужно использовать твои сильные стороны. – Джема задумчиво прошлась перед циновкой, на которой я сидела. – Вставай, Вэйлинг! Ну-ка, ударь меня.

Я закатила глаза. Сама же сказала, что прямая атака – бесполезна…

– С удовольствием, конечно, но… – буркнула я и ударила, метя Джеме под дых. Конечно, атаку она отбила.

– Вэйлинг, ты меня слушала? Я ведь перечислила твои козыри! Используй их!

Я нахмурилась. Ловкость, сопряжение движений, баланс… То, что могу я и не могут другие?

– Ты говоришь какую-то чушь, как будто я могу… – начала я, отвлекая, и ударила правой рукой, снова метя в грудь.

А когда Джема закрыла мягкое место, левой я врезала ей по скуле. Среагировать Ржаник не успела, и мои костяшки заныли. Я рассмеялась.

– Ого! А бить тебя весьма приятно!

Джема бешено сверкнула глазами, выдохнула. Потерла скулу, на которой уже наливался фиолетовый след.

– Забыла еще одно твое качество, – процедила она. – Демонское коварство! Ты меня обманула!

– Ну да, – от радости я даже взбодрилась. – И скажи спасибо, что к твоему лицу приложилась моя левая рука. Все-таки она у меня послабее!

– Ах ты… Ладно. Неплохо, Вэйлинг. – Рыжая скривилась, но потом ее губ коснулась улыбка. – Неплохо. А сейчас попробуем…

Договорить она не успела. Дверь открылась, впуская пятерых адептов. Впереди шел Лю, за ним его друг Далий Веридов, агрессивный Макс и двое братьев Харвей. Пятерка, которую все в Кастеле предпочитали обходить стороной. Их появление в этом зале явно не обещало мне ничего хорошего.

– Я ведь сказал, что она здесь, – недобро усмехаясь, произнес Лю. – Ну здравствуй, Кассандра.

Пятеро растянулись, закрывая мне дорогу к выходу. Я кинула быстрый взгляд на окна – но все они были закрыты и находятся довольно высоко.

Ржаник молча наблюдала за приближением адептов. Далий кивнул ей.

– Джема, тебе лучше выйти. У нас небольшой разговор с Кассандрой. По душам.

– Придется объяснить этой… девушке, как надо вести себя в Кастеле. – Лю растянул губы, показывая жуткие, сточенные острыми треугольниками зубы. – Не понимает она, кто здесь главный. Не знает, как должны вести себя стекляшки. Хотим научить… правилам.

Я снова обвела взглядом зал. Может, успею проскочить между братьями? И зачем только я пришла сюда!

Джема понимающе хмыкнула.

– Ну да. Вэйлинг и правила. Несовместимые вещи.

– Ничего, мы сейчас совместим, – с угрожающим весельем добавил Макс. – А ты иди, Джема, иди.

– Можно, да? – серьезно спросила Ржаник.

– Угу. К тебе-то вопросов нет…

– Вот спасибо, – обрадовалась рыжая. Я напряглась как пружина, готовая сорваться с места. – Ну я тогда пойду. Ах да, Вэйлинг… – Джема повернулась ко мне. На ее губах возникла странная предвкушающая улыбка. И быстро, одними губами рыжая произнесла: – Твои двое слева.

Что?

Я моргнула. Мне ведь не послышалось? Но Джема, кинув быстрый взгляд на адептов, поправилась:

– Ладно, один. Остальные мои.

Я ощутила, как что-то теплое наполнило грудь.

Мотнула головой.

Слева стояли Лю и Далий.

– Двое, – сказала я. И усмехнулась: – Или учитель не верит своему ученику?

– Джема, так ты уйдешь или нет?

– Нет, – весело сказала рыжая, разворачиваясь. – Хорошо, Вэйлинг. Двое!

Я танцуя скользнула к Лю и прижалась к нему всем телом. Адепт опешил, его горло дернулось. Я потянулась к бритому затылку, обхватила, чтобы достать до уха парня. У меня был лишь миг – короткое мгновение его замешательства, которым я должна воспользоваться.

Мой шепот шелковой лентой обвил его Дух.

– Ночь так темна, и сны так сладки. Хотя порой и непонятны, но глубоки, как омут вод… И я – лишь сон. Спи малыш Лю. Спи.

Мои личные сны – невинные и греховные одновременно, на миг мелькнули сладким воспоминанием, перехватили горло. И голос чуть дрогнул на последнем слове. Но Лю уже застыл, сонно моргая. Его тело тяжело обмякло и начало заваливаться. Я танцуя отступила назад, и верзила грохнулся на пол.

– Какого демона? – завопил Далий.

Краем глаза я видела хаос там, где кружила Джема. Мелькнуло, разворачиваясь, что-то длинное, тонкое, блестящее… словно серебряный луч, рожденный в руках Ржаник и подвластный ей… Проволока? Тонкая металлическая проволока, которая змеей обвивала мужские тела!

Но увидеть больше я не успела, на меня напал Веридов.

Я скользнула к нему, занося руку для удара в живот, и уловила искру торжества в его бледных глазах. Далий знал, чем закончится для моей руки такой удар. Вот только благодаря прогулке по чужим комнатам, я тоже это знала. Левая рука – обман, а правая… правая бьет прямо в горло! Захрипев и вытаращив от изумления и боли глаза, Веридов рухнул рядом со своим другом.

А я, пританцовывая, обернулась. Трое адептов валялись на полу, надежно связанные металлической леской. Стальная нить обвивала их руки, ноги и шеи, впиваясь в кожу и заставляя парней стонать, нервно дышать и потеть от ужаса. Малейшее неловкое движение хоть одного из них могло привести к пугающим последствиям. Например, к тому, что леска натянется, и чья-то голова отделится от тела.

Я никогда такого не видела, но умения Джемы… впечатляли. До мурашек!

– Теперь поняли, кто тут устанавливает правила? – Я остановилась напротив связанной троицы. Марк дернулся ко мне, и стальная леска натянулась. На шеях братьев Харвей выступили капли крови.

– Не шевелись, – едва двигая губами, прошептал один из них. – Умоляю, только не шевелись…

– Я так долго не выдержу…

– Просите прощения, придурки!

– Мы не собирались тебя бить! – не слишком искренне произнес Марк. – Всего лишь поговорить.

– Вот и поговорили. – Я почти ласково провела рукой по щеке парня. – А если захотите пообщаться снова, Джема отрежет вам головы. Или не головы. Это как повезет. Ясно? Не слышу.

– Ясно! – сиплым шепотом ответил Марк. Остальные молчали, боясь даже открыть рты.

Ржаник тронула мое плечо, ее глаза блестели.

– Надо уходить, – тихо сказала она. – Я не могу держать нить слишком долго. Бежим!

С едва уловимым звоном стальная нить начала разматываться, но мы уже были у двери. А когда выбегали, Джема наклонилась – и металлический луч скользнул ей в руку, сворачиваясь кольцами.

За спиной раздался рев четверых адептов, переходящий в злобные ругательства. Но мы уже неслись по коридору, хохоча как ненормальные. Весь мой ужас, одиночество, страх и растерянность вылились в эту победу и этот смех. Я бежала по темным извилистым коридорам Кастела и хохотала в голос, словно брала реванш над этим местом. Я победила! Адептов, которые хотели причинить мне вред, инквизицию, сам Кастел!

Мой смех звенел победным кличем, и впервые за долгое время я не чувствовала себя одинокой. Потому что Ржаник бежала рядом и тоже заливалась, как дикая лошадь.

Я решила пока не думать о том, что она мой враг.

Я просто наслаждалась моментом.

Уходя от погони, мы петляли по галереям и лестницам, пока я не рванула к самой дальней, закрученной лихим винтом.

Едва дыша, мы забрались на самый верх черного замка. Здесь тянулись пыльные заброшенные мансарды, ведущие в шпиль с давно остановившимися часами. Здесь мы и рухнули прямо на пол и некоторое время лежали, глядя на огромный механизм с заржавевшими шестерёнками, огромными винтиками и тусклыми втулками.

– Нас… здесь… не достанут? – переводя дыхание, спросила Джема.

Я качнула головой. Помимо меня, никто в Кастеле не испытывал желания гулять по краю пропасти. Верхние этажи замка давно не использовались, доски здесь прогнили и грозили обвалиться от каждого неосторожного шага. А о часовой башне и вовсе ходили дурные слухи. С десяток лет назад наставники нашли мастера, который согласился починить часы, но когда тот приступил к работе, доски треснули и часовщик полетел вниз с высоты десятков метров. Пробоина в полу так и осталась, ее никто не заделал. Со временем она лишь увеличивалась. С тех пор сюда не поднимались даже уборщики. Так что это место я присвоила в свои личные владения, не опасаясь, что здесь меня хоть кто-то потревожит.

– Боги, давно я так не веселилась, – наконец отдышавшись, сказала Джема. Хмыкнула, глядя на меня. – А ты удивила. Молодец, Снежинка.

Давно забытое имя из детства всколыхнуло внутри что-то теплое. Я отвернулась, не желая это что-то показывать.

– Ты тоже. – Детское прозвище я произносить не стала, но слово «Крапива» повисло в воздухе. Снежинка и Крапива – обе обжигают, но каждая по-своему. Когда-то это было о нас. В другой жизни. – У тебя отличное оружие. Это леска из стали?

Ржаник любовно погладила блестящие кольца. Нить свернулась в тонкий жгут и стала почти незаметной. Джема засунула ее в карман.

– Я еще учусь с ней работать. Но выходит неплохо, да?

Мы снова рассмеялись и одновременно отвели взгляды. Никаких воспоминаний. Никакой дружбы. Это пакт о ненападении.

– А ты изменилась, Кассандра. Я… не ожидала. – задумчиво произнесла Джема. – Вроде та же стерва, но в то же время… нет. Может… Может, я тебя совсем не знала? Может, в Нью-Касле я слишком сильно тебе завидовала, чтобы узнать?

– Тебя что, ударили по голове? – изумилась я, и Джема слегка покраснела.

– Да ладно тебе. Конечно, я тебе завидовала. Все девчонки тебе завидовали. И даже некоторые парни. Ты же была королевой. Эти твои невероятные наряды, украшения, высоченные каблуки. Ума не приложу, как ты на них ходишь. И главное – твой нос. Ты держала его так высоко, словно хотела поспорить с богами. Это все невероятно раздражало. Но и восхищало, признаться… Но знаешь… однажды я подумала, что это не так-то просто – быть тобой. Быть королевой. И все мы завидовали, потому что понимали – никто из нас так не сможет. Даже если не будет тебя, мы не сумеем занять освободившийся трон. Никто не сможет. Потому что для трона нужен характер, как… у Кассандры Вэйлинг. Такая вот штука. Но раньше я этого не понимала. Может, однажды я просто повзрослела.

Я молчала, слишком удивленная, чтобы говорить. Некоторое время мы смотрели, как в лучах света танцуют пылинки.

– И то, что случилось в Нью-Касле… В той чайной. Нам надо об этом поговорить, Вэйлинг. В тот день я… я… апчхи!

Джема оглушительно чихнула. И еще раз.

– А черт, у меня в носу кошки скребут! Ты как хочешь, а я спускаюсь. Здесь жутко пыльно. И да, чертовски страшно. У меня голова кружится от этой высоты. Ты идешь?

Я заколебалась. Признание Ржаник выбило меня из колеи. И кажется, продолжать разговор я слегка… трусила?

– Еще побуду.

Ржаник кивнула и, опасливо разведя в стороны руки, двинулась по доске через яму. Перейдя на другую сторону и с облегчением вздохнув, она помахала мне рукой, ухмыльнулась и исчезла за дверью.

Я посмотрела на часы, размышляя о нашем детстве. Если бы можно было повернуть стрелку и заставить часы идти назад? Завести

заржавевший механизм, отмотать время? Могло бы все случиться иначе? Могла бы несравненная Аманда остаться моей матерью? Живой и любящей? Мог бы отец не превратиться в жесткого и отстраненного вояку? Могла бы я вырасти совсем другой?

Балансируя на шатающейся доске, я подошла к часам и провела рукой по бурым от времени шестеренкам. Огромные зазубренные колеса кололи пальцы коррозией ржавчины.

Если бы все пошло иначе…

– Я тоже тебе завидовала, Крапива, – тихо сказала я.

Да, я завидовала ей. Теплу ее дома, любящей матери. Но эти слова Ржаник никогда от меня не услышит.

Если бы все пошло иначе, Снежинка и Крапива по сей день могли быть подругами. Смеяться, делиться секретами, примерять платья, обсуждать парней… Мы могли бы вместе повзрослеть. И может, тогда не случилось бы то, что случилось. Пешка не отомстила бы королеве, а королева не вошла в чайную «Клевер и роза». И не встретила разрушителя.

Иногда я думала о том, какое событие было первоначальным? Какое запустило мою судьбу? Или – изменило ее.

Где та шестерёнка, которая однажды дала сбой, и все пошло иначе?

Огромный и мертвый часовой механизм молчал.

Я отдернула руку.

Я та, кто я есть. Королева выросла, а стрелки не отматывают время назад.

Глава 8. Шаги во тьме

Некоторое время я рассматривал инквизитора.

Мундир выходящего из кафетерия Захара Хорка скрывало длиннополое пальто, а голову прикрывала от мелкого дождя фетровая шляпа. Держа в руке бумажный стакан чая, инквизитор направился к припаркованному под фонарем «iron horse». Авто инквизитора то ли случайно, то ли намерено копировало своего хозяина – черное железо с красной полосой на морде, узкие, словно прищуренные, фары и дутые бока.

Живой комендант Благого Дома выглядел старше, массивнее и мрачнее, чем его портрет в доме Клавдии.

Пару минут я рассматривал Хорка, стоя на другой стороне улицы. А потом мягко шагнул на свет, приближаясь. Инквизитор вскинул голову, прищурился.

– Прошу прощения. – Я смотрел без улыбки, запоминая лицо коменданта. – Не подбросите до площади Сант-Беатрис?

– Мне в другую сторону, – буркнул инквизитор, отворачиваясь.

– Жаль.

И проходя мимо, толкнул Хорка под локоть. Чай выплеснулся на его ладонь и пальто, и комендант выругался.

– Еще раз прошу прощения, – повторил я, скользнув пальцами по его коже. – Дать вам платок?

– Сам разберусь!

Я пожал плечами, опустил голову в шарф и прибавил шаг, уходя из полосы света. Уже во тьме глянул через плечо. Инквизитор по-прежнему стоял у открытого авто, держа в руках стакан и глядя мне вслед. Капли дождя разбивались о его шляпу. Вздрогнув и что-то пробормотав, комендант полез в теплое нутро железного коня. Еще миг – и визжа колесами, он скрылся за поворотом.

Я потер кончики пальцев. Хотелось помыть руки, будто на них налипла паутина. Чужая личина прилипла к коже и станет моей, стоит только захотеть. Но привыкать к чужому лицу лучше заранее, да и с мимикой стоит потренироваться. Я попытался воспроизвести в памяти поджатые губы и сведенные брови коменданта.

Поморщившись, я вытащил из кармана перчатки, размышляя, какой епитимьи требует это прикосновение. Однажды я заплачу за все свои грехи. Но не сейчас. Сейчас надо спасти друзей.

Так и не надев перчатки, я сунул руки в карманы и двинулся в сторону от освещённых проспектов.

Неварбург готовился к празднику, украшаясь нарядными разноцветными фонарями и символикой императорского дома. Стяги с тремя коронами развевались на площадях и проспектах, хотя чаще реяли полотна с короной одной – зазубренной и дополненной рассветным солнцем, символом северной столицы и императорской четы.

Центр города переливался и сиял, подобно новогодней игрушке. Но я двинулся в другую сторону, туда, где змеились туннели плохо освещенных улиц и тупиков.

Шел, не оборачиваясь. Дождь прекратился, но волосы успели промокнуть, холодные капли стекали за воротник куртки. Я иду – и легкие шаги за спиной вторят моим, словно там двигается моя тень. Фонарей на улице почти не осталось, а свет окон был слишком слабым, чтобы разогнать сгущающуюся тьму.

Еще два шага – дальше от света.

Еще два шага за моей спиной.

Я вытащил руку из кармана. Глотнул сырой воздух.

И оказался позади того, кто меня преследовал. Он коротко вскрикнул, ощутив сталь ножа у своего горла. Вцепившись в волосы врага, я дернул, готовый увидеть даже коменданта. Сумел обмануть меня? Заподозрил? Вычислил? Или Клавдия все-таки донесла?

– Это я! Я, – прохрипел тот, чей взгляд преследовал меня из темноты уже несколько дней.

– Нейл? – опешил я.

Бывший учитель, а ныне деструкт-двоедушник радостно заулыбался и, забывшись, кивнул. Я едва успел убрать нож, чтобы друг на него не напоролся.

– Рэй? – неуверенно произнес он.

– Нейл! Но как? Ты следил за мной? Как ты меня узнал?

– Я не был уверен, – смущенно улыбнувшись, Нейл потер пегую щетину на подбородке.

Выглядел друг неважно: ввалившиеся глаза, тени под ними, горькие морщины у губ. Лицо осунулось и похудело, фигура в грязных штанах и облезлой куртке сгорбилась. И все же это был он.

– Господин Рэй! Я так рад, что это все-таки вы! Я увидел, как оплавились лепестки сакуры, и человека, стоящего на аллее. Я… догадался. Решил проследить и дошел до отеля той аппетитной женщины. И все же я сомневался. Не понимал, как узнать точно. Следил. Как же я рад тебя видеть, Рэй!

– Тише! – Я обернулся, но переулок по-прежнему радовал лишь бродячими кошками. – Похоже, ты изрядно замерз. Идем поищем приличное место, где можно разжиться тарелкой супа. Тебе надо поесть и согреться. Заодно и расскажешь, как ты умудрился снова сбежать от инквизиции и очутиться в Неварбурге.

***

– Я – везунчик, Рэй, я ведь уже говорил? Видишь, мне снова повезло! Не иначе как благоволит святой Пантелей, мой покровитель! Так что жить мне еще сто лет, точно тебе говорю! – Двоедушник, торопливо поедающий горячее рагу, на миг оторвался от кушанья и широко улыбнулся.

Изможденное лицо порозовело от сытной еды и пряного вина, которое я заказал для друга. Сам тянул травяной чай, терпеливо ожидая, когда Нейл наестся. Мы расположились в дешевой забегаловке на десять столиков, укрытых клетчатыми клеенками. Еда здесь была самая простая, но Нейл ел так жадно, словно его потчевали самыми изысканными кушаньями.

Вытерев рот салфеткой, бывший учитель откинулся на спинку стула и пару минут блаженно молчал. Потом сделал еще глоток вина и наконец приступил к рассказу:

– Когда в доме на скале грохнуло и потолок обвалился, то дом тряхнуло так, что я решил – все, конец. Я видел, как стены трясутся, а потолок идет трещиной, словно из-под него пытается выбраться великан. Инквизиторы бросили меня в коридоре – связанного. Прямо под картиной с тучной дамой, помнишь ее? Ну так вот этой картиной меня и накрыло. Рама ударила по голове, а может, это был кусок потолка… в общем, когда я очнулся, было тихо. А еще холодно и темно. Я крутил головой, осознавая лишь то, что нахожусь под завалом. Дом переместился обратно в Староград, но похоже, часть

здания обвалилась. И меня выкинуло куда-то под обрушившиеся стены. Я слышал, что рядом, за завалом, ходят инквизиторы, слышал голос Мишель и кажется, Зою. Слов не разобрал. Кто-то плакал. Может, Ирма? Инквизиторы искали уцелевших, сирена выла… Я догадался сидеть тише мыши, хотя было непросто. К ночи стало тихо. Я нашел острый угол и стал перетирать веревки на своих руках. Тер и тер… Меня знатно приложило, так что от боли и страха – уж прости, говорю как есть, – вернулся Брэдди. Мое тело изменилось, а разум помутился. Веревки я порвал… Но Брэдди тоже боялся, так что мне удавалось его сдерживать. Я стал разбирать камни. Тянул и тянул, пока не увидел просвет и не вывалился в другую комнату, ту, в которой сохранились стены. Я же говорю – хранит меня святой Пантелей. Я немного походил по дому, сунулся в твой тайник, забрал оттуда деньги и настойки, все что были. Уж извини…

– Не надо. Ты правильно сделал.

– Одежду тоже… Ну а потом и вышел. У развалин стояли стражи. Один все-таки услышал меня, подошел.

Нейл допил вино и с сожалением посмотрел в опустевшую кружку. Я подал официантке знак, чтобы принесла еще.

– Тот, кто подошел, – молодой совсем был. Наверное, адепт еще.

– Ты его?.. – Вопрос повис в воздухе. Нейл сделал горестное лицо и провел пальцем по шее. Но потом не выдержал и хрипло рассмеялся.

– Да ничего я ему не сделал! Он как меня, то есть Брэдди увидел, так сам едва в штаны не наложил. А может, и наложил, проверять я не стал! Парня перекосило от ужаса, он отшатнулся, а я дал деру. Благо, ноги у Брэдди такие длинные, что любой олень позавидует… Не догнали меня. Старограда город большой, есть где затеряться. Да и я его неплохо изучить успел. Спрятался в старом склепе, который ты мне показывал. Не зря ты тогда подстраховывался, пригодилось вот… Дождался утра. Сумел обуздать Брэдди. Ну а потом стал думать, что дальше делать. Ну и надумал податься в Неварбург, вспомнил, что отсюда деструктов везут в Пески. Я надеялся, что кого-то из наших удастся хотя бы увидеть. Две недели торчу в городе. Настойки исправно пью, не сомневайся. Но перерывы все меньше, Рэй…

– Насколько меньше?

– Три часа. – Нейл опустил голову. – Я поселился у одного старика на окраине. Старик почти глухой, зарабатывает тем, что клеит бумажные фонарики и продает на площади. Я помогаю ему по дому и немного плачу, поэтому он не задает вопросов. И не слышит, когда приходит Брэдди и я запираю его-нас в подполе. Прости, но я потратил почти все деньги, которые ты хранил в тайнике.

Я махнул рукой, показывая, что это неважно. И сожалея, что не оставил в тайнике больше.

Официантка принесла новую порцию вина для Нейла, и мы замолчали, пережидая, пока девушка расставит перед ним закуски.

– А вам? Могу я вам предложить что-то… еще? Может, вы хотите вина? Или… чего-то другого? – Она склонилась надо мной, потянулась, словно желая коснуться плеча.

Я слегка отодвинулся, избегая прикосновения, и девушка отчаянно покраснела.

– Спасибо. Мне ничего не нужно.

Она потопталась у столика, краснея и кусая губы. Обвела взглядом переполненный зал.

– Сегодня у нас удивительно многолюдно! Сто лет такого не было… Даже пришлось вызвать вторую официантку, представляете? Верно, перед праздником в город приехало много гостей…

Девушка обвела взглядом зал.

– Но если чего-нибудь захотите, только кивните! Я сразу увижу! Захотите… чего угодно, и я – рядом! Вон там стою!

Я снова не глядя кивнул. На стол около моей кружки опустилась салфетка с торопливо нацарапанным номером телефона и следом от губной помады. Девушка, покраснев еще сильнее, убежала.

Я поднял голову. Люди и правда заполнили дешевое заведение. Говорили громче обычного. Смеялись чаще. Краснели. Ссорились. Целовались.

Так случалось везде, где я появлялся. Людей манит и притягивает то, что я ношу в себе. Оно сводит их с ума.

Официантка с надеждой поглядывала в мою сторону. Кажется, она успела снова накрасить губы…

– Ого, – прокомментировал Нейл, делая огромный глоток вина. – Ты ей понравился.

– Не я. – Смял салфетку с телефонным номером в кулаке и бросил в тарелку с остатками еды. – То, что во мне.

– Или это и есть ты, Рэй, – глубокомысленно заметил приятель, икнул и смущенно прикрыл рот ладонью.

Я отвернулся, не желая развивать эту тему. Глянул в окно, за которым уже царила ночь.

– Я приготовлю тебе новое снадобье, Нейл, добавлю более сильные ингредиенты. Должно помочь.

Нейл задумчиво потер лоб. А потом отставил кружку и решительно посмотрел мне в глаза.

– Приготовь, Рэй, приготовь. Твои отвары знатно мне помогают. Но прежде расскажи, что удалось узнать о наших ребятах. И как мы можем их вызволить.

– Мы? – Я усмехнулся, рассматривая двоедушника.

Тот кивнул.

– Мы. Не зря ведь Святой Пантелей привел меня на аллею сакур и позволил увидеть тебя. Говори как есть, Рэй. Чем я могу помочь.

– Тебе и так знатно досталось.

Руки Нейла, расслабленно лежащие на столе, дрогнули, пальцы скрючились, удлинились фаланги и ногти. Деструкт сделал глубокий вздох, успокаиваясь. Глянул укоризненно.

– Видишь, и Брэдди твои слова не по нраву. Не зли нас с братом и выкладывай, что мы можем сделать.

Я втянул носом запах мяты и чабреца, исходящий от моей кружки. То, что я собирался сделать, – преступление, а Нейл чудом сбежал от инквизиторов и остался жив. Имею ли я право втягивать его в новую переделку?

Еще одна сделка с совестью.

– Не только тебе дороги эти ребята, – поняв мои сомнения, тихо, но серьезно произнес двоедушник. – Они мои друзья. Да что там… семья. И я хочу помочь! А тебе я и вовсе обязан жизнью. Так что говори, Рэй.

Деструкт смотрел с ожиданием, и я сдался. Сдался, понимая, что испытываю радость от внезапно появившегося союзника. С помощником мой смутный план обретал не только кости, но и плоть.

Глава 9. Все решено

Мне снились плети.

Кожаные жала, обвивающие тело, оставляющие на коже рубцы. Страж с неподвижным лицом, держащий рукоять и методично, раз за разом поднимающий ее для удара. Слова молитвы, которую я шептала и которую никогда не знала наизусть… Обжигающее пламя черной епитимьи, строки и образы, выжженные на коже. Спина, ребра, плечи… Боль… тьма… пламя…

Бом!

Что за ерунда? Я закрыла голову подушкой, злясь на разбудивший меня звон. И в то же время радуясь, что он прервал кошмар, в котором я снова видела каменный мешок темницы и жуткого стража. Кошмар был не моим, но оттого внутри болело не меньше…

Во рту пересохло. С трудом я разлепила глаза – комнату наполнял серый предрассветный сумрак. Рань несусветная! И кому пришло в голову трезвонить в такое время? Неужели наставники придумали новый способ издевательств над адептами?

Бом! Бом! Бом!

Звон отражался от стен башни и словно сотрясал стены.

Ругаясь сквозь зубы, я все-таки скатилась с кровати, торопливо умылась, оделась и вывалилась в коридор. Со всех сторон тянулись сонные и взъерошенные адепты.

– Что случилось? Где звенит? На нас напали?

– Кто? – заинтересовалась Ханна.

– Ну… деструкты? – неуверенно предположила испуганная Кларисса.

Я хмыкнула и направилась к лестнице, звон явно шел с улицы.

Утренний Кастел тонул в белом море тумана. Даже в крепость инквизиторов наконец-то пришла весна, и коряги огромных деревьев вдоль центральной дорожки украсились беззащитными листочками, странно неуместными в этом суровом месте. Беззлобно переругиваясь, толкаясь и на ходу поправляя форму, толпа адептов из всех четырех башен вывалилась на площадь перед замком.

Даже великий инквизитор Томас Инкрада, строго взирающий с центрального витража здания, выглядел слегка озадаченным. И было отчего! Под шпилем замка звенели давно заржавевшие часы. Огромная часовая стрелка с треском и стуком качалась, перебираясь по делениям, дребезжа, ее догоняли минутная и секундная. В лунном и солнечном календарях сменялись фазы светил, мелькали созвездия и нарисованные кометы. Две бронзовые, покрытые патиной времени статуи с обеих сторон от красно-золотого циферблата, запинаясь и дергаясь, как шарнирные куклы, били в колокола. И те звенели, оглушая адептов и прибежавших наставников, разнося звон по всему Кастелу.

– Не может быть! – Преподобный Витор тщательно протер свои очки и, снова водрузив на нос, поднял голову.

Часы, молчащие уже несколько десятков лет, покрытые ржавчиной и пылью, пошли.

И пока адепты вокруг изумлялись и восхищались, задрав головы и не веря своим глазам, я ощутила, как струится по спине холодок страха. Я-то отлично помню, как накануне прикасалась к шестерёнкам. Но это ведь ничего не значит? Я ведь не могла оживить механизм? Даже миротворцы, достигшие четвертого уровня и способные воздействовать на неживые механизмы, не совершили бы подобный трюк. Чтобы оживить столь огромные заржавевшие часы, понадобилось бы с десяток таких миротворцев. Ну и еще хороший часовщик, чтобы как минимум смазать шестерни маслом.

Я точно не могла запустить часы. Или?..

Преподобный Витор, устав натирать очки, громко откашлялся и объявил, что часы недавно подверглись реконструкции и ремонту, а их звон был вполне ожидаем!

– Совсем врать не умеет, – тихо произнесла за моей спиной подошедшая Джема. – Серьезный недостаток для инквизитора.

– Думаешь, все инквизиторы – отъявленные лгуны? – Я не удержалась от улыбки.

– Думаю, хорошим инквизиторам всегда есть, что скрывать.

– И все же ты хочешь связать жизнь с одним из них. Не боишься однажды обнаружить в его шкафу целую армию скелетов, а, Джема?

– С секретами Дамира я сама разберусь, – прошипела рыжая. – Твое дело придумать, как мне его вернуть. Надеюсь, у тебя уже есть

план?

Я покачала головой, потому что действительно не знала, как расстроить свадьбу с Норингтоном.

– Так думай усерднее, – буркнула Джема. Сегодня она выглядела смущенной и рассерженной одновременно, похоже, Ржаник успела пожалеть о нашем вчерашнем разговоре.

Я снова посмотрела на часы, решив не обращать внимания на горечь внутри.

– Жалеешь, что вчера помогла мне? – не удержалась я от вопроса, и Джема вспыхнула.

– Я…– Она замешкалась, словно не зная, что ответить. Глянула на преподобных – инквизиторы в черных мундирах все еще пытались успокоить взбудораженных адептов. И произнесла тихо: – Я не жалею. Но мы не друзья, Вэйлинг. Прошедшего не изменить, а Снежинка и Крапива остались лишь в воспоминаниях.

– Не я эти воспоминания пробудила. Я давно забыла эти глупые прозвища, – насмешливо отозвалась я, скрывая за улыбкой внезапную горечь. Джема насупилась. – Я всего лишь рассчитываю на твои мозги и мускулы, солдат Ржаник.

– Ну ты и стерва, Кэсс! – вспыхнула рыжая. – Что ж, ты права, это пакт о ненападении. Так ты уже придумала, как расстроить свадьбу?

– Я пытаюсь. Ты тоже могла бы пошевелить своими извилинами, Джема. Или тебя напрасно считали умницей Аннонквирхе? Пока единственная здравая мысль – это стукнуть Дамира по голове, связать и спрятать в каком-нибудь чулане.

– Я бы лучше стукнула тебя! – буркнула Ржаник, и я удивлённо оглянулась.

С чего это она так разозлилась? Жалеет о вчерашнем общем смехе? Или о своих откровениях?

– Удивительно, что ты не сделала именно так. Можешь попытаться.

– Я миротворец, а не убийца, – прошипела Джема. – И не хочу провести остаток жизни на рудниках. К тому же, – поджала она губы, – твое преднамеренное убийство может породить блуждающий вихрь и навредить уже мне. Так что убивать тебя я не собираюсь. Но не забывай про предстоящие спарринги. И о том, что я сильнее тебя.

Ну это мы еще посмотрим. Малыш Лю тоже сильнее меня, но регулярно мне проигрывает. Правда, обдурить Ржаник будет сложнее, чем тугодума-верзилу.

– Так что думай, Вэйлинг, как обойтись без твоего кровопускания, – мрачно заключила Джема.

– До свадьбы еще три месяца, – хмуро напомнила я.

Ржаник кивнула и, задрав голову, посмотрела на огромные стрелки.

– И все же интересно, почему мертвый часовой механизм внезапно ожил, да? У тебя есть предположения, Вэйлинг?

– Понятия не имею, – сказала я, ощущая внимательный взгляд Джемы. И ругая себя за то, что вчера привела миротворца в свое убежище!

Но рыжая пожала плечами, словно потеряла интерес и ко мне, и к часам. Напомнила о нашей тренировке и о том, что мне надо активнее шевелить мозгами. Я привычно огрызнулась, и на этом Джема удалилась.

И тут я увидела преподобную Агамену. Ее черная форма с красным аксельбантом выглядела безупречно, седой пучок волос был уложен волосок к волоску. Словно наставница вовсе не спала! Заложив руки за спину, Агамена стояла в стороне от других инквизиторов. И пока остальные таращились на часы, женщина смотрела на меня.

И этот взгляд мне совсем не понравился.

Я не успела сбежать, Агамена прищурилась и поманила меня пальцем, бескомпромиссно велев следовать за ней. Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

Вслед за наставницей я вошла в пустую лекторную и остановилась возле карты империи.

– Адепт Вэйлинг, – не оборачиваясь, сказала Агамена, и я постаралась не морщиться от ее скрипучего голоса. Печальный опыт напоминал, что эта женщина обладает невидимыми глазами на затылке! Хотя сама наставница отвернулась и рылась в большой корзине на преподавательском столе, я знала, что лучше не рисковать. – Как продвигается ваше обучение?

– Мм, все прекрасно, преподобная.

– Вот как? И что показывает ваш айк?

Я все-таки поморщилась и коснулась серьги в левом ухе. Айк, то есть камень.

– К сожалению, он все еще прозрачный. Но я делаю все, что могу.

– Вы знаете, когда айк обретает цвет?

Не глядя на меня, Агамена вытащила из корзины глиняную статуэтку с отбитой головой, посмотрела и бросила обратно. Она решила разобрать мусор, что ли?

– Думаю, когда адепт достигает определенных успехов на тренировках?

Наставница пробурчала что-то себе под нос, вытащила еще один предмет и повертела в ладони. И вдруг развернувшись, швырнула в меня. Блик света прокатился по металлическому корпусу того, что летело прямиком в мою голову! Рука дернулась, и я поймала предмет прежде, чем успела подумать.

Разжав пальцы, я увидела металлического воина. Детская игрушка, литая и довольно тяжелая. На спине воина виднелась прорезь для ключика. Если бы эта фигурка попала мне в лоб – осталась бы впечатляющая ссадина! Какого черта в этом проклятом Кастеле все пытаются меня убить? Злость сдавила горло и…

Я выронила воина, потому что металлические ноги внезапно начали двигаться, а руки вскинули меч! Упавший на пол рыцарь поднялся и, стуча сапогами, двинулся в сторону Агамены. На лице преподобной появилась кривая улыбка. Пугающая.

Что происходит?

– Вы могли бы и поинтересоваться назначением вашей серьги, адепт Вэйлинг, – по-прежнему неприятно растягивая рот, сказала женщина. – Айку плевать на спарринги и тренировки, айк реагирует на ваш Дух. И на ваши духовные способности. Похоже, сегодня вы не обратили внимания на цвет камня, не так ли?

– Что?!

Агамена все с той же гадкой улыбкой протянула мне зеркальце, и я уставилась на серьгу в своем ухе. Темно-розовую!

– На днях я применила Маску! Дело в этом!

– Слишком незначительное изменение для айка, – пугающе ласково отозвалась Агамена. – Вы сделали кое-что гораздо более значительное, раз камень потемнел. Возможно, это связано с мертвыми

механизмами? Такими же мертвыми, как железный воин из моей корзины?

– Я не понимаю, о чем вы…

– Конечно.

Заведенный страж колотился о ножку стола, издавая дребезжание. Агамена подняла его, посмотрела на вздрагивающий железный меч, пытающийся поразить невидимое чудовище. И одним щелчком сломала воину голову!

Ожившая игрушка снова сдохла и затихла.

Я сглотнула сухим горлом.

Агамена швырнула мусор в корзину и слегка брезгливо провела ладонью по ткани своей черной юбки. Большинство женщин-инквизиторов предпочитают брюки, а вот Агамена всегда носит юбку, такую же строгую и идеально выглаженную, как и все в облике преподобной.

– Что ж, у меня более нет к вам вопросов. – Она глянула за мою спину. – Инквизитор Норингтон, лекторная в вашем распоряжении. И адепт Вэйлинг – тоже, – насмешливо добавила она.

Агамена, печатая шаг, скрылась за дверью, а я медленно обернулась к Дамиру. Когда он вошел? Что успел увидеть и услышать? И что все это значит?

– Привет, Кэсс, – сказал Дамир, отступая от двери.

Я не ответила, молча сверля его взглядом.

– Не рада меня видеть? – Норингтон улыбнулся. Его взгляд скользнул по моему лицу, шее и груди, спрятанной под мундиром. – А я скучал. Иногда я думаю, что ты не можешь выглядеть еще красивее, но каждый раз убеждаюсь, что ошибался… Тебе удивительно идет черная форма, Кэсс.

– На меня давно не действуют твои комплименты.

– Всего лишь правда.

– А вот ты выглядишь неважно, – подметила я его покрасневшие глаза и посеревшую кожу. – Много работы?

– Увы.

– И какой же?

Я почти верила, что Норингтон скажет правду. Например: ловлю по всей империи сволочь, с которой ты провела несколько дней и ночей. Мерзавца, который не выходит из твоей головы, и я ревную

каждую твою мысль. Ублюдка, который неведомым образом стал тебе дорог. Очень хочу поймать эту сволочь и оторвать ему голову!

Если бы Норингтон это сказал, возможно, я бы снова его зауважала.

Но инквизитор снова предпочел сладкую улыбку и ложь.

– Не забивай голову ерундой, Кэсс. У меня для тебя хорошие новости.

Он подступил ближе, и мне пришлось попятиться, упереться в карту на стене. Норингтон поставил ладонь, словно пытался удержать меня.

– Твой айк порозовел, – тихо произнес он. – Значит, ты становишься сильнее. Поздравляю.

– Что ты хотел мне сказать? – поморщилась я.

– Кэсс, я так скучал… И так хочу тебя поцеловать…

Я мотнула головой, забыв, что позади стена, и неприятно приложилась затылком. Инквизитор поморщился и отодвинулся.

– Я надеялся, что ты успела примириться с нашим общим будущим. Но похоже, с тобой не будет просто, да, Кэсс? Тогда я прав и тянуть не следует. Наше венчание переносится. Мы поженимся через две недели в храме Святого Фабиана.

– Нет!

– Все решено. Твои родители одобрили новую дату.

Паника сдавила горло, и я сделала несколько быстрых вздохов, пытаясь успокоиться. Мне казалось, что стены ловушки сжимаются вокруг, не давая дышать. Две недели вместо трех месяцев? Я верила, что у меня еще есть время хоть что-то придумать!

– Я тебя ненавижу, – выпалила я.

– Я сделаю все, чтобы это изменить, —отозвался Дамир. – Давай опустим этот разговор. Решение принято, Кэсс. Платье тебе привезут накануне. Скажи, если тебе нужны украшения или… что-то еще. Я достану все, что ты захочешь.

– Я не надену это платье!

– Тогда пойдешь к алтарю в форме инквизитора. – Лицо молодого мужчины казалось застывшей маской, лишь зеленые глаза лихорадочно блестели. – Или голая, если решишь испортить и ее. Мне все равно, Кэсс. Я женюсь на тебе, даже если ты явишься в картофельном мешке. Через две недели ты станешь моей женой.

– Две недели? – раздался возглас, и мы с Норингтоном обернулись. У двери стояла Ржаник и выглядела еще более шокированной, чем я.

– Джема? – Ледяная маска на лице Норингтона треснула, и я увидела его смущение и растерянность. – Какого черта ты забыла в Кастеле?

– Значит, это правда. – Девушка сделала шаг, ее взгляд прилип к лицу Дамира. – Кассандра сказала правду! Она действительно не желает этой свадьбы! Но… как ты можешь? Я не узнаю тебя!

– Джема, тебя не касаются мои отношения с Кэсс! – вспыхнул инквизитор.

– Не касаются? Меня не касаются? После всего, что между нами было?!

– Все в прошлом. Я тебе не врал. Не говорил, что… люблю. Я всегда любил только Кэсс, и ты всегда это знала. – Дамир отвернулся, рыжая зло рассмеялась, а я загрустила.

Ну все, теперь мне крышка. После таких слов Джема может и пересмотреть свой взгляд на мое убийство!

Только слушать ссору и дальше я не желала, поэтому отпихнула Норингтона и выскочила из лекторной, оставив бывших любовников разбираться. В голове стучало, словно там тикали стрелки оживших часов. Тикали и отсчитывали уходящее время.

Глава 10. Тик-так, Август

Время неслось слишком быстро.

Я почти перестал спать, снова и снова проверяя план и выискивая в нем прорехи и слабые места. Увы, находил. Но другого, более совершенного варианта, у нас с Нейлом не было.

Ко дню празднования весь Неварбург засиял золотом и пурпуром – цветами императорского двора. Площадь Святого Луки перед дворцом украсили сотней фонарей и гирлянд, превратив ее в искрящуюся драгоценность. В центре установили помост, укрытый бархатом, на нем выступит с речью сам император Константин. В отдалении выстроились резные домики, где будут продавать горячее вино со специями, пряный пунш, крендели с маком, печеные в меду яблоки и конечно – блины. Румяные и золотые, начиненные соленой рыбой или сладким творогом.

Проспекты, стрелами разбегающиеся от площади, тоже подготовили к массовому гулянию горожан. Жители Неварбурга, чествуя монаршую семью, повесили золотые шары на свои окна и выставили флаги на крыши.

Великий праздник совпал со днем, когда деструкты покинут Благой Дом.

От центральной площади до лечебницы двенадцать кварталов и семь до станции, откуда отходит поезд в Пески. Почти двое суток железный состав следует без остановок, пока не доберется до конечной станции.

Пески… когда я пытался вспомнить дорогу в Пески, память снова сбоила, а глаза застилала тьма. После Нью-Касла и чайной я очнулся уже в заключении. И теперь жалел, что не сохранил воспоминаний о поездке. Сейчас это могло бы мне пригодиться.

Зато Нейл помнил больше, чем я. Защищенный от низких вибраций поезд издаст прощальный гудок ровно в девять вечера и вытащить из него пленников будет уже невозможно. А это значит, нельзя позволить деструктам войти в вагоны.

Ночь я провел без сна.

Смотрел в окно – даже ночью на улицах Неварбурга довольно светло от фонарей и витрин. Я вспоминал. То, что нельзя и то, что давно себе запретил. Но возможно, уже завтра мне перережут глотку или всадят пулю в лоб, так что какая разница? Перед лицом смерти запреты теряют смысл, и я позволил себе вспомнить. Следы на снегу – такие одинокие на полотне белой безбрежности, шепот у виска и теплое дыхание, чай в старой чашке, согревающий пальцы. Разделенная на двоих тьма. И ее глаза, в которых отражаются звезды.

«Если бы я был не я, а совсем другой Август, однажды я набрался бы смелости, чтобы тебя поцеловать…»

Хрупкое воспоминание разрушил визгливый женский смех за стеной моей комнаты в Озёрном Доме, к нему тут же присоединился басовитый мужской. И я усмехнулся. Надо забыть о Кассандре Вэйлинг. Это то, о чем она весьма недвусмысленно попросила. Это лучшее, что я могу для нее сделать.

Смех за стеной перешел в кокетливый визг, а потом в хриплые стоны.

Клавдия закрывала глаза на развлечения своих постояльцев. Она все еще не могла поверить, что отель полон, даже в дни города такого не случалось. В Неварбурге слишком много подобных заведений, мало кто из гостей города добирается до окраин. Я восторженное удивление Клавдии никак не комментировал.

Сейчас в ее доме проживало шестнадцать человек, исключая меня. Слева жил господин Браун – молодой мужчина, любящий крепкую выпивку и веселых девушек. Справа – пожилой господин Люсвин, обожающий пряный табак и сплетни. Дальше по коридору расположились супруги из Предгорья, рядом – их друзья, за ними – тихая молодая учительница, неодобрительно поджимающая губы при каждом появлении в столовой господина Брауна…

Шестнадцать человек.

Я прикрыл глаза.

Шестнадцать ничего не подозревающих человек, решивших повеселиться на празднике и съесть крендель с маком в честь выжившего во время бунта принца и его отца, императора. Люди, которых я подвергаю опасности, даже находясь рядом.

Имею ли я право рисковать чужими жизнями ради того, чтобы спасти тех, кто мне дорог?

А ведь еще есть Клавдия… и ее брат. И все остальные…

Сделка с совестью похожа на упавший с горы камушек…

Я отвернулся от окна, за которым темнели соседние крыши, и прислушался.

В шесть часов вечера в «Озерном Доме» царила такая же тишина, как и на рассвете. Паутина сна висела в коридорах, опутывала постояльцев. Можно было подумать, что в отеле нет никого, кроме меня. Но я точно знал, что это не так.

Тщательно убрав свою комнату и застелив постель, я собрал немногочисленные вещи. Потом вышел в коридор. Прошел, касаясь дверей и вспоминая тех, кто сейчас спал за ними. Спустился вниз, на кухню. Клавдия уснула прямо на кушетке в столовой, возле полной щеки со следом подушки лежал телефон.

Я тихо позвал ее по имени.

Клавдия заворочалась, моргнула, открывая глаза.

– Роберт? Дорогой, это вы? Я что же, уснула? Ох, что это я… Как я могла уснуть? – Клавдия потрясла головой, в ее глазах все еще плавали мутные образы. На щеке темнела красная полоса – след от неудобной позы.

– Вы устали.

– Устала? Верно. Я устала… И уснула. Но какой чудный сон я увидела! – Женщина, неловко потянувшись, села. Потрясла головой, сбрасывая дрему, и радостно улыбнулась. – Ох… Мне снились вы, Роберт! Уже в которой раз. Эти сны… эти чувства… я должна вам сказать! Должна!

– Разве?

– Я скажу вам! Роберт, чувство, обуявшее меня рядом с вами, это истинное волшебство! Вы понимаете? Я люблю вас. Я так люблю вас! Я знаю, что старше и… мм… опытнее, но мы можем быть счастливы. Если только вы согласитесь. Прошу, подумайте! У меня есть этот дом и сбережения… Ох! Я хотела сказать совсем иное! Если вы дадите мне шанс, один лишь шанс доказать, что я могу быть… что мы можем… Ах, Роберт! Ваше появление в моем доме наполнило жизнь смыслом! Таким прекрасным, таким чудесным смыслом! Я снова стала мечтать. О нас с вами! Я ощутила себя

такой легкой… Такой наполненной счастьем… И все благодаря вам! Я прошу вас… умоляю! Я отдам вам все, что у меня есть. Сделаю все, что вы захотите… только останьтесь рядом!

Не двигаясь, я смотрел на женщину. На ее протянутые руки, на умоляющее лицо. Я мог бы приказать ей что угодно. И она исполнила бы любую мою прихоть. Власть скверны…

Поморщившись, я слегка наклонился. Заложил руки за спину, потому что Клавдия тянулась ко мне, желая коснуться и боясь этого. Ее щеки снова раскраснелись, а дыхание участилось от грез и желаний, которые мелькали в ее глазах.

– Вам снился сон, Клавдия. Сон, который вам понравился. Досмотрите его до конца. Пусть там будет то, о чем вы мечтаете. А когда вы проснетесь – то забудете о постояльце по имени Роберт Аров. Он никогда не заезжал в ваш отель.

Женщина удивленно моргнула, но тут же послушно кивнула и медленно закрыла глаза, засыпая. Опустив голову на руки, она засопела. Как и все постояльцы Озерного Дома. Я постоял, вслушиваясь в тишину, а потом поднял телефон Клавдии.

Вскипятив воду и заварив чай, я стал ждать гостя. И когда хлопнула входная дверь, вышел навстречу.

– Клавдия! Что за срочность? – У недовольного Захара Хорка был звучный и властный голос.

Обеспокоенный из-за сообщения сестры, комендант шумно топал ногами, стряхивая грязь и так же шумно звал хозяйку дома.

– Клавдия, ты там оглохла, что ли? Просила приехать, да еще торопила, а сама не встречаешь?

Он толкнул дверь и увидел меня.

– Это не Клавдия отправила сообщение, – негромко произнес я и положил чужой телефон на стол. Допил последний, самый вкусный глоток чая, и поставил рядом пустую кружку. – А я.

– Что случилось? Моя сестра заболела? – встревожился инквизитор. – Где она? Вы постоялец?

– Да. Ваша сестра здесь.

– Что с ней? Постойте…

Он запнулся и нахмурился.

– Это ведь вы… Вы!

Я медленно снял перчатки, ожидая, что комендант узнает убийцу, портрет которого напечатали во всех газетах империи.

– Тот парень на улице, что толкнул меня! Это были вы! Но… что происходит?

Все-таки профессиональное чутье сработало, и инквизитор потянулся к оружию в наплечной кобуре. Но достать его не успел. К лицу Хорка прижался остро пахнущий платок. Инквизитор удивленно моргнул, словно не веря, что это происходит в доме его сестры, и рухнул на пол.

Я присел, поднес к шее коменданта пальцы.

– Жив.

– Конечно, это всего лишь эфир. Надо поскорее его связать. – Нейл протянул мне веревку. – Пока я тоже не свали-и-и-ился! В этом доме невыносимо тянет в сон! Я долго не выдержу.

Я кивнул. Снова надел перчатки и начал стягивать с коменданта одежду. Но видимо, удержать равнодушное лицо я не сумел. Потому что Нейл посмотрел на меня и остановился.

– Рэй…

Я поднял голову. Двоедушник – сегодня чисто выбритый, в строгих очках, добротном костюме и двубортном пальто, – выглядел благочестивым и добропорядочным горожанином средних лет. Меньше всего он походил на бандита, усыпившего инквизитора и готового сделать множество других незаконных дел.

– Рэй, послушай меня. Мы не причиним вреда другим людям. Мы лишь заберем своих друзей и исчезнем. Отсидимся в горах или в пустошах, там никто не обращает внимания на соседей. Потом найдем милорда Хакала и попросим его завершить то, что он начал в горном доме. Или будем принимать твой настой, он тоже неплохо справляется! Мы просто делаем все, чтобы выжить, Рэй. Просто выжить. Не кори себя.

Я кивнул, не отвечая. Двоедушник вздохнул и негромко произнес:

– Знаешь, я с детства хотел быть школьным учителем. Рассказывать детишкам разные занятные истории, показывать удивительные составы и фокусы, которые позволяет делать наука. Хотел жениться на соседской девушке, ее звали Мэл. Настоящая красотка. С веснушками. Я обожал ее веснушки. Хотел по праздникам собирать всех за столом, звать семью брата, есть жареные

ребрышки и пить сливовую настойку. Хорошая жизнь. Но вышло иначе. Мы с Брэдди попали в яму скверны и не сумели вовремя выбраться. Пробыли в ней слишком долго. Теперь я, то есть мы – финариум, а ночами я запираю себя в подполе и грызу деревяшку, чтобы не выть в голос. Нам с братом просто не повезло. И порой это случается даже с хорошими людьми. Хорошие люди порой попадают в плохие обстоятельства, Рэй. Никто не хочет становиться чудовищем. Каждый надеется, что эта роль выпадет не ему. Но судьбу не выбирают.

Он дернул мундир, вытряхивая из него коменданта.

– Хотя знаешь, после всего, что с нами случилось, самым большим моим желанием стало увидеть, как ты надерешь зад этим проклятым инквизиторам! Это и спасенные друзья – что еще надо для счастья? Когда прибудем в Гросвид, я куплю самую дорогую сливовую наливку, которая только есть в местном пабе, и напьюсь до фейерверка в глазах! Отличный план, правда?

– Так и будет, Нейл.

Комендант остался лежать в одном белье, а я натянул его форму. Штаны оказались коротковаты, а мундир широк в груди. Но в целом я выглядел убедительно.

Последний штрих – Маска. И Нейл присвистнул, переводя пораженный взгляд с меня на инквизитора.

– Ты просто вылитый он! Ох… Святой Пантелей, этот гад приходит в себя! Вяжи его!

В четыре руки мы связали мычащего Хорка, снова приложили к его лицу платок с эфиром и, устроив коменданта в чулане под лестницей, повернули в замке ключ. Клавдию тоже связали, решив, что так для нее будет лучше.

Лишь жертва, а не соучастница.

Я подобрал с пола портупею инквизитора, посмотрел. Служителям Духа нельзя даже прикасаться к оружию. Но я больше не служитель Духа. Сжав зубы, торопливо затянул широкие ремни на плечах, поясе и правом бедре, сунул в кожаные чехлы пистолет и кинжал. Подхватил пальто. Глянул на часы – пора.

Нейл, зевая во весь рот, вернулся из кухни. Окинул меня внимательным взглядом, одобрительно кивнул и ткнул пальцем наверх.

– Постояльцы еще спят. Ты уверен, что они сделают все, что надо?

Я покачал головой.

– А я уверен, что так и будет. Ты не понимаешь, на что способен, Рэй. Впрочем, я тоже этого не понимаю… Ладно, пора выходить. Пусть Святые присмотрят за нами, Рэй. Пусть сберегут в пути.

Он ушел первым, я за ним. Возле порога ждал «iron horse» инквизитора. Я сел за руль и завел машину. Когда я отъезжал от «Озерного Дома», то думал, что святым лучше отвернуться.

Им не понравится то, что они увидят.

***

– Мне дайте любовь, пожалуйста!

– А мне достаток! Ну поищите, должен ведь остаться!

– Да забрали весь достаток! Три десятка было, и все разобрали! Почет еще есть. Надо?

Покупатель со вздохом кивнул – лучше бы все-таки «достаток», но забрал «почет».

Когда городские часы показали пять часов вечера, глуховатый старик в старом пальто с ондатровым воротником протянул покупателю свой последний бумажный фонарик с красной лентой. И потянулся, разминая затекшие старые кости. Уже с десяток лет он мастерил и продавал свой нехитрый товар, только с каждым годом прибыли получал все меньше. Потому что узловатые пальцы уже не так хорошо клеили бумажные листы, подводили глаза, а от запаха канцелярского клея болела голова. И фонари выходили кривоватыми, неказистыми. Продавались плохо.

Но только не в этот раз! В этот раз вся партия улетела так быстро, что старик и опомниться не успел! А все потому, что на праздник – будь славен император и наследник! – коронованная семья повелела запустить в небо тысячи бумажных фонарей! Дабы свет императорского величия увидели не только на земле, но и на небесах. Дабы все пожелания исполнились и сбылись. Дабы небо стало красным как кровь, пролитая за империю! Идея горожанам понравилась. И вот уже на каждом углу ушлые торговцы продают поделки. Каких только фонарей не предлагали! И расписные, и посыпанные блестками!

У старика поделки были простые, незатейливые. Вот он и переживал, что не возьмут его фонарики, пройдут покупатели мимо… Хорошо, что постоялец, уже месяц снимающий у старика комнату, помог. Придумал знатный крючок – написать на лентах пожелание, которое непременно сбудется, как только огонь унесет шарик в небо. «Процветание и благоденствие», «Любовь» «Почет всех и каждого» – надписи были самые разные, и многие покупатели, так и не сумев выбрать, чего желают больше, скупали сразу по пять, а то и по десять фонарей.

Веселая толпа в нарядных одеждах текла по проспектам Неварбурга, устремляясь к площади Святого Луки. А старик, радостно грея в кармане заработанные купюры, отправился в паб – пропустить стаканчик за здоровье принца Юстиса, императора Константина и – особенно – за своего нежданного помощника, постояльца, которого старику послал Дух его почившей жены, не иначе…

***

Когда часовая башня на городской площади гулко звякнула, знаменуя семь часов вечера, тринадцать постояльцев маленького отеля «Озерный Дом», на улице рядом с которым не было никаких озер, проснулись. Никто из них не задался вопросом, почему спал в такой поздний час. Никто не стал разговаривать с другими постояльцами или даже собственными супругами. Каждый из них лишь молча оделся. Натянул обувь. И вышел из отеля «Озерный Дом», устремляясь на север.

Госпожа Клавдия Хорк, тоже пришедшая в себя, но сумевшая лишь мычать в своих путах, проводила изумленным взглядом фигуры своих домочадцев, возникших в крошечном окне чулана.

Большего Клавдия сделать не смогла.

***

Когда мои наручные часы показали шесть, ворота Благого Дома медленно распахнулись и оттуда со скрежетом выбрался «skorobey» – приземистый, тяжелый и массивный автомобиль с фургоном, в котором перевозили деструктов. Но я этого не видел, лишь надеялся, что сведения, полученные от Клавдии, окажутся верными.

Пока скарабей полз по улицам города, я поджидал его в тихом переулке между Благим Домом и железнодорожной станцией.

Стрелка моих часов вздрагивала при каждом движении и также дергалось мое сердце. Из тьмы вынырнула фигура, и Нейл поднял ладонь, показывая, что это он.

Хлопнув дверцей, он залез в автомобиль инквизитора. Я снова посмотрел на часы.

– Им уже пора появиться.

– Город переполнен гуляками, может, задержались в дороге? – Нейл посмотрел в зеркало, потом выглянул в окно. Но дорога, по которой должен был проехать «skorobey», радовала лишь бродячими собаками.

Стрелка часов качнулась снова. И опять.

Я смотрел на дорогу до рези в глазах, ощущая, как заворачивается внутри беспокойство. Машины из Благого Дома не было.

– Или они поехали другой дорогой.

– Но они всегда едут по этой! Я несколько раз проводил этот жуткий скарабей до станции! Это самый короткий путь! – возразил Нейл.

– Но они его изменили. – Внутренняя пружина сжималась все сильнее. Стрелка часов сместилась еще на несколько делений.

И я вдавил педаль в пол, отчего Нейл вскрикнул и вцепился в сиденье.

Тяжелый железный конь инквизитора оказался гораздо манёвреннее, чем старый автомобиль моего наставника, на котором я ездил за припасами для семинарии. Визжа покрышками, мы пролетели переулок, так и оставшийся пустым, выскочили на проспект. И встали в череду авто, закрывших проезд! Празднично одетые люди пестрой толпой стекались к площади, где совсем скоро выступит с речью сам император.

– Не проехать! Застряли! – выдохнул Нейл, и в его голосе явно зазвучала паника.

Я сжал зубы и сдал назад, толкнул бампером «буйвола», который почти закрыл мне выезд. Из окна с руганью высунулся бородач, но увидев красную полосу на моем капоте, умолк и отвернулся.

«Железный конь» вырвался из затора, ободрав бок о стену здания, пронесся по проспекту и нырнул в проулок. В голове крутилось лишь одно: где скарабей? Какой дорогой повезли деструктов? Нейл

молчал, вцепившись в сиденье и бледнея все больше с каждой минутой моей безумной езды. Но я на него не смотрел. Перед глазами разворачивалась невидимая карта Неварбурга. Улицы, набережные, мосты, тупики… Ниточки, тянущиеся со всех сторон, словно артерии живого организма. На какой из них мои друзья? Моя сестра?

Направо, налево, направо…

Выкрутив руль так, что машину занесло, а двоедушник вскрикнул, я вылетел на перекрёсток. И увидел, как навстречу выворачивает пузатый словно бочонок фургон с красной полосой на боку. Скарабей!

– Благодарю, Святой Пантелей! – выдохнул Нейл. – Боги, Рэй, где ты научился так водить? Я думал, нам крышка!

– Кто-то должен был ездить за припасами для семинарии. По горному серпантину. – процедил я, а Нейл шумно выдохнул.

Объехав «skorobey», я развернул машину, преграждая дорогу, и когда фургон становился, вышел. Зябкий ветер взметнул полы моего пальто. Вернее – не моего. Оно тоже принадлежало инквизитор Хорку, как и лицо, на которое сейчас смотрели мрачные стражи. Их было двое – один остался за рулем, а второй вышел, придерживая ножны с кинжалом на бедре.

– Комендант? Что вы тут делаете?

– Новое распоряжение, – хрипло произнес я, пытаясь скопировать голос Хорка. – Мне необходимо досмотреть деструктов перед их отправлением. Открывай фургон.

– Здесь? На улице? – округлись глаза инквизитора. – Но вы сами запретили это делать! Мы закрываем дверь в Благом Доме и открываем лишь у поезда.

– Живо открывай, – рявкнул я. У перекрестка показались прохожие, шарахнулись в сторону, увидев инквизицию. Сколько пройдет времени, прежде чем сюда нагрянут стражи порядка и миротворцы? Прежде чем завопит сирена?

Словно услышав мои мысли, в скарабее ожила переговорная коробка.

– Срочно! Срочно! Всем постам! Прорыв у Безголовой площади! Ох, простите, то есть возле Лютейного поля! В зоне видимости десять человек! Одиннадцать! Двенадцать! Их становится все больше! Всем постам…

– Это что же происходит? Кто-то сунулся в яму скверны? Или… это тот убийца, да? Тот, которого ищет вся инквизиция! – с недоумением спросил молодой страж, а второй – пожилой водитель, – тоже вылез и уставился на меня. И прищурился, словно что-то в моем облике ему не нравилось.

Возможно, моя Маска дала трещину. Возможно, инквизиторы догадаются раньше, чем прибудет подкрепление.

Я шагнул ближе, под жёсткой подошвой сапога хрустнула галька. Так близко, что стало видно, насколько молод первый инквизитор. Возле распахнутых голубых глаз даже морщин не было…

– Открывай. Фургон, – повторил я. Уже негромко. Глядя в глаза.

Но все же он сопротивлялся. Его белый браслет сопротивлялся. И мне уже показалось, что бесполезно, мой приказ не сработает, но страж моргнул и пошел к дверям.

Второй, пожилой, выхватил из кобуры пистолет.

– Матье, стой! Ты что творишь? Эй, ты не комендант!

Выстрелить он не успел. Чудовище с неестественно длинными ногами и руками, на котором треснула одежда, а широкое пальто развевалось, подобно балдахину на катафалке, выпрыгнуло из тьмы и одним ударом свалило инквизитора. Увидев над собой жуткое клыкастое лицо, больше похожее на морду, страж затих. Нейл прижал к его лицу платок с эфиром.

Молодой тем временем возился с ключами. Не выдержав, я выхватил связку и сам воткнул стержень в замок. Поворот, второй… Внутри щелкнуло. Отодвинув тяжелый засов, я распахнул створку.

Внутри было темно. Я моргнул, не различая лиц, лишь видя темные силуэты, сбившиеся в кучу. И тут из кучи прозвучало тихое:

– Рэй? Рэй, это ведь ты?

Я уловил запах ванили раньше, чем увидел девушку. Вязаный шарф сбился, показывая бледные щеки.

– Фиби! – Радость обожгла грудь так, что стало больно.

Она качнулась ко мне, желая кинуться на шею, но застыла, вспомнив, что нельзя.

– Рэй, – едва слышно прошептала она, обводя взглядом затихшую улицу. – Ирма говорила, что однажды небо загорится алым и нас повезут в железном жуке. Но мы не доедем. Я ей тогда не поверила. Ведь небеса не горят.

– А я знала! Что ты придешь за нами! Я знала! Но… Это правда ты? Или обман?

Из фургона показалась еще одна девичья фигурка – в серых штанах и куртке. Мишель. На пыльных щеках виднелись дорожки слез. Она сжала кулаки, отчаянно всматриваясь в мое лицо, но видя лишь инквизитора.

За девушками выглянули Арчи и Демьян. Все они с одинаковыми страхом и надеждой смотрели на меня, пытаясь увидеть и узнать знакомые черты.

– Рэй, это точно ты?

Арчи спрыгнул на землю, заметил рычащего Нейла. И завопил:

– Точно он! Кто еще может прийти за нами в компании двоедушника!

Деструкты загомонили, выползая на свет улицы. Среди друзей я заметил и двух незнакомых девушек-подростков. Обе жались к Арчи, который что-то тихо им шептал.

– Где Зоя и Ирма? – Я подался вперед, жадно заглядывая в каждое лицо. – Зоя! Ирма!

– Их тут нет. – Тихий голос Фиби показался ударом под дых. Девушка стояла рядом, так близко, словно надеялась ощутить тепло моего тела. И дрожала, скрывая желание прикоснуться к рукаву моего мундира. – Их держали отдельно ото всех, Рэй. Вероятно, в Пески их повезут в другом фургоне. Но не сегодня. Комендант… ну то есть настоящий комендант, говорил, что сегодня отправляют лишь нашу группу.

Я сделал глубокий вдох. В кабине скарабея надрывалась переговорная панель, призывая всех свободных инквизиторов на Лютейное поле, прозванное в народе Безголовой Площадью.

В небо над Неварбургом взлетели первые бумажные фонари – рукотворные алые звезды. Они вспыхивали на черноте бархата и поневоле притягивали взгляд. Одна звезда, вторая, третья… И сразу десятки!

– Небо загорится алым… – прошептала Фиби.

– Нейл, – сказал я. – Отведи ребят в укрытие.

– А ты?

– А я должен найти Ирму и сестру. В Благом Доме.

– Мы идем с тобой.

– Нет.

– Мы пойдем, Рэй! – Арчи-Вулкан обвел деструктов хмурым взглядом. – Ты рисковал ради нас. Мы тебя не бросим.

– Не бросим! – едва не крикнула Фиби, и Мишель шикнула на подругу.

– Нет.

– Рэй, пожалуйста!

Нейл – уже почти человек, – привалился боком к фургону и тяжело дышал. Белки его глаз побагровели от лопнувших сосудов, на губах пузырилась пена. Смена ипостаси давалась двоедушнику непросто. Обоих инквизиторов мы усыпили и связали, но я знал, что нейропанели скоро обезвредят действие эфира. Надо было торопиться, а я тратил время на споры.

– Нейл, отведи ребят в укрытие, – снова приказал я, уже не слушая и ощущая, как тикает внутри стрелка часов. Обвел взглядом расстроенные и мрачные лица. Улыбнулся. – Я не хочу снова терять вас. Всех вас. И лучшее, что вы можете сделать – это оказаться в безопасности. Просто сделайте это.

– Рэй… – Фиби снова качнулась ко мне. – Мы ведь еще увидимся? Ведь увидимся, правда?

Я посмотрел в некрасивое, но милое лицо девушки. И кивнул.

– Обязательно увидимся, Фиби.

Отвернувшись, я пошел к инквизиторской машине. Сел на сидение водителя, завел мотор. Дверца хлопнула, и рядом опустился Нейл.

– В укрытие ребят отведет Демьян, он хорошо знает город. А я еду с тобой.

– Но…

– Время уходит, Рэй, – негромко произнёс Нейл. – Давай найдем наших девчонок.

Я покачал головой и вытащил из углубления железные браслеты.

– Тогда тебе придется надеть это, деструкт.

Глава 11. Благой Дом

– Открывай! – рявкнул я постовому возле ворот Благого Дома. – Совсем ослеп, не узнаешь коменданта?

Решетка дрогнула и поползла наверх, освобождая проезд. Я нажал на педаль ускорения, въезжая во двор. И постарался не оборачиваться, когда решетка с лязгом опустилась снова. Остановив «железного коня», я хлопнул дверцей и вытащил Нейла с закованными руками.

– Вперед.

Десяток ступеней, и мы вошли в тюрьму-лечебницу. Нейл, опустив голову и шаркая, словно больной старик, двигался впереди, я за ним.

– Инквизитор Хорк! Разве вы не должны быть на выступлении императора? – навстречу вышел пожилой, но крепкий инквизитор. Я окинул беглым взглядом его мундир: аксельбант, три красные полосы на левом рукаве, две – на правом. Две нашивки – с мечом и факелом и с северной короной. Опытный страж Святого Воинства. Обмануть такого непросто, но пока в блеклых светлых глазах нет подозрения. Значит, моя Маска все еще работает.

– Караул обнаружил опасного деструкта. – Я подтолкнул Нейла в спину. – Привез его лично! Отведу нарушителя в камеру и вернусь в город. Вы слышали о прорыве возле ямы скверны? Что предприняли?

– Я приказал отправить к Лютейному полю двоих наших стражей.

– Всего двоих! – процедил я. – Вы в своем уме? Немедленно вышлите туда подкрепление! Весь Неварбург в опасности!

– Но, комендант, мы оставим Благой Дом без должного наблюдения…

– Немедленно! Деструкты за решётками, куда они денутся? В то время как у ямы скверны нужна вся мощь инквизиторов!

– Но доктрина запрещает нам ослаблять защиту…

Договорить он не успел, потому что в холл влетел молодой страж, за ним еще трое инквизиторов.

– Комендант Хорк! Инквизитор Лармитт! Срочное сообщение!

– Да говори же, Ален! Что еще случилось?

– Небо, инквизитор Лармитт! Небо над площадью святого Луки, у самого дворца. Небо загорелось!

Я уловил вдох Нейла, но не позволил себе посмотреть на деструкта, стоящего с низко опущенной головой.

– Загорелось небо? Что ты несешь?

– Ну то есть… не само небо, конечно. А бумажные фонарики, которые там запускали. Вспыхнули факелами, разбрызгивая горящую смолу и бумагу! Там все полыхает! Миротворцы не справляются с паникой и низкими вибрациями, на площади слишком много людей! Запрашивают подкрепление!

– Император в опасности! – рявкнул я. Нейл от неожиданности подпрыгнул и едва не выпустил Брэдди. – Приказываю всем инквизиторам Благого Дома немедленно выдвинуться на помощь его императорскому величеству и принцу Юстису!

– Всем? – опешил Лармитт.

– Ален останется, – ткнул я в ошеломленного гонца. – И постовые у ворот. Остальным – устремиться на помощь монаршей семье и горожанам! Я присоединюсь к вам, как только запру в клетке этого ренегата. – И видя, что инквизиторы колеблются, посмотрел каждому в глаза и добавил с яростью: – Выполнять! Или ждете, когда вам прикажет сам император Константин?

– Слушаюсь, комендант Хорк!

Ален вытянулся в струнку, Лармитт коротко кивнул и вышел. За дверью тут же раздались выкрики, приказы и топот инквизиторских сапог. Я едва сдержал дрожь радостного возбуждения и увидел, как заблестели глаза Нейла. Неужели наши уловки сработали? Неужели получилось? Хотя радоваться было рано, я все еще не нашел ни Ирму, ни сестру.

– Ален, – кивнул я застывшему парню. На его правом рукаве краснела лишь одна полоса, а значит, этот инквизитор лишь недавно получил красный аксельбант и перестал быть адептом. – Проводи меня к заключенным. Поторопись!

За окнами выли сирены отъезжающих инквизиторских машин, лязгали ворота. Вслед за Аленом мы с Нейлом прошли широким коридором, свернули раз, другой. Благой Дом внутри казался притаившимся зверем.

Словно в ответ на мои мысли, где-то раздался жуткий, нечеловеческий вой – и Нейл дернулся.

– Что это такое?

Ален нахмурился и пожал плечами.

– Сейчас же проверю, комендант, – сказал он, доставая тонкую пластинку-ключ и отпирая ею дверь. – Допросная. Вы ведь хотели привести деструкта сюда, ведь так, инквизитор Хорк?

– Точно, – хрипло ответил я. – Думаю, этот ренегат повинен в поджоге сотни бумажных фонариков и именно из-за него небо над площадью загорелось. Этот ключ отпирает все двери, так?

– Ну да… Почему вы спрашиваете? У вас ведь есть ваш собственный…

Нейл поднял руки и огрел Алена по голове железными браслетами. Но вопреки ожиданиям, тот не упал, а лишь качнулся и удивленно заморгал. А потом открыл рот и… Мой кулак врезался ему под дых, второй – в скулу. Ален треснулся головой о стену и затих.

– Отличный удар, – проворчал Нейл, снимая кандалы. – Где научился?

– У меня всестороннее образование. – Я торопливо ткнул ключом-пластиной, открывая ближайшую дверь.

Нейл одобрительно присвистнул и ввалился в открытую комнату-камеру. Я окинул быстрым взглядом узкие койки, заправленные темными одеялами. Находящиеся внутри деструкты испуганно вскочили.

– Я ищу двух девушек. Одна высокая и худая, с черной косой и шрамами на лице. Возможно, она носит костяную маску. Вторая седая и в вуали. Вы их видели? Знаете, где они? Говорите!

Но деструкты лишь испуганно жались к стене, не отвечая. Ближайший шарахнулся в сторону и торопливо покачал головой.

– Нас привезли лишь вчера, мы никого не видели, господин инквизитор…

Я с досадой выхватил ключ и начал открывать все двери на этаже. Парни, девушки, подростки… В Благом Доме держали несколько десятков деструктов! Но где же мои родные?

– Надо проверить следующий этаж! – крикнул я, бросаясь к лестнице. Где-то внутри здания снова завыло, кто-то заорал. – Скорее!

Несколько деструктов сообразили, что их дверь осталась открытой и несмело вышли в коридор. А потом понеслись к выходу, топая и толкаясь. Под потолком замигали желтые светильники и заверещали низкочастотные датчики.

Снова завыло…

Я взлетел на второй этаж. Коридор здесь вился кирпичной змеей. Сунул ключ в замок и… ничего. Я с недоумением посмотрел на пластинку. Сломалась она, что ли?

– Это особое отделение. – Негромкий голос инквизитора Лармитта заставил меня обернуться. – Здесь нужен другой ключ. У настоящего коменданта он был. А вот у фальшивого, похоже, нет.

Я смерил мужчину высокомерным взглядом.

– Что вы несете, инквизитор Лармитт? И почему вы еще здесь? Императору нужна помощь Святого Воинства. Немедленно покиньте Благой Дом и выполните приказ!

– Как только вы назовете мое имя, комендант, – сказал страж. – Вы ведь помните его, не так ли?

Я сжал в кулаке тонкую платину ключа, понимая, что попался. Каким-то образом этот человек догадался о подделке.

– Вижу, что не ошибся… Ведь с настоящим комендантом мы служили бок о бок десяток лет. Похоже, стоит представиться. Секратор Святого Воинства, инквизитор Андрэ Лармитт.

Я сжал зубы. Секратор? Проклятие…

Лармитт усмехнулся, делая ко мне шаг.

– А знаешь, я ведь ушел, как и все. Поверил. Даже выехал за ворота. Но так торопился выполнить твой приказ, что даже не закрыл их. А ведь со мной никогда подобного не случалось. Удивительная сила буквально гнала меня прочь, заставляя покинуть Благой Дом и убраться как можно дальше. И лишь удивление от своей забывчивости вынудило остановиться и вернуться к воротам. Через силу. Словно все во мне противилось этому… Но я вернулся. И начал думать. Знаешь, я привык доверять своему чутью…. Два отвлекающих фактора: люди, бредущие к яме скверны, и загоревшиеся фонари на празднике. Два места, удаленные от Благого дома и требующие внимания инквизиции. Умно. Но не для того, кто служил на границе с Равилоном и уже двадцать лет ловит деструктов. Так кто ты такой? И за кем пришел сюда?

Инквизитор склонил голову, внимательно всматриваясь в мое лицо. Нахмурился.

– Неужели? Неужели – он? Тот самый разрушитель? Неужели мне так повезло?

Я сделал шаг и ударил. И снова. И еще. Быстро и сильно, не давая Ларминтту опомниться. Но третий удар попал в пустоту, секратор просто испарился. И возник уже за моей спиной. Его удар отбросил меня к стене с такой силой, что я услышал хруст своих ребер.

Страж ухмыльнулся.

– Думал, все будет так просто? Что можно прийти в Благой Дом и забрать отсюда деструктов? Ладно, признаю, план был неплох. И твоя Маска – тоже. С фонариками все понятно – жидкие парафины, смолы, спирт… Не знаю, что ты там намешал, но загорелось здорово. Но как ты заставил десяток людей отправиться к яме скверны, на проклятую Безголовую Площадь? Вот это действительно интересно.

Его кулак впечатался в мою голову. Почти. Потому что я успел откатиться и вскочить, не обращая внимания на ноющие ребра. Запястье с браслетом обожгло…

– Я их попросил, – сказал я, копируя ухмылку инквизитора.

– И они послушались?

– Да.

– Значит, попросил, – взлетели вверх косматые брови секратора. Он снова ударил, и я упал, больно врезавшись коленями в доски пола. Фигура инквизитора заслонила свет. А когда он наклонился добить, я схватил его за руку. Вскинул голову и посмотрел в водянистые блеклые глаза.

– Просто попросил. Как и тебя. Не дыши, Андрэ Ларминтт.

Мужчина замер. Его блеклые глаза расширились, руки потянулись к горлу, дергая жесткий воротник мундира и царапая кожу. Под манжетой блеснула белая нейропанель. Вряд ли у меня много времени. Значит, надо обезвредить секратора раньше, чем он сбросит мой приказ. Но у меня не было эфира, не было веревки… Ничего, что могло остановить инквизитора, который сделает все, чтобы остановить меня.

Хотя у меня был нож. И пистолет. И способ навсегда избавиться от Андрэ Ларминтта. Оставить его на полу Благого Дома и успеть

найти пленниц прежде, чем сюда нагрянут остальные. Что-то внутри твердило, что так и надо сделать. Что это лучший способ избежать неприятностей. Что нельзя оставлять за спиной такого противника… Секраторы – особая часть Святого Воинства: бывалые вояки, опытные инквизиторы, обладающие впечатляющими способностями и боевыми заслугами. Я уже видел, как быстро Лармитт двигается, а каждый его удар дробил мои кости. Запястье с браслетом жгло, когда панель пыталась восстановить мое тело.

И все же я медлил.

Неприятие насилия вбивалось в меня годами. Догмы семинарии вплавлены в мой разум и в кости, а убийство – самый страшный, самый непростительный грех.

Я не мог убить инквизитора. Я не мог пойти на убийство. Все внутри протестовало против этого.

Я не мог убить.

В отличие от самого Лармитта.

Потому что пока я сомневался, секратор выхватил из кобуры пистолет и выстрелил. Раз, другой!

– Я надеялся взять тебя живым, разрушитель! – крикнул он. – Тебя велено брать только живым, но мне стоило выстрелить сразу!

Три, четыре, пять, шесть. Свинцовые зернышки отскочили от стены и упали на пол.

Лармитт вытаращился на пустоту, где мгновение назад был я. Не только секратор умел показывать фокусы с исчезновением.

– Какого дьявола?..

Я швырнул нож. Инквизитор зашипел, зажимая рану в плече, а я возник за его спиной и вывернул руку Андрэ, заставляя выпустить оружие. Хрустнула, ломаясь, кость… Но инквизитор, зарычав, сбросил мою хватку, ударил локтем и выхватил свой нож. Ударил левой рукой и рассек мне кожу на бедре. Я ощутил, как мокро и горячо стало ноге. Я сумел выбить и это оружие, но инквизитор вывернулся из моего захвата, откатился, вскочил, невзирая на раны. Впрочем, возможно, они уже затянулись, у таких вояк повышенная регенерация…

Тяжело дыша, секратор раскрыл ладонь и в его руке появился широкий и короткий белый меч. Внутри меня, отзываясь на вид этого оружия, разрасталось что-то темное. Что-то непозволительное.

Духовное атмэ. Сияющее пламя Святой Инквизиции, убивающее не просто тело. Уничтожающее сам Дух.

Ладонь зачесалась, а запястье под моим черным браслетом обожгло так сильно, что я едва не согнулся от боли.

– Что ты скажешь на это, щенок? – криво усмехнулся Андрэ. Его лицо было в крови, губы разбиты и нос сломан. Потому усмешка вышла отвратительной. Блеклые глаза стали еще белее. – Кажется, ты потерял Маску, ублюдок.

Я бросил взгляд в сторону, туда, где решетки скрывали темное окно. И увидел свое отражение. Свое. Отражение. Лицо Августа Рэя Эттвуда. Отросшие и стянутые в хвост черные волосы рассыпались по плечам спутанными прядями.

Мое оружие осталось лежать на полу, выбитое умелым стражем. У секратора был духовный меч. У меня не было ничего.

Он сделал шаг ко мне, приближаясь. Я отступил. И снова. Коридор неожиданно расширился. Над потолком мигали и с треском лопались лампы, оглушающе выла сирена.

Я сделал еще шаг назад, во тьму.

– Ну прощай, выродок, – сказал секратор, поднял атмэ и… заорал, когда что-то огромное и косматое подкралось сзади, бросилось и клыками вцепилось в его загривок. С воплем страж закрутился на месте, размахивая мечом и пытаясь сбросить с себя… волка?

– Хантер? – изумился я.

«Из зверинца сбежал зверь… Жителей Неварбурга просят сохранять спокойствие и докладывать стражам порядка любые сведения о волке…»

Так вот о ком писали в столичных газетах! Боясь паники, дикого волка представили питомцем из местного зверинца!

– Как ты нашел меня?

Конечно, волк не ответил, он продолжал терзать инквизитора, морда и пасть обагрились кровью. Но Лармитт не сдавался. С рычанием он отбросил Хантера и кинулся на меня, словно и не замечая окровавленных рук. Я рухнул на пол, прокатился по доскам, схватил с пола нож и подрезал секратору сухожилия под коленями. А когда тот упал, сделал быстрые насечки на его руках и ребрах. И откатился в сторону прежде, чем Лармитт меня достал своим оружием.

– Что ты со мной… сделал? – выдохнул тот, все еще пытаясь подняться.

– Обездвижил, – сказал я, лежа на полу. Не веря, что справился, я глубоко вздохнул и сел. Глянул на жадно глотающего воздух секратора. – Ваша нейропанель исцелит вас, инквизитор. Но не быстро. Такому способу учат охотников в горах. Подрезая сухожилия и связки, можно обезвредить крупного зверя. Он остается живым, но совершенно беспомощным. Так мясо дольше сохраняет свою свежесть. Мой отец был охотником.

Лармитт прошипел грязное ругательство.

– На вашем месте я бы экономил силы. Ваша нейропанель и без того работает на полную мощность.

Присев возле волка, я провел ладонью по влажной от крови шерсти. Хантер вздрогнул, когда мои пальцы коснулись пореза на его боку.

– Потерпи, – прошептал я. Волк смотрел мне в лицо преданными желтыми глазами. Верил. И это снова сжало мне сердце.

Одним махом стянув проклятый инквизиторский мундир и рубашку, я разрезал ткань и стянул ею бока волка.

– Не смей снимать, – приказал я, оглядываясь. – Жди.

Внутри тянуло и болело, панель жгла руку уже до локтя. Но я не обращал внимания. Шатаясь, я выпотрошил мундир обездвиженного секратора, нашел еще один ключ. И бросился открывать двери. Створки хлопали и хлопали. Я видел ужас в глазах тех, кто был заперт. Они не радовались моему приходу. Они боялись меня. Боялись сильнее, чем инквизиторов.

Я звал Ирму и Зою. Кричал.

Когда в глубине коридора возник шатающийся Нейл, я уже знал ответ.

– Их здесь нет, – глухо сказал я. – Ни Ирмы, ни моей сестры нет в Благом доме. Нет.

Это все было напрасно. Я их не нашел и не спас. Они по-прежнему в руках инквизиции. Где-то в другом месте. Где-то, где я не могу до них добраться. Может, уже в Песках? Может, они уже давно там? Что с ними там делают?

Не выдержав, я всадил кулак в стену.

Датчик надо мной взорвался, разбрызгав желтые искры.

– Рэй, надо убираться, – нервно сказал за спиной Нейл. – Пока еще можно. Мы привлекли слишком много внимания.

Я его не слышал. Чернота застила глаза, поднималась внутри. Разрасталась. Скверна ширилась бесконечной бездной, тянула к себе. Мне хотелось упасть в нее, стать ее частью. Позволить ей стать сильнее, мощнее, больше… Позволить поглотить и меня, и этот проклятый мир, забирающий то, что мне дорого.

Скверна тянула… Тянула!

Ощущение было до боли знакомым.

Скверна? Нет… Это что-то иное. Это… Часть моей души в теле другого человека.

– Рэй? – какой испуганный у Нейла голос. – Рэй, что с тобой? Что происходит?

Я прижал ладонь к груди, туда, где словно торчал невидимый крючок. Торчал и тянул меня!

– Рэй! – в голосе друга уже не испуг, а настоящая паника.

– Это… Кассандра, – прохрипел я.

– Какая к демонам Кассандра?

– Дай мне… немного времени…

– У нас нет времени, Рэй! Уходим!

Я поднял на него взгляд, и Нейл отшатнулся.

– Рэй?..

Но я уже не услышал.

Глава 12. Тик-так, Кассандра

Платье ослепляло чистейшим белым светом.

И было настолько совершенным, что мой порыв – искромсать ткань ножницами, – разбился вдребезги. Я застыла перед шкафом, на дверце которого висело сияющее совершенство Дюрана Моро. Каждая девушка в нашей империи мечтает пойти к алтарю в платье от великого мастера. Каждое его творение – не только вверх изысканности и стиля. Оно неповторимо. Платье от Моро – это драгоценность. О них ходят легенды, многие утверждают, что наряд делает счастливую обладательницу неотразимой для каждого, кто ее увидит. И лишь на теле девушки платье от Моро станет частью его обладательницы и покажет свою истинную красоту.

Уже в который раз я скользнула взглядом по облегающему лифу, украшенному изящным кружевом и мерцающими кристаллами, по многослойной юбке из органзы и шифона, по белым перьям на юбке. Надев это платье, я стану лебедем – прекрасным и безупречным. Лебедем, плывущим по волнам любви в объятия будущего мужа…

Рука сама сжала в кулак острые лезвия.

«Осторожно, Нейл, у этой девушки есть портняжные ножницы!» – прозвучал в голове насмешливый голос из воспоминания.

И ладонь опустилась. Очарование исчезло. Я с досадой потёрла лоб, злясь на себя. Когда-то я мечтала о таком платье, но и подумать не могла, что надену его, чтобы выйти замуж за нелюбимого!

Сдернула наряд и сунула в шкаф, к ряду черных мундиров и строгих брюк, словно белого лебедя толкнула в стаю хищных ворон. Я надеялась, что вороны окажутся сильнее и сожрут его.

Села на кровать и сжала виски ладонями. Как ни пыталась я оттянуть этот день, он все-таки приближался. День моей свадьбы.

***

«Кассандра! Ты и сама понимаешь, что я не смогу прибыть на свадьбу, это поставит нас обеих в неловкое положение и вызовет ненужные вопросы. К тому же мое присутствие необходимо в столице. Потому письменно поздравляю тебя с этим счастливым днем. Мой подарок вручит твой будущий муж. Будь умницей».

Подписи не было.

Я скомкала послание в кулаке. Отец как обычно живет в своих гарнизонах, а Несравненная Аманда не сочла нужным явиться на торжество. Впрочем, чего я ожидала? Она пропустила все праздники в моей жизни, с чего бы приезжать сейчас? Дела империи гораздо важнее! Вернее – дела монаршей семьи. Кажется, день моей проклятой свадьбы совпал с годовщиной снежного бунта, в котором Аманда принимала непосредственное участие, а также – именинами принца Юстиса. Очевидно, эти праздники для архиепископа гораздо важнее, чем свадьба родной дочери. Сегодня даже Кастел Старограда украсили полотнами с северной короной на фоне сияющего солнца и золотыми лентами с пожеланиями наследнику престола.

В честь памятного события адептам дали выходные и разрешили покинуть крепость. Всем, кроме меня, конечно. Мне привезли свадебную орхидею – символ великолепия невесты.

Бумажный ком смятого послания полетел в стену.

Впрочем, это к лучшему. Ведь я не намерена выходить замуж. А присутствие Аманды и отца могло создать ненужные проблемы. И все же горло болезненно сжалось. И все же это оказалось… обидно?

Я сжала кулаки, потом разодрала послание на мелкие клочки и вышнырнула в окно. Хватит глупых эмоций, Кассандра! Эта свадьба не состоится, и сейчас мне надо думать именно об этом!

Вытащив из шкафа платье, я некоторое время смотрела на него. Но творение от Моро было по-прежнему совершенным. Черные мундиры не оказали на снежную красоту никакого воздействия – кажется, даже потеснились в шкафу, чтобы платье могло расправить белые перья.

Некоторое время я мрачно его рассматривала. Опиум выбрался из своей норы – шерстяного носка – и уселся рядом, забавно дергая носом. Я безотчетно погладила крысеныша, но тут же отдернула ладонь, сообразив, что сделала.

– Ты мне по-прежнему не нравишься, – буркнула я, когда звереныш поднял мордочку.

Опиум презрительно фыркнул, словно говоря: ты мне тоже. У этого зверя оказался вредный и независимый характер. Непонятно в кого.

Еще пару минут я рассматривала белоснежные перья, а потом со вздохом сбросила сорочку. Что ж, придется это сделать, иного пути нет. Буду думать, что платье – не свадебное, и иду я вовсе не в храм. Возможно, так удастся получить удовольствие от обладания совершенным нарядом.

Глянув на замершего в ожидании Опиума, я сняла платье с вешалки и скользнула в него. Корсет мягко приподнял верх груди и сжался на талии, подстраиваясь под мое тело. Многослойная юбка воздушным облаком упала к ногам, приоткрывая лодыжки спереди и удлиняясь позади в шлейф.

Я медленно повернулась к зеркалу и вздохнула. Дюран Моро действительно волшебник. Еще никогда я не выглядела такой невинной и соблазнительной одновременно. Волосы я лишь расчесала, не став утруждаться с прической. Украшения тоже проигнорировала, ни одно ожерелье не могло бы гармонировать с великолепием наряда. К тому же в моем ухе по-прежнему розовел айк, на мою просьбу снять серьгу для церемонии преподобная Агамена лишь усмехнулась. Накинув на плечи покров, я взяла хрупкий цветок орхидеи как раз в ту минуту, когда зазвенели ожившие часы на башне Кастела, а в дверь постучали.

– Госпожа Вэйлинг, вы готовы? Мне велено отвезти вас в храм.

В коридоре топтался незнакомый мне инквизитор.

– Ожидайте, – властно приказала я.

Мужчина скривился, но дверь захлопнул.

Что ж, королева готова к войне. И как бы там ни было – королева прекрасна!

Я еще раз посмотрела на себя в зеркало, словно отражение могло придать мне уверенности. Опиум нашел кусочек печенья и принялся с энтузиазмом его грызть, словно насмехаясь.

– Я бы тоже хотела сидеть и грызть вкусняшки, а не ехать на свадьбу, знаешь ли, – хмуро отбила я. – И вообще… Ты всего лишь крыс! Тебе слова не давали!

Опиум сладко зевнул и повернулся ко мне… хвостом. На белой шкурке с левой стороны темнело несколько пятнышек, там, где недавно коснулись мои пальцы. Словно скверна сочилась сквозь кожу, оставляя следы на шерсти крысеныша. Вот только эти следы не смывались никаким мылом! И именно они были причиной того, что я

не сбежала из Кастела, а надела сейчас прекрасное платье. Откинув крышку бархатной шкатулки, я достала пузырек синего стекла и повертела его в пальцах. Дамир говорит, что это снадобье поможет залатать мой разрыв Духа, снова сделает его цельным. Главное – пить лекарство регулярно, не пропуская ни одного приема. И конечно, пузырьки мне приносили по одному, не рискуя выдать большой запас.

Именно эти синие склянки держали меня среди адептов и заставляли терпеть приказы Аманды. Только бы вылечить свой Дух! Перестать быть деструктом! И тогда…

Ох! Кастел изумится скорости, с которой я его покину!

Я сунула пузырек в лиф платья и вздохнула.

– Все получится, – сказала я сама себе. – Я не могу проиграть. Королева идет сражаться и вернется с победой!

Опиум уснул в носке, а я сжала орхидею и вышла к нетерпеливо ожидающему меня инквизитору.

Когда автомобиль с красной полосой выехал за ворота Кастела, часы трезвонить перестали. А это значит, что Дамир сейчас должен спать беспробудным сном. Конечно, если Джема все сделала правильно и сумела пробраться в его комнату. Если Норингтон все же отказался общаться с бывшей возлюбленной и сейчас садится в свой экипаж, то через десять минут знакомый Джемы перегородит ему дорогу на своем огромном и неповоротливом «ferrum buffalo». А когда конфликт разрешится и Дамир все же приедет, то окажется, что святой отец неведомым образом заперт в собственном доме и не явился на службу, чтобы сочетать молодожёнов узами брака. Конечно, этим я лишь выиграю время и Дамир наверняка назначит новую дату, но возможно, этого хватит, чтобы разжиться запасом лечебного снадобья, найти компромат на Аманду или хотя бы поговорить с отцом и убедить его изменить свое решение. Вдвоем с папой я смогу противостоять архиепископу и Норингтону. Или мы с Джемой придумаем новый план! А еще, возможно, я разгадаю секрет лекарства, которое дает мне Кастел, и перестану зависеть от синих склянок!

Я потерла ладони.

– Отличный план, Кассандра, – пробормотала я. – Так и будет.

– Вы что-то сказали, госпожа Вэйлинг? – Водитель поймал в зеркале мой взгляд.

Я качнула головой и отвернулась к окну, рассматривая знакомые улицы Старограда. Когда я приехала сюда из солнечного Нью-Касла, город казался мне слишком мрачным и суровым, а спустя годы стал почти родным. Я привыкла к его улочкам и проспектам, к домам со шпилями и к череде ангелов на набережной.

Автомобиль свернул.

– Эй, вы куда? Надо ехать прямо! Нам в другую сторону!

– Никак нет, госпожа, – добродушно улыбнулся водитель. – Не переживайте, я знаю дорогу и привезу вас точно в назначенный срок! Должен признать, что в жизни не видел столь красивой невесты. Вы сама нежность и невинность, госпожа Кассандра!

Меня так перекосило, что глаза водителя удивленно вытаращились.

– Куда вы едете? – заорала я. – Разворачивайтесь!

– Как куда? К храму святого Иллариона. Все как велел инквизитор Норингтон.

– Какого к чертям Иллариона? Свадьба должна состоятся в храме святого Фабиана! Нас венчает отец Михаил.

– Господин Норингтон дал совершенно четкие указания, госпожа. Святой Илларион на одноименной улице! Я знаю этот город как свои пальцы, госпожа, никакой ошибки! И мы уже подъезжаем, я ведь говорил – точно в срок!

Я ощутила, как ладони озябли. Нет, это не ошибка. Дамир изменил место венчания. Или оно изначально было таким, а все ухищрения со священником другого храма напрасны? Черт, чтобы подкупить продажного святого отца, я пожертвовала изумрудный гарнитур – последнюю ценную вещь в моем сундучке с драгоценностями!

Дьявол! Все идет не так. Все точно идет не так!

– Останови! Я хочу выйти! – ударила я кулаком по сидению, и между мной и водителем бесшумно поднялась решетка. Я и забыла, что меня везут в инквизиторской машине!

– Мы почти приехали, госпожа. – Инквизитор одарил меня доброй улыбкой палача. – Ваш жених предупредил, что вы можете запаниковать и попытаться сбежать. Все молодые невесты нервничают и переживают накануне свадьбы. Боятся того, что следует после

венчания. Ну вы понимаете, того самого. Ну все эти жезлы и змеи… Особенно такие невинные девы, как вы… – Мужчина подмигнул.

– Если таким идиотским образом ты намекаешь на то, что я боюсь гребаного секса, то засунь эти домыслы в свою задницу! – заорала я, и лицо инквизитора вытянулось от изумления. – И немедленно выпусти меня из этой машины!

– Конечно. Ведь мы уже приехали.

Водитель вышел и открыл дверцу. Я, прищурившись, окинула взглядом улицу. И зачем только надела платье? Надо было приехать в форме адепта! В брюках и сапогах гораздо удобнее удирать и драться! Но мне надо было остаться невинной жертвой, а не беглянкой! Однако сейчас это уже не имеет значения… Бежать! Сейчас же!

Водитель подал руку без перчатки. И я непроизвольно приняла ее, вылезая из машины. И сразу поняла, что меня снова обманули. Странное оцепенение охватило тело. Движения замедлились, словно я шла сквозь толщу воды.

– Какого… дьявола?

– Это лишь до дверей храма, госпожа. Ваш жених отлично вас знает. Он был уверен, что вы попытаетесь удрать. Признаться, я считал, что он преувеличивает.

Придерживая под руку и добродушно улыбаясь, инквизитор довел меня до ступеней. Я шла, убеждая себя, что у Джемы все получилось и Норингтон сейчас храпит в подушку, а не ждет меня у алтаря. Резные створки распахнулись, а потом снова закрылись – за моей спиной. Заиграла торжественная музыка. И мужчина в белоснежном венчальном наряде широко улыбнулся.

Мое сердце пропустило удар.

От самого сильного чувства в моей жизни.

Злости.

***

Инквизитор убрал руку – и оцепенение спало. А я обвела мутным взглядом заполненный людьми храм. Инквизиторы. Какого черта здесь столько инквизиторов?

С краю примостились несколько испуганные сестры Дамира, его родственники и сослуживцы в черной форме…

Я отвела от них взгляд и неожиданно увидела родное лицо, возникшее прямо передо мной.

– Позволь проводить тебя к алтарю, дочь, – сказал мой отец.

– Папа? – Я моргнула. – Разве ты не должен быть в приграничной крепости?

– Должен. Пришлось нарушить приказ. Надеюсь, за это меня не расстреляют. – Генерал усмехнулся и посмотрел уже серьезно. – Но я не мог пропустить твою свадьбу, Кассандра. Ты моя дочь и я люблю тебя.

–Тогда позволь уйти! – Я вцепилась ледяными пальцами в рукав синего мундира. Даже на венчание отец не переоделся в гражданское. – Позволь уйти! Я не хочу выходить замуж за Дамира!

Отец помрачнел и быстро оглянулся на гостей, уже вставших, чтобы приветствовать невесту. Торжественная музыка лилась с хоров и заглушала мои слова. Взгляд генерала пробежался по улыбающимся лицам и замер на одном – женском. Преподобная Агамена – какого черта она забыла на этой свадьбе? – без улыбки склонила голову и прищурилась.

Отец снова посмотрел на меня.

– Кассандра, не устраивай сцен, – тихо произнес он. – Все уже решено. Это лучший выход для тебя. Не забывай, кто ты. Не забывай, чем обязана… святой инквизиции и твоей матери. Она ждет венчания. Прошу, не капризничай.

Я молчала, глядя отцу в лицо. А ведь я так рассчитывала на его поддержку! Верила, что стоит нам увидеться, и папа поймет меня и отменит эту свадьбу!

Но я ошибалась.

И выдернула руку из его ладоней.

– Похоже, ты так и не понял, что я уже выросла, папа. И мои желания – это не капризы. До алтаря я дойду сама, благодарю.

– Кассандра!..

Но я уже расправила плечи и повернулась к ожидающему меня мужчине.

Каждая девочка представляет день своей свадьбы.

Каждая мысленно выбирает платье, цветы, украшения, видит в мечтах нарядных гостей и торжественно украшенный храм, в который она войдет невестой, а выйдет – женой.

И я тоже это представляла. В моих мечтах все было идеально и великолепно, роскошно – как и подобает королеве. Величественная и

царственная Кассандра Вэйлинг в платье от Дюрана Моро с изящной орхидеей в руке медленно идет по лепесткам белым роз, выстилающим пол до самого образа с Истинным Духом. Играет музыка – торжественная и пленительная. Солнце сияет в золотых витражах, и святой отец в праздничном парчовом одеянии держит алую ленту – символ предстоящего единения. Я красива как никогда в жизни. Гости встают, когда мой силуэт, озаренный солнцем, появляется на пороге. И тот, кто стоит у алтаря, – улыбается, с обожанием во взгляде провожая каждый мой шаг…

Удивительно, но моя мечта сбылась целиком и полностью.

В день моей свадьбы действительно было и платье от великого кутюрье, и орхидея, и величественный храм, украшенный сотней белых цветов, и лепестки роз, и золотые витражи. И даже мужчина, жадно ожидающий меня в конце пути.

Только мое лицо кривилось от негодования, хрупкий стебель в руке был со злостью измят, а жених вызывал лишь одно горячее желание – придушить его алой лентой, символом предстоящего единения.

Похоже, с мечтами я сильно промахнулась.

Оказалось, что представлять надо было не платье и лепестки, а нечто совсем, совсем иное…

Я шла по проходу, глядя на Дамира. Лепестки белых роз сминались под каблуками моих туфель. Сок раздавленной орхидеи тек по пальцам. Сердце стучало, заглушая музыку.

Первый испуганный вздох прозвучал слева – кажется, ахнула сестра Дамира… Потом справа. Кто-то вскинул руку, закрывая себе рот, кто-то не выдержал:

– Ее платье! Посмотрите на ее платье!

Я опустила взгляд. Белоснежное творение Дюрана Моро менялось. Первая красная роза расцвела на корсете – возле сердца. Рядом распустилась вторая. И следом третья… Красное потекло на ребра, разлилось и расплескалось. Багряными лепестками брызнуло на юбку. И темным кровавым закатом охватило все платье. А потом красное стало черным, и я впервые улыбнулась.

Все-таки Дюран Моро истинный творец. И его наряды не просто шелк и атлас, его наряды – подстраиваются под Дух невесты.

К алтарю я подошла в черном траурном одеянии.

Высоко подняв голову, я швырнула орхидею на пол и наступила каблуком на хрупкий цветок.

В храме воцарилась тишина. Норингтон больше не улыбался.

Святой отец обескураженно откашлялся, неуверенно глянул на Дамира и начал:

– Мы присутствуем здесь, дабы сочетать узами священного брака две чистые души, возжелавшие соединиться…

Очнувшиеся от шока музыканты снова заиграли.

– Что ты сделал с Джемой? – спросила я проклятого жениха, игнорируя торжественную речь.

– Запер в ее комнате. – Норингтон склонил голову, рассматривая меня. – С каких пор ты переживаешь за Джему Ржаник?

Я не ответила, и мужчина усмехнулся.

– Верно, с тех, как вы решили объединиться против меня?

Святой отец попросил вытянуть руки, и наши ладони обвила лента.

– Неужели ты думала, что я не перестрахуюсь? Кэсс, я ведь говорил. Я слишком хорошо тебя знаю. Все твои хитрости и коварные уловки. Я оценил твои старания, любимая, но ты проиграла, смирись. Из этого храма мы выйдем законными супругами.

– …жене быть лозой, оборачивающейся вокруг мужа, а мужу быть крепким дубом, к которому приросла лоза… – бубнил святой отец, и музыка нарастала, как и стук моего сердца.

У меня кружилась голова. Перед глазами плыло. Я не верила, что все происходит на самом деле. Что еще немного – и я действительно стану госпожой Норингтон.

Проиграла. Проиграла. Проиграла! – стучало кровью в висках.

– … светлым путем Истинного Духа, благословляя и превознося…

Дамир снял с моей руки помолвочное кольцо. На пальце остался светлый ободок следа… А на алтаре возникла подушечка с кольцами обручальными. Я сделала глубокий вдох, но это не помогло. Я задыхалась.

Черт, а ведь я до последнего не верила, что это случится. Что меня на самом деле выдадут замуж!

– Я ведь говорил, что мы поженимся, – шепнул Дамир. – Все решено… Дай нам шанс, Кассандра. Я ведь по-настоящему люблю

тебя… Позволь…

– … Духом Истинным и Единым, частица которого в каждом из нас, заклинаю и…

– Нет, – прошептала я внезапно осипшим горлом. Святой отец продолжал говорить, певчие затянули гимн новобрачных, музыка стала громче. И еще громче. Мне хотелось зажать уши ладонями, но мои руки обвивала алая лента.

Дамир улыбался. Торжествующе. С предвкушением.

Краем глаза я заметила напряженное бледное лицо отца и мрачный взгляд преподобной Агамены. Что она делает здесь? Почему так странно смотрит?

Нет!

Тьма внутри разрасталась бездной. И даже если я начну орать, что не согласна, проклятый священник все равно завершит церемонию.

Никто мне не поможет. Никто не спасет.

Я снова повернула голову к алтарю. Удивительно, но глядя на него, у меня не возникало ни одной мысли о святых. Глядя на свечи и ощущая тонкий запах ладана, я думала о человеке. Об одном особенном человеке. О его спине, исчерченной рубцами и строками из Писания. О черных крыльях. О редкой улыбке. О еще более редком прикосновении. О том, кто знает толк в искушении, кто стал им, не желая того. О том, кто стоит за моей спиной невидимой тенью.

О том, кто отдал мне часть своей души.

Солнце в витражах погасло. Силуэт Истинодуха побледнел.

Все было напрасно. Наши долгие разговоры с Джемой, наши планы и уловки. Мы так гордились собой. Мы верили, что получим если не отмену, то отсрочку. Мы то смеялись, то злились, разрабатывая наш глупый план, который Дамир разрушил, даже не напрягаясь. Норингтон действительно неплохо изучил нас обеих. Наверное, он тоже хорошо повеселился.

Сейчас Ржаник напрасно стучит в запертую дверь, пытаясь выбраться, а я стою у алтаря и вот-вот стану не невестой, а женой.

Все было напрасно.

Никто не поможет, королева пала. Топор палача завис в воздухе, ликует толпа.

Или?..

– Август, – побелевшими губами прошептала я.

– Кэсс? – нахмурился Дамир. И рявкнул священнику: – Завершайте церемонию! Сейчас же!

Он схватил с подушечки кольцо, попытался надеть на мой палец. Но я отдернула руку. Золотой ободок упал и покатился по светлым доскам. Как когда-то давно, на выпускном в Нью-Касле… Повторение ударило нас обоих, и Дамир тихо вскрикнул.

Но я уже не смотрела на него.

Я перевела взгляд на две наши тени, вытянувшиеся на досках возле алтаря. Моя казалась темнее, хотя это было невозможно. Но нет. Она точно была темнее! И вдруг начала разрастаться, меняя силуэт, уплотняясь. Тень потекла гранями черного, а потом обрела форму, и я закричала уже во весь голос, почти срывая его:

– Август!!!

Сидящие гости снова вскочили, инквизиторы выхватили оружие. Кто-то завопил, перекрывая музыку, и певчие сбились с ноты… Фигура поднялась из моей тени, между алтарем и гостями, расправила плечи.

Август – обнаженный по пояс, в шрамах и крови, которая капала даже с его волос, поднял голову и обвел взглядом изумленных, испуганных и шокированных людей. В руках Августа не было оружия, но один его вид заставил женщин завизжать, а мужчин отшатнуться.

– Нечистый, – сказал святой отец и лишился чувств.

Август закончил осмотр гостей и глянул на меня. Его брови поднялись.

– Кажется, у тебя проблемы, Кассандра?

– Небольшие. – Я ощутила, как мои губы сами собой растягиваются в улыбку. Неуместную, но совершенно счастливую. – Не знаю, как свалить с этого убогого мероприятия! Поможешь?

Его губы тоже дрогнули, и Август кивнул. И радость – дикая, темная, почти невыносимая, – обожгла душу и затопила тело, словно в один миг меня до краев наполнили игристым вином.

– Огонь! – Преподобная Агамена, стоящая рядом с отцом, повелительно вскинула руку. И я увидела, как блеснули серебром ее волосы, изменяясь… Аманда. Конечно, это была она!

Ловушка! Еще одна ловушка на разрушителя! Так вот зачем архиепископу так нужна была эта свадьба! Какая же моя мать… подлая гадина!

Дамир вдруг сдернул с наших рук ленту и толкнул меня на пол, прижал, закрывая. И в это время инквизиторы вскинули оружие, прицелились – и град пуль прошил тело Августа! Но пройдя сквозь него как сквозь дым, ударил в стену с изображением Истинного Духа. Служки завопили от подобного святотатства, свечи полетели на пол, певчие заорали без всякой музыкальности. Часть пуль срикошетила, несколько пролетели мимо меня и Дамира. Я ощутила, как обожгло плечо. В один миг храм стал полем битвы и хаосом, смертельным капканом на разрушителя.

Я оттолкнула Дамира и откатилась в сторону, встала на колени. Шикарный золотой покров на алтаре полыхал.

– Прекратить! – гаркнул отец и выбил пистолет из рук ближайшего стрелка. Голос генерала обладал такой мощью, что инквизиторы смешались и замерли. – Немедленно прекратить! Аманда, ты сошла с ума? Здесь мирные люди! Здесь наша дочь!

– Убить разрушителя! – выкрикнула Аманда.

– Не сметь! Ты обманула меня!

Отец повернулся к бывшей жене и дал ей пощечину. Несильно, но женщина остолбенела. Сослуживцы отца закрыли собой плачущих и орущих гостей. Военные миротворцы теперь сражались с инквизиторами и, похоже, никто из них не понимал, что происходит.

Огонь с алтаря перекинулся на деревянную скамью, лизнул наряды орущих гостей. Красивое помещение наполнилось дымом и гарью.

– Кэсс! – Дамир оказался рядом, потянул меня за собой. – Кэсс, я тебя выведу, идем…

Я задрала подол снова белого платья, выхватила привязанный к бедру кинжал. И приставила к горлу Норингтона.

– Только посмей, – прошипела я.

Мой несостоявшийся муж отшатнулся. Я вскочила, озираясь. Августа я не видела, а тьма была всюду. Военные и инквизиторы, крики отца, распахнутые глаза той, что была моей матерью… Хаос и пламя. Сети, пули и мечи. От остальных людей нас отрезало пламя горящего алтаря, скрыв остальной храм за стеной бушующего огня.

Дамир тоже поднялся, на его белом венчальном костюме теперь темнела чернота сажи.

– Кэсс, пожалуйста, – выдохнул он, протягивая ко мне ладонь. – Кэсс, не уходи!

– Неужели ты правда верил, что сможешь меня заставить? – рявкнула я, глядя в его лицо, искаженное болью и яростью. – Что я смирюсь и стану твоей? Все-таки ты знаешь меня недостаточно хорошо, Норингтон!

– Кэсс, пожалуйста… я люблю тебя!

Дамир осекся и перевел взгляд за мое плечо. Его глаза стали холодными и пустыми, а в руке возник белый меч-атмэ.

Я не видела Августа. Лишь ощущала его. Тень за моим плечом…

– Значит, это твой выбор, Кассандра Вэйлинг? – бросил Дамир. – Деструкты, преступники, вечная погоня? Ты только что разрушила всю свою жизнь.

– Мой выбор – свобода, Дамир, – ответила я. – Что бы это ни значило.

Схватила левой рукой серьгу адепта, оттянула и махнула ножом, срезая ее вместе с кусочком мочки. На плечо упала капля крови и побагровевший камень.

Тьма коснулась моих плеч. А потом обняла, утягивая за собой.

Глава 13. Беглецы

Колени столкнулись с жестким полом, я повалилась на бок, застонала, открыла глаза. И увидела прямо перед собой оскаленную волчью морду. Сдержав вопль, дернулась в сторону и наткнулась на кирпичную стену.

Храм исчез вместе со всеми гостями. Все еще затуманенным взглядом я обвела незнакомый коридор – то ли тюрьмы, то ли лечебницы, – рычащего волка, перевязанного разорванной рубашкой, черные сапоги лежащего в отдалении инквизитора и трясущего головой Августа. Такого же полуголого и окровавленного.

– … я думал уже все, ты так странно выглядел, ты стал полупрозрачным, а потом осталась лишь тень, знаешь, как это жутко? Рэй, скажи хоть что-нибудь! Рэй, скажи, что ты жив? И откуда свалилась эта девчонка? Ты что, исчез, чтобы похитить чужую невесту? Милостивые святые, почему здесь волк? Эй, ты жив?

– Я жив, – хрипло отозвался Август и, шатаясь, встал. С него все еще сыпался пепел горящего храма. – Волк – это Хантер. Девушка – Кассандра. Хотя ты знаешь ее как Ванду.

– Привет, Нейл, – прохрипела я, моргая, потому что перед глазами все плыло – Ты паршиво выглядишь.

Двоедушник несколько мгновений молчал, переводя взгляд с меня на Августа. А потом заорал:

– Да вы в своем уме? Рэй, что ты творишь? Зачем ты притащил ее?

– Она не хотела выходить замуж. Ведь не хотела?

– Ни капельки, – подтвердила я, пятясь от волка. Хоть он и лежал беспомощный, но выглядел угрожающе. – Кстати, не знала, что ты так умеешь. Ну то есть… похищать невест.

– Я тоже не знал, – хрипло отозвался Август и закашлял.

– Где мы?

– Там, где не должны быть! – возмутился Нейл. – Истинодух и все его пресвятые апостолы, да вы просто ненормальные! Рэй, надо немедленно убираться отсюда. Через пару минут здесь будет вся инквизиция Неварбурга!

– Неварбург? – изумилась я. – Мы в северной столице?

– Сколько у нас времени? – Август выглянул в забранное решеткой окно.

– У нас нет времени! Я запер дверь Благого Дома, но это поможет лишь на минуту! Нас обложили со всех сторон! Я не знаю, что делать! Я не могу…

– Тише, – сказал Август. А потом сел на пол и закрыл глаза.

Мы с Нейлом переглянулись. Потом я снова перевела взгляд на коридор с мигающими лампами и на валяющегося инквизитора. Благой Дом Неварбурга… пожалуй, не буду спрашивать, что здесь случилось! Но проклятье, мне совсем не нравится оказаться прямиком в лапах инквизиторов! Я только что от них сбежала!

Нейл втянул воздух, собираясь снова завопить, но я вдруг шагнула к нему и закрыла ему рот ладонью. И поднесла к своим губам палец, призывая молчать.

Потому что первая ощутила то, чего еще не понял двоедушник. Взглядом указала на трещину, появившуюся на стене. И еще одну. И еще. Кирпичная кладка расползалась, с потолка посыпалась штукатурка и опилки. Пол под ногами вспучился и закачался. Послышался удар, угол коридора обвалился, рассыпав известковую пыль. Ночь вдруг посветлела, а воющие на улице сирены – смолкли. В наступившей тишине тихо заскулил волк, пытаясь подняться на ноги.

– Великий Святой Дух, – прошептал Нейл, глядя в образовавшийся проем, за которым качались деревья. – Ты снова расщепил пространство.

– Лишь на минуту. Надо выйти из здания, пока оно не вернулось на свое место. – Август медленно поднял голову. Белки его глаз потемнели, почти слившись с цветом радужки. Из уголков катились капли крови. Засыпанный пеплом и окровавленный, он выглядел по-настоящему жутко. Рука с изувеченной нейропанелью стала багровой, словно Август опустил ее в кипяток. Но сам браслет заметно увеличился с нашей последней встречи. Сейчас он обхватывал руку более чем наполовину, черные дорожки тянулись друг другу, желая слиться.

– Я возьму Хантера, – сказал Август, но волк ощерился, когда тот попытался его поднять. И припадая на передние лапы, сам побрел к дыре в стене.

Я, морщась и мотая головой, потому что все еще ощущала себя оглушенной, двинулась за ним, решив пока не задумываться о происходящем. Август встал рядом.

– Ты ранена, – тихо сказал он, глядя на мое ухо.

– Заживет. – Почему мне так тяжело смотреть на него? Почти больно… И в то же время – хочется делать это бесконечно… – Я рада тебя видеть. И я еще не сказала тебе спасибо…

– Тогда может…

Он не закончил.

– Не так быстро, деструкты, – сипло произнес кто-то за нашими спинами.

Я вскрикнула, когда лежащий на полу инквизитор приподнялся и выстрелил. И когда Нейл прыгнул, буквально выталкивая нас в дыру. Мы с Августом вывалились наружу, влажная, почти болотистая земля чавкнула, принимая в свои объятия. Я упала на спину и некоторое время лежала, хватая ртом воздух и бездумно глядя в лоскуты неба, синеющего между ветвями деревьев. Было тепло и влажно. Где-то истошно свистела птица.

Потом, все еще не веря в происходящее, я села и осмотрелась. Вокруг шумел незнакомый летний лес. С высоких толстых ветвей свисали корни, делая деревья похожими на причудливые строения. Земля пахла чем-то острым и пряным. На широких листьях плясали лучи теплого солнца.

Дом, из которого мы только что вышли, исчез.

Август сидел на земле и держал на руках Нейла, который тоже смотрел в небо. На белой рубашке двоедушника расцветал смертельный кровавый цветок…

Я подползла ближе, комкая подол своего платья и не понимая, что делать.

– Нейл, все будет хорошо, – сказал Август, и я едва не скривилась от того, как плохо он врет. Дыра в груди Нейла выглядела совершено бескомпромиссной. – Я донесу тебя до поселения, там помогут…

На губах двоедушника пузырилась кровь, но он попытался улыбнуться.

– Не надо, Рэй… Мы оба знаем, что я не… Не надо.

Глаза Нейла стали мутными, словно их медленно затягивал туман вечности.

– Лучше скажи мне… что там, – едва слышно выдохнул Нейл. – Ты служишь Истинодуху. Скажи, что ждет ТАМ таких… как я.

Я посмотрела в лицо Августа и ужаснулась тому, каким пустым и спокойным оно стало. В детстве меня наказывали за то, что службам в церкви я предпочитала фривольные романчики, но кое-что я все же запомнила. Каждый человек, приходя в наш мир, получает тело и кусочек Истинного Духа. А пройдя свой путь, мы возвращаемся в его вечный свет, чтобы родиться заново или остаться в его сиянии, обретя покой и блаженство. Но это возможно только в том случает, если Дух внутри не поврежден. Человеку с разорванными линиями уготованы вечные муки. Душа, испачканная скверной, не сможет вернуться в сияние вечности и снова стать частью единого Духа. Она будет скитаться в бездне тьмы, одиночестве и боли до скончания веков.

И этот мир, и тот, что ждет после смерти, жестоки к тем, кому не повезло стать деструктом.

Август стер кровь с щеки Нейла и мягко улыбнулся.

– Не бойся, Нейл. Дух Истинный бесконечный и светлый, он дарит покой. Он пронзает наш мир потоками, омывает и исцеляет. И сейчас вы возвращаетесь в свет его, чтобы больше никогда не чувствовать боли. Вас с Брэдди ждет только хорошее.

Я прикусила губу, ощущая во рту соленый вкус. Пожалуй, Август не такой уж и плохой лжец…

Нейл кивнул и устало прикрыл глаза. Бледные губы дрогнули в легкой улыбке.

– Спасибо, Рэй. Я больше не бою…

Он не договорил. Слова замерли на губах вместе с выдохом. Вдох уже не случился.

Что-то темное и страшное выплеснулось из Августа, кругом разошлось по чужому лесу, прошило насквозь, придавило к земле. Лес зашумел, всколыхнулся. Закричали птицы, завыли неведомые звери. Но миг – и все снова смолкло.

Я опустила взгляд. Возле меня осталась зеленая трава, а там, где сидел Август – все стало серым. С неба посыпались хлопья и на миг показалось – снег. Но это был пепел. Сгоревшие в невидимом пламени листья медленно осыпались с деревьев.

***

...Первая сделка с совестью похожа на брошенный с горы камушек.

Сам по себе он ничего не значит, лишь осколок породы, крошечный и незначительный.

Но падая, он увлекает за собой другие камни.

И камни падают, падают, падают.

Пока обрушившийся камнепад не погребет под собой все живое…

***

Август молчал все время.

Пока ножом, руками и куском коры разгребал землю, роя яму, пока укладывал туда Нейла, пока насыпал сверху камни.

День сменился ночью, стало прохладно. Я сидела на земле и дрожала от пережитого волнения, боли и терзающих голода и жажды. Моя нейропанель сжигала ресурсы организма, пытаясь затянуть кровавый росчерк на плече, отрезанную мочку и многочисленные синяки и ссадины, которыми я была покрыта с ног до головы.

Помочь Август не позволил, словно видел смысл в том, чтобы все сделать самому.

Когда вместо Нейла остался лишь холмик, засыпанный камнями, Август сел рядом. Его пустые глаза и молчание в подступающей темноте незнакомого леса здорово меня беспокоили, но когда я хотела подойти, в траве зашуршало, словно сама земля ожила и начала двигаться.

Едва сдерживая крик, я смотрела на черные извивающиеся тела, скользящие к Августу. Змеи. Гадюки. Десятки ползучих гадов! С тихим ужасающим шорохом они ползли по свежей могиле, по траве, по корягам, а потом – по коленям Августа. По его рукам и плечам. Обвивали запястья и шею. Змеиные головы покачивались, словно твари пытались рассмотреть лицо молодого мужчины.

Одна гадина добралась до моих ног, и я прижала ладонь ко рту, сдерживая крик.

– Не бойся. – Тихий голос Августа казался совершенно пустым, как и его лицо. – Они не тронут.

– Что происходит?

– Последнее время со мной случаются разные вещи, – безразлично отозвался он. Отвел ладонь и посмотрел на свисающего с руки аспида. – И это я тоже не могу контролировать.

Черно-красный аспид упал на землю и уполз. Вслед за ним в траве исчезли остальные гады.

Я перевела дыхание и осторожно приблизилась к парню.

– Мне кажется, я слышу шум воды. Может, рядом есть родник? – тихо сказала я. – Ты знаешь, где мы?

Он не ответил, все так же глядя на холмик земли и камней.

– Август, наступает ночь. Нам надо найти убежище.

– Его пуля предназначалась мне.

– Да, – сказала я, и Август вздрогнул. Поднял на меня взгляд.

– Ты не из тех, кто любит ложь во благо.

– Я не верю в ложь во благо. Да, эта пуля была для тебя. И Нейл закрыл тебя своей спиной. Он сделал этот выбор, потому что хотел. Потому что видел в этом смысл. В том, чтобы умереть, закрывая тебя. И я не думаю, что тебе нужны лживые утешения. Это было бы подло по отношению к Нейлу. К его выбору и его чувствам. Он умер, чтобы ты выжил, Август. Можно сидеть тут и винить себя. Или меня. Ведь это я задержала вас, позвала тебя и не дала вовремя уйти из Благого Дома. До того, как его оцепили инквизиторы. Можно винить нас обоих. Или лишь того, кто выпустил пулю из гребаного пистолета! Инквизитора, который выстрелил! Так какой выбор ты сделаешь, Август?

Он посмотрел на меня как-то странно, но взгляд утратил пугающую меня пустоту.

– Да. Ты точно не из тех, кто любит лживые утешения. Я этому рад. – Его губы скривила усмешка. – Прости, Кассандра. Я испугал тебя? Просто… Нейл был моим другом.

– Знаю. Поэтому у меня нет друзей. Потому что терять их – слишком больно.

Я устало потерла ладонями лицо и тут же об этом пожалела – на руках осталась корка грязи. Ладонь потянулась к разодранному уху, и поморщившись, я ее отдернула.

– У тебя кровь. Дай посмотрю. – Август осторожно отвел пряди моих волос.

– Все в порядке, – вскинулась я, не желая, чтобы он смотрел на то, во что превратилось мое ухо. Но Август прикоснулся так мягко, что я застыла.

– Над промыть, – сказал он, и я кивнула. – Все не так…страшно.

– Зарастет, – подняла я руку с нейропанелью. – У меня ведь есть это. Кровь уже остановилась.

На самом деле я беспокоилась о том, как теперь будет выглядеть мое ухо. Такая глупость перед лицом смерти, но все же…

– Зачем ты это сделала?

– Другого способа снять серьгу не было. А я не хотела рисковать, оставаясь в ней. Не уверена, что камень не содержал очередную следилку или еще какую-нибудь гадость. От Кастела и инквизиторов всего можно ожидать. – Я отвернулась от внимательного мужского взгляда. – Давай найдем убежище, чтобы этой ночью нас не сожрали звери и мы не присоединились к Нейлу.

Я развернулась и двинулась в глубь деревьев-великанов. И скрыла вздох облегчения, когда Август пошел следом.

Правда, пройти удалось немного – нога зацепилась за корень, и я едва не припечаталась носом к земле. Сильные руки обхватили и прижали к мужскому телу.

– Осторожнее, – сказал Август.

Я подняла на него взгляд, ощущая странную защищенность в руках самого неподходящего для этого человека. Окровавленный и перепачканный в земле разрушитель, который только что вырыл могилу для своего друга. Да, он был последним на земле, кому мне стоило бы доверять. Или кого обнимать в ответ. И все же… Я это сделала. Обняла и положила голову ему на грудь, слушая как стучит чужое сердце.

– А как же обет? Разве тебе можно прикасаться ко мне?

– Я больше не знаю, в какие обеты мне верить, – тихо произнес он, глядя во тьму леса.

Я медленно отстранилась.

– Похоже, нам о многом надо поговорить, да, Рэй? – пробормотала я.

Он кивнул и посмотрел на меня. Взгляд скользнул по моему испачканному лицу, мочке уха, на которой засохла кровь, грязному платью.

– Например, о том, почему ты решила сбежать с собственной свадьбы.

– Или что ты делал в Благом Доме.

– Или почему вместо подвязки невесты на твоем бедре был привязан нож.

– Ты заметил, как я его доставала?

– Это было сложно не заметить. Очень… впечатляющее зрелище.

– Да. От него святой отец второй раз лишился чувств, – хмыкнула я.

– Какое святотатство, – пробормотал Август, но в его глазах не было осуждения.

Мы замерли, рассматривая друг друга. Грязные, раненые, смертельно уставшие. Два человека, затерявшиеся в неизвестности. Впереди не ждет ничего хорошего, будущее пугает как никогда. И странно, что мне на это совершенно наплевать.

– Или что нам делать дальше, – сказала я.

И самый главный вопрос: почему ты пришел за мной, Август. Рискуя всем, почему ты все же за мной пришел?

– Трудные вопросы, Кассандра. Может, стоит начать с чего-то попроще?

– И более приятного?

– Точно. Кстати, у тебя красивое платье.

Я опустила взгляд на уничтоженное творение мастера.

– Это платье от Дюрана Моро.

– Никогда о таком не слышал.

– Не слышал о Моро? – изумилась я и внезапно ощутила желание рассмеяться. Возможно, истерически. Боги! Он и правда самый неподходящий на свете человек!

Август пожал плечами, склонил голову, прислушиваясь.

– Похоже, и правда, родник. Идем. И смотри под ноги. Не хочу, чтобы ты разбила себе нос.

– Значит, тебя беспокоит сохранность моего носа?

Он поднял бровь, глядя на меня, словно хотел сказать: я пришел за тобой на твою чертову свадьбу, в храм, полный инквизиторов. Пришел, зная, что это может быть ловушкой. И ты спрашиваешь, волнует ли меня твой нос?

Но почему-то я до дрожи хотела, чтобы он произнес это вслух.

– Выходит, что так, Кассандра.

Родник мы все-таки нашли. По мшистому и влажному известковому холму сползали капли воды, которой едва хватило, чтобы

напиться и промыть раны. Двигаться дальше во тьме леса было слишком опасно, лежалый наст временами становился болотом. Поэтому мы решили дождаться утра и устроились в корнях дерева, привалившись к стволу.

– Разве мы не должны забраться на ветви и привязаться к ним моими чулками? – сонно пробормотала я, ощущая, как плывет от усталости голова и ноет тело. – Здесь наверняка полно хищников.

– Не бойся, – в голосе Августа скользнула улыбка. – Они нас не тронут.

– С чего ты так уверен?

– Я знаю. Постарайся поспать, Кассандра. До рассвета всего несколько часов.

– Ты знаешь, где мы?

– Предполагаю, – после паузы сказал он. – Я не могу расщепить пространство в незнакомое место. И не могу управлять этим процессом. Но такие деревья я видел десять лет назад, когда приезжал в монастырь недалеко от Шанси. Да, думаю, я знаю, где мы.

– Шанси? Серьезно? Это же в восточном экзархате! Ну да, как я сразу не догадалась, – ткнула пальцем в крону дерева, – это же баньян из восточной провинции. Ну ничего себе…

– Вероятно, я хотел оказаться как можно дальше от Неварбурга.

– Хорошо, что в этот раз обошлось без заснеженных гор. Здесь хотя бы тепло, – зевнула я и удобнее устроила голову на его плече. Август напрягся, все его тело одеревенело, словно он пытался свыкнуться с прикосновением. Но отстраняться не стал. Некоторое время мы сидели молча, глядя на проблески звезд среди листвы. Я думала о том, что еще недавно надела свадебное платье в Кастеле, а сейчас грязная и измученная сижу в корнях дерева-великана за тысячи миль от Старограда. Но сейчас я слишком устала, чтобы думать о том, что случилось. Или о том, что будет дальше. Хотя в голове по-прежнему жужжали десятки вопросов, но все они были… сложные. А сейчас не время их задавать.

Я закрыла глаза, но сон не шел. Я не привыкла спать в корнях дерева, на голой земле, измученное тело требовало привычного комфорта, несмотря на усталость. Вот только будет ли он теперь – комфорт? Или лучше прямо сейчас начать привыкать к подобным

ночевкам, ведь беглецам и преступникам не положены мягкие кровати?

Я дернула плечом, прогоняя мрачные мысли.

– Расскажи мне о твоей семинарии. Там действительно не было женщин? Совсем-совсем?

Моей щеки коснулся его тихий вздох облегчения. Возможно, Августу тоже нужна была передышка от невеселых размышлений.

– Одна была, – закинул он голову, тоже рассматривая звезды. – Бездомная Агата. Наставник дал ей кров, разрешив поселиться в обители. Она штопала нашу одежду и полотенца, у ее были ловкие пальцы, которые отлично управлялись с иглой.

– Она была красивой?

– Очень. Глядя на нее, я всегда вспоминал печеные яблоки. Знаешь, такие коричневые и сморщенные. Очень вкусные.

Я легонько ткнула его в бок, и Август тихо усмехнулся.

– Звучит так, словно ты голодал и даже печеные яблоки доставались тебе по праздникам.

– Мы ели досыта. Но семинарии Духа избегают… излишеств. Зато кухней у нас распоряжался брат Стефан, который тайком от наставника пек для подопечных песочное печенье, посыпанное сахаром. До сих пор помню его вкус… Брат Стефан выпекал целое блюдо, а потом оставлял на окне, чтобы печенье остыло. И делал вид, что не замечает, как мы его таскаем. Печенье каждый раз оставляли в разных местах, и нам приходилось разрабатывать целый план, чтобы его стащить. Это было безумно увлекательно. Когда я подрос, то понял, что наставник прекрасно знал о наших проделках, ведь запах выпечки заполнял все коридоры семинарии.

– Выходит, твой наставник способствовал тому, чтобы вы воровали сладости?

– Чтобы научились стратегии. А еще работе в команде, дружбе и умению делиться. Для нас это было самое настоящее приключение со сладким призом в конце.

– Похоже, ты по-настоящему любишь эту свою семинарию. Ты говоришь о ней с таким теплом.

– А что насчет тебя, Кассандра? Какое у тебя было детство?

Звезды мигали и расплывались перед глазами. Я закрыла глаза, решив, что зря затеяла этот разговор.

– У меня было много игрушек, – сухо сказала я. – Очень много игрушек.

Переспрашивать Август не стал, и за это я была ему благодарна.

Издеваясь над продрогшими беглецами, небеса набухли и разразились коротким ливнем. Крона дерева защищала от потоков воды, но увы, недостаточно. Мы с Августом молчали, сидя в корнях, прижимаясь друг к другу и слушая стук капель о листья.

***

Открыв глаза, я некоторое время с недоумением смотрела на стебель цветка, покачивающийся возле моего лица. Тянуло чем-то остро-мускусным, а еще дымом и жареным мясом. Я лежала на земле, и мою спину согревало большое и горячее тело. Воспоминания окатили потоком ледяной воды, я вздрогнула, а тело позади заворочалось, клацнуло зубами и… зарычало?

Повернув голову, я увидела звериную морду и едва не заорала. Но свет закрыла фигура подошедшего Августа. Присев, он провел ладонью по шкуре скалящегося волка и улыбнулся мне.

– Уже утро, Кассандра. Не кричи. Хантер и без того злится, что вынужден охранять тебя. Но согласись, из него вышла отличная грелка?

Мы с волком переглянулись и отшатнулись в разные стороны. Зверь со злобным рычанием, я с таким же злобным ругательством.

Вскочила и принялась стряхивать с рук и лица налипшие травинки и грязь.

– Как ты заставил волка служить тебе?

– Это еще один трудный вопрос, – после паузы сказал Август, и я подняла на него взгляд. Похоже, разрушитель нашел ручей, потому что выглядел гораздо чище, чем накануне. По крайней мере, он смыл с себя землю и корку крови. – Хантер добыл нам завтрак, а я сумел развести огонь. Надеюсь, ты любишь несолёную и слегка подгоревшую зайчатину.

– О, да это мое любимое блюдо! – уверила я и, забрав у Августа нож, отправилась на поиски кустов, где можно справить нужду, и ручья, чтобы смыть грязь.

Волчья морда возникла в зарослях, когда я нашла первое, едва не заставив меня снова заорать. Но потом я сообразила, что дикий зверь подчиняется приказу разрушителя, похоже, Август велел ему

присмотреть за мной. А представив, что поблизости действительно могут быть хищники, я решила смириться с такой компанией.

Ручей оказался неподалёку. Небольшой и холодный, но я сумела умыться и хоть немного привести себя в порядок. Тщательно промыла царапину на плече и мочку уха. К счастью, пуля лишь скользнула по коже, не причинив мне серьёзного вреда, а нейропанель исправно регенерировала ткани. Ухо опухло, но острая боль, к счастью, прошла. О том, насколько ужасно выглядит теперь моя мочка, я старалась не думать.

Перед глазами снова пронеслась сцена в храме. И глаза Аманды, скрывающейся под Маской. Ее приказ: «Стреляйте». Боги, неужели ей совсем наплевать на других людей? Ее единственное желание – уничтожить Августа? Как получилось, что самый известный миротворец Империи стала такой злобной стервой? Что могло так сильно изменить ее? Ведь я помню, какой она когда-то была. Помню колыбельную, что она пела, укладывая меня спать. Помню ласковую улыбку. И рассказы отца. Он уверял, что Аманда Вэйлинг была самым честным и справедливым человеком, которого он когда-либо встречал. Что она мечтала сделать этот мир лучше. Отчистить от зла. Потому и пошла в миротворцы. И стала величайшим…

Но отец прав, той девушки больше не существует. Остался лишь архиепископ святой инквизиции – холодный и беспощадный.

Но еще я помнила удивление на лице женщины, когда папа дал ей пощечину и их взгляды встретились. Удивление и странную беспомощность…

Или все это мне лишь почудилось? Все произошло так быстро!

Вздохнув, я заплела волосы в косу, перекинув их так, чтобы скрыть раненое ухо. Платье гениального Моро снова стало белым, хотя сейчас оно было настолько грязным, что белизна лишь угадывалась. Некогда роскошный подол превратился в грязные лоскуты и мешал мне двигаться, красивые перья повисли сосульками, а искусная вышивка побурела. Я хмыкнула, осмотрев наряд. Кто бы мог подумать вчера, во что он превратится к утру…

Когда я отошла от ручья, волк, сидящий на берегу, недовольно зарычал. Я показала ему неприличный жест.

– Поверь, ты мне тоже не нравишься, – уверила я, проходя мимо и стараясь не вздрагивать от злобного звериного взгляда и вида

внушительных клыков.

Когда я вернулась, Август протянул мне кусок жареного мяса, лежащий на широком листе. Его темный взгляд скользнул по моему лицу, сейчас почти чистому.

– Куда пойдем? Ты знаешь, где город? – спросила я, вгрызаясь в мясо. Сок потек по губам, я слизала каплю языком и снова уловила взгляд Августа. Он повернул голову в другую сторону, но уже через минуту снова посмотрел на меня. Словно не хотел смотреть, но не мог с собой совладать. Впрочем, я тоже на него смотрела. За время, что мы не виделись, он мало изменился, разве что отросли волосы. Сейчас темные пряди достигали плеч. Ну и еще парень теперь не выглядел изможденным и худым, похоже, он стал лучше питаться. Я прошлась взглядом по строкам писания, шрамам и рисункам на его груди и плечах, гадая, стало ли их больше. И со странной радостью отмечая, что нет. Это значит, что он больше не принимал епитимью? Или… что не позволял кому-либо прикасаться к себе?

И какой именно вариант нравится мне больше?

В косых лучах зарождающегося дня, сидя на земле в одних штанах и сапогах, Август выглядел непозволительно красивым. Порочно-притягательным.

На груди Августа, свисая с витого шнура, блестела серебряная пластинка с образом Истинодуха. Блики света задевали металл – и казалось, что пластинка светится.

Я отвела взгляд, откусила еще кусок зайчатины, не ощущая вкуса. Даже голод не смог заглушить то чувство, что разрасталось внутри. Впрочем, оно было сродни голоду. Голод иного свойства…

Я никогда не ощущала подобного с другими мужчинами, а ведь я видела многих… В том же Аннонквирхе или Кастеле учились по-настоящему привлекательные парни. Да что там! Дамир Норингтон тоже может похвастаться внешностью. Но рядом с ним я никогда не чувствовала желания раздеться. У меня не сохли губы от одного взгляда на мужское тело. Не перехватывало горло. Мне не хотелось изучить губами и пальцами каждый миллиметр чужой кожи. Не хотелось узнать чужой вкус.

Я не знала, почему чувствовала все это рядом с Августом. С самого начала меня тянуло к нему.

И это было ужасно непозволительно.

Наши взгляды снова встретились. И все, о чем я подумала, темным отражением возникло в его глазах. Что-то обжигающее и сладкое растеклось по венам. Есть перехотелось. Август застыл, скользя темным взглядом по моему лицу и губам. По выбившейся пряди волос, с которой капала вода. По плечам и ключицам, по верху груди, приподнятой корсетом…

Его взгляд словно споткнулся и вернулся обратно, туда, где остался след от пули. Глаза Августа сузились.

– В этих местах наверняка растут целебные травы, я мог бы поискать… – Его голос тоже прозвучал непозволительно. Непозволительно хрипло. И… соблазнительно.

– Напрасная трата времени, – качнула я головой, пытаясь думать о чем угодно, кроме грешного. Моя мать, карцер Кастела, преподобные наставники! Это помогло, и в голове прояснилось. – Нейропанель все излечит. Почти излечила. Вот это, – потрясла я рукой, – работает лучше всяких трав. Кстати, твой браслет снова увеличился.

– Да, – сухо сказал он и отвернулся.

– Еще один трудный вопрос?

– Да, – повторил он, не глядя на меня. – Надо… надо выйти на дорогу. Если я правильно все понял, она недалеко. И… найти тебе одежду.

– Боишься, что замерзну? – не удержалась я от насмешки.

– Тут довольно тепло. Но твой наряд… Он слишком… слишком… Я боюсь… Хм. Давай просто пойдем к дороге, Кассандра. Хантер нас выведет.

Он завалил тлеющий костер землей и поднялся, по-прежнему избегая моего взгляда. Волк, прихрамывая, исчез за деревьями, и мы двинулись следом.

– Не только меня следует прикрыть одеждой, Август, – сказала я в его спину и увидела, как плечи парня окаменели, и он снова кивнул.

Мы шли несколько часов. В основном молча – берегли силы и дыхание. Солнце поднималось все выше и вскоре я уже начала мечтать о дожде, который проклинала этой ночью. Пару раз мы делали привал, чтобы немного отдохнуть. Один раз повезло напиться из тонкого ручья. Мы шли весь день, и мне казалось, что этот лес бесконечен.

Когда гигантские стволы стали мельчать, а полумрак леса сменился светлой опушкой, за которой виднелась колея дороги, я не

поверила своим глазам. Мы выбрались из зарослей и остановились, пораженные пейзажем. На холсте горизонта, словно нарисованные, темнели конусообразные холмы. Ближние – темно-зеленые, а те, что таяли в дымке дали, – черно-синие. Круг оранжевого солнца освещал небольшие поселения с двух сторон от змеевидной извилистой реки. Ближайшее начиналось совсем рядом, с нашего места видны были небольшие одноэтажные дома с загнутыми наверх углами крыш. В восточном экзархате крупные города расположены ближе к столице Джиен, а весь остальной округ заполнен маленькими поселениями, рисовыми полями, реками и лесами.

– Надо добраться до монастыря. Если я верно помню, он должен быть у того холма. – Август ткнул пальцем куда-то вдаль. – В восточном экзархате традиционно чтили своих богов и семинарии Истинодуха здесь открывали с просветительской миссией. В одном я успел побывать. Возможно, настоятель помнит меня и поможет нам.

– Придется пересечь деревню. Но в таком виде туда идти нельзя. Да и никуда нельзя. Первый же встречный обратится к стражам порядка.

Август кивнул, глядя с пригорка на небольшой квадратный двор ближайшего дома. Внутри росли тонкие деревца и даже плескался маленький пруд с рыбками. Людей я не видела.

– Если мы явимся в монастырь прямо так, то нас выгонят ко всем демонам, приняв за них же. Ты прав, бродить здесь полуголыми слишком опасно, мы привлечем ненужное внимание. Нам нужна местная одежда. – Я снова осмотрела двор и ткнула в веревку с развешенными тканями. Август выразительно скривился, и я хмыкнула. – И судя по твоему недовольному лицу, раздобыть ее придется мне. Жди здесь.

– Кассандра!

– Писание утверждает, что с ближними надо делиться, – насмешливо улыбнулась я, но Август придержал меня за руку. Коснулся лишь на миг и снова отстранился.

– Не надо. Я сам.

– Спасаешь мой слабый Дух от греха воровства? – улыбнулась я, но Август не ответил и молча ушел.

Я закатила глаза и села на поваленный ствол, приготовившись ждать. Август вернулся довольно быстро, держа в руках яркие ткани и

потрепанные соломенные шляпы.

– А ты молодец, – одобрила я, рассматривая обновки. – Стащил еще и головные уборы!

– Я не крал. Лишь одолжил, обещая вернуть.

– И тебе отдали? – не поверила я. – Вот просто взяли и отдали? Незнакомцу, который выглядит как демон из бездны? Да местные уже сейчас мчатся к стражам порядка!

– Не переживай. Они никому не расскажут, – спокойно ответил Август, и я осеклась.

Да неужели хозяева просто одолжили свои вещи пугающему гостю? В жизни не поверю! Но рассказать подробности Август не пожелал, поэтому пришлось смириться с озвученной версией и взять одежду. Мой спутник потряс синей тканью и поднял брови.

– Только я понять не могу, что это такое?

– Наряд восточного экзархата, – улыбнулась я.

– И как его надевать?

– Дай сюда.

Я отобрала у озадаченного парня ткань, развернула и накинула на его плечи. Ткань распрямилась, образуя нечто среднее между длинной рубашкой и халатом с широкими рукавами. Обернув ткань вокруг торса Августа, я завязала на нем пояс и водрузила на голову шляпу. Глаза Августа в тени головного убора показались еще темнее.

– Ловко у тебя получается. Откуда ты знаешь, как носится это… Этот халат?

– Я знаю все о красивой одежде, и это не халат. Это экрау, такое носят во всем восточном экзархате. Кстати, выглядит неплохо. К тому же это отличная маскировка, здесь все так ходят.

Я провела ладонью по ткани его темно-синего экрау, разглаживая ее, поправила сложный узел на поясе и подняла голову. Наши взгляды встретились, и руку я отдёрнула.

– Мне надо переодеться.

Август принес не только экрау, но и сандалии, вызвав у меня приступ благодарности. Высокие каблуки моих свадебных туфель сделали прогулку по лесу практически невыносимой. Мой «халат» был голубым, значит, тоже предназначался для парня, но понятно, спорить я не стала. Встав за кустами, я начала расстёгивать лиф платья, и Август рывком отвернулся, словно лиственной преграды было

недостаточно. Освободившись от своего грязного наряда, я торопливо облачилась в ворованное. Синий пузырек с лекарством, каким-то чудом уцелевший в моем лифе, я переложила в карман экрау. И посмотрела на платье, некогда прекрасное, а сейчас лежащее у моих ног грязным изорванным комком. Горло внезапно сдавило спазмом. Это платье… чертово платье. Я вспомнила, как шла в нем по проходу храма. Вспомнила улыбку, с которой смотрел на меня Дамир. Вспомнила, как пели певчие и бормотал святой отец. А мои родители стояли в первом ряду и смотрели, смотрели… Вспомнила, как я сказала «нет». И то, как Норингтон велел продолжать церемонию…

Выхватив нож, я с шипением вонзила его в атлас и дернула, разрывая ткань, а потом еще и еще, оставляя от свадебного платья одни лоскуты. Я задыхалась. Темное и злое бурлило внутри, требовало выхода. Я била и била ножом, кромсала и шипела, пока на мой судорожно сжатый кулак не опустилась теплая рука.

– Ты убила его, – серьезно сказал Август. – Насмерть.

Я замахнулась, желая ударить и его. Но наткнулась на понимающий взгляд и… остановилась. Чернота схлынула, оставив внутри вкус горечи.

– Не вздумай меня жалеть! – зло прищурилась я, расправляя плечи.

– Никакой жалости, – уверил Август.

Я сгребла лоскуты, сунула их вместе с туфлями в корни дерева и присыпала листьями.

– Ты ведь его узнал, да? – не оборачиваясь, спросила я. – Моего жениха. Вы ведь уже встречались.

– В чайной Нью-Касла и в доме на скале, – ровно произнес за моей спиной Август, и я кивнула.

– Верно. Его зовут Дамир Норингтон. Инквизитор. Когда-то я считала его своим другом. До того, как он решил жениться на мне во что бы то ни стало. Он будет искать меня. Нас обоих. И теперь – с особенным рвением. У Дамира всегда была эта черта – идти до конца. Если он чего-то желает… – Я покачала головой. – Он не успокоится, пока не получит это. Я боюсь, что он найдет нас, ведь ему будет помогать вся Святая Инквизиция.

А еще нас будет искать разозленная Аманда Вэйлинг. Сколько времени понадобится ей, чтобы выйти на след беглецов? Раненое ухо

дернуло болью, и я поморщилась.

Сейчас надо найти ночлег. Думать о преследователях мы будем позже.

– Не жалеешь? – словно подслушав мои мысли, спросил Август. Его голос звучал ровно и спокойно, без эмоций.

Я помотала головой, понимая, что спрашивает он совсем не о платье.

– Никаких сожалений, – выдохнула я и вдруг поняла, что сказала истинную правду. Я предпочитаю быть беглянкой с разорванным ухом, голодной и уставшей, чем пить утренний кофе на роскошной террасе самого красивого отеля Старограда в качестве госпожи Норингтон. Стоять в ворованной одежде и смотреть в темные глаза разрушителя, чем сидеть в кресле напротив Дамира, пытаясь не думать о прошедшей ночи. – О нет. Никаких сожалений, – твердо повторила я, и Август улыбнулся.

Влажный воздух далекого и чужого экзархата вдруг показался мне таким сладким, что голова слегка закружилась.

Я собрала волосы, натянула шляпу, чтобы скрыть приметные белые пряди, и двинулась к дороге. Август пошел рядом, старясь подстроиться под мои шаги.

Спустившись с пригорка, я оглянулась на лес, оставшийся позади. Волк исчез, и втайне я понадеялась, что навсегда.

Глава 14. Монастырь Истинодуха

Вытянутый вдоль реки крошечный городок казался сонным и безмятежным. Некоторое время мы оглядывались, все ожидая услышать гневный оклик или увидеть стражей порядка, а то и инквизиторов, но никто за нами не гнался и не требовал остановиться. Тихие дома, погруженные в зелень, провожали нас бликами стекол в небольших окошках. Мимо изредка проходили люди в таких же шляпах и нарядах, но на нас они не обращали внимания, торопясь по своим делам. Экрау скрыли нас почти целиком, а соломенные шляпы спрятали лица от солнца и любопытных взглядов.

Я вспомнила, что днем население таких городков обычно занято рыбной ловлей, разведением угрей или сбором овощей, фруктов и риса на плантациях, поэтому улицы становятся безлюдными. Что ж, в этом нам повезло.

Пройдя насквозь все поселение, мы вышли с другой стороны, где тянулись квадраты полей. Над травой висели, молотя крылышками, стрекозы, пахло нагретой землей. Холм нависал слева и казался близким, но достигли мы его, когда мои ноги покрылись желтой пылью дороги, а горло начало саднить от жажды. Даже вечернее солнце изрядно припекало, и я порадовалась, что Август догадался прихватить шляпы.

Монастырь Истинодуха вырос темными очертаниями, когда я почти выбилась из сил и снова проголодалась. Он стоял у подножия холма, строгим шпилем и круглым центральным окном-розой напоминая Кастел. Мрачное сооружение казалось лишним среди холмов и полей этой местности. Может, потому, когда мы приблизились, то обнаружили, что дверь заколочена, как и часть нижних окон.

Август остановился, растерянно рассматривая следы обрушения и запустения.

– Похоже, за прошедшие годы здесь многое изменилось, – со вздохом сказала я, опускаясь на ступеньку. Губы пересохли, лицо тоже покрылось желтой пылью. И мне не хотелось думать, что придется возвращаться в городок и проситься на ночлег к местным жителям. Да

и пустят ли чужаков? Скорее нас тут же запрут в подполе до приезда стражей порядка! Значит, надо двигаться к следующему поселению, но до него может быть день пути, а то и больше…

Озвучивать эти мысли я не стала, зная, что Август и без меня все понимает.

– Во внутреннем дворе был колодец, – хрипло сказал он. – Может, удастся раздобыть воды.

Я кивнула и пошла за ним вдоль стены монастыря, густо оплетённой диким виноградом. Во внутреннем дворе сквозь камни пробивались травинки и сорняки, разрослись кусты и деревья, ветви которых давно никто не подрезал. Но колодец тут действительно был. Пока Август тянул тяжелую деревянную крышку, я заметила рядом заросли малины и полезла в них, надеясь разжиться сладкими ягодами. Но сорвать не успела ни одной, потому что позади щелкнул взводимый курок. Я вздрогнула от страха. Инквизиторы? Они нашли нас?

– Ты что это там делаешь? – раздался возмущенный голос, и мы обернулись.

Позади стоял невысокий старик в темной монастырской рясе, из-под подола которой виднелись закатанные штанины и желтые пальцы босых ног. Его голову прикрывала от солнца соломенная шляпа, в тени которой пряталось лицо.

– А ну прочь от моего малинника! Знаешь, сколько сил я вложил в эти ягодки? А ты воровать вздумал? Поди прочь! – Старик махнул древней двустволкой.

– Настоятель Бернар? – неуверенно произнес Август, снимая свою шляпу, и старик дернул оружием, прищурившись.

Я на всякий случай отодвинулась подальше.

– Август? Август! Это и правда ты? Святой Дух, как же ты вырос! А ведь был совсем мальчишкой! – Настоятель снова дернул двустволкой и, словно опомнившись, бросил ее на землю и стянул свою шляпу.

Я увидела блестящую лысину, круглое пухлощекое лицо и добрые голубые глаза, окруженные сеточкой морщин. Губы старика растянулись в радостной улыбке, которой не хватало нескольких зубов.

– Глазам своим не верю! Неужели вы с Домиником приехали навестить старого приятеля?

– Наставника со мной нет, – мягко ответил Август, делая шаг навстречу. – Я приехал с… другом.

– Ох, вот как, – моргнул настоятель, внимательно всмотрелся в мое лицо и снова расплылся в улыбке. – Какой красивый у тебя друг, Август! Не смущайся, милая! Как тебя зовут? Ох, дайте же обниму вас!

Смеясь и продолжая тараторить, старик бросился обнимать сначала Августа, который застыл столбом, пережидая проявление чужих чувств, а потом и меня. Я похлопала настоятеля по пухлой спине и отстранилась.

– Что случилось с монастырем? Когда я был здесь последний раз, в этих стенах кипела жизнь.

– Увы, – огорченно развел руками старик. – Несколько лет назад здесь разразилась буря, часть крыши обрушилась. Видишь, вон там и сейчас пробоина. Семинарию перевели ближе к Джиену да там и оставили. Столица все-таки… Решили, что восстанавливать монастырь в этой глуши слишком дорого и бесперспективно. Местные предпочитают молиться в домашних храмах, где наравне с Истинодухом чтят и своих языческих богов. Меня тоже хотели перевести в Джиен, но я отказался. Привык уже тут, сросся как-то с этой землей и холмом… Малину вот развел. Присматриваю за стенами монастыря, от всяких воришек охраняю…

– Со сломанной двустволкой? – улыбнулся Август, и старик снова рассмеялся.

– А ты глазастый! Всегда такой был! Но что же мы стоим? Идемте, скорее идемте! Марта будет счастлива увидеть вас!

– Надеюсь, ваша супруга в добром здравии?

– А то! Сто лет проживет. А потом еще двести! – захохотал настоятель, и я поневоле тоже улыбнулась.

Подобрав перевязанное липкой лентой оружие, старик с удивительной для его возраста прытью бросился к узкой дверце в заборе. Мы с Августом, переглянувшись, пошли за ним. Петляющая среди кустов и деревьев дорожка привела к беленому одноэтажному дому, на пороге которого уже стояла пожилая женщина – такая же приземистая, круглолицая и пухлощекая, как и ее супруг. Ее голову украшали седые кудельки, а пышную фигуру – желтое платье и фартук с рюшами. После новой череды охов, ахов и восторгов нас пригласили

в дом и напоили. Осушив два стакана прохладной воды, я села на плетеное кресло и осмотрелась, хотя особо разглядывать было нечего.

– У нас тут просто, всего две комнаты, – заметив мой интерес, улыбнулась Марта. – В этой готовим еду, а там спим. Но нам хватает. Да и много ли надо двум старикам? А вы надолго в наши края? И где же ваш багаж?

Внимательный женский взгляд скользнул по моим пыльным ногам и голубом экрау с чужого плеча, испачканному лицу, запекшейся на мочке крови и прядям выбившихся из-под соломы волос. Я насупилась, не зная, как буду отвечать на вопросы, которые уже мелькали в глазах Марты.

Но к счастью, вернулись Август и задумчивый настоятель. Не знаю, что сказал ему мой спутник, но старик уже не улыбался, скорее хмурился. Похоже, и он сообразил, что выглядим мы по меньшей мере странно. Значит, выгонят? Наверняка… От мысли, что придется тащиться в городок или снова ночевать под открытым небом, мне стало не по себе. В животе заурчало от голода.

– Мы сможем остаться, – повернулся ко мне Август, и я удивленно вскинула брови. – В монастыре. На первом этаже есть пригодные для жилья комнаты. Настоятель даст нам еду и одежду.

– Вряд ли его штаны окажутся тебе впору, – хмыкнула я, покосившись на стариков.

– У настоятеля Бернара и его жены девять детей, – улыбнулся парень. – Семь сыновей и две дочери. Все давно выросли и живут в разных частях империи. Но кое-что из их одежды осталось. А еще в здании хранится старая одежда бывших адептов. И зная чету Пейп, я уверен, что она в отличном состоянии. Идем, покажу, где можно смыть грязь. Здесь нет ванной комнаты, бочки с водой стоят во дворе.

Я изумленно моргнула, но мне так хотелось избавиться от въевшейся в кожу желтой пыли, что я молча отправилась за Августом. Бочки и большая деревянная лохань действительно нашлись – прямо под открытым небом, за частоколом, прикрытым листьями и вьющимся виноградом. Нагретая солнцем вода пахла травой. Похоже, бочки наполнялись не водопроводом, а дождевыми потоками. Раздеваться там, где, казалось, меня мог увидеть любой, заглянувший за шаткий заборчик, было странным, но я лишь вздохнула и стянула с себя экрау. Из кармана вывалилась склянка с лекарством. Минуту я

смотрела на нее, размышляя. Я пропустила уже несколько доз, как быстро это скажется на моем разрыве? Может, стоит принять хотя бы то, что у меня осталось?

Но повертев пузырек в пальцах, я снова его отложила. Одна доза ничего не изменит.

Я залезла в лохань, взяла мыло – явно самодельное, с застывшими внутри бруска желтыми лепестками. Но пахло оно вкусно: цветами и летом. Я даже зажмурилась, вдыхая непривычный аромат. Очнувшись, некоторое время я смотрела на бочку, а потом сообразила, что вода сама собой не польется и потянулась к ковшу на длинной ручке.

Когда я натерлась до скрипа и, наплескавшись, вылезла, то обнаружила на частоколе хрустящее полотенце, простое платье в мелкий голубой цветочек и летние туфли на плоской подошве. Я повертела все это в руках, думая, что раньше в жизни не надела бы подобный фасон, давно устаревший, с мелкими пуговичками на лифе и широкой юбкой. Но сейчас у меня не было выбора. И понимание этого ударило под дых так, что стало трудно дышать. На миг я привалилась к забору, пережидая панику. Чужое платье, чужой дом, чужой край… Ни денег, ни документов. Что осталось от Кассандры Вэйлинг? Кто я теперь?

Некоторое время я стояла, делая глубокие вдохи и пытаясь взять себя в руки. С мокрых волос капала вода, холодя спину. Страх перед будущим вдруг накрыл приливной волной. Больше не было привычных стен, не было безопасности и моей жизни. Осталось только чужое.

Но выбор сделан. И я действительно о нем не сожалела.

Когда я сумела совладать со своими эмоциями и выйти, то заметила стоящего возле частокола Августа.

– Подсматриваешь? – с деланым весельем спросила я и увидела его взгляд. Серьезный. Обеспокоенный.

– Я за тебя волновался, – негромко сказал он.

–А лучше бы подсматривал, – буркнула я, проходя мимо. Делиться своими переживаниями я не привыкла.

Август молча кивнул и протянул мне расческу с заколкой.

– Марта велела передать. И еще это. Здесь есть антисептик и бинт. А вон там есть зеркало. Помочь тебе?

Я мотнула головой, забирая коробку с медикаментами.

Маленькое зеркало за ширмой отразило мое бледное лицо и ухо. Оно больше не болело, отек почти спал, но вряд ли в ближайшее время я захочу надеть серьги. На миг я испытала искушение применить Маску, вернуть все как было, сделать свою внешность идеальной и симметричной. Добавить недостающий кусочек. Даже потянулась к зеркалу, но… отстранилась. Глупо тратить силы на то, чтобы стать красивее. В конце концов, шрамы украшают не только мужчин, но и королев. Они напоминают о битвах и врагах, которые сделали меня сильнее. Я заклеила ухо телесным пластырем и, высоко подняв голову, пошла на кухню.

Август справился с купанием гораздо быстрее меня и вернулся чистый, в черной рубашке, потертых джинсах и легкой обуви. Простая одежда удивительно шла молодому мужчине. Делала его как-то доступнее. Длинные рукава закрывали жутковатую нейропанель и шрамы. С убранными в хвост волосами Август казался таким… понятным. И притягательным.

Я отвела взгляд.

Старики уже зажгли лампы и накрыли ужин. В центре стола возвышалась горка желтого риса с горохом и стручками фасоли, рыбный суп и крошечные сладкие пирожки на десерт.

Ела я молча, наслаждаясь вкусом и прислушиваясь к разговору мужчин. Не знаю, что успел сказать настоятелю Август, но нам не задавали неудобных вопросов. В основном Бернар вспоминал прошлые годы, когда в монастыре еще была семинария, и своих детей, разлетевшихся по империи. Марта кивала в такт его словам, успевая менять тарелки и подкладывать добавку. Когда все наелись, хозяйка заварила местный чай – пряный и душистый, разлила по чашкам.

Простой, но вкусный ужин наполнил тело теплом и блаженной сытостью. Не удержавшись, я зевнула, прикрыла рот ладонью. И увидела, как Марта посмотрела на мою нейропанель. Но и здесь она ничего не спросила, хотя я почти слышала вопросы, кружащие в женской голове.

– Бернар, хватит мучить гостей своими воспоминаниями, – улыбнулась хозяйка. – Они устали, разве не видишь? Успеете еще наговориться! Кстати… надолго вы к нам?

Мы с Августом переглянулись.

– Мы задержимся. На… некоторое время.

– Что ж… Тогда завтра я напеку побольше пирожков и печенья! Вы оба слишком худые, вам надо хорошо питаться! – объявила Марта, и Бернар важно кивнул.

А я моргнула, сосредотачиваясь. Человеческие фигуры размылись, краски потускнели. И я увидела звезды. У супругов Пейп оказались удивительно похожие линии Духа. У Марты – три звезды справа, шесть – слева, а у Бернара – наоборот. Целые, сильные и яркие линии, никаких разрывов или дефектов. Впрочем, как и панелей. Супруги – самые обычные люди.

Я снова моргнула, возвращаясь в маленькую кухню. Моя способность видеть линии силы отозвалась практически сразу. Выходит, в Кастеле было то, что эту способность подавляло. Я тронула свое разорванное ухо, прикрытое волосами. Неужели дело в серьге и айк – не просто камень? Что ж, значит, я была права, избавившись от него.

На этом ужин решили закончить. Настоятель вручил нам фланелевые пижамы, стопку постельного белья, переложенного сухими веточками и пряными листьями, и проводил в монастырь.

После уютного домика темные и мрачные стены заброшенной обители казались холодными и пугающими. Я поежилась, когда Бернар распахнул дверь бывшей кельи. Обстановка оказалась аскетичной – две кровати у противоположных стен, стол и пустой шкаф.

– Располагайтесь. – Бернар похлопал по матрасу и кивнул. – Крепенький! И пружины в кроватях целые, не бойтесь! Я за чистотой слежу, но завтра не мешало бы убрать пыль да помыть полы. Но с этим вы и сами справитесь.

– Здесь нет электричества? – спросил Август.

– Раньше работал генератор, но уже три года как сломался, а починить умельцев не нашлось. Да и смысла нет. Пусто же. Не бойтесь, я оставлю вам масляную лампу и набор свечей. В кладовой лежат шерстяные одеяла и несколько теплых сутан на случай холодов. Знаешь, где кладовая?

– Найду.

– Вот и чудно. Окошки здесь целые, дуть не будет. Добрых снов.

– И вам, настоятель.

Старик махнул рукой, еще раз посмотрел на меня и ушел.

Присев на край кровати, я осмотрелась.

– Не то, к чему ты привыкла? – спросил Август. Пока я моргала, он ловко застелил вторую постель, поправил тонкую подушку и обернулся ко мне. – Здесь не так плохо, поверь. Ложись, Кассандра. Я принесу теплое одеяло. Ночами в монастырях бывает прохладно.

– Это для меня? А где будешь спать ты?

– Здесь полно комнат, займу одну из соседних. Не бойся, я оставлю тебе лампу и свечи.

– Но…

Он вопросительно поднял брови, и я осеклась, не зная, что хотела сказать. Что он может остаться в этой комнате рядом со мной? Хорошо, что я вовремя прикусила язык.

– Найди келью подальше, я не переношу мужской храп, – буркнула я, сердито встряхивая старомодную пижаму.

– Как скажешь, – ответил Август, направляясь к двери. – Но я не храплю.

Быстро переодевшись и погасив лампу, я забралась под покрывало и закрыла глаза. От простыни пахло сухой травой. В окно монастыря заглядывали звезды и тонкий, какой-то неправильный серп луны. Все такое чужое…

Открылась дверь.

– Кассандра, ты спишь? – тихо спросил Август.

Я не ответила и не открыла глаза, даже дыхание затаила. Поверх покрывала мягко опустилось теплое одеяло, укутывая меня.

– Хороших снов, – сказал Август и вышел.

– И тебе, – ответила я, когда дверь за ним закрылась.

Я зажмурилась еще крепче, запрещая себе думать о том, что делает Август в одной из соседних комнат. Как стелет постель – быстро и умело, как снимает рубашку и штаны… Как укрывается тонкой тканью. О чем он думает, засыпая?

Или о ком?

Я зашипела и натянула одеяло на голову. От шерсти едва уловимо пахло ветивером и ладаном. Я едва не взвыла.

Довольно, Кассандра!

Ни жалости. Ни сожалений. Ни привязанностей…

***

Ни сна.

Дверь открыта, в проеме застыла тень. Стоит в ожидании, тянет душу.

Не выдержав, я встала. Ступила босыми ногам на доски, не чувствуя холода. Сделала шаг. Тень застыла, не двигаясь.

И еще шаг…

Пока тень не обрела очертания и плоть. Пока сильные руки не сжались, обнимая. Пока губы не коснулись губ…

Поцелуй – сладкий и нежный вначале, горячий потом. Чужие губы отбирают дыхание.

Я ахнула и… проснулась.

В стекло на окне тихо стучала ветка. Что-то шуршало и скрипело. Обычные звуки старого и заброшенного здания.

Я посмотрела на дверь – закрыта.

Все лишь сон…

Глава 15. Открытия и ночные монстры

Снова проснулась я от того, что за окном истошно орала птица. Недовольно открыв глаза, я высунулась из-под одеяла, размышляя, откуда в Кастеле эта гадкая пернатая крикунья. Мгновение осматривалась, а потом все вспомнила и подскочила на кровати.

Солнце уже светило вовсю, а к орущей мерзавке присоединились пернатые товарки.

Я спустила ноги с кровати, потянулась и встала. На досках пола лежали теплые солнечные пятна. При свете дня келья казалась не такой мрачной и унылой, как во тьме. Над спинкой кровати помимо образа Истинодуха даже висела небольшая акварель – река и лотосы, явно нарисованная рукой ученика. На столе красовалась ваза, самодельная и слегка кривая, из обожжённой глины. На красном боку желтели нарисованные цветы. Когда-то послушники ставили в эту вазу ромашки, украшая свое аскетичное жилище.

За окном качались ветки деревьев, в приоткрытую створку влетал летний ветерок, принося птичий гомон и запах скошенной травы. Вместе с ветром влетела бирюзовая стрекоза, зависла над столом, привлекая мое внимание.

Я откинула льняное полотенце. Под ним меня дожидался завтрак: сладкая каша, булочка, сыр и чайничек с чаем. И горстка свежей малины на блюдце.

Некоторое время я смотрела на ягоды, испытывая странные чувства. В груди что-то теснилось и царапало, причиняя боль. Я точно знала, кто собирал для меня эту малину. Кто подумал о том, чтобы принести завтрак и накормить меня. Кто ходил так тихо, что не скрипнула ни одна доска старого монастыря.

И кто мучил меня порочными снами.

Забота Августа сводила меня с ума. Забота, которая для него естественна, как дыхание, и за которую он ничего не потребует взамен. И почему-то мне хотелось найти его и как следует наорать.

Или заплакать.

Я потерла глаза, не понимая, что со мной творится и что за дикий зверь скребет мою душу. Почему забота молодого мужчины вызывает

во мне столь противоречивые эмоции. Возможно, я просто отвыкла от того, что кто-то заботится обо мне… просто так.

Медленно положила одну ягоду в рот. Сладкая, сочная, ароматная. Я шмыгнула носом и взяла вторую ягоду. И еще. Пока не слопала всю малину.

Натянув платье и сандалии, вышла в коридор. При свете дня монастырь уже не казался таким пугающим, просто старым и заброшенным. Пожалуй, в нем даже была своя красота – строгая и величественная, присущая всем северным постройкам. Заглядывая в комнаты, я нашла ту, где обосновался Август, – самую последнюю в коридоре. Оглянулась назад. Поселиться еще дальше было невозможно. Хотя есть же еще второй, третий этажи и даже мансарда! И как этот святоша не догадался?

Толкнув незапертую дверь, я постояла, с досадой рассматривая идеально заправленную постель. Может, найти в кустах какого-нибудь отвратительного жука и сунуть в подушку этого невыносимого зануды?

Я фыркнула, осознав абсурдность собственных мыслей и эмоций.

– У тебя нервный срыв, Кассандра, – буркнула я, от души хлопнув дверью.

Побродив по коридорам, я нашла уборную и ванную комнату. Воды в трубах не было, ее тоже подавал генератор, сейчас сломанный, но чья-то заботливая рука уже оставила у раковины ведра с водой, запечатанный набор для умывания и чистки зубов с эмблемой семинарии и свежие полотенца.

– Нет, это просто невыносимо, – почему-то снова рассердилась я.

Дальше по коридору нашлась кухня и смежная с ней столовая с аккуратно расставленными стульями. Кухня блестела начищенными плитами и столами, за стеклами пузатых шкафов виднелись пустые кастрюли и сковороды. Похоже, настоятель действительно содержал монастырь в чистоте, даже пыли на мебели почти не было. Хотя я не представляла, чего стоит двум старикам такой труд. К тому же – бессмысленный, ведь ученики больше не сядут за эти столы, чтобы съесть утреннюю кашу.

На втором этаже располагались лекторные. Я прошла мимо выцветшей карты империи, погладила кончиками пальцев лакированную поверхность одной столешницы. Возможно, когда-то

именно за этим столом сидел Август – еще совсем юный, серьезный и невыносимо красивый в сутане послушника. Я почти видела молодое и строгое лицо, острые скулы, сжатые губы, внимательный взгляд, следящий за наставником на подиуме. Тонкие пальцы, вертящие ручку, убранные в гладкий хвост черные волосы. О чем думал тот Август, глядя на карту с тремя коронами? Может, о диких землях на севере, где империя соседствует с Полярисом – царством ледников и снега, в котором живут иноверцы, или о южной границе возле засыпанного черными песками Равилона, где полно преступников и язычников. Я почти видела юного послушника, красивого как падший ангел и мечтающего о том, что однажды он принесет в дикие земли свою веру и огонь просвещения.

И у него могло получиться. Черт возьми, у него действительно могло это получиться.

А спустя годы Август построил бы в какой-то глуши новый монастырь и открыл новую семинарию для новых учеников.

Но вышло иначе.

Я отдернула руку, сжала ее в кулак.

Август будил во мне эмоции, которых я не хотела. У этого парня по-прежнему слишком много тайн. И хорошо, что он не позволяет нам сближаться. Только почему-то это тоже неимоверно злит!

Бормоча под себе нос ругательства, словно они могли успокоить мою мятежную душу, я покинула лекторную и, спустившись вниз, вышла во внутренний двор.

И конечно, тут же столкнулась с предметом своих мыслей!

Август – босой, в футболке и джинсах, закатанных до колен, со взъерошенными волосами, пряди которых падали на его лоб, – стоял у лестницы и щурился от бликов света. Солнце, играя с ним в пятнашки, скользило лучами по лицу, отражалось в глазах и согревало губы. Чертово солнце любило этого парня.

Я посмотрела на его правое запястье, туго перевязанное бинтом, и подняла брови. Похоже, свою страшную и обугленную нейропанель Август решил спрятать. Что ж, верное решение.

– Проснулась? А я уже начал думать, что ты впала в спячку.

– Просто я не из тех ненормальных людей, что встают с первыми лучами солнца, —ответила я недовольно.

– Понятно. Нашла завтрак?

– Нет, – из вредности соврала я.

– Нет? – Август поднял брови.

– Нет!

– Ладно, – дрогнули его губы.

Я отвела взгляд, решив, что не выдержу, если он улыбнется. Улыбающийся Август гораздо хуже, чем Август мрачный. Улыбающийся снова будил притихшего внутри зверя.

– Если хочешь есть, то Марта напекла сладких булочек.

– Что ты им сказал? Настоятелю и его жене?

– Правду, – после короткой паузы ответил он. – Но… не всю. Они знают, что нам нужна помощь. Если кто-то из местных заинтересуется, скажи, что ты дочь настоятеля, приехала погостить. Но деревенские редко сюда заглядывают.

Наши взгляды встретились – и свой я отвела.

– На что ты смотрел?

– Утром Бернар заметил у шпиля летучую мышь, просил понаблюдать. – Август ткнул рукой вверх. – Беспокоится, что она обоснуется под крышей. Но возможно, настоятелю лишь показалось, я никого не заметил.

Я тоже закинула голову, но увидела лишь черепицу и шпиль. Пожала плечами.

– Кассандра, я думаю, нам надо…– начал Август, но я опередила.

– Пойду прогуляюсь, – резко сказала я, отворачиваясь.

Но мужчина преградил мне дорогу. Его ладонь легла на кирпичную стену за моей спиной.

– Ты выглядишь напряженной. Что-то случилось?

На его лице застыло искреннее участие. И я вдруг вспомнила, как черные гадюки ползли по его рукам и шее. И какой спокойный у него был тогда взгляд…

Почти как сейчас.

– Все в порядке. – Я поднырнула под его локоть. – Хочу осмотреть местность. Не верится, что мы на другом конце империи.

– Не хочешь разговаривать со мной?

– Просто хочу пройтись.

– Кассандра, – коснулся моей спины его голос. – Что тебе снилось?

Поцелуи. Прикосновения. Толчки. Стоны. Хриплый шепот…

– Ничего. Никаких снов.

Оборачиваться я не стала, но чувствовала мужской взгляд, пока не скрылась за поворотом.

Возле бочок с водой, за частоколом, висело маленькое круглое зеркальце, и я выругалась, взглянув в него. Губы алели от сока малины. И выглядели припухшими, словно меня и правда всю ночь целовали – грешно и сладко. Словно мой порочный сон случился на самом деле.

Я сердито скривилась, смыла следы ягод и свое смущение. К черту сны и чувства. Надо просто об этом не думать.

Слева от монастыря тянулись поля, дорожка справа вела к развилке, а та – в сторону деревни или дальше – к холму, мимо которого змеилась лента реки. Подумав, я пошла направо. В высокой траве пели птицы, солнце пригревало вовсю, и я пожалела, что не взяла соломенную шляпу.

Под одним из кустов мелькнул серый силуэт, и я испуганно шарахнулась в сторону, рассмотрев зверя. Хантер поднял с лап голову, глянул на меня и демонстративно отвернулся.

– У настоятеля есть двустволка, – сообщила я волку.

Хантер зевнул и, закрыв глаза, снова положил морду на лапы.

Вернувшись к монастырю, я увидела настоятеля Бернара. Босой старик в закатанных до колен штанах и огромной рубахе возился с каким-то огромным агрегатом. Заботливо расправленная ряса покачивалась на ветке бузины.

– А, милая Эсси, – прошамкал он, глотая буквы и коверкая слово «Кэсси». – Вот и ты!

Я прищурилась и хотела буркнуть, что Кассандра Вэйлинг какая угодно, но только не милая, но глянула в добродушное круглое лицо и промолчала.

– Август велел не будить тебя. Сказал, что ты устала и нуждаешься в отдыхе!

– Август очень заботливый, – выдавила я.

– Так и есть! – Лицо Бернара сморщилось от радостной улыбки. – Он всегда был таким. Помню, когда они с Домиником приезжали погостить, Август нашел в поле раненого вороненка с подбитым крылом. Притащил в монастырь и решил вылечить. Все говорили ему, что птица не жилец, зря возится, а он упрямился. И вылечил,

представляешь? Крыло срослось, а птица потом улетела. А ведь почти дохлая была! Марта до сих пор это вспоминает…

– Похоже, теперь у Августа новый раненый вороненок, – кисло сказала я. – Он просто жить не может без спасения… кого-нибудь.

Бернар удивленно заморгал. И снова широко улыбнулся.

– О, милая Эсси! Ты думаешь, он заботится о тебе из-за этого? Ну что ты… Мы с Мартой видели, как он на тебя смотрит.

– И как же? – почему-то я даже дыхание затаила в ожидании ответа.

– Совсем не как на раненую пташку, – рассмеялся Бернар. – Поверь, я знаю, о чем говорю. В этом году мы с Мартой отметим полвека совместной жизни! И заметь, эти полвека прошли не напрасно: у нас девять прекрасных детей! – лукаво подмигнул настоятель.

– А разве не все священники принимают обет безбрачия?

– Конечно, нет. Только те, кто пожелают посвятить свою жизнь лишь служению Истинному Духу. Помнится, Август желал этого. И все же… я рад, что он передумал. И что у него есть ты.

– Мы лишь… друзья, – выдавила я, задумавшись над статусом наших отношений. Что будет, если сказать доброму старику правду? Я лишь миротворец, который однажды не смог сдержать рождение разрушителя? Что нас связало нечто темное и непонятное, соединило навечно, и как жить с этим – мы пока не поняли. Что Август – моя тень, пугающая и необходимая как воздух. А кто для него я – понятия не имею.

– Друзья? Ох. Как скажешь, милая. – Настоятель снова лукаво подмигнул, но тут же помрачнел. – Не знаю, что произошло, но прошу, береги его, Эсси. Август – хороший мальчик. Всегда был таким. Светлый, добрый. Не знаю, что с ним случилось, но я вижу тьму, омрачающую его мысли. Его Дух силен… Но и сильным порой нужна поддержка.

– Почему вы нам помогаете? – не выдержала я. – Вы ведь понимаете, что мы…

– Попали в беду, – твердо завершил Бернар. Круглое лицо вдруг утратило глуповатую добродушность и стало спокойным и понимающим.

Я моргнула, пораженная такой переменой. Но длилось это лишь миг, пока Бернар снова щербато не улыбнулся.

– Почему помогаю? Разве это не очевидно, милая? Это мой долг.

– Как настоятеля?

– Как человека, – с мягкой улыбкой ответил он.

– И вы поможете нам, даже понимая, что это… опасно? Вы не боитесь?

Бернар рассмеялся. Легко и искренне.

А я нахмурилась, размышляя. Возможно, встреть я Бернара раньше, то больше верила бы в людей и благость Истинного Духа. Но мой опыт общения с церковниками в основном сводился к наказаниям, которые я получала за отсутствие веры. А с простой человеческой добротой я и вовсе не встречалась слишком давно. Так давно, что забыла о ее существовании. И не верилось, что кто-то может помочь просто так, не требуя ничего взамен.

И это тоже будило внутри новые чувства. Что-то маетное. Что-то тянущее душу…

Желая отвлечься от странных чувств, я перевела взгляд на агрегат, который разбирал Бернар.

– Что это такое?

– Генератор, будь он неладен! – Старик хлопнул по железу пухлой ладошкой. – Заглох три года назад и ни в какую. Не фурычит! Нам с Мартой и масляной лампы хватало, я уж думал – доживем свой век и без электричества, а тут вы… Негоже по монастырю во тьме ходить! Без генератора – ни света, ни воды, куда это годится. Да только что я ни делаю – эта болванка ни в какую не работает! Что-то в ней заклинило, а вот что – понять не могу.

Настоятель сердито пнул огромный агрегат, и я не удержалась от смеха. Пузатый и багровый от усилий настоятель, перепачканный мазутом и маслом, выглядел весьма комично!

– Ах, еще и смеется она, негодяйка Эсси!

Бернар потряс гаечным ключом, я прыснула и облокотилась на агрегат. Перед моими глазами на миг развернулась непонятная схема, а под пальцами что-то щелкнуло, задвигалось и заскрежетало, словно невидимая глазу деталь повернулась и встала в пазл. Настоятель застыл с вытянутой рукой. Перевел взгляд с меня на генератор. А потом глянул на золотую полоску, обвивающую мое запястье.

– Дух Истинный и все святые! – скороговоркой выпалил Бернар. – Да ты никак ремесленник!

– Я?! – отдернула руку – и чихающий генератор смолк. Ремесленниками люди без нейропанелей называли тех, у кого открывается талан воздействия на неживую материю. Правильнее говорить «материалисты-преобразователи», но даже в Аннонквирхе многие предпочитали просторечное и понятное слово. Такие способности проявлялись куда чаще провидческого Ока и были весьма востребованы. Материалистов обычно делили по материалам, на которые они умели воздействовать.

– Точно ремесленник! Значит, ты кузнец?

– Материалисты, работающие с железом и механизмами, называются технофикаторами, – несколько растерянно поправила я. – Вот только я не уверена…

–Ну-ка, верни ладошку обратно!

С некоторой опаской я выполнила это требование – и агрегат заурчал, словно сытый кот. Бернар всплеснул пухлыми руками и рассмеялся. Я тоже хмыкнула. И вспомнила часы на башне Кастела. А еще железного воина, которого мне швырнула Агамена.

Неужели и тогда Маска строгой наставницы скрывала мою мать? Как часто архиепископ приезжала в Кастел и пользовалась чужим лицом? Кто отправил меня в карцер – настоящая Агамена или Аманда? Кто раз за разом ставил меня в спарринг с самыми свирепыми адептами Кастела? Теми, кто многократно превосходил меня в силе и выучке? Неужели это тоже было желание Аманды? Но зачем? Чтобы я скорее не выдержала и сломалась? Чтобы… позвала Августа?

– Эсси! – Испуганный окрик Бернара выдернул меня из мрачных мыслей. Генератор под моими руками пыхтел и рычал, словно собирался взорваться.

Я отшатнулась, а Бернар принялся махать своей рясой, разгоняя дым. Но даже когда он рассеялся, агрегат продолжал пыхтеть.

– Получилось! Глазам своим не верю! Работает! – Старик подхватил меня и сжал в объятиях.

Я хотела привычно скривиться и вырваться, ведь я терпеть не могу прикосновения чужих людей, но… но вдруг рассмеялась. Черные мысли растворились в искренней радости настоятеля.

– Эсси, голубка моя среброкрылая! Настоящий технофикатор! Да какой невероятной, изумительной силы! Я в жизни такого не видывал! Клянусь, ты сильнее, чем милорд Джуран Эхтауэр из восточного дворца! Когда-то я видел его умение, он заставил двигаться старый и ржавый паровоз, представляешь? Но, Эсси… ты наверняка еще сильнее! Вот помяни мое слово! Это нечто невероятное!

Старик продолжал восторгаться, нарезая круги вокруг чихающего дымом ящика, а я смотрела с сомнением. Неужели я действительно оживила механизм? Но я даже смутно понимаю, как работает подобный талан! Конечно, я помню теорию, все дело, как и всегда, в человеческих линиях силы. В Духе. Религия утверждает, что эта сила даётся нам божеством, наука говорит об особых полях и энергиях, но и те и другие сходятся в том, что именно эта сила способна изменять мир.

В Аннонквирхе нам рассказывали множество историй о мастерах неживой материи, да что там, великий кутюрье Дюран Моро – из их же числа, и я помню, как менялось на мне его платье. Но Моро – Совершенный, как и Джуран Эхтауэр, который так поразил Бернара. Их силы и умения тренировались годами, а может, и десятилетиями. Но я никогда не слышала, чтобы новичок был способен одним прикосновением оживить древние часы или вот – генератор. Все же на подобное нужна огромная сила. А еще – знания. Нельзя просто положить руку и заставить агрегат работать! Надо научиться сплетать паутину из собственного Духа, а потом внедрять ее в железо, чтобы оно стало нейро-живым и подобно живому, регенерирующему телу сумело исцелиться. Преподаватели Аннонквирхе многократно подчеркивали, насколько это сложный и технически точный талан, требующий подготовки и математических расчетов. Большинство ремесленников работали в паре с балансистами – счетоводами, образованными людьми, умеющими составлять правильные расчеты для изготовления нейро-вещей. У того же Моро по слухам целое здание таких математиков…

Я же ничего подобного не знала и не умела. Я просто приложила руку. Это больше походило на…

– Чудо! Истинное чудо! – повторял старик.

«На скверну», – подумала я. В отличие от предсказуемой энергии силы Духа, антиматерия скверны не поддается контролю. Она

хаотична, непредсказуема и разрушительна. А еще – сильна. Сила антиматерии – это сила черной дыры, способной поглотить весь мир. Антиматерию не зря прозвали скверной. Заражая живое, она несет страх и смерть.

Холодок ужаса змеей прополз по спине. И я снова увидела ядовитого аспида, свисающего с руки Августа. И черную тень из моего сна, ждущую у открытой двери. Власть и силу, с которой меня влекло к нему… Был ли это сон? Черт возьми, был ли это *лишь* сон?

– Эсси, что с тобой, милая? Ты не рада? У тебя такое лицо…

– Очень рада, настоятель, – очнулась я. Улыбнулась, не желая пугать Бернара. – Просто… просто вспомнила, что мне срочно надо идти! И… прошу, никому не говорите, что я приложила руку к этому устройству! Никому, слышите?!

– Но Эсси…

Уже не слушая, я помчалась прочь. Новая способность скорее пугала, чем радовала. Я менялась. Внутри меня зрело что-то иное, и это что-то было пугающим. Таким же пугающим, как способности Августа.

Остановившись у темного кедра, я привалилась к стволу и перевела дух. Страх перед скверной, разрывающей Дух, каждый житель империи впитывает с молоком матери. Мы все знаем, что она уничтожает не только наши линии, но и ломает тело. Превращает в омерзительных монстров. И я видела подтверждения этому. Видела Нейла в клетке и малыша Лю, который, когда-то был обычным парнем.

А сильнее скверны люди боятся разрушителей.

И сейчас, глядя на свои ладони, я не могла сказать, что не боюсь. Тех изменений, которые меня ждут. И того мужчину, который приносит мне по утрам малину.

«Если Август Рэй Эттвуд пройдет свой темный путь, он превзойдет дьявола…»

«Ты разрушила свою жизнь, Кэсси… Вечная беглянка, преступница? Эту судьбу ты выбираешь?»

Я сделала глубокий вдох и выпрямила спину. Да, я боюсь, но пока Август тот, кто пришел спасать меня, невзирая на последствия. Пришел лишь потому, что я позвала. Пришел и ничего не потребовал взамен.

И пожалуй, этого мне пока достаточно.

***

К вечеру в окнах монастыря забрезжил слабый, но свет, а краны расчихались, пытаясь выплюнуть из пересохших труб воду.

Оживший генератор выл и вонял соляркой, но исправно гудел и работал. Расчувствовавшись, Марта приготовила праздничный ужин, а краснеющий от похвалы Бернар достал сливовую настойку. О моем участии в починке агрегата он пока молчал, хотя я видела красноречивый взгляд настоятеля и понимала, что держать язык за зубами он не сможет.

Август от настойки отказался. Сидя напротив меня за небольшим столом в маленькой кухне, он смотрел в свою тарелку, без аппетита ковырял печеный картофель и слабо улыбался шуткам раскрасневшегося настоятеля. И рано ушел спать, сославшись на усталость.

Я посмотрела ему вслед и залпом выпила сливовою настойку, понадеявшись, что она поможет мне уснуть без сновидений.

Но я ошиблась.

…карцер Кастела – отвратительное местечко. Здесь тесно и пусто, а самое плохое – здесь холодно. Озноб пробирается по моим рукам, касается спины и затылка. Неприятным холодным потоком окутывает лодыжки и запястья, потом грудь и живот. Стены кажутся липкими. По ним течет что-то гадкое, то ли плесень, то ли гниль… я стараюсь не касаться этих стен, но на маневр в остроге совсем нет места…

Огонек лампы мерцает во тьме, и я вскидываюсь, разворачиваюсь. Всматриваюсь в коридор за решеткой.

– Катерина Вольц?

Темноглазая женщина смотрит на меня, блики огня пляшут в ее радужках.

– Катерина, выпустите меня! Я ни в чем ни виновата!

– Ты деструкт. Твоё место за решеткой.

– Вы не имеете права!

– Разве?

Она улыбается. Шире и шире. Пока ее рот не растягивается на всю ширину лица, пока лицо не трескается. Я смотрю на это с ужасом и подступающей тошнотой. Лицо-Маска сползает и выглядывает иное – мрачное и бледное.

– Мы имеем право на все, адепт, – говорит преподобная Агамена. – Ты сняла серьгу и за это будешь наказана!

– Но я…

– Молчи!

Бледные губы Агамены тоже растягиваются, и я зажмуриваюсь. Я не хочу видеть, как и эта Маска разорвется напополам, словно лист папируса. Но не выдерживаю, смотрю…

Щель рта разрывает лицо и наружу вываливаются пухлые щеки.

– Бригитта? – ужасаюсь я. – Ты тоже лишь Маска? Ненастоящая? Ты тоже…

– Монстр. Мы все, – в толстых пальцах сокурсницы из Аннонквирхе чернеет песок проклятого Равилона. Он сыпется на камни моей темницы, просачивается сквозь решетки, засыпает мне ноги. Его становится все больше и больше. Я хочу убежать, но куда? Со всех сторон лишь стены…

Рот девушки тоже раскрывается в немом крике. Я вижу ее язык, который удлиняется, словно черный аспид. Эта Маска тоже трескается напополам. Под ней лицо госпожи Тато, потом ее сына — Питера, с которым когда-то я сидела на крыше. Но и эти черты сминаются. Маски лопаются и лопаются, обнажая всех, кого я когда-либо знала. Они все словно бесчисленные куклы, сидящие одна в другой. Но чья личина настоящая? Кто прячется под чужими ликами, кто останется в самом конце?

Даже сквозь ужас я понимаю, что надо узнать. Надо досмотреть до конца. Увидеть лицо, которое станет последним… Почему-то это кажется неимоверно важным. И я смотрю. Юный Питер становится насмешливым Марком, Марк трескается – и под ним выглядывает лицо Блаженной Анастасии в пестром платке, а под ним…

Черный песок доходит до моей талии, до груди. До губ.

Я кричу, кричу, кричу и…

Просыпаюсь.

Скатываюсь с кровати и как есть – босиком, в одной лишь футболке, – вываливаюсь в коридор и несусь по нему к самой дальней комнате.

Дверь распахнулась, когда мне остался всего лишь шаг. И с протяжным выдохом я уткнулась носом в грудь Августа. Его руки

сомкнулись на моей спине, прижали к распахнутой рубашке. Я обхватила его так сильно, словно он был мачтой на дырявой лодке, попавшей в шторм. Единственной опорой в этом безумной мире.

От него по-прежнему пахло ветивером, но уже не пахло ладаном.

Некоторое время мы так и стояли. Я слушала сильные и четкие удары сердца под своей щекой, кожу холодила пластинка с Истинодухом. Август молчал. И держал очень крепко.

– Мне приснился дурной сон, – наконец выдохнула я в его шею.

– Я думал, все твои дурные сны принадлежат мне, – прозвучал над головой глухой ответ. – Но судя по тому, что я пока даже не ложился, – нет.

Я кивнула, не поднимая головы. Август вдруг подхватил меня на руки и понес.

– Пол холодный, – ответил на мой изумленный взгляд.

Август так легко держал меня, словно не ощущал веса моего тела. Я вцепилась в его плечи, прижалась щекой к груди, ощущая, как отпускает пугающий морок. Через коридор он нес меня молча, ногой толкнул дверь в комнату, пересек ее и положил меня на кровать. Укрыл одеялом, пригладил, подоткнул со всех сторон.

– Не уходи.

– Я думал, что Кассандра Вэйлинг – самая дерзкая и смелая девушка во всей империи, – его губ коснулась улыбка.

– Я тоже так думала. Ты не уйдешь?

Он качнул головой.

На кровать Август не сел, опустился прямо на пол, привалившись спиной. Его макушка оказалась так близко, что я ощутила безумное желание запустить пальцы в темные волосы. Узнать наконец, как они будут ощущаться в моей руке. Будут ли на самом деле шелковыми, как кажутся взгляду?

– Для прикроватного монстра ты слишком красивый, – разозлившись на свои желания, буркнула я.

– Прикроватный монстр?

– Ну да. А для подкроватного слишком большой.

Я перевернулась на бок, рассматривая четкий профиль.

– Тебе уже говорили, что непозволительно выглядеть таким… идеальным?

– Очень много раз, – серьезно ответил Август.

– Да? И кто же?

– Все. Послушник, с которым я делил в семинарии келью, даже предлагал сломать мне нос. Или сделать шрам на щеке.

– Хорошо, что ты не послушал этого идиота.

– Мне было одиннадцать, и я испугался боли, – с улыбкой произнес Август. – Но уже через пару лет понял, что все-таки надо делать. Хотя бы шрам. Ну и… сделал.

– Что? – Я приподнялась на локте, и одеяло сползло, оголяя плечо, с которого слезла слишком широкая футболка.

Август посмотрел на меня и резко отвел взгляд.

– Шрам. Ну то есть сначала это был просто порез осколком. – Он тяжело вздохнул, а я пристальнее всмотрелась в его слегка загоревшие скулы. – Но когда порез затянулся, шрама не осталось. Может, я воткнул стекло недостаточно глубоко. А может, дело в том, что всегда было во мне… Все раны заживали на мне очень быстро. Даже кости срастались с такой скоростью, что это… пугало. Как-то я свалился с дерева и сломал руку. Она восстановилась за несколько дней. Но я еще две недели носил гипс, боясь признаться наставнику. Даже Брайн, которого я считал почти братом, косился на меня с подозрением. Я говорил, что дело в крови горцев. Но кажется, он не слишком мне верил.

Я прикрыла глаза, размышляя о шрамах. О том, какие усилия надо приложить, чтобы оставить отметины на спине и плечах Августа. О том, что ему пришлось вынести, учитывая такую способность к восстановлению.

– …Ну а потом все стало еще хуже, – выдернул меня из эмоций спокойный голос.

– Почему? – Я устроилась удобнее, вытащила из-под одеяла руку. Теперь она лежала совсем близко от мужского плеча. Я все еще ощущала в ней его тепло. Страх, вызванный кошмаром, отступал, растворялся во тьме. Мой идеальный монстр пугал его…

– Возле семинарии был приход, где по воскресеньям наставник вел службу. Рассказывал о жизни святых или читал молитвы. Я обычно стоял за спиной святого отца, переворачивал страницы Писания и следил за свечами, чтобы они не гасли. Обычно на службе собирались лишь послушники и редкие посетители. Но чем старше я становился, тем меньше свободных мест оставалось на скамейках прихода. Когда

мне исполнилось семнадцать, желающие перестали помещаться внутри и стояли за дверями, ожидая.

– Дай угадаю, – зевнула я. – Все прихожане были… женщинами?

Он тихо рассмеялся – и я, не сдержавшись, тоже.

– В основном. Хотя бывали и исключения. – Он выразился скривился. – Но да, это были жительницы ближайшего городка. Честное слово, я слишком долго не понимал, почему все они на рассвете решают преодолеть жуткую горную дорогу, чтобы послушать проповедь наставника. Нет, он был неплохим оратором, но до прихода десятки миль по серпантину. Да и в городе были свои приходы…

– И когда ты понял, что дело не в красноречии настоятеля? – хмыкнула я.

– Когда одна из прихожанок предложила мне деньги. Много денег. На эту сумму можно было отстроить еще один приход. За… время, которое я с ней проведу.

Я ощутила желание найти мерзкую стерву и перерезать ей горло. Нет, сначала пытать раскаленными щипцами. А потом – перерезать!

– Вот же гадина! Она была уродливой старухой, ведь так?

– Ей было не больше тридцати. И она считалась самой красивой вдовой города. И самой состоятельной.

Я покосилась на темные пряди Августа. И почему теперь мне совсем не хочется их гладить? Хочется сжать в кулаке и дернуть! Темное и злое сдавило горло. А понимание, какое именно чувство вызвало мою ярость, разозлило еще больше. Ревность, вот что это было!

Я заставила себя успокоиться. Черт возьми, это же Август. Святоша Август. Которого однажды поцеловала девушка с розовыми волосами…

Ревность исчезла – и дышать стало легко.

– Ты ей отказал, она не смирилась и начала угрожать? Попыталась тебя… соблазнить? Или даже похитить?

Август кинул на меня удивленный взгляд.

– Откуда ты знаешь?

– О святые, она взяла тебя силой?

– Конечно, нет! – хмыкнул разрушитель. – Даже в семнадцать я был гораздо сильнее этой женщины. Она сняла одежду и пыталась меня… хм, поцеловать.

Я представила юного Августа и раздетую женщину. Красивую и довольно молодую. Картинка в голове мне отчаянно не понравилась.

– И что же ты сделал?

– Пришлось связать вдову поясом от ее же платья, – пожал Август плечами. Во тьме его глаз блеснули насмешливые искры. – Я оставил ей свое Писание, открыв на главе о чистоте тела, помыслов и Духа. Велел прочитать тысячу раз, а потом принять епитимью. К счастью, после этого вдова оставила меня в покое, больше я ее не видел. Но потом были другие… С похожими предложениями и желаниями.

– Из-за этого ты решил дать обет безбрачия? Из-за того, что слишком многие хотели… обладать тобой?

Он опустил голову, пряди упали, скрывая лицо.

– Хм… Пожалуй. Но еще я действительно хотел служить Истинному Духу. Видел в этом свое предназначение. Возможность помогать людям, делать что-то… правильное. Настоящее. Наставник часто повторял, что лишь полное отречение от земных благ и желаний дает свободу и счастье. Что цель моей жизни – принести благо другим людям.

Я скривилась. Да уж… у нас с Августом удивительно разные жизненные принципы.

– Бернар сказал, что от послушников семинарии не требуют столь полного отречения.

– Настоятель Бернар очень… добр. Мой наставник придерживался более строгих взглядов. И я тоже, – задумчиво ответил Август. – Моя внешность могла помешать служению. Я хотел нести веру, а не быть… быть…

– Мужем? Любовником?

Он резко повернул голову, и наши взгляды встретились. И я вдруг ощутила, как близко он сидит. Мои пальцы почти касались мужского плеча. И если он лишь немного наклонится… наши губы соприкоснутся.

Нельзя думать об этом. Нельзя.

Напряженный мужской взгляд скользил по моему лицу, делаясь все темнее. Желание – горячее, едва сдерживаемое, то самое, что ночами будило нас обоих, врываясь в наши сны, отпечаталось на его лице. И я снова ощутила властную и давящую силу, что толчками выплескивалась из Августа. Он качнулся ниже.

– В семинарии я не понимал, почему все эти женщины приходят, чтобы меня увидеть. И почему они желают меня, – тихо сказал Август, не отрывая от меня взгляда. – Не понимал их чувств. Их тяга казалась мне чем-то… низменным. Потому что сам я ничего подобного не испытывал. Их лица и тела, их призывные взгляды… Это вызывало лишь досаду. Я советовал им молиться усерднее и чаще, дабы желания плоти более не имели над ними власти.

Еще ниже. Дыхание закончилось. Мир исчез…

– Я не понимал… Пока кое-что не случилось.

– И что же?..

Пряди черных волос пощекотали мне щеку, так низко склонился Август. Его взгляд скользил по моему лицу. Я замерла, забыв, что надо дышать…

В распахнутое окно ударили крылья и под потолком заметалась летучая мышь. Ткнувшись в погашенную лампу и запищав, тварь унеслась обратно.

Август сжал губы, и тьма исчезла. А разрушитель отодвинулся.

– Я посижу здесь, пока ты не уснешь. – Голос прозвучал глухо. – Закрывай глаза.

– Вот так и будешь сидеть на полу? – помолчав, чтобы сделать вздох, сказала я.

– Да.

– Август. – Я зажмурилась. – Иногда мне хочется тебя прибить.

– Я знаю, – в его голосе звучала улыбка.

И от этого мне стало тепло.

Мне хотелось спросить обо всем, что меня тревожило. О Песках, в которых он не был. О пробуждающейся темной силе. О странной нашей дружбе, сводящей с ума… Или это не было дружбой? Почему он пришел, чтобы спасти меня? Рискуя собой, рискуя всем? Могло ли это значить чуть больше, чем его проклятый синдром спасителя?

Я хотела спросить так много, но ощущение безопасности и тепла завладело телом и разумом и я… уснула.

Глава 16. Танцы и сражения

Несколько дней мы с Августом друг друга избегали. Хотя завтрак и малина исправно появлялись на моем столе, сам Август держался в стороне. Может, его слишком сильно беспокоило то невысказанное, что с нами происходило.

Нас тянуло друг к другу. Наши ночи наполнили грешные сны. А днем мы отводили глаза, опасаясь увидеть правду.

Если бы еще недавно кто-то сказал мне, что я буду нервничать и смущаться при виде молодого мужчины, я бы расхохоталась в лицо этому дураку. Смущенная Кассандра Вэйлинг? Да скорее замерзнет огненная бездна, а демоны начнут плясать джигу и выращивать фиалки!

Но сейчас мне было не до смеха. Вся моя храбрость куда-то испарилась, а я ощущала себя растерянной и испуганной. Я не понимала, что со мной происходит, и сочла за лучшее исключить из зоны своей видимости источник непонятных эмоций.

Судя по всему, Август решил так же.

Увидев меня в коридорах монастыря, он сворачивал в другую сторону. Обедал, не поднимая глаз. И так нагружал себя работой, словно сам император пообещал за это орден!

Я попыталась последовать этому примеру и обратилась к Марте, решив научиться стряпать. Но быстро поняла, что это самое безумное и невыносимое занятие на свете! Марта – образец терпения и доброты – молчала, когда я спалила ее пирог, когда сожгла рагу и пересолила суп, но когда от злости метнула нож, которым резала овощи, и древко со звоном вонзилось в оконную раму, со смущенной улыбкой предположила, что готовка – это не мое.

Я выдернула нож и нахмурилась. Лезвие прибило к дереву жужжащую муху, а ведь я кинула, почти не целясь. Задумчиво качнув нож на ладони, я отошла дальше и метнула снова. Марта испуганно вскрикнула, а я выдернула оружие и хмыкнула. Еще одна муха нашла свою погибель.

Я кидаю ножи как маньяк-убийца. Но не могу одолеть проклятый суп!

И возможно, все это закончилось бы плачевно, если бы на пороге не возник Бернар.

– О, Эсси, ты здесь! А я тебя везде ищу!

Он покосился на побледневшую супругу и выдавил улыбку.

– К тебе там… пришли.

– Пришли?

Сердце испуганно дернулось. Перед глазами встал отряд инквизиторов, караулящий за дверью.

– Пришел Янсан из деревни. – Бернар смущенно потер плешивый затылок. – По понедельникам я покупаю у него молоко и яйца. И как-то само собой вышло… что рассказал о твоем умении. Поломка у него, ценная. Может, посмотришь, милая?

– Вы рассказали ему о генераторе? Но я ведь просила молчать!

Я неосознанно снова качнула на ладони нож, и Марта охнула. Насупившись, я положила оружие на стол.

Бернар покраснел и снова почесал лысину.

– Так-то ж Янсан. Свой же. Он никому не скажет. А поделка ценная, дочке в столице покупал. А она возьми и сломайся. Поделка, не дочка…. Девчонке всего шесть лет, ревет уже третий день. Жалко, маленькая ведь, не понимает, что нет поблизости мастера, который может починить такую тонкую штуку. А до столицы ехать три дня, да еще и мастера искать. Ты глянь просто, одним глазком-то?

Я вздохнула. Ругать Бернара бессмысленно, он не видит опасности в том, чтобы помочь приятелю. Старик привык откликаться на чужое горе и не понимает, что такая услуга может обернуться бедой.

Хотела отказаться, но… но посмотрела на криво порубленные овощи и горелый пирог. И поняла, что мне жизненно необходимо ощутить себя нужной и хоть в чем-то умелой.

– Дайте мне пару минут, – вздохнула я, хватая с крючка соломенную шляпу и выходя в уборную, где теперь были и свет, и вода.

Быстрый взгляд в зеркало – и мои серебряные волосы потемнели, как и глаза. Смена масти не сделала меня кардинально иной, но уничтожила сероглазую блондинку, которую, вероятно, ищет инквизиция.

Натянув шляпу, я решительно кивнула своему отражению и вышла. Бернар и Марта многозначительно переглянулись на смену моего имиджа, но промолчали. Удивительно тактичные люди!

Сломанная поделка оказалась золоченой железной птичкой в небольшой клетке. Господин Янсан – смущенный и обнадежённый одновременно – преданно заглядывал мне в глаза, рассказывая, как пичуга заливалась на жердочке трелями.

– Несколько месяцев копил на эту железную пичугу, а она сломалась! – с досадой поведал он. – Фая – младшенькая моя, плачет, успокоить не можем. Вы уж подсобите, почините пташку! А я не поскуплюсь. Буду приносить молоко и яйца, да отборные, самые крупные! Заклинателей неживого в наших краях мало, все кто с панелями, стремятся уехать в столицы… то и понятно! Там работы и денег больше… а нам что же делать? До Джиена путь неблизкий! А местный механик за поломку не берется, сказал, слишком тонкая работа, нужен тот, у кого имеется на руке браслет…

Не слушая тараторящего мужика, я вытащила из-за прутьев птичку. Железный соловей и правда был сделан мастерски, на крылышках золотились перья, клюв застыл полураскрытым, так и не завершив песню. Я повертела птичку в руках. То, что я починила генератор, и сейчас казалось слишком странным. Может, все это лишь случайность, не имеющая ко мне отношения? Бернар ковырялся с агрегатом, когда я подошла, так может, я лишь подоспела вовремя? Потому что я совершенно не понимала, как работает эта самая… починка. Я ведь просто приложила руки. Я даже не поняла, что случилось!

– …тонкий мастер нужен, а мастера-то и нет! – продолжал бубнить Янсан. – Какой в Шанси мастер? Я к Фадулу отнес, он порой чинит мотор моей лодки, если забарахлит, так он лишь развел руками… Инструмент у него грубый, больше, чем эта птаха. А Фая все плачет…И супруга моя…

Я погладила золоченую головку соловья. Красивая вещь. Только вот как с ней обращаться, я не имею понятия. Жаль маленькую Фаю, но похоже, я ничем ее не порадую.

В моих руках с птичкой ничего не происходило. Видимо, Бернар ошибся, все это и правда лишь совпадение. Я не знала, как направлять свой Дух, чтобы исправить поломку.

За кустами боярышника мелькнула тень. Подняв голову, я увидела Августа. Он стоял там и смотрел на меня сквозь заросли.

Сердце ударило в ребра. Перед внутренним взором развернулась невидимая схема. В пальцах закололо. А железный соловей открыл клюв и запел.

Марта и Бернар – оказывается, они стояли рядом, – начали аплодировать, Янсан восторженно благодарить. Я смотрела в темные глаза Августа. Он удивленно улыбнулся. Поднял руку, показывая знак одобрения. И снова скрылся в тенях деревьев.

А я все смотрела туда, где его уже не было.

Август. Мой якорь. И мой спусковой крючок.

***

Конечно, починка железного соловья оказалась лишь первой… птичкой. Уже на следующий день из Шанси явилась взволнованная госпожа Хафия с целой корзиной рухляди. Внутри я рассмотрела сломанную музыкальную шкатулку, рванный веер, разбитые очки, треснутое зеркало, неработающий фонарь и ветродуй, без которого госпожа Хафия, по ее словам, сходила с ума. Я попыталась объяснить, что каждый мастер-материалист или, как здесь говорили, «заклинатель неживого» – работает лишь с одним материалом, но пышнотелая госпожа лишь отмахнулась и пообещала взамен корзину продуктов и халат, расшитый звездами. Халат она вручила мне сразу же, видимо, опасаясь, что я передумаю. Я могла бы укрываться им как одеялом, настолько огромным он оказался. Хафия ушла прежде, чем я сумела отказаться. Неработающий хлам, который она притащила, остался лежать у моих ног.

Я хотела вышнырнуть этот мусор в ведро и забыть, но потом вспомнила свои мучения с готовкой и решила хотя бы попытаться. Поэтому втащила поломки в свою комнату, разложила на столе и мрачно осмотрела. Железные лопасти ветродуя выглядели угрожающе.

– Так-так, – прошлась я перед столом.

Подняла музыкальную шкатулку и погладила статуэтку-балерину на ее крышке. На этот раз чуда не случилось, и мелодия не полилась. За дужку я приподняла очки с толстыми линзами, поднесла к лицу и брезгливо скривилась. Оба стекла украшали трещины. И зачем вообще чинить эту древность? Разве не проще купить новые?

Я снова покачала окуляры, рассматривая их, словно невиданное и гадкое насекомое.

– Каждый материалист работает лишь с одним материалом, – повторила я аксиому. – Универсалы так редки, что считаются лишь удивительным исключением. Итак, что мы имеем? Очки старческие, жуткие, одна штука. Ну и как вас чинить?

Мне не хватало знаний. Мастера не просто воздействуют Духом, а в буквальном смысле оживляют предметы. Я перебрала в памяти все, что помнила о талане материализации. Еще до создания нейропанелей люди знали, что в их телах содержится ценный ресурс. Церковники называли это душой, поэты – эфиром, а ученые обозначили как силовые лини, столь же реальные, как наши кровеносные сосуды. Люди называют это просто – Дух. Спонтанное оживление неодушевленных предметов отмечалось и раньше: так дома со временем подстраивались под запросы своих жильцов, напитываясь их Духом и стремительно ветшали, становясь безлюдным, механизмы работали у своих «хозяев» и капризничали у чужаков. Кухарка в нашем доме в Нью-Касле каждый день разговаривает с плитой, уговаривая ее не вредничать и приготовить самое вкусное блюдо. Так делают многие люди – болтают с автомобилями, утюгами и пылесосами, и как ни странно, подобные разговоры и прикосновения действительно помогают, а предметы быта становятся более покладистыми и долговечными.

С развитием науки и изобретением нейропанелей бытовое оживление не только объяснили, но и стали использовать. Уже на ином, гораздо более высоком уровне. Материалисты уже способны не только на стихийное бытовое опыление Духом, но и на направленную и тонкую работу с неживым материалом.

Сильные и одаренные специалисты ценятся на вес золота и работают в самых известных корпорациях. Когда-то моя учительница музыки рассказывала об Эмиле Йонхере, изготовителе роялей, его инструменты не ломаются и даже через века звучат так же волшебно, как в день их сотворения. Легенда гласит, что Йонхер растратил свой Дух на рояли, так и умер, но на самом деле это лишь красивая сказка. Растратить Дух невозможно, ведь он бесконечен. Этот ресурс циркулирует в живом человеческом теле и постоянно восполняется. Но чтобы создать материальный условно живой объект с определёнными

функциями, надо обладать многими знаниями, а не просто Духом, пусть и усиленным браслетом.

Например, знаменитого Джурана Эхтауэра знает вся империя, мало того, что он доверенный технофикатор восточного наместника, так еще и ведет захватывающее шоу, которое транслируется во всех городах.

В детстве я обожала его смотреть. И сам Джуран – веселый и смуглый – казался мне добрым волшебником, оживляющим механизмы.

Повзрослев, я узнала, что Джуран не волшебник, а талантливый механик и инженер, который умеет не только поднимать в воздух огромные паровозы, но и собирать их руками, без всякого Духа. Хотя это, конечно, выглядит совсем не так впечатляюще.

Иногда материалисты идут незаконным путем и используют свои умения преступно, как печально известный вор Карис Матье. Обладая золотым браслетом и сильными способностями «кузнеца», он стал самым известным в империи вором. Против Кариса не мог устоять ни один сейф и ни один банк, пока преступника не поймали и не отправили в Крестовицы – одну из самых строгих тюрем.

Удивительно, но Дух, способный оживлять железо или стекло, не может удержаться в живом организме. Хотя несколько лет назад ученый из Западной столицы написал резонансную статью о питомцах, которые тоже поглощают остатки Духа хозяев и со временем перенимают человеческие привычки и даже становятся похожими на своих людей. Этот факт исследователь счел основанием для опытов, но Ассамблея ученых признала выкладки смельчака кощунственными, а Святая Инквизиция задержала по обвинению в распространении ереси и вивисекции. Кажется, его даже причислили к банде жутких Отрезателей, наводящих ужас на всю империю. Эти мерзавцы верят, что можно отрезать часть чужого Духа и тем самым усилить свой без всяких нейропанелей.

Хотя даже в школьных учебниках сказано, что это невозможно.

Живой Дух циркулирует в живом человеческом теле, но его части-эманации можно поместить в неодушевленный предмет. Считается, что проще всего работать с железом, почему-то металл лучше удерживает капли духа. А вот дерево и бумага почти не поддаются преобразованию, хотя есть умельцы, научившиеся работать с

папирусом и книгами. О реставраторе Василисе Златовой знают в каждом уголке нашей страны, ведь она сумела не просто сохранить древние фолианты, относящееся к первой домиротворческой эпохе, но даже восстановить истертые от времени тексты, которые считались давно утерянными. Сила ее Духа буквально заставила исчезнувшие буквы вновь проявиться на хрупкой бумаге.

Неужели я действительно смогу делать что-то подобное? Смогу работать с неживой материей? А может, даже создавать наряды, как Дюран Моро? Когда-то я мечтала об этом… До того, как осознала необходимость стать миротворцем.

Я ощутила воодушевление.

– Ну ладно. Как это работает?

Попыталась собрать свой Дух на кончиках пальцев, которые держали дужку очков, а потом растянуть на стекла. Любая работа с Духом начинается с его ощущения и вывода за пределы физического тела. Дальше необходимы расчеты и понимание, что именно я хочу сотворить с предметом. У меня такого понимания не было, но я попыталась вывести Дух и влить его в очки. Конечно, ничего не выйдет. Раз уж вышло с железом, то я наверняка кузнец, а не стекольщик. Но чтобы быть честной, я все же сосредоточилась и представила Августа. Его образ возник перед глазами без малейших усилий…

С противным скребущим звуком толстые стеклянные линзы дрогнули в оправе и… трещины на них затянулись, словно стекло на миг стало жидкой волной, смывающей повреждение!

– Твою ж мать, – изумленно сказала я и выронила очки. Они шмякнулись об стол и снова треснули. Левое стекло вывалилось и раскололось.

Я выругалась в голос и кое-как вставила оставшийся кусок. Осмотрела удручающую рухлядь. Исправить увиденное не получалось и даже зрительный образ Августа теперь не помогал.

Однако я ведь видела, как трещины затянулись!

Схватила веер и полчаса махала им, надеясь преобразовать. Но ничего не вышло. Похоже, ткань и бумага моей силе материалиста не нравились. Тогда я взяла зеркало. Рассмотрела свое лицо и ухо – к счастью, зажившее. На мочке остался шрам, кусочка снизу не хватало.

Это выглядело странно, но не так страшно, как я боялась. И все благодаря нейропанели, усилившей мою регенерацию.

Красивое овальное зеркало со сколом исправно отражало мое лицо, но отказывалось меняться, как я его ни трясла. Один раз мне почудилась пробегавшая по амальгаме рябь, но она тут же стихла.

Тогда я решила вернуться к железу, все-таки с ним у меня выходило лучше. Положила ладони на ветродуй, закрыла глаза. Но лопасти висели мертвыми тряпками, механизм не работал. Тогда, прикусив губу, я произнесла имя Августа. И нахмурилась – упрямый ветродуй остался недвижим.

Потрогав его со всех сторон и представив Августа в разных позах, я покрылась горячим румянцем, но не сумела совладать с механизмом. То, что получилось само собой с птичкой и генератором, теперь не работало. Может, я что-то делала не так, все-таки мне отчаянно не хватало знаний и умения направлять свой Дух.

А может, дыра в моих линиях разрослась и поглотила скоротечное умение материалиста.

Я помрачнела. То, о чем я старалась не думать, снова ожило. Как бы я ни пыталась забыться, но мои линии повреждены. Я – деструкт.

Под моей подушкой лежал пузырек из синего стекла. Лекарство из него я так и не выпила.

И сама лишила себя спасения, покинув Кастел. Что теперь со мной будет? Кем я стану?

Я вытянула руку, почти ожидая увидеть на ней что-то жуткое. Шестой палец. Или язвы. Но моя ладонь была все той же.

Рассердившись на собственную слабость, я стукнула кулаком по агрегату.

– Не смей раскисать! Ты Вэйлинг, а значит, найдешь выход!

Ветродуй крякнул и махнул лопастями, словно пробуждающаяся ото сна птица. Железные крылья начали вращение, сначала медленное, потом все ускоряясь. Пока железная штука не приподнялась над полом, а потом не полетела, угрожая разрезать меня на куски!

Взвизгнув, я рухнула на пол и закрыла голову руками. Ветродуй промчался сверху и взрезался в стену. Я обернулась. Тарахтя лопастями, агрегат развернулся и снова полетел в мою сторону.

– Что здесь происходит? Кассандра?

Дверь хлопнула за спиной вошедшего, и Август одним движением сбил ветродуй и отправил его в угол за кроватью. Там механизм и замер, словно подбитый и нахохлившийся ворон.

– Ого, – одобрила я. – А у тебя отличная реакция! Где научился?

– Тренировался немного. Место был неприятное, но учитель отменный, – отозвался Август, с изумлением рассматривая вздрагивающие лопасти. – Что это за старье?

– Пра-пра-пра дедушка вентилятора. – Я поднялась и пригладила растрепавшиеся волосы. – Госпожа Хафия из Шанси не в курсе, что древний мусор надо выкидывать. И ни разу не была в магазине современной бытовой техники.

– Ты пытаешься это починить? – поднял Август брови, и я хмыкнула.

– Не вздумай смеяться.

– Что ты. Я исполнен благоговенья перед титанической задачей, которую ты на себя взвалила.

Я хмыкнула и рассмеялась сама. И отвела взгляд, надеясь, что в глазах не пляшут те картины с участием Августа, которые я только что себе представляла. Необходимо было отвлечься, поэтому я спросила:

– И где же ты тренировался? В семинарии обучают не только молитвам?

– Тех, кто готовится служить у границы, духовники обучают защите. Некоторым приемам. Но моя основная практика прошла в другом месте.

– В каком? – Все, что касалось прошлого Августа, слишком сильно меня интересовало.

– Не самом приятном. – Он легко улыбнулся, словно опровергая свои же слова. – Но учитель там был хороший. Научил меня многим интересным приемам.

– И что ты умеешь?

Август пожал плечами.

Не оборачиваясь, я сгребла со стола изломанные очки, сжала их в кулаке, скользко шагнула вперед и нанесла удар, метя прямиком в сердце.

И не поняла, как меня развернули, и я оказалась прижата спиной к мужской груди, а моя ладонь разжалась, выпуская «оружие». Очки шлепнулись на пол и разбились окончательно. Мое запястье мягкими

тисками охватывали пальцы Августа. Он обезоружил меня в два счета, и это несмотря на мое обучение в Кастеле! Ладно, я была не самой рьяной ученицей, но все-таки… это ведь Кастел! Лучшие наставники и самые жесткие тренировки. Никто не может сравниться с инквизиторами, говорят, даже военные миротворцы не проходят такой муштры.

Я ударила локтями, вывернулась и атаковала снова. Успела увидеть улыбку Августа. И не успела понять, как он опять увернулся и обхватил мою шею. Мягко погладил и отпустил.

– Невероятно! – восхитилась я. – Черт! Вот это скорость! Как ты это делаешь?

– Пожалуй, я умею избегать ударов. – Дыхание Августа коснулось моего виска. И я замерла, слишком явно вспомнив все то, что представляла, пытаясь оживить ветродуй.

Резко согнулась пополам, вставая на руки. Захват Августа ослаб, а я, сделав стойку на руках, ударила ногами – сразу обеими, встала на ступни в сандалиях и легко выпрямилась, сжимая многострадальные очки. Развернулась, торжествующе улыбаясь. Вот только Августа не было там, куда я отпихнула его миг назад. Передо мной было пусто. А когда я начала разворачиваться, чуя подвох, меня снова обезоружили и прижали к груди.

Август повертел гнутые дужки очков.

– Что это такое? – Он даже не запыхался.

– Вероятно, семейная реликвия госпожи Хафии, – буркнула я. – Правда, когда мне ее принесли, очки выглядели несколько лучше. В них хотя бы были стекла.

Ударила Августа локтем вбок, вздернула руки, выворачиваясь. И снова ударила! Мимо, мимо.

– Но придется сказать госпоже, что эти окуляры погибли смертью храбрых.

– Уверен, ты сможешь их поправить. – Голос Августа звучал так ровно, словно он не уходил от моих ударов, а нежился в траве на солнышке. Он крутанулся, снова уворачиваясь и не позволяя мне достать его бок или грудь, в которые я метила.

Рассвирепев, я сжала кулак и треснула его в челюсть. Рука прошла в миллиметре от мужского подбородка. Словно Август просто взял и

повернул голову, не прилагая для этого особых усилий! Я выхватила из его руки чертовы очки, сжала, словно это был клинок.

– Вряд ли. Стекла меня не слушаются.

– Иногда для успеха надо лишь немного больше времени. И веры в свои силы. Попробуй еще раз.

Внутри дрожала дьявольская смесь азарта, наслаждения и предвкушения. Я ощущала пальцы Августа на своей коже, там, где он касался, сдерживая мои атаки. Там, где прикосновение становилось необходимостью. На моих плечах. На спине. Шее.

Я снова крутанулась на носках, танцуя в мужских руках. Подол моей юбки взлетел, обнажая колени. Рассмеявшись, я нацепила очки на нос Августа и положила ладони на его щеки, словно собиралась поцеловать. Август застыл с поднятой рукой, позволяя мне это прикосновение.

– Это невыносимо…– шепнула я в его губы. – Сложно.

Провела пальцами по трещинам очков, словно желая коснуться темных ресниц, скрытых за ними. И увидела, как затуманились разбитые стекла. Оправа выпрямилась, линзы с хрустом распрямились.

– Вот видишь…

От наших движений в комнате поднялся ветер, его потоки трепали подол моей юбки и пряди волос. Музыкальная шкатулка на столе подпрыгнула и начала наигрывать незатейливую мелодию. Август поймал мои руки, вздернул и прокрутил меня, словно изображая фигуру затейливого танца.

– Мы деремся или танцуем? – развеселилась я.

– Мы разговариваем.

Новый удар – кулаком в его нос. Он поймал мою руку и разжал мои пальцы, по одному. Удовольствия стало больше.

– И о чем же этот разговор?

– О нас, Кассандра.

Снова поворот, движение тела и ветра. Взметнувшиеся ткани и волосы. Скользкий шаг, мягкое прикосновение. Говорят, танец – это всегда о чувствах и желаниях, тайных и скрытых, тех, которые нельзя называть вслух. Возможно, сражение – тоже об этом. Возможно, сражение даже больше.

Наслаждение и азарт вскипятили кровь и затуманили разум. Дыхание Августа наконец сбилось – и это добавило мне эйфории.

Взгляд упал на ветродуй в углу. И не думая, я дернула его на себя. Дернула свой Дух внутри сломанного агрегата, словно потянула за невидимую ниточку. Железный прибор подскочил, лопасти завертелись, и он полетел в спину Августа.

– Ложись! – опомнилась я.

Мы рухнули на пол одновременно, Август – сверху, закрывая меня собой.

Ветродуй пролетел через всю комнату и, врезавшись в окно, пробил стекло и вывалился наружу.

– Это что еще такое? – Ветер принес возмущенный вопль Бернара. – Кто разрешил бить стекла в моей вотчине? А ну я сейчас…

– Прячься, – сдавленно посоветовала я.

– Куда? – Август обвел ошарашенным взглядом пустую келью. Прятаться здесь было негде.

Шаги Бернара прошаркали в коридоре, и Август, внезапно покраснев, скатился с меня и вскочил. Дверь открылась, впуская рассерженного настоятеля.

– Мое стекло! Разбили! Нет, это никуда не годится! – завопил он. А потом осмотрел келью и разбросанные вещи – хотя я не помнила, как они оказались разбросанными, смущённого Августа и меня – растрепанную, сидящую на полу и с трудом сдерживающую смех. Пухлые щеки Бернара стали пунцовыми, и он резко замолчал. – Ох. Простите, я не знал… Я, пожалуй, пойду… Марте надо помочь…

Пятясь спиной, настоятель вывалился обратно в коридор.

– Я починю окно. – Август с улыбкой посмотрел на меня и устремился за Бернаром, а я не выдержала и расхохоталась.

Отлично поговорили.

Потянувшись, подобрала с пола очки – стекла в них стали такими целыми и чистыми, что казались невидимыми, – нацепила на нос. И опешила. Комната окрасилась в золото. Она сияла, словно каждый предмет припорошила божественная пудра. Детали стали четче и яснее, на спинке кровати проступил давно стертый лиственный узор, на столе – имена бывших учеников, выцарапанные много лет назад. На пустом стуле у стола возник силуэт послушника, склонившегося над акварелью с рекой и лотосами. На щеке и губах парня темнела краска. Образ давно минувших лет, бережно хранимый этой комнатой. Послушник посмотрел в мою сторону, улыбнулся, помахал кому-то

невидимому за моей спиной. И легко поднявшись, прошел мимо и исчез, растворившись в потоках времени.

– Невероятно… – пробормотала я, изумленная увиденным.

Я слышала о разных умениях «заклинателей неживого», но никогда о возможности увидеть образы прошлого. Этот послушник давно стал мужчиной, но келья все еще помнит его мальчишескую улыбку и подростковый вихор. Помнит и хранит.

Сдёрнула очки, и келья стала привычно-обыкновенной. Я задумчиво покачала дужку. Адриан из бара «Глотка» в Старограде порой показывал диковинные и незаконно произведенные вещицы, продаваемые на черном рынке города. За очки, позволяющие увидеть образы прошлого, там можно получить внушительную сумму. Сколько человек с готовностью раскроют кошелек, чтобы увидеть своих молодых родителей или давно ушедшую бабушку? А может, потерянного друга, – юного и беззаботного, качающегося на качелях в летнем саду? Камни и стены хранят частицы Духа, но я создала очки, способные собирать эти частицы в зримый образ. И это чудо, способное потеснить даже достижения Джурана Эхтауэра.

Я медленно положила очки в корзину. Что ж, кажется, я сумела наделить стекла новыми свойствами. Скверна снова проявила себя. Самым невероятным образом.

Глава 17. Темные воды

Бернар еще долго ворчал на нас за разбитое стекло, но Август пообещал все исправить. К тому же он делал столько работы, на которую не хватало сил и времени у самого настоятеля, что тот решил закрыть глаза на подобную мелочь.

Когда старик остыл и подобрел, наевшись сладкой каши и пирогов, я решила потребовать доступ в архив монастыря.

Настоятель долго вздыхал, но испытывая вину за то, что растрепал мой секрет, доступ все-таки разрешил. Архив располагался на втором этаже, тщательно запечатанная комната хранила не только списки бывших учеников и преподавателей, священное писание и бытие святых, но и необходимый набор книг по истории создания нейропанелей и развития таланов. Такие наборы были во всех учебных заведениях, ведь никто не знает, где и в ком проявятся выдающиеся способности. Я отобрала все, что сочла нужным, и утащила в свою келью. Возвращенный ветродуй тихо и исправно шуршал в углу, иногда вскидывая лопасти. Очки блестели стеклами, а танцовщица делала па на крышке музыкальной шкатулки. Но я на нее уже не смотрела, при свете слегка мигающей лампы я погрузилась в чтение.

Если бы кто-то сказал мне, что Кассандра Вэйлинг с таким азартом будет учиться, я бы снова рассмеялась.

Но похоже, королева Кассандра за последнее время сильно изменилась. Увы, скромная монастырская библиотека не могла ответить на все мои вопросы.

Я уснула далеко за полночь, положив голову на раскрытую книгу.

А проснулась в своей кровати, заботливо укрытая одеялом.

Но грешные сны в эту ночь не мучили. Похоже, я все-таки нашла свой способ занять разум и душу.

Спустя три дня корзина с вещами отправилась к довольной госпоже Хафии. Я так и не смогла починить веер, но стекла и механизмы оказались подвластны моим способностям. В тот же день в соседней келье поселились еще несколько древностей, требующих починки. Бернар и Марта сияли как начищенные сковородки, радуясь рабочей силе в лице Августа и материалисту, благодаря которому

население Орджу и Шанси начало снабжать настоятелей продуктами, вещами и даже купюрами.

Вечерами я изучала книги, но все равно не могла до конца разобраться в такой работе. Талмуды описывали Дух как нить, тянущуюся к механизму и вплетающуюся в его шестерёнки и валики. Мне же казалось, что в моих руках кувалда, которой я просто оглушаю технику.

Решив отдохнуть и размяться, я закрыла келью и вышла во двор монастыря. И сразу же наткнулась на того, кого так старательно избегала.

Август отшатнулся от меня как ошпаренный кот. Настроение испортилось.

– Привет, – буркнула я.

Он кивнул. Я глянула на его отросшие волосы, собранные сзади в хвост, на закатанные рукава рубашки и подвернутые штаны. Работа на свежем воздухе шла парню на пользу. Он выглядел… замечательно.

Я выпрямила спину, внезапно вспомнив, что одета в простое платье с открытыми плечами и тонким крученым пояском. Завтра же пойду в Шанси, наведаюсь в магазин одежды и куплю самое красивое платье этого захолустья! Денег у меня нет, но может, удастся договориться о сделке? «Заклинатели неживого» везде желанные гости!

Август посмотрел на мои плечи и отвел взгляд.

Я помрачнела и кивнула на ведро в руках парня.

– Это что?

– Рыба. За монастырём есть озеро, небольшое и в отличие от реки – теплое. Настоятель ставит там сети, а это улов. Выйдет неплохой обед. Сейчас почищу и отнесу Марте, она приготовит.

– Могу я почистить. – Губы произнесли слова прежде, чем я успела подумать.

– Ты умеешь чистить рыбу? – удивился Август, и я повыше вздернула подбородок.

– Конечно, нет, – огрызнулась я. Почему-то хотелось сказать грубость. – Я умею кое-что другое. Чинить рыбочистку, например! Вчера принесли сломанную, как раз надо опробовать. Давай ведро.

– Мм… ну ладно. Можешь расположиться вон там, – указал он на навес под деревьями.

Я сходила в келью за механическим ножом и вернулась, размышляя, что за черт дернул меня за язык. Зачем мне это? Чего я добиваюсь?

Ведро с пятью крупными рыбинами уже стояло под навесом. Я покосилась на блестящую в воде чешую.

– Ничего сложного, – прошептала я себе под нос. – Это всего лишь дохлая рыба. Не страшнее верзилы Лю.

Август, как назло, не ушел, а остался неподалёку, принявшись таскать бревна на колку – готовить запас на зиму. Я застыла, увидев, как молодой мужчина занес топор и одним точным движением расколол бревнышко. Рубашка обтянула его спину и плечи, обозначив рельеф. На руках выступили вены.

– Это просто невыносимо, – сказала я.

– Кассандра? – Август обернулся на меня. – У тебя все в порядке? Если не выходит, то я сделаю сам…

– Занимайся своими дровами и не мешай мне работать! – рявкнула я. – Это всего лишь чертова рыба!

Он внимательно посмотрел на меня, пожал плечами и отвернулся.

– Зануда, – сказала я пучеглазой рыбине в ведре. Схватила ее за хвост и шмякнула на стол. – Чертов невыносимый зануда! Мне никогда такие не нравились.

Примерившись, я ткнула в мертвую рыбину механическим ножом. Внезапно ожив, она трепыхнулась и забилась на столе. Я заорала так, что умолкли птицы.

– Кассандра?

Август стоял слишком близко. А я и не заметила, когда он подошёл! В темных глазах переливались солнечные блики, и я насупилась, поняв, что это смех. Да он же изо всех сил сдерживается, чтобы не расхохотаться!

– Все в порядке! – подняла я ладони. – Меня не надо спасать. Я просто…не ожидала.

Август снова ушел, а я приуныла. И зачем соврала? Зачем пытаюсь казаться лучше, чем есть на самом деле? Чего я хотела? Впечатлить мужчину, который умеет делать все на свете? И чем? Чисткой рыбы? Да я просто идиотка!

Раньше мне было наплевать на чужое мнение. Я смеялась над чужими ожиданиями. И точно не пыталась казаться хорошей! О,

совсем нет! Так почему, когда рядом этот человек, я так отвратительно меняюсь? Боги, я становлюсь слабой! Моя пурпурная королевская мантия больше не защищает меня. Она оборачивается рыжим лисьим хвостом, готовым вилять из стороны в сторону при одном лишь взгляде на проклятого Августа!

И мне это совершенно не нравится.

Надо просто сказать ему, что передумала и ничего делать не буду. А можно и вовсе уйти, ничего не объясняя. Я королева, а не раздельщик рыбы!

С отвращением осмотрев затихшего на столе пучеглазого врага и смирившись с собственным падением, я снова ткнула рыбину тихо жужжащим ножом. А потом схватила за хвост и начала с остервенением ее кромсать. Стук топора затих, но я не обратила внимания, снова и снова бросаясь в сражение. Мелкая склизкая чешуя уже облепила весь стол и меня, но я лишь сжала зубы, не сдаваясь.

Когда я наконец очнулась и подняла голову, напротив стоял не только Август, но и супруга настоятеля. И оба смотрели на меня с непередаваемыми выражениями на лицах.

– Готово! – объявила я, поднимая за хвост жестоко искромсанную тушку.

Марта как-то несмело приблизилась и сгребла рыбину в ведро.

– Э-э-м, спасибо, милая, ты нам очень помогла, – пробормотала она, косясь на двигающееся лезвие в моей руке. – Бочки с водой пустые, что-то краны опять барахлят, но ты можешь смыть чешую в озере. Это совсем рядом. Возле бочек есть мыло и полотенце.

Я кивнула, довольно улыбаясь. И кто сказал, что чистить рыбу сложно? Плевое дело! Осмотрела впечатляющий результат своей работы – хвосты, головы, кровь и чешуя.

– Может, я сначала здесь уберу?

– Не надо, – живо возразила Марта. – Я сама! А ты иди, иди, милая. В озере прекрасная водичка!

Я кивнула с легким недоумением. Но смыть липкую гадость, покрывающую мои руки и даже лицо, хотелось невыносимо, так что, прихватив мыло и полотенце, я пошла искать озеро.

Оно оказалось действительно недалеко. Зеркальная гладь, круглая как монета, лежала недалеко от дома настоятеля. А на берегу нашелся

и он сам – в рубашке и подвернутых штанах, на ветке висела аккуратно расправленная ряса.

А на берегу лежал ряд мелких рыбешек.

– Эсси! – обрадовался настоятель, увидев меня. – А я еще мелочи наловил, на закуску – самое то! А ты почему такая… грязная?

Я не ответила, рассматривая аккуратные идеальные тушки, лежащие на гальке. Их вид разительно отличался от той картины, что осталась после меня. Словно издеваясь, настоятель поднял самый обыкновенный нож и мягко срезал чешуйки, не повредив рыбину. Лезвие двигалось так, словно входило в масло. Чисто и плавно. На круглом лице Бернара, его одежде или руках не было ни одной чешуйки.

Хорошее настроение испортилось. Что-то буркнув в ответ, я торопливо пошла вдоль воды, стремясь уйти как можно дальше.

– Эсси, осторожнее в озере! – крикнул старик. – Там глубоко!

Я не обернулась. Шла и шла, пока не осталась наедине с деревьями, илом и водной гладью. Скинув сандалии, я присела на берегу и с ожесточением потерла лицо и руки, смывая налипшую чешую. Швырнула обмылок на гальку и пошла дальше. Вода обняла колени, потом бедра, потом достигла талии и поднялась выше. Я остановилась, делая глубокий вдох. И еще один шаг.

– Кассандра.

Я заскрежетала зубами, делая вид, что не слышу. Позади раздался всплеск. Темная фигура обогнула меня и преградила прогулку по воде.

– Кассандра, может, поговорим? Что с тобой происходит?

Август смотрел с таким вниманием, что я едва не заорала.

– Я не понимаю, почему ты злишься. Злишься на меня. Я тебя обидел?

– Ты меня не обидел.

– Но ты избегаешь меня. Даже не смотришь.

Я втянула воздух и вскинула голову, уставившись на Августа в упор.

– Ты на меня тоже!

– Я? Но я… смотрю, – и опровергая свои же слова, отвел глаза.

Я фыркнула и, снова разозлившись, плеснула на него водой.

– А знаешь, ты прав. Давай поговорим. Да, я злюсь на тебя. На твою чертову… идеальность!

– Идеальность? – Он выглядел по-настоящему изумленным.

– Да! Ты умеешь все на свете, встаёшь на заре, приносишь мне завтрак и эту чертову малину. Относишь в кровать, если я засыпаю за книгами. Заботишься. И в то же время… в то же время… Черт! Это невыносимо!

Я едва не зарычала.

– Я не понимаю, кто мы.

– Мы… друзья.

Я ткнула его пальцем в грудь, и Август попятился.

– Да никакие мы не друзья!

– Хорошо, я не буду приносить тебе завтрак.

– Дело не в завтраке! – Я снова ткнула, и он отступил. – Дело в… тебе! Ты… Ты…Ты невыносим! Невыносим, понимаешь?!

– Я?

– Невыносимый чертов святоша!

– Я?!

– Да! Нельзя быть таким идеальным! Это… Это подло!

– Да что я сделал?

– Ничего ты не сделал! – заорала я, снова пихнула его в грудь, и Август внезапно, взмахнув руками, ушел под воду. Целиком! С головой!

Я ощутила, как носки моих стоп зависли в воздухе. Обрыв! На дне был обрыв!

Барахтаясь и хватая ртом воздух, Август на миг показался на поверхности и снова исчез.

– Ой, перестань, – поморщилась я. – Еще скажи, что ты не умеешь плавать! Господин совершенство не умеет плавать, очень смешно, ха-ха.

С тяжелым рваным вздохом он снова вынырнул, и я увидела темные глаза, в которых плескалась паника.

– Не верю, – буркнула я.

Темная макушка исчезла на глубине. Я прищурилась. Что? Черт возьми! Да он и правда не умеет!

Не думая ни секунды, я нырнула. На дне озера темнела яма, вода в ней казалась чернильным пятном. Я рванула к барахтающемуся телу, схватила за руку и, дернув, потащила за собой. Ил скользил под

ногами, но мы оба выползли туда, где можно было встать, и согнулись, тяжело дыша.

– Ты что, плавать не умеешь?

– Я вырос в горах, – все еще тяжело дыша, пробормотал парень. Его темные ресницы слиплись. Это выглядело трогательно.

– Тогда зачем ты полез за мной в озеро?

– Настоятель сказал, что здесь двойное дно и глубокая яма. Я боялся, что ты… не знаешь.

– И конечно же, мигом отправился меня спасать! – снова разозлилась я. – Но в отличие от тебя, я росла на берегу моря и отлично плаваю!

– Ты тоже мигом бросилась меня спасать, – дрогнули в улыбке его губы, а в словах прозвучала странная, пугающая радость. Словно это было важно.

Я открыла рот, чтобы возмутиться. И не стала. Вместо этого не удержалась и фыркнула. А потом рассмеялась. Август хмыкнул, и его губы тоже расползлись в улыбке.

– В следующий раз не буду, – проворчала я.

– Нет?

– Клянусь.

– А я буду. Всегда.

Всегда?

Ярость, бурлящая во мне, испарилась, и без нее я ощутила себя странно беззащитной. Совершенно беззащитной. Перед ним.

– Просто…– начала я и осеклась.

Просто ты мне нравишься. Просто это гораздо больше, чем «нравишься». Просто я никогда такого не чувствовала. Просто я не понимаю, как избавиться от этих эмоций. Просто я боюсь того, что происходит.

Просто все это ни черта не просто.

Все эти «просто» пронеслись в голове, но произнести их я не смогла.

И решила, что надо просто увидеть неидеального Августа, рассмотреть все его недостатки, и мои странные, ужасные, пугающие чувства испарятся сами собой.

Я подняла взгляд на все еще улыбающегося парня. На обтянутые мокрой рубашкой плечи. На влажные волосы, прядями падающие на

лоб. На посмуглевшие от солнца скулы. На губы, такие чувственные, словно их создавали исключительно для греха. Найти во всем этом недостатки катастрофически не получалось.

– Я, пожалуй…

«Пойду» утонуло в воде, когда моя нога скользнула по илу и уже я едва не ухнула на дно.

Сильные руки подхватили, вытаскивая, и я вцепилась в Августа с одержимостью утопающего. Обхватила руками его плечи, а ногами – бедра. Ладони Августа инстинктивно легли на мои ягодицы, удерживая на весу. Моя щека на миг прижалась к его, губы коснулись губ. Лишь на миг, и я отпрянула. Мы оба замерли. Взгляды встретились. Его лицо вытянулось, и в глазах появилось нечто новое. Всем своим телом я ощущала его. Весь его рельеф. И все его выпуклости. Особенно… одну.

Капля воды упала с волос на мои губы, и я слизала ее.

В лице Августа что-то изменилось. На его виске в бешеном ритме пульсировала вена. Вода пошла кругами, словно мы стали эпицентром начинающегося круговорота. Поток воздуха разошелся воронкой и пригнул к земле тростник на берегу. Смолкли птицы, затаились стрекозы. Но я этого не видела. Я смотрела в глаза Августа так же, как и он в мои. Неотрывно. Обреченно. Наши грешные сны, наши невысказанные желания, наши сомнения и страхи… Наши чувства. Это все читалось на наших лицах. То, о чем мы молчали, то, что пытались не замечать.

То, что тянуло друг к другу с невыносимой, жестокой силой.

– Кассандра, тебе лучше вернуться на берег. – Очень ровный и спокойный голос совершенно не сочетался с тьмой его взгляда. Жаркой и такой притягательной тьмой…

– А ты? – Мой голос прозвучал слишком хрипло.

– Мне надо немного… побыть одному, – по-прежнему ровно ответил Август.

Я скользнула вниз по его телу, и жара во тьме стало еще больше. Мне казалось, от нее может закипеть озеро.

Резко отвернувшись, я побрела к берегу, ощущая взгляд на своей спине. На бедрах. На ягодицах. Тянуло обернуться, но я не стала. Вода неожиданно закончилась, и, обессиленная, я упала на землю.

Не знаю, сколько времени я так сидела, щурясь на солнце и бросая в волну камушки, пока Август не опустился рядом. Я молчала, совершенно потерянная. И это тоже было на меня не похоже.

– Не замерз? – хмыкнула я.

– Нет. К сожалению.

– К сожалению?

– В семинарии мы практиковали обливания ледяной водой, – не глядя на меня, произнес Август. – Наставник говорил, что это помогает усмирять мятежный Дух. И бунтующую плоть.

– Сегодня не помогло?

– Вода недостаточно ледяная.

Ну да. Или плоть слишком бунтующая…

Я покачала головой, тоже опасаясь смотреть в его глаза. И ощущая плечом его тепло.

– На самом деле я искал тебя, чтобы поговорить, – по-прежнему ровно произнес Август.

Я обхватила колени в прилипшем к телу платье.

– О чем?

– Я думал о том, что ты сказала, когда кромсала на куски свое свадебное платье. Думал с того дня, как мы поселились здесь. Что твой жених снова найдет тебя и заставит сказать «да». Мне кажется… есть один выход.

Я повернула голову, но Август упрямо рассматривал блики на воде.

– Мы можем пожениться.

– Что? – Я поперхнулась от удивления.

– Пожениться. Настоятель может обвенчать нас. И тогда никто не сможет тебя заставить. В империи до сих работает приоритет родителей, они могут настоять на женитьбе. Традиция глупая и устаревшая, но она все еще существует. Но никто не может заставить девушку, которая уже замужем. Или вдову. Такой статус дает полноценное право на самостоятельные решения.

Я во все глаза уставилась на идеальный бледный профиль.

– Ты делаешь мне предложение?

– Фиктивный брак. – Он все-таки посмотрел на меня. – Я дам тебе свою фамилию и защиту. Насколько смогу. Тебя больше не смогут заставить, Кассандра.

Я молчала, слишком пораженная, чтобы говорить.

– Конечно, я не стану претендовать… ни на что. Ты не должна думать, что я… захочу большего. Я никогда… Истинный Дух… – Он потер глаза. – Наверное, я тебя испугал.

– Зачем? Зачем тебе это?

Он подобрал гальку, взвесил на руке, словно собираясь кинуть в водную гладь. Но так и не сделав этого, стиснул камень в кулаке.

– Я… – Август нахмурился, пытаясь подобрать слова. – Я хочу защитить тебя. Понимаю, это все звучит странно.

Я тоже подобрала камушек, но в отличие от Августа, со всей силы швырнула его в воду. Галька шлепнулась о гладь, подпрыгнула и шлепнулась снова.

Выйти замуж за этого мужчину? За самого неподходящего мне человека? За разрушителя, беглеца, преступника? Того, на кого охотится вся инквизиция и чей путь точно закончится плохо? За парня с молитвенником и грешными глазами, который хранит слишком много тайн?

Каменный кругляш проскакал по глади в последний раз и исчез в глубине. И на миг показалось, что я тоже. Утонула в пучине. Безвозвратно.

– Я согласна.

Слова вырвались, как птицы из клетки.

– Согласна? – Похоже, он не ожидал такого ответа.

– Да.

– Может, тебе надо подумать?

– Нет.

– Не надо думать?

– Август, – сделала я глубокий вдох, и голова закружилась. – Я согласна выйти за тебя замуж.

– Хорошо. – Он смотрел без улыбки и так внимательно, словно не верил ушам. – Тогда я скажу настоятелю. Когда ты хочешь… это сделать?

– Мм, на днях?

– Да. На днях. Сегодня?

– Завтра.

– Отлично.

– Да.

Легко поднявшись, Август постоял рядом, словно хотел сказать что-то еще. С его одежды капала вода, в руке он сжимал гальку, но кажется, не понимал этого. Снова повторив «завтра» и развернувшись, он торопливо пошел к монастырю. Я посмотрела ему вслед, потом на свои слегка дрожащие руки.

– Кажется, ты все-таки выйдешь замуж, Кассандра, – задумчиво пробормотала я. – Хотя это было самое странное предложение, какое только можно придумать.

И непонятно, почему внутри меня все бурлит и кружится. Словно я лечу на сверкающей карусели прямиком к звездам.

Глава 18. Данной мне властью, объявляю…

Узнав о предстоящем событии, чета Пейп едва не оглушила нас радостными воплями. Марта бросилась обнимать и всхлипывать, Бернар хитро улыбался, повторяя, что он знал. Что именно – мы с Августом уточнять не стали. Как и говорить о том, что этот брак ненастоящий.

Хлюпающая носом Марта внезапно вскочила и унеслась в спальню, откуда раздался шум и грохот, а когда вернулась, в ее руках был чехол.

– Эсси, дорогая, – утирая нос рукавом, начала она. – Я подумала… Это мое свадебное платье. То самое, в котором я вышла за Бернара пятьдесят лет назад. – Супруги обменялись нежными взглядами. – Сейчас это, конечно, не заметно, но тогда я была тростинкой, совсем как ты.

– Любовь моя, ты и сейчас стройна как лань, – галантно прогудел Бернар, а Марта кокетливо рассмеялась и огладила пышные бока. И снова обернулась ко мне. – С того дня, как Бернар увидел меня в окне аптеки моего родного городка, и до сей минуты я ни разу не пожалела о нашей с ним встрече. И о том, что согласилась стать его женой, дабы провести с ним жизнь эту и все, что дарует нам Истинный Дух после.

– О дорогая, – тоже шмыгнул носом Бернар. – Я все еще помню ту аптеку и твою ужасную прическу в тот день. Я решил, что обязан познакомиться с девушкой, которая не боится выйти на улицу с вороньим гнездом на голове.

– Ты совершенно не разбираешься в моде, остолоп! – Марта шлёпнула мужа по лысой макушке. – Знаешь, милая Эсси, у нас получилась хорошая жизнь. И я всегда мечтала, чтобы это платье надела моя дочь, но все мои кровиночки получились с… выдающимися формами! Так может, оно подойдет тебе? Ты могла бы просто… примерить…

Всхлипнув от эмоций, Марта сунула чехол мне в руки и умчалась. Бернар отправился следом – утешать.

– Ты не обязана его надевать, – тихо сказал Август. – Я куплю платье в Шанси, Бернар одолжил мне немного денег.

– Не стоит. Это фиктивный брак, – отозвалась я. – Какая разница, в чем я буду одета. Ведь так?

Наши взгляды встретились, и мы одновременно отвернулись.

– И все же одну традицию соблюсти стоит. Хотя бы чтобы порадовать наших добрых и гостеприимных друзей. – Я старалась говорить весело. – До встречи в часовне жених не должен видеть невесту.

– Тогда встретимся у алтаря, Кассандра.

– Встретимся у алтаря.

Он кивнул и вышел из домика настоятелей, а я еще какое-то время стояла, прижимая к груди чехол. Потом расстегнула застежку и вытащила платье. Оно оказалось совсем простым. Никаких кружев, камней, перьев и дорогого шелка. Нежный беленый лен, летящий силуэт юбки, воздушные рукава и широкий пояс с ручной вышивкой. Я провела по стежкам – чайные розы и анютины глазки. Наверняка Марта сама корпела над этим поясом, пытаясь придать простому наряду изысканность. Нитки выцвели от времени, сменили цвета с ярких на пастельные, словно размытые прошедшими годами.

Я предоставила ту, юную Марту, тонкую и немного испуганную, терпеливо вышивающую свадебный пояс.

На внутренней стороне пояса темнела строка из Писания: «Да будет вечна любовь наша и в каждой жизни мы обретем друг друга снова».

К горлу подкатил комок, и я сглотнула, пытаясь побороть накатившие эмоции. Такие пугающие…

Когда Марта вернулась, пунцовая, заплаканная и по-девичьи смущенная, я сказала, что это лучшее платье, которое я видела.

***

Спала я на удивление крепко. Может, все дело в горячей настойке, которой меня за ужином напоили супруги Пейп. Август не появлялся, Бернар сказал, что как и положено, жених проведет вечер в молитвах. Конечно, невесте тоже полагалось вспомнить священные строки, но я решила это правило проигнорировать.

Утром меня разбудила Марта, велев завтракать и собираться. Некоторое время я моргала, вспоминая, куда именно. А вспомнив,

подскочила на кровати. У меня же свадьба! С Августом!

Это было самое странное чувство из всех, которые я когда-либо испытывала.

Льняное платье пришлось впору. Ткань мягко облегала грудь и красиво спадала к ногам. Я обернула вокруг талии пояс, надела сандалии, завязала на лодыжках кожаные шнурки, расчесала волосы. И посмотрела в маленькое круглое зеркало ванной комнаты. Из отражения выглянула слегка удивленная Кассандра с блестящими глазами. Ни украшений, ни вычурной прически, ни косметики.

Слишком просто и слишком странно.

Слишком удивительно.

– Ну что ж. Я готова, – сообщила я Кассандре в зеркале и вышла из своей кельи. Часовня стояла отдельно, рядом с заколоченной частью здания. Кроме цикад и птичьих трелей, не было слышно никаких звуков. Я шла к часовне, размышляя, что буду делать, если внутри окажется пусто?

Если я войду и увижу лишь пыль, танцующую в луче света?

Если все это окажется дурной шуткой?

Я споткнулась, замедляя шаг.

Что ж, займусь сломанными железяками, которые уже завалили келью. И не буду думать о том, почему Август передумал!

Но он не передумал.

Когда я шагнула в тесное пространство часовни, он уже был там. Стоял возле алтаря – в белоснежной рубашке и отглаженных брюках, серьезный и бледный. В его руках розовел хрупкий цветок. На единственном стуле перед постаментом сидела Марта, которая вскочила, увидев меня. Торжественный Бернар поправлял на носу очки и листал талмуд святого писания.

Никакой музыки не было. Ни органа, ни певчих. Лишь оголтелая птаха свистела в кустах разросшегося у дверей шиповника.

На миг я застыла в дверях, осматривая крохотное пространство часовни и людей в ней. Пахло церковными травами и благовониями, немного воском. Но больше всего – скошенной травой. Верно, утром Бернар решил привести в порядок территорию вокруг часовни… И этот запах – острый, свежий, летний – сбивал с толка и совершенно не вязался с величием предстоящей церемонии.

Я оглянулась на кусты шиповника и виднеющуюся стену монастыря. Шаг назад – и ничего не случится. Дверь открыта… и на этот раз никто меня не заставляет. Выбор за мной.

Я втянула сладкий воздух со вкусом травы. А потом решительно повернулась и пошла к алтарю. Ожидание на мужском лице сменилось радостью, и я улыбнулась в ответ. Когда я подошла, Август протянул мне хрупкий стебель с розовым бутоном. Такие росли на озере, правда, далеко от берега…

– А я совсем забыла о цветке невесты, – смутилась я, рассматривая лепестки. Лотос. Символ чистоты и вечной привязанности.

Я подняла голову и встретила взгляд того, кто станет моим мужем. На этот раз он не отвел глаз. Смотрел серьезно и остро, а еще – нежно. Или мне это лишь казалось.

Бернар – удивительно величественный в тяжелой праздничной сутане, расшитой золотой ниткой, – откашлялся, поправил на носу очки и положил ладони на талмуд писания.

Марта тут же всхлипнула, и супруг погрозил ей пальцем, чтобы не мешала.

– Друзья мои! Мои любимые дети! Мы собрались в этом святом месте и в этот добрый час, дабы связать священной нитью брака два любящих сердца! Двух человек, пожелавших стать единым и обрести друг друга в этой жизни и в последующих!

Марта снова всхлипнула и прижала платок к щеке.

В крошечной часовне с одним круглым окном я смотрела в глаза мужчины, стоящего напротив. В голове звенело. Колени слегка дрожали, а губы сохли от волнения, и я не понимала – почему. Это ведь не по-настоящему… всего лишь игра. Постановка, как в спектакле. Еще одна моя Маска. Так почему я переживаю?

Август протянул руки и сжал мои холодные пальцы.

– …священные узы брака даются Истинным Духом как сила великая, дабы…

Я не слышала.

Сквозь слова Бернара пробивались другие.

«Смотри на меня, Кассандра. Я буду твоим якорем».

– Сегодня и навеки!

Пальцы Августа дрогнули, и я вдруг поняла, что он тоже волнуется.

– Август, готов ты стать защитой и опорой для своей жены, готов помогать ей и беречь ее, готов любить со всей силой своего бессмертного Духа?

– Да, – его ответ прозвучал твердо.

– Кассандра, готова ты стать поддержкой для своего мужа, готова беречь его и любить со всей силой своего бессмертного Духа?

Я вздрогнула. Комок в горле мешал дышать и говорить. И на миг даже показалось, что я не смогу произнести ни звука!

Но все-таки смогла.

– Да, – сказала я.

– Властью, данной мне Истинодухом и церковью, объявляю вас мужем и женой! Обменяйтесь кольцами! И поцелуем.

Кольцами? Черт, но у нас нет колец! И чем я только думала?

Но запаниковать я не успела. Август отпустил мои ладони и достал бархатную коробочку. Внутри блеснули серебром два ободка.

– Надеюсь, не ошибся с размером, – улыбнулся мой… муж?

Серебряное кольцо тонкой полосой обняло мой палец.

– В самый раз, – вздохнула я.

Второе колечко очутилось на руке Августа, и мы замерли.

– Ну целуй же! – не выдержала Марта.

Пальцы Августа дрогнули, и эта дрожь передалась мне. Мы таращились друг на друга как два испуганных зайца, застигнутых бурей. Моя решительность куда-то испарилась, и я поняла, что значит быть смущенной и робкой Кассандрой Вэйлинг.

А потом Август наклонил голову и коснулся моих губ. Его оказались нежными. Я все еще ощущала тепло его пальцев и холодок серебряного ободка. И луч света, скользящий по нашим лицам, путающийся в ресницах. И запах ветивера, который вытеснил остальные, став единственным. И давление мужских губ – незаметное и всеобъемлющее.

Я все еще была той самой Кассандрой, но в то же время рассыпалась на миллионы частей, чтобы сложиться заново.

Август снова не закрыл глаза. Когда и тогда, миллионы лет назад, в чайной «Клевер и роза»… Я все еще видела тьму его радужек, которая стала моей личной пропастью. И звезды, сияющие в этой тьме.

Очень медленно мой муж положил правую руку на мою щеку. Потом левую. И все-таки зажмурился. И я – тоже…

И поцелуй стал еще нежнее, потому что так, во тьме закрытых глаз, существовали только мы вдвоем.

Он тронул губами уголок моего рта. Потом другой. Его ладони согревали и нежили. Потом губы снова коснулись моих губ, уже чуть-чуть сильнее. Я ощущала это давление как нечто невообразимое. Волнующее. Хотя никто из нас так и не углубил этот поцелуй, так и не раскрыл губ.

Где-то в другом мире уже не сдерживаясь всхлипнула Марта. Я очнулась, а Август разжал ладони и прервал поцелуй.

– О мои дорогие! Вы такая прекрасная пара! Как с картинки, ну скажи же, Бернар! Как я за вас рада!

Супруги закружили нас в объятиях и поздравлениях. Растрогавшийся Бернар снова стал пунцовым и долго тряс руку Августа, наставляя на брачный путь. Марта причитала и тараторила, но я слушала ее вполуха. Внутри падали звезды, и я была слишком поглощена их созерцанием, чтобы слышать слова доброй женщины. Мельком глянула на Августа и улыбнулась, заметив его покрасневшие скулы. Значит, не только меня тронул этот почти невинный поцелуй. И пусть наш брак ненастоящий, поцелуй был самым искренним из всех возможных.

Когда все наставления и поздравления были сказаны, я несколько растерянно посмотрела на дверь. И куда теперь? Снимать платье и приступать к обычным обязанностям? Признаться, я не думала о том, что случится после церемонии.

Бернар отобрал у супруги платок и вытер глаза. А потом объявил:

– Что ж, дорогие дети, А сейчас самое время отведать пирог с печенью и поднять сливовую наливку за ваше будущее! А мне – снять этот тяжелый наряд, боюсь, еще немного – и я превращусь в вареного гуся!

Смущенные, улыбающиеся и несколько растерянные, мы вышли на порог. Солнечные зайчики скакали по траве, стрекотали цикады. Я все еще не верила, что стала женой.

У порога лежала тушка с перепончатыми крыльями.

– Летучая мышь! – воскликнул Бернар. – Я ведь говорил, что завелась, мерзавка!

– Похоже, уже отлеталась… Ой, что это я! Уснула тварюшка, день ведь на дворе! Вот и спит! – насупилась Марта и испуганно покосилась на нас. Даже в Старограде найти в день свадьбы что-то подобное – дурная примета. А летучая мышь вовсе не выглядела спящей. Она выглядела безнадёжно дохлой.

Август присел, рассматривая ночницу. Медленно протянул руку и коснулся перепончатого крыла.

– Не трогай, сейчас я ее… – начал Бернар.

Летучее создание ночи фыркнуло, открыло глаза и, возмущенно застрекотав, раскрыло крылья и унеслось под крышу монастыря.

– Это что ж творится?! – Бернар, сдернув с носа очки, тщательно протер стекла. – Совсем ночницы распоясались. Днем летают! И где теперь ее искать? Точно гнездо свила!

– Летучие мыши не вьют гнезда, глупый ты старик, – хмыкнула Марта, во все глаза рассматривая Августа. Но потом всплеснула руками. – Что же мы стоим! Там ведь пирог! Идемте скорее!

– Я хотел отвезти Кассандру в Шанси. – Август прервал мечты супругов о застолье.

Лицо Бернара сначала вытянулось, но потом просияло.

– И то верно! Незачем вам сидеть в теньке да набивать животы тестом! На это у вас будет старость. Езжайте! Сейчас же! Марта, ну почему ты не взяла второй платок, этот совершенно промок!

Смеясь и охая, супруги указали нам на дорожку и велели хорошенько погулять в городке. Я двинулась за Августом.

– Шанси?

– Я подумал, что ты сойдешь с ума, слушая болтовню Бернара. – Губы Августа тронула улыбка. – Иногда его невозможно остановить. Но они хорошие люди. По-настоящему.

Я кивнула. На самом деле, чета Пейп – самые лучшие люди, которых я только встречала. Это удивительно, но я бы не отказалась провести с ними этот день. Смеяться глупым шуткам Бернара, помогать Марте. У этих людей получалось быть добрыми без навязчивости и пафоса, а это редкое качество. А еще рядом с ними было тепло. Они умели любить просто так, ничего не требуя взамен. Я и не знала, что так бывает.

Но еще больше мне хотелось провести день с Августом. Поэтому я лишь кивнула, направляясь за ним. К моему удивлению, он двинулся

не к дороге, а к реке, и уже через несколько минут мы вышли на берег, где покачивалась лодка с мотором.

– Одолжил у Бернара, – пояснил Август, помогая мне забраться в суденышко. Вытащил из мешка синее одеяло, постелил на лавку и усадил меня.

Я схватилась за бортик, когда лодка начала движение. Мотор гудел и говорить стало невозможно. Поэтому я смотрела на реку, кувшинки, растущие у берега, пугливых рыбёшек под водой и Августа. На Августа больше всего. В голове не укладывалось, что мы действительно сделали это. Поженились.

Монастырь скрылся из вида, потянулись холмы и деревья. Потом они слились в сплошной лес, деревья темно-зелёными великанами заслонили красное солнце. Но стоило обогнуть мыс, как лес закончился и как-то неожиданно вырос городок. Шанси растянулся вереницей домов с красными остроконечными крышами, летящими по ветру разноцветными лентами, пестрыми нарядами людей и перезвоном крохотных колокольчиков, сонными козами в загонах и сытыми полосатыми кошками, спящими в тени кустов.

Привязав лодку у пристани, мы ступили на улочку городка. Даже у причала дрожали на ветру привязанные к брусьям ленты и стеклянные колокольчики. Я потрогала один, и Август заметил.

– Местные верят, что цветные ленты предупреждают о появлении блуждающих вихрей, а звон отгоняет темное эхо и скверну. В Ассамблее ученых на это смотрят скептически, но Бернар говорит, что звук действительно помогает. Ну и еще вера. Даже если это вера в цветные тряпочки и колокольчики. Ты проголодалась?

Я кивнула, осматриваясь. Городок оказался живописным. Совсем не маленьким, но уютным, большинство построек не выше двух этажей, в традиционном стиле восточной провинции. Я никогда не была в этой части империи, а если и мечтала когда-нибудь побывать, то лишь в столице Джиен, славящейся своими многоярусными садами, ювелирными домами и пряной кухней. Я никогда не думала, что меня могут заинтересовать не красоты столицы, а маленький городок на берегу реки.

Однако сейчас мне было действительно интересно.

– Бернар слишком красочно рассказывал о пироге. Пожалуй, надо было прихватить пару кусков.

– Есть идея получше. Здесь неподалеку неплохая закусочная. – Август кивнул на дома.

– У нас есть деньги? – удивилась я и получила в ответ улыбку.

– Найдется немного. Хватит, чтобы угостить жену обедом.

Я споткнулась и сглотнула ком в горле. Жена… и он так просто произнес это. Словно я на самом деле ею стала.

– Звучит неплохо. – Шикарная улыбка Кассандры Вэйлинг скрыла смущение. – Кстати, а где ты взял кольца?

– Они тебе не нравятся?

Я посмотрела на свою руку. Белое колечко подмигнуло бликом.

– Нравится. Очень. Но… – Смутная догадка появилась в голове, но додумать я не успела. Август осторожно надел мне на голову шляпу, взятую из лодки, вторую нацепил на себя, убрав волосы.

По сравнению с крошечным и сонным Орджу, Шанси выглядел большим городом. В восточном экзархате, который по-простому называют округом, главной магистралью является не дорога, а река Мун, которая тянется через все поселения и связывает их. Потому и лодок здесь больше, чем автомобилей. Публика на улицах городков пестрая и разная, никого не удивляют незнакомые лица, ведь каждый день сюда приезжают торговцы со всех сторон.

Мы шли по улочкам городка, мимо людей в таких же шляпах и цветных нарядах, почти не выделяясь из толпы. Река скрылась за стенами, впереди высились здания. Машин оказалось так же мало, как и в Орджу, в основном здесь использовали широкие и тяжелые «ferrum buffalo». Я хмыкнула, представив на этих улочках своего железного монстра. Он был здесь так же неуместен, как и мои роскошные наряды, меховые палантины, украшения и туфли на шпильках. Зато в простом льняном платье я не привлекала к себе внимания. И все же не стоило забывать о том, кто мы. Заглянув в ближайшее окошко, я провела ладонью по лицу, рисуя новую внешность. Миг – и темное зазеркалье отразило гладкие темно-каштановые волосы, чуть вздернутый нос, изогнутые луком губы и ореховые радужки глаз. Такое лицо могло принадлежать местной девушке, решившей отправиться на прогулку с ухажером. Отвернувшись от окна, я посмотрела на того самого ухажера и охнула. За спиной стоял парень, которого я когда-то встретила в доме на скале. Пепельно-серые волосы, длинный нос, тонкие губы.

– Привет, Рэй, – улыбнулась я.

– Привет, Ванда, – подал он мне руку. – Сначала обед, потом прогулка. Покажу тебе местные достопримечательности.

– Здесь есть достопримечательности?

– А как же.

– Дом давно почившего градоначальника или чайная, в которую сто лет назад заходил какой-нибудь Совершенный? – улыбнулась я, принимая предложенную ладонь.

– Увидишь. Но сначала – еда. Бернар и правда слишком красочно говорил о пирогах.

Закусочная, в которую привел меня Август, называлась «Радость Шанси» и, к счастью, ничем не напоминала «Клевер и розу». Приветливая официантка усадила нас на открытой террасе, которую от улицы отделяли цветущие розовые кусты и деревянные перила. На них тоже были привязаны ленты и колокольчики, они волновались на ветру, издавая тихий перезвон, но никто не обращал на это внимания. Песня стеклянных и бронзовых язычков плыла по городу и, похоже, местные жители давно перестали ее замечать.

– Я читала, что древние пытались гармонизировать пространство при помощи таких звуков, – тронула колокольчик, и он послушно звякнул. – До того, как появились миротворцы и нейропанели. Думаешь, это помогает?

Рукава надежно скрывали наши браслеты. С некоторых пор я не стремилась демонстрировать этот знак отличия, а ведь когда-то считала, что стоит заполучить нейропанель – и я стану показывать ее всем и каждому. Как же сильно я ошибалась!

А браслет Августа теперь прятала не только одежда, но и намотанные на запястье бинты.

Парень пожал плечами, и я вспомнила свой вопрос.

– Почему нет? Думаю, мы далеко не все знаем об окружающем нас мире. Мне нравятся колокольчики. По-моему, это просто очень красиво. А красота точно способна гармонизировать, разве нет?

– Красота спасет мир?

– Возможно, – с улыбкой он тронул колокольчик у своего локтя. Тот едва слышно звякнул. И тут же отозвался второй. А потом третий, четвертый, пятый… Зазвенели те, что висели на перилах нашей

террасы, а потом звон перекинулся на крышу… И в тихих переливах вдруг явственно прозвучали знакомые ноты.

Я прислушалась.

– Это же… Летний вальс?

Мелодия, которую я когда-то сыграла в доме на скале для главаря деструктов.

Рэй кивнул. В его глазах тоже отразилось воспоминание.

– Но как ты это сделал?

Он снова пожал плечами. Посетители закусочной начали переглядываться, вслушиваясь в мелодию. И Август еще раз тронул колокольчик, останавливая музыку.

– Это было очень… красиво.

– Тебе понравилось?

– Да.

Я ответила на его улыбку.

– Хотя вон тот бронзовый колокольчик на крыше сфальшивил две ноты.

Август рассмеялся, и я тоже. Когда официантка принесла общее блюдо, мы все еще улыбались. Приборов нам не дали, местное кушанье из риса, овощей и специй полагалось есть с помощью рук и тонких лепешек. Поначалу это казалось жутко неудобным, но мы быстро приловчились отправлять порцию риса в рот, а не на стол или колени. От специй пекло губы и кувшин ледяного мятного лимонада пришёлся как никогда кстати.

А может, мои губы горели от взгляда молодого мужчины, который сидел напротив и ел неторопливо и аккуратно, так, словно у него в запасе было все время мира.

– О чем задумалась?

Я не стала говорить, что о нем.

– О том, как сильно местная жизнь отличается от той, что я видела на севере. В Старограде. Здесь все какие-то… другие. Улыбаются, смеются, болтают. Здесь так тепло! Даже не верится, что мы на другом конце империи!

– Ты скучаешь? О тех, кто остался в Старограде? Есть кто-то, кого бы ты очень хотела сейчас увидеть? – Рэй вытер пальцы салфеткой и отпил лимонад. На меня парень не смотрел, но я ощутила важность этого вопроса. Он спрашивал не из праздного любопытства.

– Пожалуй. – Я тоже потянулась к высокому стакану, в котором плясали пряные пузырьки. – Пожалуй, кое-кто есть. Удивительно, но я действительно очень скучаю по нему.

– Значит, это… он? – Брови Рэя сошлись, когда он нахмурился.

– Да. У нас с ним примечательная история знакомства. Когда мы встретились, я думала, что буду ненавидеть его всю жизнь. И сама не заметила, как полюбила. Представляешь?

Август медленно поставил стакан на стол.

– Это мужчина? – тихо спросил он.

– Это крыс.

– Что? – Он с недоумением моргнул, а я не удержалась от смеха.

– Крыс. Крысеныш. Мне его подарили. И поначалу я с трудом сдерживалась, чтобы не выкинуть зверя из окна. А сейчас понимаю, что привязалась к этому созданию. Что по-настоящему скучаю и беспокоюсь. Одно радует, это очень самостоятельный крыс, который умеет находить себе пропитание и ночлег. Уверена, что и без меня он не пропадет. И все же… я переживаю.

– Крыс? – в одном слове было столько возмущения, что я снова рассмеялась.

– Да. Он остался в Кастеле. Моя… знакомая обещала о нем позаботиться, если я… если со мной что-то случится. – Я вспомнила Джему и вздохнула. Надеюсь, Ржаник сможет сдержать свое слово и Опиум на самом деле в порядке. Удивительно, когда он успел найти путь в мое сердце. – А что насчёт тебя? По ком ты скучаешь? Уверена, что в отличие от меня, в твоем окружении есть не только звери.

Взгляд Августа стал задумчивым, и я пожалела о своем вопросе. Конечно, он скучает по сестре и Ирме. Близкие, которых он так и не смог спасти. Все эти дни мы старательно обходили острые темы, радуясь передышке, которую подарила нам эта земля. Нам обоим надо было хоть немного прийти в себя. Выдохнуть и понять, что нам делать дальше. Смириться с поражениями и потерями, научиться новой радости. И найти новый путь. Мы оба знали, что эта передышка не будет вечной и были благодарны за нее. Но я видела, как омрачается лицо Августа, как часто он в бессильной злости сжимает кулаки. Поражение в Неварбурге сводило его с ума беспокойством, которое от тщательно прятал и от меня, и от четы Пейп.

Но если стариков и обманула улыбка Августа, я видела скрывающуюся за ней тьму.

Передышка закончится.

А потом… потом придется двигаться дальше. Совсем скоро.

Но черт возьми! Пусть это будет не сегодня!

Не в день, когда мы поженились. Даже если эта свадьба фальшива, как личина Ванды, поедающей руками блюдо с непроизносимым названием, я не хотела портить ее тяжелыми разговорами.

– Пожалуй, иногда скучаю. Есть один человек, которого я хотел бы увидеть. – Мое сердце сжалось, когда Рэй ответил. И вдруг забилось сильнее от мысли, что он назовет имя какой-нибудь девушки. Вдруг захочет подразнить, подражая моей выходке с крысенышем?

– И кто же это?

– Брайн. Хотя наставник дал ему имя Иларий, по имени святого. Больше десяти лет мы с ним делили комнату в семинарии Духа.

– О, – разжала я сжавшийся кулак и посмотрела на него с удивлением. – Значит, этот Брайн-Иларий был твоим лучшим другом?

– Мы все дружили. В Семинарии проживали в основном беспризорники, сироты или дети из слишком больших семей. Иларий не помнил своих родителей. Наставники семинарии заменили ему всех. Да, пожалуй, он стал моим лучшим другом. У него была удивительная способность влипать в неприятности.

– Ага, это тот самый ученик, который расхаживал без штанов?

– Это он, – осветилось воспоминаниями лицо Рэя.

А я так ясно представила себе мальчишек в сутанах, которые распевали псалмы и учили молитвы, но оставались детьми, мечтающими о печенье и приключениях.

– И где он сейчас? Этот Брайн-Иларий, вечно влипающий в неприятности?

– О, надеюсь, теперь он Брайн-Иларий благополучный, – хмыкнул Рэй. – Получил назначение в одну из духовных школ в западном экзархате. Очень хорошее место, о нем многие мечтали.

– Но не ты, – провела я пальчиком по краю стакана. – Ты собирался на границу. Где с одной стороны чернеют пески Равилона, а с другой – пустоши, за которыми живут язычники. Верно, тебе не

давала покоя слава твоего друга и ты решил влипнуть в неприятности по полной.

Август рассмеялся.

– Никогда не смотрел на это с такой точки зрения, – с трудом успокоившись, выдавил он. – Может, так оно и было. Мне всегда нравилась в Брайне его легкость. Он попадал в переделки, но его это совершенно не волновало! Удивительная стойкость Духа. И кстати, большой потенциал, он получил браслет, как и я. И даже собирался праздновать вместе со мной, но в тот день заболел. Я до сих пор благодарю за это Истинодуха.

Мы помолчали. «Клевер и роза» врывалась в наше настоящее, даже когда мы этого не желали.

– А твой наставник? Где он сейчас?

– На заслуженном отдыхе. Он стар, Кассандра. И происшествие со мной сильно подорвало его здоровье.

Я вспомнила круглолицего старика, который выкрикивал слова из Писания, пытаясь остановить рождение разрушителя.

– Для него это был большой удар, – тихо сказал Август. – Потрясение. В тот день наставник даже перепутал слова молитвы, а ведь он знает их лучше, чем свое имя. Когда… когда все началось, реальность вокруг меня словно размылась. Но я помню, как меня поразило, то, что наставник читает прошение о защите совершенно неправильно… А потом все стерлось. Последнее, что я помню, – это ты Кассандра. Твои глаза. И то, как ты пыталась защитить меня.

Я сглотнула сухим горлом. Не думала, что он видел это. А он видел…

– Десерт? – спросила веселая официантка, и мы дружно кивнули, пряча друг от друга смущение.

– Это был не самый лучший день, да? – пробормотала я, и Август кивнул.

– Мне бы хотелось его забыть. Но я обязан помнить. Чтобы… чтобы ничего не повторилось.

– Не повторится, – не сдержавшись, я положила ладонь на руку Августа. Мое тонкое колечко блеснуло поверх его, и мы оба уставились на это невероятное зрелище. – Это никогда не повторится. Ты сдержишь разрушительную силу. Я это знаю, Август.

– Ты не должна так слепо доверять мне.

– И все же буду, – твердо сказала я. – Я верю тебе и в тебя. В конце концов, разве ты не слышал о справедливости? С нами случилось достаточно плохого, а значит, впереди ждет только хорошее. Надо просто в это верить.

Рэй сжал мою руку и неожиданно поднес к губам. Поцеловал центр ладони, потом нежное местечко, где бился мой пульс. Все ускоряясь.

– Пожалуй, так. Ведь кое-что очень хорошее со мной уже случилось, Кассандра.

Я затаила дыхание, не в силах отвести глаз от его лица. Удивительно, что когда-то меня обманула Маска Рэя. Сейчас я видела лишь Августа.

– Десерт! – Возникшая у стола официантка поставила две пиалы, и Август выпустил мою руку. – Ягодный щербет с шоколадной стружкой!

Девушка подмигнула моему спутнику и придвинула ему обе пиалы.

– За счет заведения! – прошептала она. Потом оглянулась на меня и с сожалением вздохнула.

Август на нее не посмотрел и это спасло несчастную от моего гнева.

Нежный щербет таял на языке, шоколадные капли растекались сладостью. И я улыбалась. Да, кое-что очень хорошее все-таки случилось. С нами обоими.

После «Радости Шанси» мы отправились гулять по городу. Наши шаги сопровождал тихий звон и вскоре мы тоже перестали его слышать, уподобившись местным жителям. Городок тянулся вдоль реки аккуратными кварталами и домами с красными крышами. Ближе к основной пристани располагались торговые ряды, где горожане и приезжие продавали рыбу и снасти, выращенные на полях овощи, рис и зелень, ковры и ткани, шкуры, тонкие шелка и стеклянные колокольчики. За шумными рядами тянулись причалы, забитые лодками, а дальше снова дома и деревья, под которыми в круглых искусственных водоемах плескались красные рыбины – по местным поверьям, тоже приносящие удачу.

– Куда мы идем? – Август держал меня за руку, так что на самом деле ответ меня не слишком интересовал. В зарослях пели птички, мои

ноги утопали в желтом песке, а ладонь согревала мужская рука.

– Я ведь обещал тебе городскую достопримечательность.

– По-моему, город уже закончился, – с сомнением оглянулась на крыши, оставшиеся за деревьями.

– Мы почти пришли. Смотри.

Я повертела головой.

– Но здесь ничего нет. Только поле и дерево.

– Вот именно. Дерево!

– И что в нем такого необычного?

Я покосилась на кривой ствол и ветви с желтыми листьями. Не отвечая, Август потянул меня ближе к стволу. А когда мы приблизились и шагнули под купол ветвей, я подняла голову и…

– Святой Пантелей! Это не листья! Это…

– Мотыльки. Особый вид, очень редкий. Они селятся на таких вот деревьях. Жители называют их вестниками солнца и верят, что мотыльки приносят удачу и исполняют желания.

– Ну да, как рыбы в лужах и развешанные повсюду ленты, – проворчала я.

– Ты слишком долго жила на севере, – со смешком отозвался Август. – И перестала верить в простые чудеса.

– А ты?

– И я. – Он задрал голову. – Бернар сказал, что мотыльки не любят людей, наши тела для них слишком горячие. Но если хоть один сядет на человека, надо загадать желание.

Я тоже задрала голову, всматриваясь в крылья, так похожие на хрупкие древесные листочки.

– Что-то они не торопятся исполнять наши желания. Может, постучать по стволу.

– Так не считается. Надо, чтобы мотыльки прилетели сами.

– Ну вот еще. Если удача не планирует осчастливить, вполне можно ее направить на правильный путь. – Я протянула руку, намереваясь схватить желтое крыло ближайшей бабочки и посадить на плечо. Но Август поймал мою руку.

– Это нечестно.

– Победителей не судят.

– Чудеса так не работают. Они не случаются по принуждению.

– Это они еще не сталкивались с Кассандрой Вэйлинг!

– Для тебя правил не существует, так, Кассандра Вэйлинг?

– Только те, которые мне выгодны. И если эта чертова моль не желает прилетать, придется ей помочь.

Он моргнул, глядя на меня. И рассмеялся. Я тоже. Наши пальцы сплелись, а лица оказались слишком близко. От него пахло ветивером – едва уловимо. И ягодным щербетом.

– Кассандра. Я хочу сказать тебе…

И тут… дерево всколыхнулось. Потревоженная желтая масса, шелестя крылышками, упала с веток, закружила вокруг нас и взвилась в небеса. Но одна… одна все-таки села на мое плечо. Я затаила дыхание.

– Желание? – шепнула я в губы Августа, и тот кивнул. – Хочу, чтобы мой муж меня поцеловал. По-настоящему. Как думаешь, сбудется?

– Бернар говорил, что мотылек – это верная примета, которая всегда работает, – очень серьезно ответил Август, положил ладонь на мой затылок и поцеловал.

Мои губы разомкнулись. Август осторожно тронул краешек моего языка. Словно зеркальное отражение, я повторила за ним, исследуя новые ощущения. Чуть смелее. Чуть быстрее. Чуть горячее. Ладонь Августа сползла с затылка на мои плечи. Вторая коснулась моей талии, притягивая еще ближе, еще теснее под деревом исполнившегося желания. Разум улетел в небеса подобно стае бестолковых желтых мотыльков, оставив двух цепляющихся, гладящих, нуждающихся людей. Мы нуждались друг в друге. В ощущении чужих распухших губ, во влажности ртов, в прикосновениях, таких невинных вначале и таких обжигающих потом… Я прошлась ладонями по мужской спине и даже сквозь рубашку ощутила выпуклости шрамов. Я могла бы пальцами нарисовать все, что оставила на коже Рэя темная епитимья, повторить каждый штрих и каждую точку. Я гладила, словно надеясь исцелить его. Или исцелиться сама… Нежность Августа меня ранила, я сгорала в ней, и в тоже время лишь она могла сделать меня живой и настоящей. И снова ладонями вверх по его телу, пальцами по ребрам, животу, груди, ключицам. И снова его руки изучают изгиб моей талии, моего плеча, моей шеи… так трепетно и сладко, так идеально, как могло быть только с ним. Мое сердце грохотало и выстукивало ритм, и

где-то внутри я боялась, что теперь оно всегда будет стучать лишь одно имя.

И это так страшно…

Поцелуй оказался лучше, чем я могла себе представить.

Он мог бы продолжаться вечно.

Но рядом завыл волк.

Я вздрогнула, отстранилась и увидела темный взгляд Августа.

– Не бойся, это Хантер.

– Почему эта зверюга не осталась в лесу?

– Хантер считает, что за мной надо приглядывать.

Я хмыкнула, скрывая смущение и… удовольствие. Хотя вряд ли у меня получилось. На то, чтобы скрыть распухшие губы, шальной блеск глаз и румянец, понадобилась бы маска из железа.

И кстати, ладони Августа все еще лежали на моей спине. Словно он не собирался их оттуда убирать. Не в этой жизни.

– Кажется… мы слегка увлеклись, – пробормотала я.

– Да, – отозвался он.

Волк снова завыл, и мы отпрыгнули друг от друга. И рассмеялись.

– Ладно, не буду спрашивать, почему дикий зверь счел своим долгом опекать тебя.

Или почему в лесу тебя облепили змеи, а сегодня в твоих руках ожила летучая мышь.

– Если спросишь, вряд ли я сумею ответить.

Я кивнула и поправила съехавшую с плеча ткань, увидела, как Август проследил это движение. Чувство мне понравилось. Мужское внимание и раньше льстило моему самолюбию, но сейчас я ощущала нечто иное. Интерес Августа, его смущение и желание, которое он не мог скрыть, пробуждали внутри новую Кассандру. И она была лучше той, что осталась в Старограде. Под взглядом Августа мне хотелось танцевать. Хотелось кружиться, позволяя ветру приподнимать подол юбки. Хотелось ловить его взгляды, как этих желтых бабочек – бережно и трепетно, словно каждая из них настоящее чудо. То самое, которое нельзя подстроить или купить, которое можно получить только даром.

На дорожке, ведущей к реке, появились рыбаки, тянущие снасти. Мужики громко обсуждали улов, пыхтя дешевыми сигаретами,

размахивая руками и разрушая хрупкий момент нашего с Августом единения.

– Куда теперь? – Я попыталась сделать вид, что не расстроилась.

– Куда угодно, – с улыбкой он взял мою руку, и горечь исчезла. – Это ведь неважно.

– Да. Совершенно неважно, – подтвердила я.

Я шла, улыбалась и с каким-то новым осознанием думала, что вот так это и происходит.

Ты встречаешь разных мужчин, примеряешь их как одежду, оцениваешь за и против. Ищешь причины и доводы. А потом приходит тот самый. Берет тебя за руку, говорит: идем. И больше нет никаких причин и доводов. Нет никаких за и против. Ты берешь его руку и идешь, не спрашивая куда.

Глава 19. Ложные истины

Целый день мы бродили по Шанси. Ели лепешки с сыром, запивая мятным лимонадом, смотрели на стрекоз и рыбаков в лодках, сидели у реки, бросая камушки. Камни Августа тонули, мои бодро скакали по глади. Меня это веселило, пока я не заподозрила, что мой святоша муж безбожно врет и притворяется, что не умеет кидать гальку.

Еще мы говорили. Удивительно, но я рассказывала Августу о детстве в Нью-Касле, об отце и седых вояках. Об их историях сражений и битв, которые я слушала вместо сказок сбежавших нянюшек. Я рассказала даже о Крапиве и Снежинке и секретах, которые собирала в Аннонквирхе. А в ответ слушала Августа. О его друзьях из Семинарии Духа и мальчишках, которых он назвал братьями, о детстве в горном городке и наставнике, ставшем вторым отцом.

Мы не говорили о «Клевере и розе», Песках и инквизиторах, словно этим словам не было места на желтом берегу реки Мун. Под вечер, уставшие, но жутко довольные этим днем и друг другом, объевшиеся сладкими рисовыми пирожными и покрытые пылью Шанси, мы забрались в лодку и Август завел мотор. Гостеприимный городок с загнутыми крышами скрылся за деревьями – уже темно-синими в подступающих сумерках. Солнце покачалось на вершине холмов, а потом, не удержавшись, скатилось вниз. Зато звезды загорелись ярче, словно только и ждали своего выхода на небесную сцену. Бархатный небосвод переливался и мигал, а река вторила, отражая звездное сияние. Желая продлить этот день – слишком хороший для нас обоих, – мы заглушили мотор, постелили на дно лодки одеяло и вытянулись на нем. Нашу деревянную посудину качало на воде, словно колыбель. Я лежала, слушая, как стучит сердце Августа, и думала о звездах. Тех, что в небе, тех, что в реке. И тех, что я видела однажды, заглянув в душу главаря деструктов. Мне хотелось продлить этот миг и молча смотреть, как небесные светила катятся в вечность, не замечая двух человек, лежащих бок о бок в утлом суденышке. Хотелось ощущать тепло мужского тела и наши сплетающиеся пальцы. Хотелось предвкушать новый поцелуй.

Хотелось верить, что у него будет продолжение. Тьма срывает устои и одежды, заменяет смущение смелостью… Тьма подчиняет желаниям и заставляет верить ей, что желания – единственное, что имеет значение.

И мне хотелось в это верить. В то, что утром отражённые звезды не исчезнут, а по-прежнему будут качать нашу лодку. Что подчинившись желаниям, мы не пожалеем. И что этот день станет началом нашей новой жизни.

В которой не будет инквизиторов, опасности и скверны, поселившейся среди звезд.

– Хороший день, – словно вторя моим мыслям, сказал Август. – Пожалуй… Пожалуй, лучший в моей жизни.

Он повернулся на бок, с улыбкой рассматривая меня.

– Я счастлив, что встретил тебя, Кассандра. – Август осторожно убрал с моей щеки прядь волос. Теплые пальцы задержались чуть дольше, чем нужно. Я замерла, изо всех сил желая продлить мгновение. – Ты молчишь слишком долго. О чем думаешь?

Я со вздохом отвела его руку, в ожидании замершую на моей щеке.

– О том, что мы могли бы остаться здесь навсегда. Я чинила бы сломанные механизмы, ты добывал рыбу и готовил обеды. Потому что я точно не приспособлена для готовки. Иногда мы бы ездили в Шанси, а порой даже дальше, за следующий холм… У нас могло бы получиться, правда?

– Не думаю.

– Мог бы и соврать, – вздохнула я. – Ладно. Я думала о том, что ты отлично смотришься на этом одеяле. – Маски больше не скрывали наши истинные лица. – О том, что я не хочу возвращаться в реальность. И о том, как вредно общаться со святошами.

Его темные брови взлетели.

– Вредно?

– Хуже не придумаешь, – пожаловалась я. – Раньше я без зазрения совести делала то, что хочу. Вот сейчас я хочу, чтобы ты снова поцеловал меня. И раньше лишь мои желания имели значение. А теперь…

– Теперь? – в его глазах звезды не отражались.

– Теперь… – Я посмотрела на небо. Все-таки быть эгоисткой гораздо удобнее. – Я должна кое-что тебе рассказать. Разговор

архиепископа с одним инквизитором. Я подслушала их, случайно. Но они говорили о тебе.

Август тоже сел. В его глазах было сожаление. Он тоже понимал, что этот день слишком хорош, чтобы продолжаться долго. Все сказки однажды заканчиваются. А звезды – гаснут.

– И о чем же они говорили?

Я быстро рассказала все, что услышала, опустив, кем именно мне приходится архиепископ.

– Тебе нельзя приближаться к ямам скверны, это повлияет на антиматерию внутри тебя и может привести к новому выбросу. Нельзя испытывать темные эмоции. Гнев, злость, боль, обида – все это тоже ведет к усилению низких частот. И еще… – Я все-таки отвела взгляд. – Девственная чистота тела определенным образом тоже защищает твой Дух. Тебе нельзя…

– Я понял.

– …иметь отношения. Нельзя заниматься сексом. Никакого секса, – упрямо договорила я.

– Я понял с первого раза.

Так может, я повторяю это для самой себя!

– Похоже, ты не удивлен.

– Я это подозревал. Обет безбрачия принимают еще и для того, чтобы погасить низкие вибрации, связанные с… этой стороной жизни. Мой наставник часто повторял, что мое тело и мой Дух – для служения и отречения. Для Истинодуха. Не для земной… любви. В семинарии были и другие ученики, но лишь для меня он настаивал на подобном обете. Раньше я об этом не задумывался и принимал как данность. Но в последнее время я многое пересмотрел… И понял. Думаю, после моего воскрешения под завалом наставник подозревал, что со мной не все в порядке. Понимал, что я отличаюсь от других послушников и могу стать опасным. Поэтому и хотел меня уберечь. Он говорил, что Истинодух спас меня и я обязан отдать этот долг безупречным служением. Долгие годы я в это верил. И этот путь казался лучшим из возможных. Чем-то… настоящим.

– Вот как, – опустила я пальцы в воду, желая остыть. Не помогло. – Похоже, твоя мечта остаться нетронутым сбылась.

– Мои мечты изменились, Кассандра.

Он не двигался и даже не моргал, словно статуя, облитая звездным светом. И я не знала, что он чувствует. Сожалеет? А может, и вовсе рад?

День закончился, как и наши откровения.

– Становится холодно. – Голос Августа звучал спокойно и ровно. Как раньше. Он снова закрылся от меня, спрятал эмоции за стеной спокойствия. – Пора возвращаться.

Я кивнула. Да. Пора возвращаться. Сказка закончилась, и реальность ждет нас, жадно раскрывая колючие объятия.

До монастыря шли тихим ходом, во тьме велика опасность напороться на плавающее бревно или камень. Я закуталась в одеяло и не заметила, как задремала. Проснулась, когда лодка ткнулась носом в берег, а Август, накинув веревку на колышек, спрыгнул в воду и поднял меня на руки.

– Не просыпайся, – сказал он, держа меня.

Я прижалась щекой к его груди и снова закрыла глаза. Даже когда меня положили на кровать, сняли обувь и укрыли одеялом.

– Август, – тихо окликнула, когда его шаги прошелестели у двери и замерли. – Если бы твой жестокий бог, в которого ты веришь, хоть раз открыл рот и спросил, кого бы я хотела выбрать, чтобы разделить жизнь и постель… Это был бы ты.

Ответа не последовало. Да я его и не ждала. Я повернулась к стене и накрылась с головой одеялом, надеясь, что утром вернется злая Кассандра, которой будет наплевать на чужие чувства.

***

… у алтаря горела лишь одна свеча. Ее света хватало, чтобы очертить силуэт Истинодуха. Вполне достаточно для молитвы. Хотя молиться можно и во тьме, главное, чтобы слова были наполнены верой. Вот только я не знал, по-прежнему ли сильна моя вера. Молитва, которая раньше слетала с губ легко и естественно, теперь застревала в горле.

Я смотрел на силуэт Истинодуха, а слышал лишь шепот во тьме. «Если бы твой жестокий бог хоть раз открыл рот… Кого бы я выбрала… Это был бы ты».

Тьма – злая и манящая, – затянула глаза. Нерушимые бастионы веры сейчас казались замками на песке. Ненадежные. Хрупкие.

– Я не понимаю, чего ты хочешь. – Образ Истинного Духа мерцал и переливался в неровном желтом свете. – Раньше мне казалось, что я слышу твои намерения, распознаю их сердцем. Но сейчас… Сейчас я не знаю, какой путь мне уготован. Не понимаю, зачем ты ведешь меня этой дорогой. И куда хочешь привести. Я больше не слышу тебя в своем сердце. Я хотел спасти Ирму и Зою, но не сумел сделать это. Может, и это твой выбор? Может, их судьба – сойти с ума и сгнить в тюрьме инквизиции? До последней минуты проклиная меня? Но кого ты наказываешь? А главное – за что? Я не понимаю.

Потер лоб, ощущая смятение. Тьма разрасталась. Лепесток огня дрожал, не в силах одолеть ее.

Снова поднял взгляд на фреску. Когда-то маленький послушник духовной семинарии ощущал благоговение перед простым образом. А выросший изгнанник чувствовал лишь пустоту.

– Истинодух, единый и вечный, частицей тебя во мне – молю: услышь. Я не понимаю твой замысел, но прошу помощи. Прошу снисхождения для тех, кто пострадал из-за меня. Мой наставник, которого я люблю как отца. Моя сестра, слишком хрупкая для ее ужасной участи. Моя верная подруга Ирма, блуждающая в хаосе. Помоги им. Спаси их. Позволь их найти. И особенно… – Я запнулся. – Особенно я прошу сберечь Кассандру. Прошу сохранить ее жизнь и свет.

Некстати и невовремя вернулось ощущение губ, прикасающихся к моей коже. Там, где она целовала, остались незримые следы. И мне хотелось сохранить их навечно, чтобы продолжать ее чувствовать.

Десять лет назад, приехав в Восточный Морфир и познакомившись с Бернаром и Мартой, юный послушник не понимал, почему настоятель монастыря не принял обет безбрачия. И почему его это нисколько не беспокоит. Разум юного Августа делил мир на белое и черное, и все плотское, безусловно, относилось ко второму. Однажды я даже не выдержал и сказал об этом Бернару. Но тот лишь рассмеялся и ласково потрепал по моей темной макушке.

– Если бы Истинодух считал желания плоти грехом, он отправлял бы нас в бесполые тела. Разве это не проще? Избавить от соблазнов, дабы каждый из нас мог наслаждаться лишь верой. Мы были бы мотыльками, порхающими с цветка на цветок без малейшей мысли о грехе. А может, нас стоило создать и вовсе цветами?

Ромашковым полем. Что может быть чище и благолепнее? Но мы созданы иначе, мой юный друг. И еще нам даны чувства. И поверь, в них нет ничего греховного. – Бернар весело подмигнул. – Совсем скоро ты повзрослеешь и поймешь, что любовь – это и есть истинное проявление Духа. Может быть, лишь она и приближает нас к Истинному свету.

– Но вы говорите о любви к женщине! – возмутился я тогда. – Это не может быть… истинным!

Бернар тогда лишь рассмеялся и ушел к своей Марте – веселой и румяной жене, пекущей слишком сладкие пироги и угощающей ими всех без разбора.

Юный Август покидал Морфир расстроенный. Ему казалось, что настоятель монастыря слишком увлекается земным, чтобы быть настоящим служителем божественного Духа. Вот его наставник подходил под образ служителя. Строгий, но справедливый, отринувший земные удовольствия и наставляющий учеников идти по тому же пути.

Повзрослев, я понял, что мир нельзя делить на черное и белое. Что он гораздо… сложнее.

И то, что раньше казалось правильным, больше не являлось таковым. Или моя вера пошатнулась? Или скверна внутри пожирала и ее?

Мысли о пороке больше не казались мне кощунственными. Напротив. Они стали слишком привлекательными. Но что, если Бернар прав, и человеческая близость – вовсе не порок? Что – если это самое лучшее, что может случиться с человеком?

Или дело не в желаниях, а лишь в том, кто их вызывает.

Я все еще помню женщин горного городка, которые стремились заполучить в свою постель юного послушника. Их жадность, их настойчивость, их бесчисленные уловки. Помню вдову, которая бесстыдно разделась и начала призывно танцевать, рассчитывая, что неопытный семнадцатилетний парень не сумеет справиться с искушением. Не сможет устоять перед чувственным соблазном женского тела.

Я смотрел на нее и ощущал стыд вперемешку с каким-то холодным, отстраненным любопытством. С таким чувством исследователь наблюдает брачный танец животного или самки

насекомого, приманивающей самца. У меня не было ни малейшего желания приближаться к ней.

Потом были и другие женщины… Красивые и не очень, молодые или опытные… Были даже мужчины, но об этом я и вовсе не хотел думать. И все они вызывали лишь желание сбежать подальше. Например, на границу с Равилоном. Я думал, так будет всегда и даже радовался своей бесчувственности.

Та эмоция, которую я испытал, когда открылась дверь чайной «Клевер и роза» и в светлом проеме застыл силуэт девушки, оказалась сродни удару под дых. Я ощутил физическую боль, острую и сильную, но при этом удивительно притягательную. Незнакомка прошла мимо, даже не посмотрев на меня. А я сидел оглушенный. Разорванный на части. Сгорающий в чувствах, которых не понимал и не знал раньше…

Наставник что-то говорил, Ирма зевала, Зоя наливала чай, а я не знал, как удержать привычно-бесстрастное выражение лица.

Кассандра Вэйлинг одним своим появлением разрушила все мои иллюзии о собственной бесчувственности и возвышенной чистоте.

Сегодня, держа ее за руку, я ощущал себя счастливым. По-настоящему. Я не соврал, сказав, что это лучший день в моей жизни.

Я прикрыл глаза, вспоминая. Кассандра смеялась над моими рассказами из жизни в семинарии, и мне это нравилось. Потому и рассказывал я лишь веселое. Хотя жизнь в Дорхаре была разной. Мои названные братья – это бывшие беспризорники и мелкие хулиганы, которых подобрал и обогрел настоятель семинарии. Послушников не баловали и держали в строгости, объясняя, что лишь такой путь спасет наши заблудшие души. Я беспризорником не был, но отношение ко мне порой отличалось еще большей суровостью. Я помнил посты, граничащие с голодовкой, и холодную келью без отопления. Наш Дух закалялся в лишениях и испытаниях, креп в отречении. И признаться, тогда я не сомневался в словах наставника, я видел смысл в его методах. Как иначе закалить душу?

А сейчас… Сейчас я смотрю на образ Истинодуха и чувствую лишь горечь. А еще сомнение. Я больше не верю в свои истины, они оказались пустыми. А слова молитвы застревают в горле.

Может, все было напрасно и мой Дух так и не обрел нужную чистоту?

Слабый лепесток огня раздражал, и я прикрыл глаза. После того, что случилось в чайной «Клевер и роза», даже родные люди считают меня чудовищем. За годы в заточении я не видел никого, кроме своего стража. Мне говорили, что это слишком опасно. Что я могу причинить вред, убить невиновных. И наказывали за желания и просьбы… А за хорошее поведение иногда приносили письма от Зои и Ирмы. Я ждал их так, как ребенок ждет новогоднего чуда. Они были моей единственной надеждой, единственной связью с реальностью. Ведь порой я сомневался, что мир, в котором я живу, – это реальность, а не посмертная бездна, полная боли и мучения.

За годы писем скопилось совсем немного. Тонкие листы, которые я хранил как сокровище и знал наизусть. Письма не были утешением. Лишь нитью, за которую я держался…

Ирма в своих посланиях никогда не называла меня по имени, ее письма были цитатами из жизни святых. Бумага пахла увядшими розами, а буквы расплывались, словно девушка плакала.

Письма Зои отличались сухим и злым текстом, в котором она обещала убить каждого, кто причинил нам зло. Я боялся того, что каждый раз с ней соглашался.

Наставник, освободив нас, совершил почти невозможное, и я навсегда у него в неоплатном долгу. Но содеянное подкосило старика, все-таки годы его молодости давно в прошлом. Все, что он может теперь, – это доживать остаток отпущенных дней в старом монастыре на севере империи.

А когда я все-таки воссоединился с девушками, понял, что все стало лишь хуже. И что прежней жизни уже не будет. Мы все изменились необратимо. Когда я привез Ирму в дом на скале, она назвала меня чудовищем и начала хохотать, глядя безумными глазами. Опиумный дурман, к которому она пристрастилась, стал тюрьмой гораздо более надежной, чем мой каменный мешок. Ирма больше не видела меня. Она летала в образах и видениях прошлого и будущего, более не замечая настоящего. А Зоя… Зоя злилась. Ее злость стала ее единственной молитвой. И я видел согласие в черных глазах сестры, когда Ирма называла меня монстром. Монстром, который заслужил свое наказание. Ни разу я не заметил в лицах тех, кого любил, сочувствия или жалости. Или хотя бы понимания. Я виноват и должен отвечать за случившиеся вечно.

Я думал так же. И порой даже сожалел, что сумел выбраться из заточения. Возможно, мне стоило остаться там навечно.

Хотя от одной лишь мысли о каменном мешке в голове стало темно и тяжело, глаза затянуло пленкой, а во рту появился вкус железа…

Вот только новая встреча с Кассандрой снова все изменила. Устои пошатнулись, а истины… истины теперь казались ложными.

– Я запутался, – встав с колен, я поднял крышку престола. Внутри блеснул медный ящичек. Под крышкой хранились пузырьки с епитимьей – светлой и темной. Такие были во всех монастырях – и Морфир не стал исключением. Я точно знал, сколько склянок хранит эта коробка. Два десятка светлых справа, четыре десятка темных слева. И всего пять пустых углублений. Похоже, и в этом настоятель Морфира был не идеален. Он слишком редко наказывал своих послушников.

Пузырьки с темной епитимьей призывно поблескивали.

И я, Август Рэй Эттвуд, пробудившийся разрушитель и воплощенная скверна для всего мира, провел пальцем по пыльным пробкам. Я и сам верил в то, что стал скверной. Мой наставник в это верил. Моя сестра и подруга Ирма в это верили.

А Кассандра – нет.

«Я верю тебе и верю в тебя».

Как твердо она это говорит. Как уверено. Кассандра Вэйлинг не их тех, кто прикрывает правду красивой ложью. Она и правда в меня верит.

Девушка с серебряными волосами. Слишком красивая, чтобы остаться равнодушным…

Девушка, которая утром сказала мне «да», а потом целовала под деревом с желтыми мотыльками.

Моя жена перед Истинодухом и людьми.

Я вытащил черный пузырек, повертел в пальцах.

Все, кого я любил, считали, что Август Рэй Эттвуд заслужил наказание. Что боль епитимьи – меньшее, что я обязан чувствовать. Что я должен глотать черную гадость ведрами, жечь свое тело агонией снова и снова. И лишь это приблизит меня к прощению. Не к искуплению, конечно. Искупить содеянное я никогда не смогу. И неважно, что я не выбирал разрушительные вибрации, которые

зародились внутри моего тела. Неважно, что пытался сдержать их изо всех сил. Неважно…

Я виноват.

Или?..

Очень медленно я положил пузырек обратно в углубление ящика. Задушил пламя свечи. Огонек погас с возмущенным шипением, а тьма сожрала силуэт Истинодуха.

Святой образ погас. Но зато стали видны звезды, сияющие в окне часовни.

Под этими звездами я держал за руку среброволосую девушку и слушал ее дыхание.

«Если бы твой жестокий бог… Это был бы ты…»

Я сделал шаг назад, отступая от фрески. И еще один.

Истинодух не вспыхнул обвиняющим пламенем, алтарь не засветился от божественного гнева.

Ничего не случилось. Часовня утонула во мраке.

Отвернувшись от невидимого во тьме лика, я покинул святое место. Я шел по темному коридору Морфира, трогая пальцами остывающие в ночи камни древнего здания. Шел, пока не остановился у двери в келью. Этой ночью мне не стоит засыпать. Ведь стоит закрыть глаза – и то грешное и безудержное, что я чувствую, ворвется в наши с Кассандрой сны. Сегодня я точно не смогу удержать желания, которых стало слишком много.

Я сел на пол, привалившись спиной к чужой двери. Я хотел бы войти, чтобы быть ближе, чтобы слышать ее дыхание, но не решился. Ведь теперь я точно знаю, как выглядит и ощущается соблазн, которому невозможно противостоять…

Глава 20. Здравствуй, Кэсс

Меня разбудили голоса.

Потянувшись и зевнув, я села, сбрасывая оковы тяжелого сна. Помотала головой, пытаясь избавиться от остатков дремы. Платье я ночью все-таки сняла, и сейчас оно лежало на стуле мягким беленым облачком. Потрогав ткань и хмыкнув, я выглянула в окно.

– … только посмотрит! Я же не прошу чинить! Глянуть одним глазком, делов-то! – уговаривал сиплый мужской голос. Усатый бородач в подкатанных штанах и халате-экрау по местной моде пыхтел трубкой, разгоняя дым и упрашивая сердитого Бернара, стоящего рядом.

– А я тебе говорю: приходи после! – Настоятель Морфира упер руки в бока, став похожим на Марту. – Не до тебя сегодня! И не до твоего чайника!

– Это пароварка!

– Тем более! Джолинг, говорю же тебе: мастер сегодня не работает! Выходной! По уважительной причине! Так что уходи! – гордо заявил Бернар, и я прыснула.

– Так у меня и мотор заглох, в Шанси сказали – проще выкинуть, чем починить. А на чем я ездить буду? Пока вот лодку сына одолжил, так это не дело… А Урс из Орджу сказал, у тебя тут поселился хороший мастер, любую поломку исправит… Потому что Совершенный!

– Вот же трепло! – возмутился Бернар, забыв, что он первый и проболтался о моих умениях. – Нет, ну что за люди! И вовсе это не Совершенный, всего лишь самый лучший в империи технофикатор!

Я закатила глаза на это сообщение. Конечно, Бернар слишком сильно приукрасил мои способности, я всего лишь починила пару сломанных агрегатов. Да и то пока непонятным для меня образом. И в тоже время я испытала радость. Все-таки приятно, когда тебя хвалят. И когда внезапно оказываешься не изгоем и отстающим, а кем-то… нужным.

–Дух-Истинный и святой Мирадий – за спиной стоящий! – скороговоркой выдал Джолинг из Шанси. – Неужто сам милорд Лист?

Магистр неживой материи из Луш-Хана?

– Лучше! – Бернар заговорщически понизил голос, заставляя мужчин склониться и затаить дыхание. – Сама Эсси из Креола! Обучалась в самой лучшей академии империи. Да что там! С самим принцем-наследником и обучалась!

– Эсси из Креола? Это ж кто такая будет?

– Тебе знать не положено, – глубокомысленно фыркнул Бернар. – И вообще, сказал же – выходной сегодня! Потом приходи!

Я устала закатывать глаза и хлопать себя по лбу. Про Креол я сказала сама, просто назвала первый пришедший в голову город. А вот все остальное Бернар домыслил без моего участия. И если его не остановить, то уже через пять минут он повысит меня до статуса главной императорской советницы.

Но возразить не успела, за открытым окном снова заговорил Бернар.

– Госпожа Нао! Какими дорогами?

– Благими, орче, – коверкая слова на местный восточный манер, произнес женский голос. Я вспомнила, что орче – отец – здесь называют проповедников Истинодуха. – Я ищу молодого господина с темными как ночь глазами.

– Пошто он тебе? Нет таких, – буркнул Бернар, а я похолодела и осторожно выглянула из окна. Но стоящая под яблоней женщина не походила на инквизитора – всего лишь пожилая местная жительница с черными косами. Ее желтое экрау резко контрастировало с загорелым дочерна лицом.

– Так благодарить пришла, орче. Молодой господин спас жизнь моего сына, Суена.

– Это ж как? – поразился Бернар, да и я тоже.

– Не так давно в мой дом постучал гость, – начала Нао. – Попросил одежду. Я и дала экрау сыновей, синее и голубое. А спустя день господин мои экрау вернул, все чистое, как и было обещано.

Я хмыкнула. Я и забыла о чужой одежде, а вот Август выстирал и вернул хозяйке. И даже слова мне не сказал.

– А вчера Суен в синем экрау отправился на охоту. Мой Суен хороший охотник, знает все тропы, все звериные логова. Стреляет без промаха. Но вчера не повезло ему, отвернулись боги. Тигр напал.

Голодный, злой. Подрал грудь и ногу. Друзья моего Суена отбили, домой понесли. Но сразу поняли – не донесут…

– Мне очень жаль, Нао, – пробормотал Бернар, а женщина внезапно рассмеялась.

– Так ты не понял, орче! Жив мой Суен! Пока несли его в город, синее окровавленное экрау начало тлеть, пеплом покрываться. Друзья моего сына сначала и не поняли, и не посмотрели, в крови, в грязи, что там рассматривать…Торопились очень. А когда глянули – обомлели. Раны-то затянулись.

– Повезло твоему сыну…

– Везение тут ни при чем, орче. Дело в синем экрау, что принес чужак. От ткани остался один пепел, а сын-то живой! Вся грудь в страшных рубцах, но живой! Врач сказал: чудо случилось, понимаешь?

– Не бывает такого…

Женщина снова рассмеялась. Я же сжала кулаки. Неужели дело и правда в Августе? Или раны охотника были не такими страшными, как показалось испуганным людям? В любом случае, Нао станет болтать. Рассказывать о чуде, спасшем ее сына. И как быстро этот рассказ облетит берег реки? Как быстро дойдет до инквизиции?

Вот же проклятие…

– Вот, орче, отдай это господину!

Я снова выглянула и увидела блеснувшую на солнце золотую статуэтку лисицы. Нао держала ее в сложенных лодочкой ладонях, бережно и трепетно.

– Это дорогая вещь, – тихо сказал Бернар.

– Самая дорогая в моем доме! – торжественно произнесла женщина. – Отдай, прошу. Скажи, что я буду молиться за господина старым богам. И… и Истинодуху, конечно. Возьми, Бернар.

– Ты ошиблась, Нао. Это лишь совпадение…

– Пусть так. Только я знаю правду. Я поняла, кто ко мне приходил.

– И кто же?

– Шадо-ахру. Темный владыка. По-твоему – святой. Тот, кто держит в руках чужую смерть. В глазах его живет ночь, ступает он по земле неслышно, живет вечно. И порой заходит в дома смертных, чтобы снова вспомнить и ощутить вкус жизни. Он приходил ко мне и взял синее экрау. А вернул с подарком. Вот как все было, орче Бернар.

– Это глупые суеверия, Нао, – сипло ответил настоятель.

Я не стала выглядывать, но почему-то была уверена, что сейчас старик смотрит на окна монастыря.

– Отдай лисицу. – Голоса стали отдаляться, наверное, настоятель повел гостью к тропинке. – Пусть она его бережет. А я буду молиться своим и твоим богам, Бернар…. И верить в свои суеверия…

Некоторое время я стояла, переваривая услышанное.

Обо мне и Августе слишком быстро пошла молва. Я надеялась, что у нас будет немного больше времени, но увы… Очевидно, что надо уходить из Морфира. И впредь стоит быть осторожнее. Никаких… чудес, никаких поломанных агрегатов. Я торопливо натянула платье, быстро глянула в зеркало. Помедлила, глядя в полумрак, где виднелась дверь в комнату Августа. Мотнула головой и шагнула на порог.

Надо сказать Бернару, что мы скоро уедем. И от этого на душе было горько.

Стоило подумать о настоятеле, как он сам показался из-за деревьев.

– Суеверия, просто мракобесие и суеверие… – бормотал Бернар, не замечая меня. А когда увидел, подпрыгнул от неожиданности. – Эсси! Ты-то куда несешься? Святой Лука! Ты такая же сумасшедшая, как и твой муж! Вместо того, чтобы наслаждаться друг другом, рветесь работать! Ну что за молодежь пошла!

– Вы видели Августа?

– С утра умотал в сторону Орджу. С лопатой! Велел ночью не ждать. Сказал, что может задержаться на пару дней. – возмутился старик. – И где это видано? Ничего не понимаю… Вот мы с Мартой…

Я сказала, что пойду завтракать, и сбежала, оставив Бернара причитать. Старик выглядел расстроенным, и о подслушанном разговоре с Ноа я упоминать не стала.

На днях Август говорил, что хочет по-человечески похоронить Нейла и поставить у его могилы надгробный камень, но я не думала, что он решит заняться этим сегодня. После нашей свадьбы. Пусть и ненастоящей.

Но возможно, Август тоже понимал, что нам не стоит общаться слишком…часто.

К утру Август так и не вернулся. Чета Пейп за ужином многозначительно переглядывалась, и я впервые испытала желание

сбежать от их внимания.

Увы, не вышло. Утром Марта постучалась в келью, где я пыталась оживить ржавую поливалку, – работа отвлекала от тяжелых мыслей и тревоги.

В руках женщина комкала сверток. Ее щеки алели, когда она заговорила.

– Эсси, милая, можно тебя на минутку?

Я обернулась, размышляя, какого черта надо механической лейке и почему она не работает.

– Конечно, это не наше дело… и не в наших с Бернаром правилах вмешиваться… однако! Однако наш долг как духовных наставников все же образумить вас и наставить на путь истинный…

Марта откашлялась и расправила плечи, обретая уверенность. Я с интересом осмотрела на ее сверток.

– Мы понимаем, что вы ребята молодые, даже юные, а молодость – это всегда признак неопытности и даже некой… хм… ах, не то. Конечно, проблема в Августе. Он вырос в духовной семинарии, его образование несколько… аскетично. Да, назовем это так. Вероятно, он все еще не совсем осознал свой долг…

– Марта, о чем вы говорите? – не выдержала я.

– Свой супружеский долг! – выкрикнула женщина. Лейка на столе выплюнула струйку воды и снова заглохла. – Долг, милая Эсси! Конечно, дело не в тебе, ты лишь невинное дитя и едва ли понимаешь назначение мужчины в его истинном свете…

Я поперхнулась. Дитя? Я?

– Не спорь! – Марта уперла руки в пышные бока. – Милая девочка, конечно, ты боишься сказать это прямо! Ты смущена и растеряна! И потому к тебе пришла я! Я знаю, что надо делать! Надо надеть вот это!

Она указала на сверток.

– И что это?

– Я купила ЭТО в Шанси, – к моему удивлению, Марта густо покраснела. – В магазине Розалии, он называется «Лучше, чем сладости». Это ужасный магазин, где продаются ужасно греховные вещи. И ни один добропорядочный горожанин не должен туда заходить. Без суровой необходимости! – Женщина подняла палец, обозначая насколько необходимость сурова. – Мы с Бернаром думали

об этом несколько дней. И вот я зашла. И купила! Ты должна это надеть, милая Эсси. И тогда Август поймет, что надо делать с молодой женой!

Я развернула тонкую упаковочную бумагу, подцепила и покачала на пальце невесомую вещицу. Тонкое черное кружево и скользкие ленты, которые с готовностью развяжутся под мужскими руками. Красивое белье. Очень… чувственное.

Похоже, в магазине «Лучше, чем сладости» знают толк в нарядах для соблазнения.

– Думаете, это поможет? – Я не сдержала улыбку.

– Это не просто белье. – Марта стала свекольной. – Его создали специально для подобных упрямцев. Ну ты понимаешь… Это не просто… наряд. Зачарованный.

– Вот как? – Я взглянула на трусики с новым интересом. – Работа мастера с нейропанелью?

– Именно! – Марта вскинула руку, чтобы осенить голову священным знаком, но вовремя вспомнила, что порочный наряд и святые символы как-то плохо сочетаются. – Не сомневайся, это верное средство! О магазине Розалии слава идет по всей реке Мун! Очень развратное место. Очень! – Марта с восторгом произнесла это слово. – Но средство верное, уж поверь. Вот наденешь ЭТО и мигом очаруешь своего благоверного. Весь свой аскетизм растеряет!

– Считаете, дело в этом?

Марта поджала губы.

– Август воспитан в строгости, – медленно сказала она. – Пожалуй, в изрядной. Его наставник – отец Доминик, – не такой, как мой Бернар.

– Ого, кажется, он вам не нравится? – с удивлением вскинула я брови. Никогда не слышала от Марты подобного тона, ведь она обо всех отзывалась с добротой и любовью. Чем же ей не угодил приземистый старик, которого я когда-то видела в чайной «Клевер и роза»?

– Отец Доминик – хороший духовник. Пожалуй, лучший из всех, кого я знала. У него впечатляющие познания в Писании, истории Церкви и прочем… – Марта пожевала губы и нахмурилась. – Но… Как бы это сказать… Пойми меня правильно… порой мне казалось, что он слишком… слишком строг с мальчиком. Даже жесток… Я помню день,

когда Августа наказали за какую-то глупость. Он съел печенье, я сама испекла и угостила. А Доминик узнал… И велел Августу двое суток стоять на коленях под дождем. Ливни тогда хлестали знатные. Он и стоял, хотя я просила смягчить наказание, ведь мальчик был не виноват! Но Доминик лишь повелел не вмешиваться. Сказал, он лучше знает, как сберечь чистоту Духа своего послушника.

Женщина сердито фыркнула.

– Бернар говорит, что наставник Дорхара, в котором обучался Август, всегда был излишне суров. И основное внимание уделял взращиванию сильного Духа. Возможно, он забыл объяснить мальчику некоторые моменты, связанные с его телом.

Я хмыкнула. Что-то мне подсказывает, что Август и сам неплохо бы разобрался с телом. Если бы только мог.

– Боюсь, это не поможет, – со вздохом я положила кружевное белье обратно в сверток. – Все не так просто, Марта…

– О, брось, милая. Что сложного-то? Надень это, прижмись к мужу, поцелуй его. Перед твоей красотой вкупе с вещичкой из магазина Розалии не устоит не один праведник! Мой Бернар поначалу тоже смущался, а потом… ох! Что-то я не то говорю! Но поверь опыту старой Марты – Августа просто надо немного… направить на верный путь!

Я схватила стакан воды, чтобы скрыть выражение своего лица. Не замечая моих эмоций, добрая Марта продолжила:

– Вы юны и неопытны, я понимаю… Но, милая, отныне вы супруги перед лицом Истинодуха и всех людей! Тайная сторона жизни пугает вас, но надо проявить решительность!

Я подавилась водой, и Марта заботливо похлопала мою спину.

– Поверь, в этой тайне… в ней нет ничего страшного! Первая боль пройдет так быстро, что и опомниться не успеешь!

– Прошу, не надо…

– Августа надо лишь направить! Указать ему на его супружеский долг. Слегка… подтолкнуть! И все случится. Первый пирог, конечно, выйдет горелым, тут уж ничего не поделаешь, но вот следующие… ох, какие выйдут пироги! И с сахаром, и с перцем, и сдобные, и пресные, и со всяким начинками… Вам точно понравится! Белье из магазинчика Розалии ни разу не давало осечек! Уж поверь! Объедение будет, а не

пироги! И Эсси, милая, ты ведь понимаешь, что я говорю вовсе не о готовке?

Я кивнула, во все глаза таращась на Марту.

– Ну вот и договорились. А то где это видано, что вместо брачной ночи муж умотал куда-то в лес! И постель твоя чиста, и тело девственно!

Я снова подавилась, уже безо всякой воды.

– Марта, вы что… рассматривали мою постель?

– Да я хотела заменить тихонько, чтобы тебя не смущать! Помочь желала! Из благих побуждений! А потом смотрю – и простынь чиста, и Август сбежал… Испугался желаний тела! Я сразу все поняла и отправилась в магазин Розалии! Так что ты это возьми, милая, – подвинула она мне сверток. – И сделай, что должна сделать жена для своего мужа. Чем дольше тянешь, тем страшнее делается. Так что сегодня же, ясно?

Я кивнула, не в силах говорить, а довольная женщина повернулась к двери.

– Марта, постойте! – вспомнила я, отойдя от изумления. – Бернар говорил, что нашел вас в аптеке. Означает ли это, что вы работали фармацевтом?

– Так и есть, – приосанилась женщина. – Между прочим, я училась в Астеросе, у самого доктора Вирса! Мне даже пророчили белый браслет. Но я встретила Бернара. И решила, что нейропанель не так уж мне и нужна. Работала фармацевтом, а потом лекарем здесь, в монастыре. Ко мне до сих пор приезжают из ближайших городов за советом или снадобьем!

– Значит, вы сможете определить состав эликсира, если я дам вам образец?

– Если он не слишком сложный. Все-таки у меня нет специализированной лаборатории.

– Замечательно! – Я вытащила синий пузырёк. – Посмотрите вот этот? Я буду благодарна за любые сведения о том, что внутри этого зелья.

Пообещав сделать все возможное, супруга Бернара забрала эликсир, которым меня снабжали в Кастеле, снова многозначительно указала на сверток с бельем и наконец удалилась.

Шелковая лента вывалилась из свертка и, не удержавшись, я потянула за нее. Посмотрела на изящную вещицу. Потерла лоб и загоревшиеся щеки. Если бы все так просто… Если бы я могла просто облачиться в чувственное белье и сделать так, как говорит Марта. Стоило подумать об этом – и картины-образы вспыхнули в голове, заслоняя реальность.

Я снова схватила стакан, но вместо того, чтобы пить, с чувством запустила его в стену.

Август не возвращался, а мне необходимо что-то сделать со своими эмоциями. И убраться подальше от понимающих взглядов и наставлений четы Пейп.

Я ощутила злость.

И сильнейшее, невыносимое желание снова надеть красивую одежду. Наряд всегда был моим способом говорить с миром, моими доспехами и броней, моим щитом. А сейчас я лишилась и этого.

Глянула на свою одежду. Чужую одежду! Слишком широкую для меня юбку, которую приходилось придерживать ремнем. Старомодную блузку с воланами у горла. Когда я последний раз надевала красивую вещь? А главное – свою? Сначала Кастел выбивал из меня желание наряжаться, а потом стало и вовсе не до нарядов…

Перешагнув осколки разбитого стакана, я бросилась к жестяной коробке, в которую складывала деньги за починку приборов. Большинство просителей расплачивалось продуктами, из которых Марта готовила обеды и ужины, но несколько купюр все же имелось. Я вытащила все, решительно покинула комнату и отправилась на берег реки.

Мне повезло – от причала готовилась отойти лодка. Я замахала руками, привлекая внимание рыбака, и поблагодарила, когда он придержал лодку, чтобы я смогла запрыгнуть.

– До Шанси?

Я кивнула, узнавая господина Догана, который привозил в Монфир яйца и свежие овощи. Сегодня он был молчалив, хотя обычно сыпал шутками и несмешными остротами.

– У вас что-то случилось? – без особого интереса спросила я.

– Так все эти… Sol praeco, – с досадой буркнул рыбак, выводя лодку на середину реки. – Ни одной не осталось. Весь Шанси о том судачит.

Я пожала плечами, не желая вникать в непонятное слово. Sol praeco? Что это такое? Какие-то местные деликатесы? Или пироги, которых с утра не досталось в булочной?

Sol praeco…

Вестник солнца.

Все-таки отец дал мне хорошее образование, и разум автоматически перевел слова.

– О чем вы говорите? – Я повернулась к насупившемуся мужику.

– Так мотыльки! Сдохли, как один. Все! Так и лежат теперь там, у дерева. Мой сын лепи-допте-ролог, – по слогам произнес Доган. – Изучает всех этих чешуекрылых. Учился в Биорисе, это недалеко от Джиена. Образованный человек мой сын! Он сказал, что вестники – редкий вид. И раньше они жили на дереве за садом госпожи Шуйц. Сколько себя помню, всегда там и жили. А этим утром, – пожевал трубку мужик, – сдохли. Так и лежат в траве, как пожухлые листья. Гадкая картина, скажу я вам. Я, конечно, в этих мотыльках ни черта не смыслю, но и мне стало боязно. И чего сдохли-то? Неясно. Сын вот сильно расстроился… Да и я тоже. Все же странно. Дурная примета… Не иначе шадо-ахру мимо прошел…

Озноб тронул плечи, когда снова прозвучало это слово.

– Не говорите Бернару, – вырвалось у меня. – Про мотыльков.

– Не хотите его пугать?

Боюсь, что сболтнет Августу. А ему не надо знать о том, что мотыльки, которыми мы любовались, превратились в опавшие листья. Дохлые листья.

Дальше мы ехали молча. Рыбак пару раз пытался завязать разговор, но я была слишком погружена в свои размышления. О мотыльках, летучих мышах и синем экрау. О том, что все это значит. О пугающем слове шадо-ахру, которое произносят шепотом. И о том, что не хочу говорить обо всем этом Августу.

О том, как сильно я не хочу расстраивать своего ненастоящего мужа.

Улочки Шанси – все такие же приветливые и пестрые – встретили меня звоном колокольчиков и летящими по ветру лентами. Благодаря подсказкам местных жителей, я нашла несколько приличных магазинов с одеждой. Самыми доступными оказались местные наряды, так что подумав, я выбрала узкие штаны, тонкую нижнюю

блузу и экрау с нарисованными на ткани пионами. Вдобавок к обновкам взяла комплект белья и широкий пояс для халата. Переоделась прямо в магазине и ощутила, как стремительно улучшается настроение! Из зеркала смотрела привлекательная шатенка в ярком наряде, а не оборванка в чужой юбке!

Представляя, что скажет на мои обновки Август, я шла по улочкам Шанси. Солнце слепило глаза, и я жалела, что не взяла шляпу.

– Госпожа Эсси! – Я не сразу сообразила, что обращаются ко мне. А обернувшись, увидела невысокого мужика.

– О, господин Янсон, это вы, – узнала я того, кто принес на починку механического соловья. – Как птичка? Не сломалась?

– Исправно чирикает! – обрадовал Янсон. – Веселит всех домочадцев. Фая теперь просит механического кролика, и что за мода пошла? И чем ее живой не устраивает? Пушистый и теплый, не то что эти железяки! Уж простите, госпожа технофикатор!

Я с улыбкой пожала плечами.

– А вас, слышал, можно поздравить? – лукаво прищурился мужик. – Бернар обмолвился, что недавно провел брачный обряд. Не сдержал радости! Я Бернара знаю больше тридцати лет, думаю, этот обряд – то, по чему настоятель Морфира на самом деле скучал! Радость-то какая, госпожа Эсси!

Я промолчала, честя про себя старика. Бернар – лучший человек из всех, кого я встречала, но язык у него как помело!

– Свадебка – дело славное… – продолжал бубнить рыбак. А я вдруг вспомнила другую свадьбу. Ту, где мое платье стало черным, а у алтаря ждал мужчина, притворяющийся моим другом. Образ так четко встал перед глазами, что меня снова охватил озноб.

– Мне надо идти, господин Янсон, – бросила я, стремительно разворачиваясь.

– Нешто я обидел вас, госпожа Эсси… – недоговорив, мужик вдруг охнул и согнулся, словно у него разболелся живот. Его тень набухла и на миг словно раздвоилась.

А может, мне это лишь почудилось, потому что когда я глянула снова – все было прежним. Лишь мужчина стонал, так низко опустив голову, что слетела соломенная шляпа.

– Господин Янсон, вам плохо? – нахмурилась я, подходя ближе.

Мужик резко выпрямился. Бледное лицо стало не просто спокойным, оно казалось застывшим. Как алебастровая маска. Лишь глаза – восточные и темные – лихорадочно блестели. Не отвечая, Янсон обвел внимательным взглядом улочку. Дома с красными крышами, колокольчики, ленты. И посмотрел на меня.

– Здравствуй, Кэсси. – Голос казался иным. Ниже, медленнее.

Я шарахнулась в сторону, ощущая, как ползет по спине холод. Крепкая ладонь с мозолями и загрубевшей от работы кожей обхватила мое запястье, не давая уйти.

– Где ты? – Властные нотки не вязались с человеком, который когда-то принес мне соловья. Да это и был не он. Лишь оболочка… Из тела господина Янсона на меня смотрел совсем другой человек. Его взгляд снова ощупал улочку, подмечая детали. – Восточный экзархат. Какая из провинций? Чаолстан? Лаош-Хан? Джиен? Нет, не столица… Побережье реки Мун?

Лицо мужчины исказилось от боли. Рот широко открылся, но с губ не слетело ни звука. То, что завладело телом, запрещало кричать. И жесткие пальцы сжались на моей руке до синяков.

– Назови место, Кэсси.

– Дамир. – Имя слетело с губ, и уголок мужского рта дернулся. Я попыталась вырваться, но мужчина держал крепко. – Как? Как ты это сделал? Как ты завладел чужим телом?

– Эмоции и привязанности имеют значение, Кэсси. Они создают вибрации. Направление… Это тоже эхо, Кэсс. Но мне пришлось постараться. Ты слишком давно обо мне даже не вспоминала. Признаться, это обидно. – Темные глаза шарили по моему лицу, запоминая каждую черту Маски. В радужках дрожала боль. И я не знала, чья она: только Янсона или и Дамира тоже. – Просто скажи, где ты. Мы все равно тебя найдем, ты ведь понимаешь. Ты сделала глупость, сбежав.

Из глаз Янсона покатились алые капли, он плакал кровавыми слезами… Мой ужас перерос в панику. Я слышала о «переносе» – довольно сложном процессе переброса Духа в чужое тело, которое использует инквизиция, чтобы опрашивать свидетелей или узнавать детали событий без промедления. Но это всегда тело другого инквизитора, реципиента, способного принять на время вторжение чужого Духа. О реципиентах и переносе в Кастеле говорили шепотом,

а в Аннонквирхе не говорили вовсе. Все, что я знала из официального обучения, это то, что перенос возможен. И лишь школа инквизиторов убедила, что не просто возможен, но и активно применяется. Но вселиться в тело обычного горожанина? Рыбака, у которого даже нет нейропанели? Дух, которого сопротивляется вторжению?

Кровь потекла изо рта и ушей Янсона.

– Прекрати! – Паника стала яростью. – Ты убиваешь этого человека! Что ты творишь?

– Просто назови город. – Слова звучали механически, словно горло не могло исторгнуть звуки. Конечно… ведь Янсон говорил через жуткую боль! Стальные пальцы сжались на моей руке. – Просто скажи, где ты, Кэсс! Не заставляй меня идти на крайние меры!

– Убирайся!

– Тебя все равно найдут. Тебя и… его. – В глазах Янсона дрожала боль и это жутко, противоестественно диссонировало со спокойным, сухим тоном. – В империи нет места, где вы сможете спрятаться от инквизиции.

– Я ничего не знаю о нем! Я здесь одна!

– Не верю. – Янсон моргал, пытаясь избавиться от кровавых слез. И в то же время внимательно смотрел на меня. – Он тебя не бросил.

– Да я сама ушла!

– Ушла? Ты врешь, Кэсс. Я… чувствую.

– Отпусти!

Я дернула рукой, пытаясь вырваться, и черные глаза господина Янсона уставились на мою ладонь. На серебряное кольцо.

– Что. Это?

Мужской взгляд на миг остекленел, и Янсон тяжело, надсадно задышал. Но Дамир все-таки сумел совладать с эмоциями и удержал контроль. Однако голос рыбака треснул и заскрипел, словно ломающееся стекло. Плененное чужим Духом тело забилось.

– Дамир, хватит!

– Это обручальное кольцо?

– Пусти!

– Он об этом пожалеет.

– Дамир, я…

– Вы все еще вместе. – Мужчина с такой силой стиснул челюсть, что я услышала хруст дробящихся зубов. – И ты покрываешь его. Ты

всегда это делала. Врала, что не помнишь разрушителя из Нью-Касла. Что забыла даже его имя. Но ты ничего не забывала. Почему, Кэсс? Почему самая жестокая девушка империи готова рисковать собой ради разрушителя? Того, кто сломал твою жизнь!

– Хватит!

Мужской рот открылся так широко, словно Янсон пытался вывернуться наизнанку, чтобы исторгнуть чужой Дух, избавиться от него. Смотреть на это было почти невозможно.

– Я в Биорисе! – выкрикнула я. – В Биорисе! Довольно!

– Хорошо. – Его вздох коснулся меня, заставив отшатнутся. – Если ты соврала, то сделала лишь хуже. Оставайся там. И еще, Кэсс. – Чужое лицо приблизилось близко-близко. Так близко, что ощутила запах крови. – Скажи этому ублюдку, что ему конец.

Янсон вздрогнул всем телом. Пальцы разжались. И мужчина упал к моим ногам. Из его рта повалила кровавая пена.

– Помогите! Скорее! – Я кинулась к нему. На мой крик сбежались люди, нас окружила охающая, встревоженная толпа. Где-то завыла сирена медицинской помощи. Не поднимая головы и пользуясь суматохой, я проскользнула мимо горожан, почти бегом пересекла улочку и кинулась прочь. Я остановилась лишь в тени огромных деревьев. Сползла на землю и некоторое время сидела, раскачиваясь. Поступок Дамира испугал меня. Потому что я все еще верила, что знаю Норингтона. Что понимаю его и могу предугадать. Но пора признать, что я ничего не знаю об этом человеке. Парень, которого я дразнила златовлаской за роскошные кудри, остался в прошлом. Возможно, он умер в Нью-Касле, в чайной «Клевер и роза». Как умер там служитель Духа Август. Как умерла добрая девушка Джема. И королева Нью-Касла Кассандра Вэйлинг. Мы – прошлые – остались под завалами той чайной. А потом лишь притворялись прежними. Но вот только в каждом из нас уже поселился кто-то иной. Мы стали другими, каждый из нас.

И я совсем не знаю этого нового Дамира. Парень, который когда-то, робея, предлагал мне кольцо своей матери, сейчас едва не убил человека. Просто чтобы найти меня. Его сухой и спокойный голос до сих звучит в ушах. А может… может, он сделал это не первый раз? Как часто инквизиция проделывает такие трюки?

Серые тени империи – те, о ком молчат. Их власть пугает. Но только сейчас я в полной мере осознала – насколько.

Перед глазами на миг возникли темные коридоры Кастела. Древние камни и витражи. Лаваторий с тремя чашами. И четвертая под арочными сводами. Чаша, о которой я не хотела вспоминать…

Тайны инквизиции, тайны моей матери. И тайны Пантеона. Сколько жутких вещей и тайн скрыто от глаз простых обывателей?

Жаркий день Шанси исчез, мне стало холодно. Я обхватила себя руками, глядя на мирный берег реки, на точки лодок на воде, на ветви дерева, склоняющиеся почти до земли. Здесь, далеко от северной столицы и Старограда, жизнь казалась такой простой. Здесь мало у кого имелись нейропанели, а о Совершенных жители провинций лишь читали в газетах. Многие проживали жизнь, так ни одного и не встретив. Когда-то я считала такую жизнь страшной судьбой. А сейчас понимаю, что страшно совсем иное…

Я сжала на миг виски, сосредотачиваясь. Биорис, в который я отправила Дамира, находится на другой стороне реки Мун, недалеко от восточной столицы. Городки, протянувшиеся вдоль побережья, похожи, их строили по одному принципу. На улочке, где я стояла, вряд ли найдутся детали, способные указать точное место. Ленты и колокольчики любят во всем восточном экзархате. И все же… теперь инквизиция знает направление. Как много времени понадобится святым воинам, чтобы прочесать окрестности? Как быстро Дамир поймет, где искать?

Восточный экзархат – это огромная территория с сотней небольших городков, но… Но я не знаю, какие еще козыри прячутся в рукаве инквизитора. На что еще он способен?

Что, если завтра Дамир вселится в тело Бернара? Увидит бывшую семинарию? И убьет ее настоятеля.

Я застонала в голос.

– Милая, тебе плохо? Ох, сегодня слишком яркое солнце!

Я перевела невидящий взгляд на участливую старушку, испугавшуюся моего потерянного вида.

– Все в порядке.

Отвернувшись от сердобольной женщины и опустив голову, чтобы скрыть выражение лица, я торопливо пошла к берегу искать лодку, которая отвезет меня в Морфир.

Глава 21. Беглецы снова

С Августом я столкнулась на тропе, ведущей от берега к монастырю. Закатанные рукава рубашки обнажали сильные руки парня и перевязанное запястье. С темных волос капала вода, похоже, он только что искупался. А под глазами залегли тени, видимо, прошедшие сутки дались ему нелегко.

Заметив меня, Август обернулся, его губ коснулась улыбка. И тут же пропала, когда он увидел мое лицо.

– Кассандра? Что случилось?

– Дамир нашел меня, – скороговоркой выпалила я. – С помощью переноса.

Стараясь не поддаваться эмоциям, я быстро пересказала историю с Янсоном.

Бледное лицо Августа стало застывшим и отстранённым, лишь глаза казались еще темнее.

– Что нам делать?

– Инквизитор сможет снова найти тебя? – Его голос казался слишком спокойным.

– Я не знаю. Перенос – очень сложный процесс. Даже перенос в подготовленного реципиента вредит обоим – и тому, кто принимает чужой Дух, и тому, кто пытается удержаться не в своем теле. Проделывать это слишком часто – опасно для жизни и здоровья. Что уж говорить о переносе в случайного прохожего! Думаю, в ближайшее время Дамир точно не сможет повторить.

– Надо уезжать из Морфира. Нельзя рисковать Бернаром и Мартой. К тому же о нас начали болтать. Даже в этой глуши мы привлекли слишком много внимания. Проклятие… – Август потер переносицу. – Не думал, что это случится настолько быстро.

Я кивнула, соглашаясь. Оглянулась на темные стены монастыря. Как бы я хотела остаться здесь! Есть по утрам малину, смеяться с Бернаром, смотреть, как Марта печет пироги. Вслушиваться в ночную тьму и шаги за дверью моей кельи. Мечтать о том, что могло бы случиться дальше…

Кто бы мог подумать, что я буду счастлива в таком неподходящем для счастья месте! И все же – я была.

– Куда поедем?

– Вниз по реке. Сейчас же. Надо придумать убедительную причину.

– Свадебное путешествие, – тихо сказала я. – Скажи Бернару, что хочешь показать мне Луш-Хан.

Август кивнул, глянул на монастырь. В его глазах бились сожаление и горечь. Но он спрятал их, когда посмотрел на меня.

– Инквизитор… не причинил тебе вред?

Я покачала головой, умолчав, что вред Дамир желает причинить как раз Августу…

– Собирайся, Кассандра. Часа тебе хватит?

– Да. У меня ведь почти нет вещей. И Август… как там… Нейл?

Август вытащил из кармана маленькую золотую статуэтку, повертел в пальцах. Я узнала ее – лисица Нао. Значит, Бернар все же передал ее подарок. А еще поведал о мракобесии местной жительницы и синем экрау.

– Нейл нашел свой покой, – тихо сказал Август. – Поторопись. И кстати… у тебя красивый наряд. Тебе очень идет. Это тот самый Моро?

– Ты запомнил? Нет, не он. Лучше, – против воли я улыбнулась. – Госпожа Урфур из Шанси. Она сказала, что ее наряды достойны самого императора и наследного принца. И однажды они оба приедут, чтобы примерить ее великолепные экрау. Только придется постоять в очереди, так она заявила.

Август фыркнул, и я тихо рассмеялась. Дышать стало легче, а надежда снова расправила в груди крылья.

Новость об отъезде огорчила и тут же обрадовала наших гостеприимных хозяев. Обладая веселыми и легкими нравами, Бернар и Марта не умели грустить слишком долго и во всех событиях предпочитали видеть светлые стороны.

А еще повод для праздничного обеда, который они тут же и организовали.

– О, Луш-Хан! – восторженно закатила глаза супруга настоятеля. – Прекрасное место! Обязательно посмотрите висячие сады, восхитительное зрелище! Семь ярусов растений и птиц, пруды и

фонтаны! Когда-то я обожала гулять там. И между прочим, могла бы выйти за столичного ухажера, так нет же, повстречала этого старого пня!

– Ну тогда я еще не был пнем, – добродушно отозвался ее муж. – Тогда я был весьма хорош, признай это!

Мы с Августом слаженно хмыкнули и переглянулись. Я знала, что парню нелегко дается улыбка, мысли о будущем и близких изводили его, но Август выглядел спокойным и даже радостным, как и подобает молодому мужу, предвкушающему путешествие с юной женой.

Марта наклонилась ко мне, протягивая салат из овощей и бобов.

– Подарок-то не забудь! – шепотом напомнила она, подмигивая то одним глазом, то другим. – И ваше приключение станет незабываемым! Даже если вы не увидите эти многоярусные сады! Даже если вообще не выйдете из гостиничного номера!

Я понадеялась, что мои щеки не покраснели. Все же для жены служителя Духа Марта была удивительно… живой!

Повинуясь порыву, я внезапно сжала ее пухлую ладонь.

– Спасибо вам, Марта. Спасибо за все.

– О, пустое, милая. Мы ведь увидимся снова. До Луш-Хана не так уж и далеко. И даже если вы задержитесь в вашем путешествии… возможно, однажды вы захотите навестить стариков из Восточного Морфира. Просто знайте, что здесь вам всегда рады.

– Спасибо, – повторила я, ощущая, как защипало в носу.

– Ах, кстати, насчет твоего пузырька, – вспомнила женщина, и я быстро глянула на Августа – не слышит ли? Но он говорил с Бернаром и на меня не смотрел.

– Вы смогли определить состав?

– Да что там определять. Это обычное тонизирующее и общеукрепляющее средство.

– Что? – положила я вилку и уставилась на Марту. – Вы в этом уверены?

– Само собой. В свое время я продавала такие настойки литрами. Они обычно и разливаются в большие бутылки, не знаю, зачем этот капнули в крохотный пузырёк. Крапива, трутовик, золотой корень и женьшень. Витаминки еще всякие.... Горечь обычно отбивают маслом мяты, но сюда его почему-то не добавили.

– Может, вы распознали не все? Может, есть еще какой-то ингредиент?

– Я уверена, Эсси, это всего лишь укрепляющий настой. И кстати, устаревший, его активно применяли в моей молодости, а это было лет так пятьдесят назад. Сейчас продают более действенные и современные средства. Этот настой сильно горчит, даже мята не спасала, вот и сняли с продажи. Но состав я хорошо помню, много раз самолично его делала.

Я снова взяла вилку, опустила руку под стол. Сжала ручку, ощущая, как гнется в ладони метал.

Значит, еще один обман. В Кастеле не было никакого лекарства от разорванных линий, это была лишь иллюзия. Ложь, ставшая моим поводком! Каждый день я глотала обычное тонизирующее средство и верила, что это зелье меня лечит. Что без него дыра на моих линиях Силы разрастётся слишком быстро, и я превращусь в чудовище. Верила, что чертова архиепископ хочет помочь мне. А на самом деле она лишь хотела меня использовать и контролировать.

Вот же дрянь! Проклятая стерва!

Поманила меня сказкой об излечении, я и поверила!

Но я ведь видела малыша Лю! Видела, каким он был раньше. Обычный парень, ставший жутким лысым громилой!

Ему-то точно не давали никакой волшебный эликсир!

Никому не давали. Ни Люхараджану, ни его другу Далию Веридову, ни другим деструктам, которых в Кастеле наверняка было немало. Ни Нейлу, пострадавшему в яме скверне, ни мальчику Питеру, упавшему на коньках… Никому из деструктов не предложили спасения.

Но я верила, что особенная. И что архиепископ Вэйлинг все еще помнит, что когда-то она была моей матерью. Несмотря на все, я продолжала в это верить!

Идиотка.

Правда в том, что нет никакого спасения и нет волшебного эликсира, помогающего залатать линии Духа. Если бы он был, профессор Хакал наверняка о нем знал бы!

Меня просто обманули. Моя проклятая мать обвела меня вокруг пальца и засунула в Кастел, ожидая, когда я позову Августа. Впрочем, так я и сделала. Какая же я дура!

Моя ладонь зачесалась. Еще миг, и в кулаке окажется атмэ, которое испугает добрую Марту до сердечного приступа…

Даже эту мою способность в Кастеле лишь подавляли. И Норингтон наверняка обо всем знал. Приносил мне синие пузырьки, напоминал об их важности. Делал вид, что верит в мое исцеление. Уговаривал потерпеть.

Сволочь!

Я изо всех сил сжала вилку. Острые зубцы впились в кожу до кровавых капель. И теплая рука легла на мой кулак, разжимая его. Ничего не говоря, Август отобрал у меня вилку, поднес мою ладонь к губам и подул на раненую кожу.

Наши взгляды встретились. Август мягко прикоснулся губами к моей ладони. Как раз там, где проходила линия жизни…

Ярость утихла, и тьма отступила. И стало наплевать и на архиепископа со всеми ее интригами, и на Дамира. Я снова увидела солнце, пляшущее в окне, и смеющихся хозяев этого дома, которые обсуждали какую-то госпожу Рой и не заметили произошедшего.

Одним своим прикосновением Август вернул мне покой и надежду.

Я расправила плечи. Плевать. Мы вместе, и мы что-нибудь придумаем. Мы выберемся.

***

… жало кнута взлетает неожиданно. Первое время я не задавал вопросов, принимая кнут, охаживающий тело, как невыносимое, но необходимое наказание. Страж всегда нападал внезапно. И бил сильно. Иногда я терял сознание, отключался и лежал на грязном каменном полу, теряя счет времени. А когда открывал глаза, не понимал, сколько дней минуло. В моей темнице не было окон. И порой мне казалось, что за стенами прошла сотня лет. Все, кого я знал, все кого помнил, давно обратились в прах, а я угодил в безвременье, жуткое место вечного наказания, где обитают грешные души. Мне оставалось лишь терпеть и молиться, надеясь, что тысячи дней и слов пусть не искупят вину, но хотя бы избавят от невыносимой боли.

Долгое время я верил в это.

Потом приходил страж и кнут снова опускался на мою спину.

Раны заживали плохо, срезанная с руки нейропанель работала странно и неправильно. Я не помнил, кто и когда срезал ее. В голове

набатом звучала музыка – незнакомая и жуткая, а еще слова об искуплении.

Я не помнил слишком многого.

Не помнил, как оказался в этой темнице. Не помнил первые дни в ней.

Не помнил пулю, пробившую мою грудь. Но на коже остался шрам – один среди многих. И судя по месту его расположения, я умер и действительно оказался в чистилище безвременья. Иного объяснения я не видел.

Когда страж уходил, оставив меня истекать кровью и зализывать раны, словно цепного пса, я думал о Нью-Касле. О Зое. Ирме. И еще о девушке с розовыми волосами. О ней я думал непозволительно много. Она тоже осталась пеплом среди развалин, и это тоже моя вина.

Пепел я видел часто.

Он усыпал пол моей темницы, укрывал стены, иногда падал с потолка. Он брался из ниоткуда, и иногда мне казалось, что однажды я не смогу сделать вздох, в каменном мешке не останется воздуха, один лишь пепел. Пепел стал моей кроватью, моим столом, моей ванной. Моей могилой. Мягкой и со вкусом тлена на языке.

Страж приходил снова.

Поначалу я боялся его приходов.

Боялся и ненавидел.

Потом стал их ждать.

Потом – предвкушать.

Когда вокруг один лишь пепел, одиночество и мучительные воспоминания, даже демон с кнутом начинает казаться приятным гостем.

Даже боль становится желанной.

Кнут все так же опускается на мою спину. Но теперь я рад этой боли. Я приветствую ее…

Она вносит разнообразие в мои засыпанные пеплом будни.

Ненависти больше нет. И страха больше нет. Ничего нет…

Не знаю, в какой момент я осознал, что страж – не демон.

Что он лишь человек, жестокий и злобный. Я не понимал этой злобы, ведь я никогда не видел этого мужчину и не знал, чем разозлил его. Но эта злоба заставляла его опускать кнут снова и снова. Я

ощущал его злобу на языке – вкусом крови и агрессии, вкусом железа. Он бил с наслаждением.

Пока моя рука не взлетела и кончик кнута не задрожал в моих пальцах. Я дернул его, рукоять вывалилась из ладони того, кого я долгое время считал высшим существом. Он упал на колени. Вскочил дрожа и вывалился из клетки. Решетка лязгнула, закрываясь.

Кнут остался у моих ног.

В тот день мне не принесли еду и воду, но я едва ли это заметил. Внутри поднималось что-то новое, что-то иное. Болела и чесалась рука, и я не сразу сообразил, что дело в нейропанели. Она обуглилась и почернела, но определенно пыталась восстановиться. Вместе с ней разрасталось и что-то внутри меня.

Я думал об этом, пока страж не пришел снова. На этот раз в его руке была плеть-девятихвостка – с железными наконечниками и шипами на жалах. Но ни один из них не оставил на мне нового шрама. Что-то новое внутри решило отринуть смирение и сражаться. Пока без оружия, используя лишь силу своих мышц и тесное пространство клети. В тот день решетка лязгнула с особенной силой, а страж унес память обо мне – сломанный нос. Удовольствие не давало мне уснуть. Я ощущал пепел на языке и улыбался. В жуткой тишине моего заточения я понял, что сражение мне нравится больше принятия. Что чужая боль предпочтительнее моей.

Я стал ждать стража с новым нетерпением. И с каждым разом от него все сильнее несло страхом. Однажды я заглянул в его глаза и улыбнулся. И тогда он заорал – первый раз за все время.

Возможно, в тот момент он понял, что смотрит в лицо своей смерти.

***

Бернар довез нас до Шанси.

Когда мы уезжали, солнце золотило верхушки кедров вокруг монастыря, стоящий под холмом Восточный Морфир казался темным и неуютным.

Я смотрела на его серые стены и сглатывала ком в горле. Кто бы мог подумать, что я буду скучать по этому месту! Кто бы мог поверить, что обрету здесь дом, в который хочется вернуться.

Пока Бернар и Август выводили лодку на середину реки, я смотрела на монастырь. И думала о малине и ветке яблони за моим

окном, о светлых досках пола и узкой кровати в келье, которую я стала считать своей, о запахе старых стен – чуть пыльном и терпком. О колючем одеяле, которым я укрывалась, и наволочке, заботливо отстиранной и пахнущей лавандой. А еще о шагах за дверью моей комнаты, к которым я так чутко прислушивалась. О разговорах по ночам. О гуле генератора и дрожании света в лампах.

О снах. Грешных, сладких, порочных и нежных, о которых я боялась думать.

И других – жутких, наполненных болью. Такой я увидела этой ночью. Сон снова был не моим, эмоции Августа я ощущала приглушенно, как сквозь вату, но даже от них было страшно.

Я посмотрела на бледный профиль парня, рассматривающего реку.

«А у тебя отличная реакция! Где научился?»

«Тренировался немного. Место неприятное, но учитель был отменный…»

Я вздрогнула, снова окунаясь в чужой сон. Не просто сон – воспоминание. Каменный мешок, взлетающее жало кнута… Пепел. Кровь. Как можно выжить в подобном месте и не сломаться? Не озлобиться? Не сойти с ума? Как можно сохранить в себе человечность и добро? Я не понимала. А ведь Август и правда лучший человек из всех, кого я встречала. И от того, что ему пришлось пройти, мне хотелось завыть. А еще приблизиться, обнять, сказать что-то важное. Но я продолжала сидеть на корме лодки и смотреть на удаляющиеся стены Морфира. Август не хотел делиться со мной этими воспоминаниями, это я тоже знала. В какой-то момент сон оборвался, словно разрушитель осознал его и отсек, запер на дне своей души.

А я еще долго лежала, глядя в потолок и думая, что теперь не так просто будет смотреть в Маску Рэя. Ведь я узнала лицо человека с кнутом.

Когда лодка отчалила от пристани, где-то за Морфиром завыл волк. Я была уверена, что это оставленный Хантер, но Август смотрел лишь на реку и головы не повернул.

Когда показался Шанси, солнце уже золотило реку Мун, а на пристани толкались рыбаки. Бернар на прощание обнял меня и Августа, выдал новую порцию наставлений и всучил корзину с едой, собранную Мартой.

– Обязательно ждем вас через две недели, к празднованию возвышения Святого Пантелея! И не задерживайтесь в этих столицах!

Мы вразнобой кивнули и слаженно отвели глаза.

Бернар неловкости не заметил, велел купить в Луш-Хане сливовицу и отбыл обратно в Морфир. Я махала ему, пока лодка не скрылась за поворотом. А потом повернулась к Августу.

– Куда дальше?

Было решено двигаться вниз по реке. За Шанси располагалось несколько мелких городков, их мы миновали, увидев лишь с борта общественной переправы. Массивный и неуклюжий с виду катер легко рассекал волны, перевозя пассажиров. Мы с Августом снова надели Маски, на борт взошли темноволосые и кареглазые парень с девушкой, ничем не отличающиеся от жителей восточных провинций. Я осталась в эркау, купленном в Шанси. Даже если Дамир успел его запомнить, в подобной одежде ходила большая часть местного населения. На моем спутнике были штаны, коричневая рыбацкая рубашка и соломенная шляпа, удачно прячущая лицо. Даже с Маской он не желал рисковать.

Помимо нас, под хлопающим на ветру навесом расположилось несколько строителей, нашедших работу в ближайшем городке, и женщины с корзинами, везущие на рынок свои товары. Одна из них – молодая и миловидная, со старательно завитыми кудрями, – раз за разом косилась на моего спутника, пока не подсела ближе.

– Хотите фруктов? – смущаясь, обратилась она к Августу. Тот покачал головой, но девушка не сдалась и, вытащив оранжевый плод, протянула ему. – Возьмите. Просто так. Мне просто хочется угостить вас… Не подумайте дурного…

– Я не люблю апельсины.

– Это особый сорт, – заметно дрожала рука девушки. – Мой отец получил нейропанель и стал садоводом. У нас лучшие фрукты во всей провинции! Наши апельсины особенные, они дарят радость… Просто попробуйте!

– Я не люблю апельсины, – не меняя интонации, повторил Август и отодвинулся.

Я схватила оранжевый шар и очаровательно улыбнулась обескураженной девице.

– У моего мужа непереносимость цитрусовых. И навязчивого внимания. А вот я не столь к привередлива и так уж и быть – отведаю

этот фрукт.

– Ваш муж? – Губы девушки дрогнули. Казалось, еще немного, и она расплачется.

– Верно, – моя улыбка стала еще слаще. Я наклонилась ниже, понизила голос. – У нас свадебное путешествие. Супруг так любит меня, что хочет показать все три столицы. Здорово, правда?

– О… Очень… – Садовница заморгала. – Я… я просто думала… О, простите…

Покраснев и расстроившись, она уползла на другой край катера. Я же принялась чистить фрукт. Под яркой кожицей блестела сочная мякоть.

– И правда вкусный. – Сок брызнул с губ, когда я прикусила дольку. – И часто тебя угощают просто так, дорогой супруг?

– Чаще, чем хотелось бы, – глухо отозвался Август. Его голос стал едва слышим, хотя мы и так сидели в стороне ото всех, а гул мотора заглушал даже громко переговаривающихся строителей. – Это скверна, Кассандра. Она притягивает людей. Каждый желает заглянуть в бездну, не понимая, что бездна всегда сильнее и не отпускает увидевших ее.

Я слизала с губ капли сока и увидела взгляд Августа. Он тут же отвернулся.

– Думаешь, это влияет и на меня?

– Нет. – Он старательно смотрел на заросший осокой берег. – У тебя иммунитет.

Я удивленно подняла брови, а потом догадалась.

– Духовный лотос, часть твоей души. Ну конечно! Ты не можешь воздействовать сам на себя, а значит, и на меня тоже. – Сунула в рот еще одну сладкую дольку. – А я уже хотела поверить, что меня тянет к тебе из-за этого. Признаться, я почти хотела в это поверить.

– Тебя ко мне тянет?

Я прикусила дольку зубами, брызнул сок. Почему я вообще заговорила об этом? Я точно не собиралась обсуждать наши отношения! Да я даже не думала об этом!

Посмотрела на остатки апельсина. Что там сказала садовница? Ее отец обладатель нейропанели? И они выращивают особенные фрукты? Насколько особенные? Настолько, что пара долек кружат голову подобно бокалу вина? Уже хотела устроить скандал, но тут Август

положил ладонь на мою щеку. Его глаза – бесконечно-темные – оказались близко-близко.

– Я хотел бы, чтобы все случилось иначе, Кассандра. Чтобы наша история получилась другой. Но ты должна знать. Я…

Сиплый гудок сожрал слова и оповестил о приближении к Сангаену, где мы решили переночевать. Пассажиры начали собираться, вытаскивать из-под лавок корзины, тюки и сумки. Лишь мы двое не двигались с места, глядя в глаза друг друга. Я не услышала слов Августа. Но я прочитала их по губам.

– Осторожно, осторожно, берегите головы! – складывался хлопающий навес, капитан кричал, спорили об оплате строители.

– Идем. – Август отодвинулся и поднял нашу сумку с вещами – одну на двоих.

Спускаясь по доске на причал, я локтем пихнула девицу с кудрями и быстро прошла мимо. За спиной раздался всплеск и крик.

– Кассандра! – возмутился мой святоша-муж, я закатила глаза.

– Ой, не нуди. У нее были невкусные апельсины.

А королевы не прощают покушения на то, что считают своим.

Глава 22. Погоня

Сангаен напоминал Шанси как младший брат. Те же красные крыши, желтая пыль дорог, шумный рынок, круглые пруды с рыбками, ленты и колокольчики. Мы сняли номер в небольшой домашней гостинице и попросили принести ужин.

– Ваши документы, пожалуйста, – кивнул пожилой хозяин за стойкой.

Я похолодела, но Август лишь улыбнулся, неотрывно глядя в глаза мужчины.

– Конечно. Вот же они. Господин и госпожа Лин. Нам нужен самый удобный номер.

– Благодарю, господин Лин! Конечно, я поселю вас в восточной комнате на втором этаже, там прекрасный вид на сад!

Забрав массивный ключ, мой спутник пошел к лестнице, я следом, рассматривая его спину. Так вот как Август получил одежду в Орджу. Тогда он сказал, что просто попросил, теперь я знаю, что кроется под этим «просто». Ментальное внушение. Да такой силы, что позавидовала бы Анна Левкой – главный менталист Аннонквирхе!

– Не смотри так, – тихо сказал мой спутник, когда мы поднимались по лестнице. – Я чувствую себя монстром, когда делаю это. Каждый раз…

– Август, – схватила я его за рукав, останавливая. – Ты шутишь? Я завидую, что ты так умеешь! И еще. Я никогда не считала тебя монстром. И никогда не буду. Даже если ты…

Он коснулся ладонью моих губ. Всего на миг, но этого хватило, чтобы я умолкла.

– Не обещай того, чего не знаешь.

Его глаза затянула пленка пустоты, а я как наяву услышала ощутила запах тлена и услышала голос Ирмы: «Познавший силу тьмы обратится самым страшным ее порождением… Так сказано в Писании, так увидела я… Синяя сталь и белая сталь… Мундир с кровавым аксельбантом, маска из теней. Я думала, вокруг цветут розы, но то была кровь… Даже на ее белых волосах… Она была там, незнакомка в

черном. И везде была кровь. Монстр пришел собирать чужие жизни… Монстр…»

Я нахмурилась, возвращаясь в реальность. Видения Ирмы – опиумный бред, о котором не стоит даже вспоминать. И даже то, что она увидела убийство хозяйки крысеныша – ничего не значит. Это лишь наркотические галлюцинации, а то и вовсе помешательство.

Дернув плечом, я двинулась за Августом, который уже открывал дверь номера.

Кровать в комнате оказалась всего одна.

– Я лягу на полу, – сказал Август.

Не ответив, я отправилась в душ, а когда вышла, нам уже принесли ужин: сытный суп с клецками, рис и лепешки, овечий сыр и запечённые овощи. С едой хозяин прислал крошечные миндальные пирожные и бутылку местного вина, но к ней мы не прикоснулись, понимая, что терять контроль слишком опасно. Ели почти молча. Я думала о словах, которые скрыл чертов гудок, и способностях разрушителя. О чем размышлял Август – не знаю, но выглядел он рассеянным и иногда касался виска.

– У тебя болит голова?

Он неохотно кивнул.

– Я попрошу у хозяина гостиницы лекарство, – встревожилась я.

– Не надо. – Август придержал мою руку. – Оно не поможет. Неподалеку находится яма скверны, дело в ней.

– Ты ее чувствуешь?

– Да. Эта яма маленькая, и все же…– Он усмехнулся, когда я скривилась. – Боль скоро пройдет. Дым помогает. Позволишь?

Он вытащил пачку коричневых сигарет, и я кивнула. Август остановился у окна, щелкнул зажигалкой и медленно втянул пряный дым. Я смотрела на его профиль, освещенный закатным солнцем. Мокрые после душа волосы слегка вились у напряженных плеч, лицо выглядело бледным.

– Может, поищем другой отель? – предложила я.

– Беспокоишься обо мне? – Он глянул из-за плеча, в темных глазах вспыхнул и погас огонек сигареты.

А я вдруг словно увидела другого Августа. Того, кто с предвкушением ждал человека с плетью. Того, кто стоял во тьме и

пепле и смотрел на огонек лампы в руках идущего стража, смотрел на свет, мерцающий в конце каменного коридора.

С каждым разом тот свет приближался все медленнее, словно страж заставлял себя идти к пленнику…

– Кассандра? – Август моргнул, и видение прошлого пропало.

– О себе, – откинулась я на спинку кресла. – Если ты решишь прогуляться до ямы, мне придется тащиться следом. А я, знаешь ли, спать хочу.

Он тихо рассмеялся.

– Не бойся. Я не собираюсь навещать это место.

– Инквизиторы говорили, что ямы скверны будут звать тебя. Что скверна взвывает к скверне.

– Я могу себя контролировать. Ложись, Кассандра. Завтра доберемся до Уст-Муша, а потом поедем в Чжолаш. Это большой город, там несложно затеряться. А еще там преподает мой друг, один из учеников моей семинарии, он нам поможет.

Я кивнула. Вопросы, терзавшие душу, вернулись с новой силой. Сангаен, Усть-Муш, пусть даже сам Луш-Хан или Джиен. Так и будем бежать из города в город, нигде не находя укрытия? Как долго нам удастся скрываться?

Я тряхнула головой, отбрасывая тревожные мысли. Мы что-нибудь придумаем. Обязательно. Надо только выиграть немного времени.

Постель пахла цветами. Я устроилась под одеялом и некоторое время лежала, глядя в потолок. Август бросил на пол покрывало и вторую подушку, потушил свет. Я не стала говорить, что он может лечь рядом, ведь кровать достаточно широка для нас обоих. Мы знали, что нам лучше соблюдать дистанцию. Или хотя бы ее видимость. Нам слишком сильно хотелось потерять контроль.

Повертевшись с бока на бок, но так и не заснув, я легла лицом к темнеющему силуэту Августа. Он лежал на спине, закинув руку за голову. Свет луны ласкал абрис лица.

– Ты слышал что-нибудь о местных суевериях? О богах, которым молились в этих краях до повсеместного распространения церкви Истинодуха?

– Немного. Наставник рассказывал о еретических культах как о примерах невежества и человеческой глупости. Он истово верит в

Истинодух. Насколько я помню, в восточном экзархате поклонялись сущностям-перевертышам, умеющим принимать не только человеческий, но и облик зверей или птиц. Эти сущности делились на плохих и хороших, на богов и демонов. Первые награждали за добрые поступки, вторые карали. Я где-то читал об астрае – белой цапле, призывающей восход солнца, и ноцу-каме – золотой лисице, дарующей покой. А еще о змее, живущей на кладбищах и стерегущей мертвецов, и оби-пауку, покровителе снов. Сущностей в местных легендах так много, что надо прожить всю жизнь в этих краях, чтобы их запомнить.

– А шадо-ахру? – не выдержала я.

Август некоторое время молчал.

– Эта сущность одна из самых древних. И одна из немногих, на чей алтарь приносили настоящие жертвы. Шадо-ахру – сущность вечного странника. И он стоит между добром и злом, в его власти и награда, и наказание.

Некоторое время мы молчали, рассматривая качающуюся в окне луну.

– Это лишь старые легенды и сказки, которыми развлекаются люди.

– Ты в них не веришь?

– Церковь Истинодуха стоит не только на вере, но и на научных исследованиях. В каждом из нас действительно находится часть вечного и божественного, мы все это знаем. Нейропанель лишь усиливает Дух, усиливает его возможности. Когда я молюсь, то ощущаю, как мой Дух соединяется с вечностью. То есть… ощущал. Раньше… – Август прикрыл глаза. – Истинодух реален. А суеверия… Это лишь попытки объяснить то, что пугает.

– Однако ленты и колокольчики здесь вешали гораздо раньше, чем обнаружили линии Духа или доказали существование невидимых вихрей и ям скверны, от которых люди умирают, – задумчиво произнесла я.

– Постарайся уснуть, Кассандра. Паром уходит на рассвете, нам надо попасть на него.

– Не выходит, – пожаловалась я. Перевернулась с бока на бок и снова посмотрела на бледный профиль. Август лежал не двигаясь. – Может, обнимешь меня?

Я увидела, как он моргнул. Была уверена, что откажет или проигнорирует… но разрушитель рывком поднялся, обошел кровать и лег рядом. А потом сгреб меня вместе с покрывалом и прижал к себе. Мой изумленный выдох пришелся на его шею.

Некоторое время мы лежали, свыкаясь с ощущениями и выравнивая дыхание.

– Август, – позвала я, когда смогла говорить. – Как думаешь, один поцелуй сильно повлияет на твою невинную душу?

– Я думаю, что твой поцелуй способен вынуть эту душу целиком, – в темноте прозвучал смешок.

– Вот как. – Я подняла голову, рассматривая его лицо. – Ты этого хотел бы? Поцеловать меня? Сейчас.

– Кассандра, прекрати.

– Что прекрати?

– Делать это.

– У каждого святоши должен быть свой демон-искуситель. Для баланса.

– Значит, ты мой демон-искуситель?

Я посмотрела на бледное лицо и бесконечно-темные глаза, в которых не отражаются звезды.

– Еще неизвестно, кто здесь искуситель, – пробормотала я. Некоторое время мы лежали молча. За приоткрытым окном тарахтели цикады. – Наверное, мне немного страшно.

– Да, – тихо сказал Август. – Мне тоже. – И добавил: – Я боюсь не за себя.

– А я за себя.

А больше всего за тебя. Но это я не сказала…

– Я боюсь, потому что мы слишком слабы, – прошептала я. – Слишком слабы, чтобы победить всех. Чтобы победить зло. Ведь чтобы с ним сражаться, надо стать еще большим злом. А мы не сумеем. А значит…

Я замолчала. Август не ответил, и я подумала, что он уснул, все-таки день выдался тяжелым и длинным. Но уже засыпая я услышала тихое:

– Ты не демон-искуситель, Кассандра. Ты самое лучшее, что со мной случилось в этой жизни. И да. Я очень хотел бы тебя поцеловать.

***

На утренний паром мы успели. Расторопные пассажиры расселись на деревянных скамьях, иным места не досталось и пришлось стоять. Конечно, Август уступил свое место зевающим горожанкам с корзинами, и всю дорогу я злилась на его порядочность и на вонь подкопченных угрей.

В маленький городок мы прибыли к полудню. Задержались на перекус и чтобы размять ноги, и снова отправились к реке. К вечеру старая рыбацкая лодка доставила нас в Уст-Муш. Здесь было совсем тепло, улицы утопали в цветущих деревьях. Местечко оказалось настолько красивым, что впору рисовать открытки и продавать по огромной цене в вечно замерзшем Неварбурге. Однако меня местные красоты уже не занимали, я устала, а Август и вовсе без конца касался виска и морщился.

– Яма скверны?

Август кивнул, и я хмуро обернулась, почти ожидая увидеть какую-то гадость вроде кладбища или висельницы. Но вокруг были лишь цветы и уютные, словно нарисованные домики с загнутыми верх крышами.

– На окраине, далеко. – Мой спутник снова поморщился, но отдёрнул руку от виска и осмотрелся. – Найдём отель.

– Раньше ты не чувствовал ямы настолько сильно, – заметила я.

Он кивнул, не отвечая. Я тоже решила не развивать тему. То, что Август меняется, – понятно и дураку. Сила антиматерии внутри него нестабильна. Скверна непредсказуема. Она может как помиловать и исцелить, что произошло с охотником Суеном, так и уничтожить – как тех несчастных мотыльков. И самое плохое, что разрушитель не может этим управлять. Скверна не поддается контролю.

– Вижу вывеску отеля. – Я улыбнулась, не желая думать о плохом. – Кажется, приличное место. Возможно, у них даже найдется блюдо без риса.

– А вот это вряд ли. – Август тоже улыбнулся.

– Ладно, тогда, возможно, стейк из говядины? С перцем и розмарином?

– Боюсь, здесь только копченые угри. – Август потянул носом, толкая дверь двухэтажного отеля. – Но может, тебя утешит шоколадный торт со взбитыми сливками.

Я рассмеялась, решив что парень шутит, а потом удивленно вскинула брови, когда мы вошли. На доске внутри красовалось меню: ужин из угря и риса, а на десерт – торт.

– Как ты узнал?

– Видимо, у меня хороший нюх. – Он подошел к стойке, где вовсю улыбалась пожилая хозяйка. – Нам нужен номер.

– Конечно. Надолго к нам?

– Проездом, – вернула я любезность и на всякий случай соврала: – Мы едем в Джиролис.

– И то верно. У нас город маленький, здесь довольно скучно. Кроме ямы скверны, похвастаться нечем.

– И большая яма? – Я качнула лапку золоченой кошки, стоящей на столе.

– Да почти три десятка душ. Несчастных заперли в здании водяной мельницы и сожгли вместе с зерном. Боялись вспышки чумы. Говорят, больных там и не было, врач перепутал признаки. Зря людей сгубили. Но сейчас уже не узнать. – Я поморщилась, а женщина улыбнулась. – Не бойтесь, яма далеко, за пустошью. А у нас тут красота и благодать!

Новое пристанище оказалось тесным и совсем простым, но здесь была кровать и к счастью – комната с душем и туалетом. Во многих дворах восточного экзархата все еще использовали для омовения бочки и ночные ливни, их наполняющие. Так что комфортный душ – уже удача. Я первым делом залезла под струи едва теплой воды и долго стояла, смывая с себя желтую пыль, которая, казалось, забилась в каждую пору моего тела. Потом завернулась в полотенце и вытряхнула содержимое сумки. Пальцы коснулись шелка… черная лента обвилась вокруг ладони. Я достала белье, подаренное Мартой. Посмотрела. И торопливо сунув обратно, повернулась к крошечному зеркалу над раковиной, чтобы расчесаться.

Когда я вернулась, Август уже расстелил на полу одеяло – для себя. В комнате едва уловимо пахло дымом его сигарет, значит, разрушителя снова мучила головная боль. Уставшие от бесконечного дня в дороге, мы быстро поели и легли. Я хотела, чтобы Август снова меня обнял, но понимала, что эта игра слишком опасна.

Я не заметила, как провалилась в сон.

А проснулась среди ночи, не понимая, что меня разбудило. Надо мной нависала темная фигура. Открыла рот – и его запечатала чужая ладонь: слишком нежно для убийцы.

– Не кричи, – шепнул Август. – Надо уходить, в гостинице безопасники и инквизиторы. Проверяют всех постояльцев.

– Откуда знаешь? – Я скатилась с кровати и торопливо натянула штаны, сунула ноги в сандалии, сдернула с вешалки экрау. Август – полностью одетый – подхватил нашу сумку с вещами и распахнул створку окна. За ним шелестел ночной сад. Пахло влажной землей и пряностями.

В коридоре стукнула дверь и послышалось сердитое бормотание, постояльцы возмущались вторжению.

– Проверка… Подготовьте ваши документы…

В нашу дверь ударил чужой кулак.

Август подал мне руку, и мы спрыгнули в сад. Я замедлила падение, так что приземлились мы мягко.

– Думаешь, это за нами? – выдохнула я, озираясь.

– Может, случайный рейд. Но я не верю в такие случайности. И боюсь, обмануть воинов инквизиции будет гораздо сложнее, чем хозяйку отеля. На людей с нейропанелью воздействовать очень трудно. Надо убираться.

Быстрым шагом мы двинулись к ограде сада. И тут тьму разорвал мощный луч света.

– Именем закона – остановитесь! – усиленный рупором голос ударил в спину.

Мы, конечно, не послушались. Перемахнули через забор и понеслись по сонной улочке, пустой в это ночное время. Позади кричали и требовали, но мы не оглядывались. И едва не влетели на полной скорости в вышедших из-за поворота мужчин. Коричневая форма, блестящие сапоги, двойной ряд пуговиц, кожаная портупея сверху… Отряд безопасников! Все это казалось странно неуместным в сонном и тихом городке, пахнущем цветами и специями. Стражей было трое, двое выхватили из кобуры револьверы.

– Никаких пуль! Брать живьем! Приказ Неварбурга, гриф красный! – проорал тот, кто очевидно был командиром. Двое других телосложением и ростом походили друг на друга как родные братья, но

у одного блестела лысая макушка, а второго отличали черные косички, связанные на затылке в пучок.

Мы с Августом отреагировали одновременно. Не сбавляя бега, я упала на колени, прокатилась по влажной земле и ударила замешкавшегося лысого в промежность. Тот взвыл, не ожидая подобной подлости. Я вскочила и сразу ударила снова – в спину. Обернулась мельком и успела заметить, как упал безопасник с косичками – без единого звука. Хотя я даже не увидела движений Августа. Он лишь плавно перетек в сторону, уходя от атаки врага, а потом что-то сказал, глядя ему в глаза. И мужчина рухнул на землю как подкошенный, да так и остался лежать, бездумно глядя в ночное небо.

Командир отряда прошипел ругательство и выхватил широкий тесак-мачете.

– Со мной твои штучки не пройдут, – процедил он, показав белый браслет. – На колени!

Узкие темные глаза угрожающе блеснули. Он напал на Августа так стремительно, что я вскрикнула. И выдохнула, поняв, что смертельный рубящий удар пришелся в пустоту, разрушитель просто исчез с того места, где стоял мгновение назад, и появился за спиной безопасника. Но отвлекаться на их сражение мне не стоило, засмотревшись, я упустила момент, когда лысый пришел в себя, подкрался сзади и придавил локтем мою шею. В бок уперлось железное лезвие. Увы, достаточно острое, чтобы проткнуть мне печень.

– Руки сюда, живо! Не дергайся! – прохрипел безопасник, сдергивая с пояса наручники.

– Живьем, Ванжу! Приказ! И осторожнее с ней! – снова напомнил их командир. Из-за угла выскочили еще трое, коричневые мундиры окружили разрушителя.

– Да это всего лишь девчонка, – буркнул мой пленитель, потрясая наручниками.

Я подавила вопль ярости и провела рукой по животу и бедрам держащего меня мужчины так ласково, словно желая доставить ему удовольствие.

– Эй, ты что это делаешь? – изумился он.

Пальцы наконец нащупали то, что я искала: острую железную звезду в кожаном кармане портупеи. Если не знать снаряжение

военной формы – ни за что не найдешь. Но я-то знала. Выхватила звезду и с силой вогнала ее в ногу безопасника, одновременно выворачиваясь из его хватки. Страж заорал. Я упала на колени, кувыркнулась, вскочила, озираясь. Но навстречу уже выскочили еще двое мужчин. Я рыбкой скользнула мимо одного, боком просочилась мимо второго, взбежала по стене ближайшего дома, кувыркнулась и упала, раскинув руки. Зависла в воздухе, словно раскрывшая крылья птица. И успела увидеть, как округлились в изумлении глаза стражей. Я бы и сама поразилась проделанному мною трюку, но было некогда. Резво развела пальцы, выстреливая ворованные железные звезды. Обе нашли свои цели: вражеские плечи и колени. К сожалению, лысый уже пришел в себя и снова напал. Его ручищи обхватили мое тело, словно кольца удава. Я закричала, и вдруг захват ослаб. Неизвестно как Август оказался рядом.

– Везде огонь. Ты горишь, – сказал он.

И мужик заорал. Содрав с рук перчатки, он тряс ладонями, не замечая, что с ними все в порядке. Повинуясь внушению, инквизитор срывал с себя одежду и орал так, словно явственно ощущал боль от ожогов.

Августа уже не было рядом, его снова окружили люди в форме. А на меня снова напали.

– Лучше сдавайся по-хорошему, девочка, – сказал мой противник и выхватил из ножен широкий обоюдоострый нож.

Я сжала кулак. И увидела, как вытянулось мужское лицо. В моей руке появился белый меч – узкий, граненый и опасный даже на вид.

– Да это же… атмэ? Ты кто такая? – изумился мужчина.

– Сюрприз, – со сладкой улыбкой протянула я, и страж отшатнулся. Он точно не ожидал увидеть оружие инквизиторов в руке какой-то девчонки. Я замахнулась, и безопасник отшатнулся, отступая. Его взгляд прилип к граням моего меча, словно он не мог от него оторваться.

Августа и мужчину в форме затянула воронка желтой пыли. Внутри я видела мелькание мачете, коричневые мундиры и почти не видела Августа. И тут воронка взвилась и рассыпалась, а стражи упали, как марионетки, у которых срезали нити, ведущие к кукловоду. Упали и остались лежать неподвижно.

Я наставила меч на грудь своего врага, и тот поднял ладони. Коротко размахнувшись, я ударила его рукоятью в висок, отправляя в небытие.

Оглянулась. В желтой пыли тихой улочки на ногах остались только мы с Августом.

– Идем. – Август глянул на меч, исчезающий из моей руки, но ничего не сказал.

Мы не пошли, побежали. Мы уже неслись по улицам, стремясь убраться как можно дальше. От нас шарахались в стороны случайные прохожие, повозки, автомобили, сонные курицы и бродячие псы. Сады сменялись заборами и узкими улочками, улочки расширялись и снова становились тонкими словно туннели, в которых дома едва не слипались боками. Мой меч исчез, на самом деле я не была уверена, что смогла бы им сражаться или держать достаточно долго. Духовное оружие проявляется у меня так же спонтанно, как и материализация. Проскочив насквозь чужой двор, мы вылетели в очередной проулок и увидели бегущих навстречу людей. Мое сердце подпрыгнуло и заколотилось с тройной скоростью… Это были уже не безопасники. Инквизиторы!

– Скорее!

За углом заорала сирена, с другой стороны послышался топот сапог, мелькнули красные аксельбанты. Окружают! Нас окружают!

– Сюда!

Возле небольшого дома сонный парнишка заводил двухколесный «ventus». Я отпихнула ошарашенного хозяина мотоцикла, перекинула ногу через сидение, схватила руль.

– Кассандра! – то ли изумился, то ли возмутился Август.

– Живо садись, – приказала я. – Истинодух велел делиться. Нам нужнее!

Из-за деревьев показались черные мундиры. Бесшумные и неумолимые…

– Садись!

Август что-то сказал: кажется, попытался извиниться перед шокированным владельцем транспорта, но подчинился и сел позади меня.

– Ты умеешь водить мотоцикл?

Не отвечая, я сдавила рычаг сцепления, и «ventus» зарычал, рывком прыгая вперед и набирая скорость. Август едва успел обхватить меня за талию. Железное двухколёсное чудовище понеслось вперед – прямо на стену здания. Адреналин ударил мне в голову, глаза затянула тьма. На миг показалось, что на этом все и закончится – мы врежемся, потому что водить я умела гораздо хуже, чем хотела показать. Теплые ладони Августа сжались на моем теле. И волна странного удовольствия прошила насквозь, успокаивая и меняя. Я схватила руль, повернула, удерживая «ventus» и чудом уходя от столкновения с бетоном. Пальцы закололо уже знакомое чувство, такое же я испытывала, пытаясь починить древние механизмы. Но мотоцикл был исправен. Он не нуждался в починке. И все же менялся, повинуясь моему Духу. Железо рычало так, словно было живым. Словно наши тела прижимались не к бездушному куску металла, а к дикому зверю, стремящемуся унести нас от опасности.

Чувства обострились до предела. Я ощущала нагревающееся железо и руки Августа, крепко сжимающие мою талию. Его дыхание у своего виска. Мы неслись куда-то в темноте, по едва освещенным улицам спящего городка. Фонари и окна слились в желтую световую ленту. Я понятия не имела, куда еду, норовя лишь исчезнуть из этого города.

С неба хлынули потоки воды.

Восточный экзархат оказался верен себе, и на землю обрушился ночной ливень. Я знала, что он не продлится долго, но за пару минут вымокла до нитки.

– Держись! – крикнула я.

Наперерез выскочил черный автомобиль с красной полосой на боку. Инквизиция… Я резко повернула руль, огибая препятствие. Колеса «ventusa» повело на мигом размокшей земле, и железный зверь испуганно заревел. С трудом выровняв мотоцикл, рванула вперед, туда, где виднелся просвет между домами. Позади ревела сирена, алые проблесковые маячки рассыпали по улице кровавые пятна.

– Немедленно остановитесь именем закона…

Из-за вожделенного поворота показалась еще одна инквизиторская машина. Хлопнула дверца, почти на полном ходу выпуская стража. Он вскочил и остановился, глядя на нас – летящих на него.

Какого?..

Инквизитор не двигался. Но в свете звезд и фонарей я увидела, как его Дух выплеснулся из тела и вытянулся. Белая полоса Духа подобно лассо уцепилась за «ventus», дернула. Мотоцикл взревел, когда его выдернули из-под нас и, врезавшись в стену, затих. Мы с Августом кубарем полетели на землю. Все случилось так быстро, что я не успела отреагировать и замедлить падение. Но Август по-прежнему держал меня и своим телом смягчил удар. И все же от падения вышибло дух, я приложилась плечом и тут же ощутила прикосновение чужого Духа. Лассо обвилось вокруг нас, обездвиживая.

Инквизиторы уже бежали к нам – бесшумные и почти незаметные во тьме ночи. Лишь красные аксельбанты поблескивали, попадая в блики света.

Я сжала кулак, призывая атмэ. К счастью, повезло – белый клинок засветился в ночи. Я рубанула им по нитям чужого Духа и услышала стон инквизитора.

– Ты цел?

Август кивнул, хотя я слышала, как хрустнули его кости при ударе об землю.

– Туда.

Мы резко свернули в узкий проулок и понеслись, не обращая внимания на вопли за спиной. Черная форма и теневые Маски Святой Инквизиции мелькали со всех сторон. Впереди показалась решетка, перегородившая улицу. Тупик! Засада! Ну уж нет! Я взлетела по железным прутьям, зависла на самом верху, оглянулась.

– Я здесь.

Август спрыгнул и поймал меня, когда я разжала ладони, падая.

С другой стороны решетки показались инквизиторы и безопасники. Истинодух и все его святые! Как же их много… похоже, на то, чтобы отловить нас, отправили целую армию!

– Бежим!

Я хотела спросить куда, но решила беречь дыхание и силы. Мы снова понеслись, петляя по узким улочкам, садам, тупикам… Стражи висели на хвосте, но не стреляли, следуя приказу Неварбурга. Только живьем… Да еще и с особой осторожностью! Это может стать нашим преимуществом, если только… если нас не задавят численным превосходством.

Ливень закончился, словно его выключили. Улица оборвалась, и я увидела пустошь, заросшую сухим пустырником. Ветер перебирал пологие стебли, выбивая из них печальные звуки. Словно привидение решило сыграть на флейте. За пустырем темнели дома, но окна в них не горели. В свете зарождающегося дня я увидела безжизненную улицу. Стекла в домах были целыми, но очень пыльными. Стены и крыши заросли ползучими растениями. Приоткрытые двери поскрипывали, вторя движениям ветра и выгоревшим на солнце некогда разноцветным лентам.

Я споткнулась о камень и остановилась.

Обернулась. Преследователи отстали, но это ненадолго. Впереди, за пустырем, слышался шум реки и виднелось черное колесо сгоревшей водяной мельницы. Я замерла, тяжело втягивая воздух. Осмотрелась.

Ветерок трепал флажки на шестах. Они выгорели от солнца восточного экзархата, да и в предрассветном мареве казались бледными, и все же их цвет был различим и пугал до дрожи в коленях. Пугал настолько, что я инстинктивно отшатнулась.

Яма скверны. Вот куда вывела нас погоня.

Меня обуял суеверный ужас. Яма скверны означает разрыв линий Духа. Болезнь. Безумие. Уродство. Смерть. И даже после – вечное блуждание во тьме…

– Надо вернуться. Найдем другую дорогу… – Август заметил мою реакцию.

– Нет другой дороги. – Я обернулась на оставшиеся позади дома. Еще пара мгновений – и там покажутся инквизиторы.

– Найдем! Тебе опасно идти туда.

– Август. – Я вздохнула. Снова глянула на внушающий ужас остов мельницы. Сколько людей там погибло? Несколько десятков? И погибли не простой смертью, а ужасной, мученической. Такой, после которой образовалось место, полное антиматерии…

Не надо об этом думать…

– Бежать некуда.

– Кассандра, это яма скверны! Тебе туда нельзя! – Он прищурился. – Хотя низкие вибрации остались лишь возле мельницы, у домов чисто, но все же…

– Ты видишь скверну? – изумилась я.

Август кивнул, но тут наша фора закончилась: из тени домов выдвинулись инквизиторы. Мы попятились, оказавшись за границей красных предупреждающих флажков. Черные мундиры замерли. Я видела их лица, спрятанные теневыми Масками. Оружия святые воины не доставали, но очевидно, лишь пока…

От отряда отделился один человек и пошел к нам, подняв ладонь с белым платком, означающим переговоры. Я на всякий случай призвала атмэ, Август выдвинулся вперед, закрывая меня собой. Инквизитор остановился в нескольких шагах, и его теневая Маска растаяла. У стража оказалось самое обычное лицо, незлое и уставшее.

– Вам больше некуда бежать, все выходы из города перекрыты, – в его голосе тоже не было злости.

Я сделала шаг назад, в пустошь, за которой шумела река. Инквизитор моргнул, и на миг я увидела в его глазах суеверный страх. Мало кто может бороться с ужасом при виде ямы скверны.

– Вдоль реки тоже стоят посты! – почти выкрикнул он. – Даже если вы броситесь в воду и сумеете выплыть, на берегу вас будут ждать. Только знайте, что под этим обрывом –омут и сильные течения, которые губят даже хороших пловцов! Вы умрете, если прыгнете!

А Август и вовсе не умеет плавать. И пусть инквизитор этого не знает, зато знаю я.

– Какая забота от черного мундира, – пропела я. – Вам-то не все равно?

– Неварбург приказал взять вас живыми. – Черные глаза стража лихорадочно заблестели. Похоже, это был очень настойчивый приказ, за невыполнение которого кто-то может лишиться не только погон, но и свободы. – Велено сохранять вашу жизнь, но доставить в северную столицу любой ценой. Вам лучше просто сдаться. Мы не причиним вам…

– Даже не подумаем.

Мы с Августом одновременно шагнули назад. Между нами и инквизитором трепыхался красный флажок.

– Ладно. Этого следовало ожидать. – Мужчина вздохнул. – В случае сопротивления мне велено показать вам это.

Он снова вздохнул и сунул руку в карман. Я напряглась, но в ладони стража оказался всего лишь телефон.

– Видео пришло по каналу инквизиции. Это для тебя, – кивнул он моему спутнику и подбросил телефон. Серебристый корпус взвился в воздух, и не успела я возразить, как Август поймал его и нажал на кнопку. Экран загорелся. Внутри оказался лишь один файл, вместо названия чернела надпись: «Для просмотра введите имя сестры».

Август помрачнел, и я сделала это сама – быстро нажала три буквы. Окно телефона засветилось, и я услышала, как разрушитель до хруста сжал зубы. На экране была Зоя. Одежда грязная и рваная, словно девушка пыталась драться. Руки связаны за спиной. Волосы едва достигают плеч, косу с иглами и шипами ей отрезали. Маски не было. Казалось, Зоя смотрит прямо на нас. Ее темные глаза, так похожие на глаза брата, были широко распахнуты, длинные ресницы слиплись от слез. И жуткое лицо с багровыми бороздами, испещрившими щеки и обезобразившими губы, виделось во всех ужасающих подробностях.

Зоя моргнула, опустила голову. За плечом девушки показалось еще одно знакомое лицо – Ирма. Вуали и венка из засохших роз на девушке не было, и в отличие от Зои провидица улыбалась, но было заметно, что эта улыбка ненормальна. Ирма снова блуждала в своих видениях. Изображение отдалилось, и я увидела еще одного человека, смутно знакомого старика. Он стоял на коленях, его лицо покрывали синяки и ссадины, венчик легких волос на голове поник и слипся от пота. Грязная ряса священнослужителя и связанные руки завершали ужасную картину.

Звука не было, но когда старик поднял голову и его губы шевельнулись, стало очевидно, что он просит о помощи. Лицо Зои исказилось, и она яростно закричала. Видео закончилось, экран погас.

– Наставник, – прошептал Август, и я содрогнулась от боли в его голосе. – Они нашли и его.

– Если вы не сдадитесь, этих людей казнят, – сказал инквизитор.

– Казнят? В империи запрещены казни! – возмутилась я.

– Этот приказ подписал император, – пожал плечами страж, не спуская с нас взгляда. – Не знаю, что вы сделали, но поверьте, я никогда не видел в моем экзархате столько инквизиторов. Говорят, сюда отправили всех… Вам не уйти. Просто сдайтесь.

Август застыл, не двигаясь и даже не моргая. Я вцепилась в его ладонь и снова потянула за собой – вглубь пустоши.

– Это все может быть фальшивкой! Очередной ложью проклятой инквизиции! Август, не верь им. Это видео ничего не доказывает!

– Я не хочу жертв. – Мужчина посмотрел на мой меч, нервно провел рукой по мокрым волосам. А потом уставился на Августа. – Неварбург требует взять вас, невзирая на последствия. Но я… я лишь хочу, чтобы вы покинули восточный экзархат. Покинули мой город. Я знаю, что случилось в Нью-Касле. Я не хочу повторения.

Вот значит, как… Инквизиторы не просто гнали нас по улицам, они планомерно загоняли нас в пустошь. Подальше от жилых домов. Но даже здесь слишком велика опасность. Никто не хочет на своей шкуре испытать способности разрушителя.

– Подумайте над моими словами. Сдайтесь и никто не пострадает. Я дам вам время до заката.

– Какая щедрость, – фыркнула я. – Не верю ни одному вашему слову!

– Помимо вас, я должен арестовать еще двух человек, – все так же глядя в лицо Августа, произнес инквизитор. – Бернара и Марту Пейп. Задержать и доставить в казематы инквизиции. Но… – Он снова провел рукой по волосам, и меня кольнуло узнавание. Где-то я уже видела это лицо… и этот вихор… – Но если вы выполните мои условия и сдадитесь, мои люди не найдут чету Пейп. Обещаю.

– Почему? – хрипло выдохнул Август, и инквизитор дернул плечом. Оглянулся на ряды стражей в отдалении, словно опасался подслушивания.

– Хорошие люди не должны из-за вас пострадать. – Глаза мужчины стали жесткими и опасными. – Встретимся на закате.

Он повернулся и пошел к машинам и стражам, а я наконец вспомнила, где видела его лицо. Правда, тогда оно было мальчишеским… ученик Бернара, воспоминание о котором я рассмотрела в стеклах измененных очков.

Отвернувшись, я схватила Августа за руку. Его застывшее лицо сейчас пугало меня больше, чем яма скверны.

– Инквизиции нельзя верить, – выдохнула я. – Нельзя, слышишь? Видео вполне может оказаться подделкой.

– Оно выглядит настоящим.

– Но лишь выглядит! Ложь – такое же оружие инквизиции, как нож или револьвер! Они врут, врут во всем! Инквизиция боится тебя и

желает сломать твою волю, уничтожить и заставить сдаться. Нельзя верить, пока не узнаем точно. Слышишь меня?

– Да. – Август на миг закрыл глаза и потер переносицу.

Я оглянулась на черные ряды застывших инквизиторов.

– Ты уверен, что антиматерия осталась лишь возле мельницы?

Разрушитель кивнул, и я потянула его к домам.

– Тогда идем. Переждем за стенами. Вряд ли кто-то нарушит приказ и выстрелит, но здесь мы как на ладони. Слишком хорошие мишени.

Поле дудника мы пересекли молча и оказались на заброшенной улице у ближайшего дома. Я толкнула скрипучую дверь, вошла, Август следом.

За темной прихожей был небольшой коридор и лестница на второй этаж. Мы поднялись и оказались в просторной комнате. У стены широкая кровать, укрытая тяжелым пледом, напротив – старомодный шкаф с латунными ручками, торшер, кресло… От вездесущей желтой пыли спасали накрепко захлопнутые ставни, хотя и сквозь них она сумела просочиться.

Покидая здание, кто-то даже прикрыл мебель и кровать кусками ткани. Верно, убегая хозяева верили в лучшее и надеялись сюда вернуться. Но не случилось. Люди боятся разрыва Духа и покинули свои дома, оставив даже одежду и утварь. Конечно, ведь мебель можно купить новую, а вот разрыв на линиях Духа – это навсегда.

Вероятно, раньше яма была обширнее и простиралась до самой пустоши. Говорят, со временем низкие вибрации рассеиваются. Иногда. Если повезет.

Желая впустить каплю свежего воздуха, я толкнула оконную створку. Она поддалась с трудом, жалобно заскрипев. Выглянув из окна, я осмотрела безлюдную улицу. Когда-то заброшенные дома были красивыми, под сухими плетьми растений я все еще видела крепкие стены и загнутые кверху крыши. Повернула голову к остову мельницы, от которого остались лишь обломки. Всмотрелась и увидела оранжевые искры – верный признак скверны. Они то вспыхивали поодиночке, то разлетались словно рой рассерженных ос. Но удивило меня не это: у черных закопченных стен лениво вились тонкие серые нити, словно зарождающиеся тайфуны. Они возникали и исчезали,

ползли со стен на крышу, плясали на обугленных камнях, то утолщаясь, то делаясь едва заметными.

Пару минут я с недоумением рассматривала это странное явление, а потом испуганно отшатнулась.

– Истинный Дух! Это же блуждающие вихри! Не меньше десятка!

Скверна притягивается к скверне…

Словно услышав мой возглас, серый тайфун соскочил со стены здания и поплыл над разбитой дорогой. Он действительно напоминал смерч – тонкая серая ножка расширялась наверху. Но в отличие от природного явления, этот вихрь двигался совершенно беззвучно. Истлевшие ленты, привязанные к перилам лестницы, всколыхнулись, когда вихрь прошел рядом. Словно играя, серый смерч, прокрутился под лентами, заставляя цветные полоски трепетать в безумном танце.

Я присмотрелась и моргнула. Внутри серого нечто виднелись две обнаженные фигуры – мужская и женская. Они сливались и двигались, то ли лаская друг друга, то ли стремясь задушить… Блуждающий вихрь – это порождение насильственной смерти, в том, что плясало под окном, слилось сразу два уничтоженных Духа…

Ужас перед страшным явлением сковал мое тело, не давая двигаться. Я никогда раньше не видела блуждающий вихрь.

– Не бойся, – сказал за моей спиной Август. – Вихри нас не тронут. И яма скверны не навредит, сюда низкие вибрации не дотягиваются.

Я хотела спросить, откуда он это знает и почему так уверен, но не стала. Если Август говорит – значит, знает и уверен.

Внизу вихрь трепал ленты. Люди без нейропанели не видят блуждающие вихри, но иногда чувствуют их приближение. А еще научились определять признаки и развешивать ленты и колокольчики. Что ж, возможно, они действительно имеют смысл.

– Ты уверен, что сюда эти… это… не доберется? – Я осторожно выглянула в окно. Серый тайфун плясал у соседнего дома. А потом снова двинулся в сторону сгоревшего колеса, который когда-то вращался от потока воды.

Август не ответил, и я обернулась. Он сидел в кресле, потирая виски.

– Болит?

Впрочем, можно было не спрашивать. Даже на расстоянии нескольких миль разрушитель ощущал яму, а сейчас мы практически в ней.

– Погоди, сейчас, – поставила я колено на край кресла у ноги Августа и похлопала по его мокрой куртке. Нащупала во внутреннем кармане пачку и зажигалку, вытащила сигарету – последнюю. Не хотелось видеть в этом дурной намек. Парень не двигался, и я сама подожгла коричневую трубочку, вложила в его губы. Но Август лишь раскрыл глаза, глядя на меня.

– Ладно. – Я забрала сигарету и втянула в рот дым. А потом наклонилась и осторожно выдохнула его в губы Августа. Повторила. – Лучше?

Он смотрел на меня не отрываясь. И этот взгляд… Боги! Он сводил меня с ума.

– Еще? – Я снова втянула горький дым. Август моргнул и отобрал у меня сигарету.

– Тебе нельзя, – хрипло сказал он.

– Серьезно? – Я коротко рассмеялась. – Мы сидим в заброшенном доме между ямой скверны и армией инквизиции, а ты думаешь, что мне навредит табак?

– Нельзя, – твердо повторил Август, сделал одну сильную затяжку и скомкал сигарету в мокрой ладони. Огонек зашипел и погас. Но на лицо парня вернулось подобие красок, хотя в глазах все еще плескалась боль. – Надо найти место, где ты сможешь спуститься в реку. Ты хорошо плаваешь. Ты сильная. Ты…

– Август. – Я поставила на кресло второе колено, нависая над парнем. И обхватила его лицо ладонями. – Я никуда без тебя не пойду.

– Ты должна. Я отвлеку их. Я…

– Нет.

Он задохнулся, глядя на меня. И произнес тихо, почти неслышно:

– Я не вынесу, если ты пострадаешь. Только не ты.

Мои ладони все еще лежали на его щеках. Наши колени были так близко. С мокрой одежды капал дождь.

– Со мной ничего не случится. – Моей твердости мог позавидовать Рейский Пик. – Ничего, слышишь? Надо снять одежду, она совсем мокрая.

Я потянула с плеч Августа куртку, и он обхватил мою ладонь.

– Кассандра, не надо…

– Хватит сопротивляться! – Я снова дернула его куртку и удивленно посмотрела на свои пальцы. Влажные. И… красные.

– Черт. Ты ранен!

– Все в порядке, это всего лишь царапина…

– Для святоши ты слишком часто врешь, – рассвирепела я. Торопливо сдернула с него куртку, расстегнула пуговицы рубашки, раскрыла, несмотря на попытки Августа воспротивиться. Отвела его ладонь, испачканную в крови.

– Видишь, царапина, – пробормотал он.

Я внимательно осмотрела порез. Неглубокий, к счастью.

– Надо поискать аптечку и воду. Может, здесь завалялся какой-нибудь антисептик…

Окровавленные пальцы переплелись с моими, тоже испачканными. Вторая рука легла на мой затылок.

– Постой, – тихо произнес Август, поднимая голову.

Глава 23. Со вкусом дождя и дыма

...Яма скверны рядом, и я слышу голоса. Мужские, женские, детские. Тех, кого десятки лет назад заперли в доме и сожгли живьем. Их призрачные крики то разделяются, то сливаются в один сплошной гул, разрывающий мою голову. Из-за этого шума я почти не ощущаю боли от порезанного бока. И от видео, каждый кадр которого горит в сознании. Яма гудит, как растревоженный улей, мне кажется, что звук нарастает, делаясь невыносимым. Из-за него я не могу сосредоточиться. Не могу мыслить. Не могу даже внятно отвечать на вопросы Кассандры. Она злится, рассматривая царапину на боку.

Нужно собраться. Решить, что делать дальше. Подумать…

Если с ней что-то случится… Если с ней хоть что-то случится…

Гул ямы и агонию видео отодвигает одна картина: за спиной Кассандры безопасник с ножом, лезвие касается нежной шеи… Она справилась, выскользнула из плена чужих рук, ударила, спаслась…но картина все стоит и стоит перед глазами. Слишком хрупкая жизнь… слишком легко оборвать.

Как она сказала? Мы слишком слабы, чтобы победить.

Если бы нож коснулся ее шеи? Если бы…

Я помню ярость, которую испытал в тот миг. Помню свои желания. Мне хотелось убить. Не просто вырубить безопасников, как я это сделал, а уничтожить их. Стереть навсегда, чтобы никто не мог причинить Кассандре вред.

Жуткая жажда убийства была мне знакома. Я уже испытывал ее. В каменном подземелье, когда смотрел на огонь приближающегося фонаря. Я помню этот вкус, это желание. Оно горькое как сигаретный дым, но вызывает привыкание…

И сегодня я тоже желал убить тех, кто угрожал Кассандре. Кто направил на нее оружие.

Сдержался…

Прохладные тонкие ладони ложатся на мои ребра.

И гул ямы скверны становится тише. Злость становится меньше. Кассандра трогает пальцами рану, пачкается в моей крови.

И гул затихает. В голове становится так тихо, что облегчение сродни эйфории.

А потом я понимаю, что Кассандра сидит на моих коленях. Что моя рубашка расстёгнута. Что ее пальцы скользят по моей коже, а растрепавшиеся серебряные волосы касаются лица. Наши Маски снова слетели…

Она что-то говорит. Надо найти аптечку.

Я кладу ладонь поверх ее руки, не давая уйти.

***

– Сможешь расщепить пространство?

Август покачал головой.

– Не выходит. Слишком мало сил. И слишком близко яма скверны.

Я осторожно провела кончиками пальцев по его лицу.

– Ничего. У нас есть время. Мы что-нибудь придумаем. Может, здесь найдется хотя бы бинт…

Попыталась встать, но Август удержал.

– Не уходи.

– Просишь остаться? – Я подняла брови, рассматривая его бледное лицо. На нем все еще было слишком мало красок, и меня это беспокоило. – Я сижу на твоих коленях.

– Думаешь, я не заметил? – Он тоже поднял брови.

– Думаю, ты мог бы.

– Ты думаешь обо мне слишком хорошо. – Он откинул голову на спинку кресла, и я, не удержавшись, провела кончиками пальцев по его лицу. Очертила брови, линию носа, потом – губ.

– Почему?

– Потому что каждое твое приближение, каждый шаг ко мне заставляют меня дышать через раз, – сказал Август, и я ощутила, как на миг прервалось мое собственное дыхание. Он смотрел на меня, не моргая и не двигаясь, и еще никогда мы не были настолько близки. Я провела пальцем по его шее и ощутила лихорадочный ток крови в тонкой голубой вене. Не прерывая зрительного контакта, дошла пальцами до горизонтальной строки на его плече.

– Что здесь написано?

– Удовольствие – колыбель греха, а грех – орудие смерти, – после заминки сказал Август, неотрывно глядя на меня.

Я медленно провела ногтем по черным строкам епитимьи, надавливая и словно желая зачеркнуть фразу. Мужские бедра подо мной стали каменными от напряжения.

– Ты в это веришь?

– Да.

– Но хочешь, чтобы я осталась на твоих коленях?

– Да.

Я наклонила голову чуть ниже.

– Почему?

– Потому что ты важнее, чем слова из Писания. – Он все еще не двигался, только пульс частил под моими пальцами. – Поцелуешь меня, Кассандра?

Такие простые слова… И так много значат.

– Нет. – Я увидела, как он вздрогнул. – На этот раз *ты* поцелуешь меня.

Он наконец моргнул. Медленно, невыносимо медленно притянул к себе. Не закрывая глаз. И поцеловал. Наши губы пахли дождем и дымом.

Первое прикосновение – самое сладкое. Самое невесомое. Еще не поцелуй – а лишь обещание. Лишь предвкушение и соблазн…

Август соединил наши губы и замер на миг. Его губы оказались чуть шершавыми, обветренными. Мелькнула мысль, что на этом он остановится, но мой супруг коснулся языком, углубляя поцелуй.

Я не выдержала и обвила его руками, словно снова тонула, а он был единственной опорой. Моим единственным якорем. Невыносимое и сладкое притяжение сводило нас с ума. Мы слишком сильно желали этого поцелуя. Мы слишком долго пытались его избежать. Первое осторожное прикосновение сгорело в пламени желания. Второе прикосновение – сильнее и ярче. Третье уничтожает разум и кидает друг к другу. Я хотела всего лишь коснуться его губ, но забыла об этом напрочь… И даже не поняла, что стягиваю с Августа куртку, а потом и рубашку, а он развязывает завязки моего экрау. Халат с пионами и футболка полетели на пол, и Август втянул воздух, на миг отстранившись.

– Бог мой… это невыносимо…. – Он коснулся губами моей шеи. Потом груди – над черным кружевом. А потом и самого кружева. Да, я

все-таки не удержалась и надела подарок Марты, решив, что его все равно никто не увидит. Кто же знал, что случится иначе?

Мы избавлялись от одежды с истовостью безумцев и прикасались с жадностью до смерти голодных. Ощущая его прикосновения и поцелуи на своей коже, я откинула голову, едва сдерживая стон. Ладонями Август обхватил мою талию, приподнял и поцеловал черные строчки у меня под грудью. «Бремя мое несу с радостью, ибо бремя мое есть благо…»

А потом поцеловал грудь, касаясь сквозь ткань. Его губы коснулись соска, и наслаждение – яркое, жгучее, – окатило горячей волной и потащило, потащило прочь от реального мира. Если бы кто-то сказал мне, что я буду пылать от желания в самом неподходящем для этого месте, я бы лишь рассмеялась. А сейчас было наплевать и на яму скверны, и на смертельно опасные вихри, и на инквизиторов, которые могут нарушить обещание… На все наплевать. Мир исчезал и растворялся, и все, чего мы хотели – это стать еще ближе.

В этом и заключалась главная опасность.

Наши поцелуи становились все более греховными.

На миг отстранившись, я посмотрела в его глаза и выдохнула:

– Почему ты не останавливаешься?

– Ты этого хочешь?

Я прикусила губу. Надо остановиться. Надо быть сильнее. Нельзя поддаваться соблазну. Нельзя, нельзя, нельзя! Нельзя. Это опасно. Это табу.

Но все, чего я хотела, – это продолжать.

– Нет. Я не хочу, чтобы ты останавливался.

И даже если мир потом разорвет в клочья, я не пожалею.

– Я тоже. Не хочу останавливаться, – сказал он.

– Ты ранен.

Он молча положил мою руку на свой бок. Там, где был порез, осталась только розовая кожа и корка засохшей крови. Края плоти сошлись и затянулись, регенерация разрушителя оказалась запредельной.

– Черт возьми, Рэй, – прошептала я, глядя в его глаза: темные как самый сладкий грех. – Это был последний повод, чтобы остановиться.

– Я не хочу останавливаться, Кассандра, – повторил он.

В луче света я увидела, какие расширенные у него зрачки, и это показалось невероятным. Как и учащенное дыхание. Как и откровенное желание…

– Даже если это… все изменит?

Не отвечая, он подхватил меня на руки, поднялся и шагнул к кровати, сдвинул покрывало. Положил меня и провел по кружеву и шелковым лентам на моей груди.

– Ты – невероятно красивая, – прошептал он.

– Ты тоже, – не удержалась я. И потянулась к ремню его штанов. – Кажется, это надо снять.

– Да? – хмыкнул Август.

– Думаю, да.

Он посмотрел на мою руку и кивнул. Бледные скулы Августа слегка порозовели.

– Давай я, – потянула край ремня, вытаскивая его из шлевки. Железный язычок застрял и пришлось повозиться. Каждое движение моих рук отзывалось его вздохом. Справившись с пуговицами и молнией, я потянула штаны вниз, зацепив пальцем и белье.

– Необычные ощущения. Это сложнее, чем я думала. – Мужские штаны застряли на бедрах, я тихо выругалась.

Август отвел мои руки и сам разделся, стянув и штаны с бельем, и обувь. А потом повернулся ко мне. Я прикусила губу, медленно скользя взглядом по его телу. По сухому рельефу мышц. По плечам и груди, по следам черной епитимьи, по ребрам с рисунком из засохшей крови. По нервно поджатому животу. По линии темных волос. По бедрам. Свела брови, внимательно изучая особенно важную часть мужского тела.

– Знаешь, Август, хорошо, что те женщины, которые желали тебя, не видели все это.

Он судорожно втянул воздух.

– Потому что увидев, тебя бы похитили и привязали к кровати. Чтобы не выпускать из нее… ну примерно никогда.

– Кассандра…

– Не то чтобы я была специалистом по части мужских достоинств, но знаешь…

– Кассандра!

– Но черт возьми, Август. Нельзя быть настолько идеальным!

Не сдержавшись, он насмешливо фыркнул и рывком пригвоздил меня к кровати.

– Дразнишь меня?

– Может, я жду, когда ты закроешь мой рот.

– Значит, этого ты хочешь?

– Своим языком. Для начала.

Он понимающе очертил абрис моего лица, нежно провел ладонью по шее и груди.

– Я знаю, что ты дразнишь меня, потому что нервничаешь.

– Совсем немного, – прошептала я, и Август снова меня поцеловал.

Мои штаны он стянул на удивление ловко. Развязал шнурки сандалий, окинул взглядом. Ничего не сказал, но то, что я увидела в этом взгляде, могло бы воспламенить и растопить весь ледяной Полярис! Я никогда не видела у Августа такого взгляда, раньше он не позволял себе смотреть с таким откровенным желанием. Его тело и его глаза сейчас были честнее любых слов.

Шелковые ленты моего белья послушно разошлись под мужскими руками. Мы остались совершенно нагими и соприкоснулись уже не только губами – всем телом. Мы целовались как одержимые, растворяясь в ощущениях, позволяя себе то, чего нельзя позволять… Каждый поцелуй, словно клеймо, отпечатывается в душе. И хотелось больше. Больше и больше! Все, что мы сможем получить, прежде чем очнемся. Мы торопились. Руки скользили, желая впитать все ощущения чужой кожи, выпуклостей и впадин, рубцов и шрамов, бархатной гладкости и возбуждающей влажности… Впитать и запомнить все контрасты, все различия, все восхитительные несовпадения наших тел. В этих прикосновениях и поцелуях было так много смысла, так много крика.

Я боюсь за тебя!

Я не могу без тебя!

Я тебя…

Беззвучный крик затихает на зацелованных губах, гаснет невысказанным.

Впереди лишь несколько часов вдвоем, а потом… потом. О том, что будет потом, думать не хотелось. Не тогда, когда реальный мир растворяется в безумии поцелуев. Возможно, это последние часы

вместе. И ужас сдавливает горло. Мне хочется вцепиться в плечи Августа, врасти в него, не отпускать, никогда не отпускать!

Я вижу в его глазах отражение своих мыслей и желаний. Не отпускать…

Хочется большего. Я выгибаю спину, подставляясь под его прикосновения, безмолвно умоляя продолжать. Но он и не собирается останавливаться. Он изучает и ласкает мое тело с той же жадностью и страстью, что сейчас горят во мне. Но еще и с нежностью… во мне ее почти нет, и от шелковых ласк Августа я схожу с ума. Оказалось, у меня очень чувствительная кожа шеи. И груди. И коленей. И живота… Каждая часть моего тела оказалась сплошной эрогенной зоной, в руках Августа я плавилась как чертов воск. А еще оказалось, что Август очень горячий. Особенно в некоторых местах. И мне просто дико понравилось его трогать. Изучать, гладить, слегка царапать. Дразнить, пока желание не достигает апогея, а тянуть дальше – невозможно.

Лишь на миг Август отстраняется, смотрит в глаза:

– Не хочу причинять тебе боль…

Я обхватываю его бедра ногами и шепчу-выдыхаю прямо в губы.

– А я хочу, чтобы *ты* причинил мне эту боль. Больше всего на свете…

Он замирает на миг, а потом начинает двигаться. Короткая горячая боль обжигает внизу. Хотела зажмуриться, чтобы привыкнуть к новому ощущению наполненности, но не стала. Словно это было важно – смотреть друг другу в глаза. Бесконечное мгновение мы лежали, привыкая и принимая новое.

Потом Август сделал движение и боль утихла, а потом растворилась совсем, сменившись тянущим, еще непонятным удовольствием. Оно зарождалось внизу живота, там, где остались следы его поцелуев, растекалось по венам, спиралями закручивалось в груди и шее. Оно усиливалось и разрасталось – неожиданное и непознанное еще наслаждение. С каждым новым ритмичным толчком его становилось все больше, и не выдержав, я застонала. Вцепилась в мужские плечи, впилась ногтями, уже не понимая, что делаю. Каждый толчок словно выталкивал меня из реальности, и я не понимала, как в ней удержаться. Все ощущения обострились до предела: запахи, вкус, прикосновение… Все стало острым, горячим, хриплым, бьющим по нервным окончаниям. Я чувствовала все сразу: грубую ткань под

спиной, гладкость мужской кожи, едва уловимый аромат дождя и дыма, силу мужских рук, влажность и сладость… А особенно я чувствовала *его.* Каждым сантиметром своего тела, всеми органами обострившихся до пределов чувств. Август сжал мои ладони, сплетая пальцы, ускоряя наше движение к звездам, врываясь снова и снова. Я уже не стонала – я билась и всхлипывала, захлебываясь от приливной волны возрастающего удовольствия.

Стон Августа словно сорвал мои предохранители. Его откровенное наслаждение, исказившее лицо и отразившееся в темных глазах, – усилило мои собственные ощущения до предела. Пока мир не взорвался в бесконечном сиянии и не исчез совсем, сгорев и рассыпавшись в пожаре обоюдного экстаза.

Мы рухнули на кровать и некоторое время лежали, силясь снова научиться дышать. Когда мне это удалось, я повернулась набок. И с удивлением поняла, что в окно стучит не просто дождь – ливень! Небо потемнело до черноты, а стекло затянуло потоками воды, хотя совсем недавно светило солнце.

Август лежал с закрытыми глазами, пряди волос упали на лоб, темные ресницы подрагивали.

– Эй, ты как?

– Кажется, это мне полагается спрашивать о твоем самочувствии. – Он тоже повернулся и улыбнулся. – Ты как?

– Отлично, – честно сказала я. Тянуло не просто улыбаться, а смеяться в голос. Ощущение счастья бурлило внутри и кружило голову. Я подняла руку, и моя нейропанель блеснула в луче света. – Ну и потом: я всего лишь потеряла девственность, говорят, это нормально и происходит со многими. Мне совсем не больно, с первым дискомфортом благополучно справился мой браслет. А потом мне было очень хорошо. А вот с тобой другое дело. Ну так как? Уже чувствуешь в себе желание что-нибудь разрушить?

– Я чувствую в себе желание повторить.

Я все-таки рассмеялась, не сдержавшись.

И вдруг поняла, чего не хватает на его груди. Раньше там висел шнурок с серебряной пластинкой – образом Истинодуха.

– Наши кольца, – догадалась я. – Так вот из чего они сделаны. Что ж… Похоже, наш брак престал быть фиктивным.

– И что ты об этом думаешь?

– Я… рада.

Мы улыбались друг другу, не в силах остановиться. Он поднес мою ладонь к губам, поцеловал и сплел пальцы.

– Кассандра Эттвуд. Звучит неплохо?

Я покатала на языке непривычное сочетание.

– По-моему, весьма неплохо. И все же: ты уверен, что с тобой все в порядке?

– Да. – Он снова поцеловал меня.

– Может, инквизиторы ошиблись. Или это очередное вранье и близость никак не влияет на твой Дух, – задумчиво протянула я. – Точно. Я ведь говорила: инквизиция обожает ложь!

– Подожди здесь, я найду и намочу полотенца. Внизу наверняка есть дождевые бочки. – Он посмотрел на окно и моргнул, кажется, только сейчас заметив потоки ливня.

Перекатившись на кровати, Август встал, подхватил свои штаны и обувь и вышел из комнаты.

Я потянулась, свыкаясь с новыми ощущениями в теле. И не веря, что все случилось на самом деле. Глянула на свой золотой браслет. Еще один плюс нейропанелей – то, что его обладатели могут не думать о последствиях страсти. Дети у нас рождаются лишь тогда, когда мы этого хотим.

***

Спустившись, вышел из дома. Прислонился к стене и некоторое время стоял, приходя в себя. Случившееся наверху потрясло меня сильнее, чем я предполагал. Чем мог показать.

«На этот раз ты поцелуешь меня…»

От этих поцелуев и прикосновений можно сойти с ума. От того, как она смотрела. Как прикасалась. Как изучала мое тело. Как стонала от наслаждения. Даже от воспоминания стало настолько жарко, что я поднял лицо, подставляясь потокам дождя. Дождь теперь всегда будет напоминать об этом дне.

Конечно, если у меня останется время на воспоминания.

Набрав пригоршню воды, я плеснул в лицо, надеясь, что это поможет собраться с мыслями.

Из заброшенного дома видна пустошь и не видны инквизиторы, но я точно знал, что они там – за сухим дудником и тростником. Я ощущал их присутствие, чувствовал их души даже на таком

расстоянии. Глянул на окна дома и отступил под загнутый козырек, чтобы избежать потоков воды, а главное – случайного взгляда Кассандры. Размотал бинт на запястье.

Нейропанель осталась такой же черной и обугленной, но несомненно – увеличилась. Браслет нарастал, его концы тянулись друг к другу, словно щупальца чудовища. И все же они не сомкнулись: на внутренней стороне руки остался кусок чистой кожи. Кассандра поверила, что близость не изменила мой Дух, и я согласился, не желая ее пугать. И все же изменения были. Я ощущал себя иначе. Распахнул рубашку: от пореза на боку не осталось даже шрама. Словно моей кожи и мышц никогда не касалось остро заточенное лезвие. Мое тело и раньше исцелялось быстрее, чем у других людей, но не настолько. Это уже не исцеление, это что-то за гранью возможного. Что-то противоестественное. Даже обладатели нейропанели не способны на подобное. Даже Совершенные не регенерируют с такой силой и скоростью.

Глянул в сторону пустоши. Если бы хотел, смог бы сосчитать количество душ с той стороны. Командир черных мундиров не обманул, инквизиторы не приближались. Давали нам время на решение? Или размышляли, как обойтись без жертв и избежать не только моей силы, но и силы ямы скверны? А может, просто ждали подкрепление?

Я сосредоточился, пытаясь ощутить всех, кто угрожал нам. Много… как же их много. И здесь не соврал командир: похоже, на мою поимку отправили целую армию.

Я снова обернул запястье бинтом, зубами затянул узел. Мне показалось, что наверху – постигая и узнавая друг друга, – мы с Кассандрой провели целую вечность. Однако солнце едва добралось до зенита. Еще есть время. Вот только на что? Я знал как поступлю еще до того, как поцеловал Кассандру в первый раз.

Зоя, Ирма, наставник. Марта и Бернар. Пять человек. Самых близких, очень дорогих. Я не могу допустить их казни. Если моя жизнь спасет их – я готов ее отдать.

Вот только Кассандра…

«Кассандра Эттвуд… Звучит неплохо, правда?»

Сжал зубы и снова посмотрел на замотанное теперь запястье. Надо снова расщепить пространство, чтобы переместить

Кассандру в безопасное место. За свою жизнь я не боялся. Лишь за ее.

Я посмотрел на бочку с дождевой водой. Потом на черное колесо, виднеющееся у обрыва. Мы слишком слабы, чтобы победить…

***

– Не стоит.

Я прислонилась к открытой двери и поправила край покрывала, которое волочилось за мной словно королевская мантия. Август вздрогнул, увидев меня.

– Риск превышает возможное увеличение силы. Даже если яма поможет, вероятнее всего, ты слетишь с катушек и уничтожишь все живое. Даже меня. – Я подняла руку, рассматривая свои ногти. На среднем сломался острый кончик, и это меня расстроило. Удивительно, но даже сейчас меня волновал внешний вид. – Но еще вероятнее, что она не поможет. Для твоей инициации нужна яма побольше, так говорила архиепископ. А здесь всего-то тридцать душ. Смертельно опасно для человека, но недостаточно для тебя. Хотя я не исключаю, что и эта информация ложна.

Я оторвала взгляд от ногтей и глянула на Августа. Он смотрел на меня во все глаза.

–Похоже, ты рассчитывал, что наш… хм… наша близость даст большее увеличение сил.

– Когда догадалась?

– «Поцелуй меня, Кассандра», – передразнила я.

– Мне досталась слишком умная жена, – после паузы произнес Август.

– Не повезло, – согласилась я. И добавила: – Хотела бы я на тебя обидеться, но трудно обижаться на того, кто ради моего спасения готов пожертвовать своей непорочной душой. И непорочным телом. Телом – особенно.

Его губы дрогнули.

– Это не было жертвой. Слишком… мне слишком понравилось.

– Да неужели? – Я в деланном удивлении подняла брови.

– Да. Больше, чем слишком. Я чувствую себя несколько… ошарашенным. – Он потер переносицу и снова посмотрел на меня. – Прости. Я не думал, что это будет так… так…

– Оргазмически? – хмыкнула я.

– Божественно, – серьезно произнёс он, и я закатила глаза. Хотя бы чтобы скрыть удовольствие от этого признания.

– Ты слишком привык сдерживать скверну внутри себя, чтобы вот так потерять контроль. Значит, сделал это осознанно. Ну и какой был план?

Я привалилась плечом к косяку, придерживая на груди ткань. Капли дождя звенели на камнях и орошали брызгами. Август окинул меня медленным взглядом: от растрепанных волос до босых ног.

– Расщепить пространство и переместить тебя подальше отсюда.

– Не выходит?

Он качнул головой.

– Я попробую еще раз.

– Значит, вот что ты решил. – Я посмотрела вдаль, но увидела лишь тростник. Зато где-то на другой стороне реки гудели лопасти вертолета.

– Они не должны из-за меня пострадать.

Я вздохнула. Что ж, ожидаемо. Благородный Август, который не сможет сбежать, зная, что угрожает его близким. Пожалуй, я поняла это, как только увидела то проклятое видео. Пожалуй, я знала это с самого начала.

И я могла бы махнуть рукой на остальных, но Марта и Бернар… Слишком добрые, слишком порядочные, слишком любящие. Я не могла отвернуться от них.

Да, чертовы святоши плохо влияют на королев. Столько лет моя совесть спала глубоким сном, и вот на тебе!

Ладно. В конце концов, никто и никогда не посмел бы обвинить меня в трусости.

– Значит, мы пойдем к инквизиторам вместе.

– Я могу тебя связать, а потом попытаться переместить. – Он подошел ближе, поставил ладони на стену за моей спиной. – Могу даже оглушить. Это отвратительно, но меня утешит мысль о твоей безопасности.

– А я могу сделать так. – Я разжала ладони, и покрывало упало к ногам.

– Это запрещенный прием. – Он не сумел удержать взгляд вниз.

– Да. – Я очаровательно улыбнулась, Август втянул воздух, подхватил меня на руки, и я обвила ногами его бедра. – Запрещенные

приемы – мои любимые. Они всегда срабатывают. Я никуда без тебя не пойду. В горе и радости, ты не забыл?

– Кассандра, пожалуйста… – почти с отчаянием простонал он.

– В горе и радости, – коснулась я его губ. – И тебе лучше занести меня в дом. У инквизиторов наверняка есть бинокли.

Он что-то прошипел и, шагнув во тьму дверного проема, ногой захлопнул дверь. До кровати мы не добрались, решив, что нас устраивает и комод в прихожей.

– Только ты ошиблась, Кассандра. Когда я просил меня поцеловать… я *действительно* потерял контроль.

Прежде чем снова погрузиться в изменяющийся мир, наполненный чувственной страстью, я успела мимолетно удивиться: куда делись блуждающие вихри, танцующие под окнами? На заброшенной улице и даже у пепелища водяной мельницы не осталось ни одного.

***

Бывший ученик Бернара, ставший инквизитором, не соврал: день клонился к закату, но за пустошью царила тишина. Только ветер играл на флейтах пустого дудника. Один раз, облетая яму скверны, возник вертолет, повисел в стороне, словно кто-то рассматривал дом с воздуха, и скрылся за рекой.

Я проводила его взглядом.

– Похоже, нас окружили, – с веселой насмешкой протянула я. – Как думаешь, сколько там человек?

– Может, сотня. – Август в окно не посмотрел. Он хмурился, измеряя шагами пространство комнаты.

– Ого, – протянула я с той же насмешкой. Страха почему-то не было, скорее какое-то злое веселье. Сто человек, чтобы поймать двух беглецов! Интересно, увижу ли я среди них знакомые лица? Может, отсрочку нам дали лишь для того, чтобы дождаться какую-то важную персону? Например, архиепископа Святой Инквизиции? Несомненно, именно Аманда руководит нашим захватом. От Старограда до Восточных провинций путь неблизкий, но в империи быстрые самолеты. Неужели вечером Совершенная будет наблюдать, как на мои руки наденут наручники?

Я поежилась.

Вертолет скрылся за пустошью, там же медленно таяло красное солнце. Еще никогда день не заканчивался настолько быстро. День, наполненный разговорами, поцелуями, спорами. Тишиной, когда мы просто сидели рядом. Словно торопились наверстать упущенное или получить то, что не суждено получить. Потом бродили по дому. Август принес с корявого дерева плоды: небольшие и ужасные с виду. Но под бугристой и жесткой коричневой кожурой обнаружилась желеобразная мякоть, очень вкусная. Август назвал эти плоды восточной сливой, хотя на нее они были совершенно не похожи.

Плоды едва ли утолили наш голод, но другой еды мы не нашли.

Дождь так и не прекратился, продолжая поливать землю. Словно в небе что-то сломалось, и оно решило смыть весь восточный экзархат.

– Кассандра …

Август остановился за моей спиной.

– Только не начинай снова. Я сделала свой выбор: мы пойдем вместе. А если и правда попытаешься спровадить меня силой, я тебя никогда не прощу.

– Я готов рискнуть.

– Найду, придушу и буду каждый день распевать на твоей могиле непристойные песенки и танцевать голышом.

За спиной на миг повисла изумленная пауза. Потом Август не выдержал:

– Зачем?

– Чтобы тебе было стыдно.

Август хмыкнул, потом негромко рассмеялся. Некоторое время мы смотрели, как гаснет солнце.

– Убегать вечно не получится, – тихо сказала я. – И мы оба это знаем.

Я снова выглянула в окно. Мокрый тростник шевелился, и присмотревшись, можно было заметить белые волны. Они накатывали беспрерывно, словно неутомимый морской прибой, и я поразилась силе миротворцев, что создавали этот гармонизирующий поток. А еще – их настойчивости, потому что волна раз за разом разбивалась у края пустоши. Не знаю, кто гасил ее, – яма скверны или стоящий за моей спиной разрушитель.

– Инквизиторы выдвинулись в нашу сторону, – очень спокойно произнес мой муж.

– Что ж. Значит, пора. Идем, Август. И…Тебе идет черное.

Я повернулась, окинула его взглядом и улыбнулась. Черное и шелковое, действительно, неимоверно шло этому совершенному святоше. Как и мне красное. В пузатом и скрипящем шкафу я обнаружила целую кучу старомодных экрау и чуть не заорала, оценив их изысканную красоту. Такие наряды – длинные, с широкими рукавами и поясом, сложными драпировками и вышивкой – сейчас можно встретить лишь в эксклюзивных коллекциях. Даже в чтящих традиции городках предпочитают экрау попроще.

– Нам обязательно идти в этом? – Август, заразившись моим насмешливым настроением, улыбнулся.

– Еще как обязательно. Я не овца, идущая на убой, я – королева! И должна выглядеть соответствующе. Тебе не нравится?

– Очень красиво, – осмотрел он волны алого шелка. – А я тогда кто?

«Тот, кого я люблю», – подумала я. Но сказала совсем иное:

– А ты – святоша, – дернула его неправильно завязанный пояс и сложила ткань изящным узлом. Замерла на миг, поглаживая черный шелк. Хотелось, чтобы мгновение длилось вечно, но увы.

Отбросив за спину распущенные и тщательно расчесанные волосы, я протянула ладонь Августу. Он пожал ее, задержал в руках. А потом мы покинули дом и двинулись навстречу инквизиторам.

Дождь все не заканчивался, но когда мы вышли, потоки воды превратились в редкие капли, а черная туча над головой треснула, словно ее разорвало. В прореху хлынул алый закатный свет. Словно прожектор, озаряющий нам дорогу.

– В домах нет людей, – тихо сказал мой муж, когда мы подошли к границе тростника. – Всех вывезли.

Я кивнула: конечно, никто не хочет повторения Нью-Касла.

За инквизиторами синели мундиры военных, все с оружием. На наших с Августом телах сошлись десятки точек от их прицелов. Не сбавляя шага, я глянула через плечо. Отступление нам уже отрезали, за спиной бесшумно выстроилась шеренга миротворцев. Я окинула взглядом бесконечные ряды людей и оружия и едва удержалась от того, чтобы не присвистнуть. Что ж, масштабы и правда впечатляют. Всмотрелась в лица инквизиторов передней шеренги: алый закат освещал бледные лица и сурово сжатые губы святых воинов.

Профессиональная выучка не позволяла им показать эмоции, и все же я видела их в глазах. Изумление, страх, что-то еще… Может, невольное восхищение нашей дерзостью.

Возле бывшего ученика Бернара, имени которого я так и не узнала, стоял молодой инквизитор. Взгляд незнакомца скользнул по моему лицу и телу. А потом переместился на ладонь, которую сжимал Август. И я увидела, как вспыхнули глаза стража. Лицо, залитое дождем, исказилось злостью, ненавистью и… болью. И я поняла, что из чужого тела сейчас смотрит совсем другой человек – Дамир Норингтон.

Он посмотрел в лицо Августа – с откровенной убийственной яростью. Потом в мое.

– Ну здравствуй, Кэсс, – сказал чужой голос.

Ответить я не успела, потому что в мою шею впился дротик. Следом еще один.

Я моргнула. И все исчезло.

Глава 24. Неварбург

Очнулась я в самолете. Открыла глаза и осмотрелась: сбоку иллюминатор, за которым пенятся облака, мои ноги укрыты пледом с символикой Святой Инквизиции, под головой – удобная подушка, наручников нет. Что ж, устроили меня с комфортом.

Маленький и очень красивый салон самолета пуст, если не считать инквизитора на соседнем кресле. Пожилой сухопарый мужчина в стильных очках читал газету. На его дорогом костюме не было знаков отличия или аксельбанта, лишь на пальце блестело тонкое белое кольцо. Незнакомец походил на профессора университета – немного рассеянного и совсем не страшного. Но когда незнакомец оторвался от чтения и посмотрел на меня, внутри что-то дрогнуло. Краешек чужой силы мазнул по моим линиям Духа и отозвался внутри неприятной вибрацией. Словно по стеклу провели куском пенопласта.

– С пробуждением Кассандра. – Инквизитор – а это несомненно был он, – доброжелательно улыбнулся. – Чай или сок? Обед?

Он указал на накрытый стол. От вида еды у меня потекли слюнки, но я лишь буркнула:

– Вы не похожи на официанта.

– Рад это слышать. – Он рассмеялся. – Я Арус Вер, проторей восточного экзархата.

– Ого. Какая честь, – не сдержала я изумления. Сам проторей, надо же! В иерархии империи этот человек отчитывается только перед архиепископом и монаршей семьей. – Я столь опасна, что меня сопровождает Совершенный высокого ранга?

– Ну что вы, Кассандра, – почти ласково произнес мужчина. – Вы совсем не опасны. В отличие от вашего друга. Но и он лишь потенциал, а не реальная угроза.

– Где он? – Я непроизвольно сжала кулаки, и милорд Вер снова улыбнулся. Наверное, моя злость казалась ему забавной.

– В другом самолете.

– Что вы с ним сделали?!

– Всего лишь усыпили, как и вас. Его полет пройдет с удобствами, не переживайте за вашего приятеля.

– Моего мужа, – с нажимом поправила я.

– Что? О, я не знал. Брак… консумирован? – Арус Вер прищурил темные восточные глаза и окинул меня внимательным взглядом. Нахмурился. – Вижу, что да… Не смотрите с таким удивлением, Кассандра. Помимо обязанностей Святого Воинства, моя основная работа – врачебная практика. Возвышение стало вершиной моей деятельности, а обретя Совершенство, я научился видеть состояние любых организмов. Что ж, вы говорите правду… Но я вижу и иное. Как врач, я обязан вам это сказать. Ваши линии Духа разрушаются. Стремительно, Кассандра. Разрыв ваших силовых линий достиг третьей стадии. Ваш деструктизм убивает вас, хотя, похоже, что вы этого не чувствуете.

Я хотела заорать, что он врет, но не стала. Я не ощущала изменений в себе, и все же…

– Деструктизм не развивается так быстро! Моему всего лишь…

Несколько лет. Этого я говорить не стала.

– У всех по-разному, – серьезно ответил мужчина. – Некоторые годами живут на начальной стадии, другие достигают фазы финариума за пару месяцев. Это зависит от многих факторов, но больше всего – от личных особенностей и линий Духа. Мне жаль, Кассандра.

Я вскинула голову и выпрямила спину, насколько позволяло слишком мягкое кресло.

– Оставьте вашу жалость для тех, кому она нужна, – холодно отрезала я, чем вызвала новую улыбку.

– Вы удивительно напоминаете вашу мать.

– Это она велела привезти меня, так! – Я сузила глаза.

– Попросила. Да, Аманда попросила оказать ей услугу. А я сказал, что с радостью познакомлюсь с ее дочерью и доставлю вас в Староград.

– Мы направляемся в Кастел? Август тоже?

Проторей снова развернул газету.

– Вам лучше подумать о себе, Кассандра.

Но погрузиться в чтение мужчине не дали. В салон вышел молодой инквизитор и, склонившись, что-то быстро сказал на ухо Совершенному. Тот нахмурился.

– Но курс уже задан.

– Прямой приказ, милорд. Мы не можем его… проигнорировать.

– Как будто я этого не понимаю! – Помрачневший мужчина бросил на меня быстрый взгляд. – Что ж… похоже, ваша встреча с Амандой откладывается.

– Мы летим не в Староград?

Проторей вздохнул. В глубине его глаз мелькнула растерянность, совершенно несвойственная инквизитору подобного уровня.

– Мы направляемся в Неварбург, во дворец императора. Я должен доставить вас сегодня к ужину.

– Аманда будет вами недовольна, – не удержалась я от шпильки и увидела промелькнувшую в глазах мужчины злость. Но он тут же улыбнулся.

– Да. Вы чрезвычайно похожи, – вернул он укол.

Мы отвернулись друг от друга. Я смотрела на облака, застывшие белым ватным комком за иллюминатором и кажущиеся совершенно неподвижными. Почему император велел доставить меня к нему в обход приказа архиепископа? И чего мне от этого ждать? Ответов, конечно, не было. И все, что мне осталось, это откинуться на спинку кресла и попытаться набраться силой перед визитом во дворец.

Через два часа самолет приземлился на закрытом аэродроме. Нас уже ожидал автомобиль – черный и хищный, без опознавательных знаков. Неварбург поливал дождь, и услужливый мужчина в костюме раскрыл надо мной зонтик, стоило спуститься с трапа. Я обернулась на милорда Вера и удивилась, поняв, что мужчина остался в самолете.

– А вы разве не идете?

– Прощайте, Кассандра.

– Ого. Становится все интереснее, – пробормотала я, усаживаясь в автомобиль. Расспрашивать водителя или сопровождающего было бесполезно, это я поняла, едва взглянув в застывшие любезные маски их лиц. Так что я стала смотреть в окно.

Неварбург затянули сизые тучи, лил дождь, но город не казался мрачным. В отличие от того же Старограда, здесь было много белого камня, из которого строили не только дома, но и мостили проспекты. Оттого северная столица империи сияла от каждого, даже случайного пробившегося луча солнца. А когда автомобиль свернул на дорогу ко дворцу, дождь резко закончился, и я поневоле ахнула, увидев великолепный архитектурный ансамбль с колоннами, лестницами, золотыми деталями и знаменитым парком. Прекрасный и

величественный дворец возвышался над столицей, но при этом удивительным образом с ней гармонировал. По меркам истории, дворец считался новоделом. Ведь его воздвигли не так давно – после ужасного «Снежного восстания», в котором мятежники захвалили прежнюю резиденцию императора. В тот день миротворцам чудом удалось спасти монарха и наследного принца. В тот день погибла несравненная Аманда – как я считала. Старый дворец тогда разрушили до основания, а на холме возвели новый. Тот, в который меня и привезли.

Мужчина в костюме велел следовать за ним. Мы миновали череду лестниц и анфиладу залов, поражающих роскошью и красотой, и остановились возле одной из множества дверей. За ней была небольшая и сравнительно просто украшенная гостиная. В центре – овальный стол, пустой.

Я вошла, и дверь за мной закрылась. Впрочем, я уже забыла о сопровождающих, все мое внимание сосредоточилось на стоящем у окна молодом мужчине. Не веря, что вижу его, я моргнула.

– Август!

Он обернулся. Стремительно пересек комнату и заключил меня в объятия.

– Кассандра!

– Милосердные святые! Я-то думала…

– Что увидите кандалы, избитое окровавленное тело, веревку на шее? Что вы, мы ведь не дикари, – сказал кто-то, мы развернулись, и Август рывком закрыл меня собой, что вызвало кривую улыбку у нашего неожиданного визави.

У книжных шкафов, высившихся до самого потолка, стоял парень, и я оглянулась на закрытую дверь. Откуда он взялся? У гостя, хотя вернее сказать – хозяина, были пепельные волосы, связанные в низкий хвост, очень светлая кожа, словно он редко видел солнце, такие же бледные, почти бесцветные голубые глаза. Высокий и худой. Одет в белую рубашку и брюки, поверх домашний теплый кардиган с крупными пуговицами, по виду – слишком большой для по-девичьи изящной фигуры. Парень кутался в него, спрятав ладони в широкие рукава. Показной вычурности и роскоши в облике парня не было, и все же… его окружал ореол власти. Так бывает с теми, кто с детства привык командовать и повелевать другими. К тому же каждый в

империи знает это лицо. Я вдела его много раз – на экранах, в газетных снимках или огромных плакатах. Правда, там его лицо казалось более… внушительным. Может, все дело в домашней одежде и хвосте, которые странным образом все упрощали. За спиной парня стоял страж в серой форме со знаком гвардейца. Голову закрывал капюшон, а лицо прятала Маска теней. Причем не нижнюю половину, как у инквизиторов, а практически целиком, оставляя на виду лишь глаза.

Принц явился с телохранителем.

– Здравствуйте, Ваше Высочество, – вежливо произнесла я.

– Зовите меня Юстис. – Наследный принц очаровательно улыбнулся, показав ровные белые зубы. – И присаживайтесь, сейчас нам принесут чай. Или вы предпочитаете кофе? В империи мало кто оценил по достоинству этот напиток, а я вот пристрастился. Отец меня за это ругает. Говорит, кофе вреден для организма. Но что он может понимать, да?

Принц весело подмигнул. Мы с Августом промолчали. Отец – это, надо полагать, император Константин, великий монарх, правящий империей уже более тридцати лет. И правда, что он может понимать в каком-то там кофе…

Портрет императора висел как раз за спиной принца, над каминной полкой. Константин – высокий и статный мужчина, – поражал как широтой плеч, так и синевой глаз. На картине ему было около сорока, но судя по сводкам, монарх не сильно изменился за прошедшие годы. На выступлениях он выглядел так же – красивым и величественным, истинным королем. Его наследник не мог похвастаться такой породой. И хотя в его лице угадывались черты отца, бледный и тонкий Юстис выглядел лишь подделкой.

Неприметная служанка споро расставила на столе посуду, чайники и легкие закуски. Юстису налили крохотную чашечку черного как деготь напитка. Принц сделал глоток и блаженно прикрыл глаза.

– Попробуйте.

Перед нами тоже возникли чашки. Я сделала глоток и скривилась от горечи. Август к кофе не притронулся.

– Зачем мы здесь?

– А вы предпочли бы находиться в тюрьме? – Наследник империи поставил свою чашку и посмотрел на нас. По мне его взгляд скользнул с интересом, а вот на Августе задержался. И некоторое время я не

могла понять, что вижу в глазах принца. Это было похоже на… голод. На невыносимый, испепеляющий голод.

Но принц моргнул и взгляд его стал слегка рассеянным, словно он думал о чем-то своем. Может, странная эмоция мне лишь показалась.

– Если бы я не перехватил самолеты, то у вас не было бы даже кандалов. Инквизиция настаивает на вашей полной изоляции в месте, о котором вам лучше не знать. А еще лучше – на казни. Но с этим сложнее. Вы источник сырой антиматерии, и ваша смерть может спровоцировать катаклизм. Но у нашего Святого Воинства есть ответ и на этот вопрос. Ваша казнь для инквизиции – решенное дело. Казнь вас обоих.

– Что? – вырвалось у Августа. – При чем здесь Кассандра?

– А вы не понимаете?

Я посмотрела на свои руки, которые против воли сжались в кулаки.

– Духовный цветок, – тихо произнесла я, и наследник бледно улыбнулся. – Часть твоего Духа, Август. Инквизиция считает, что он имеет значение.

– Но это не так!

– Инквизиция не станет разбираться. – Принц поднялся, одернул свой кардиган и, обойдя стол, встал за спиной Августа. Телохранитель остался стоять, неподвижный словно статуя. Наследник внезапно положил ладони на плечи Августа и наклонился, словно собирался доверить важную тайну. – Вам надо забрать свой духовный цветок. Вернуть его на место.

Август дернулся, сбрасывая чужие руки. Прикосновение бледных, с прожилками вен ладоней ему очевидно не понравилось. Я и вовсе поморщилась – на коже принца виднелись темные пятна, похоже, он испачкался своим любимым кофе.

Ноздрей коснулся легкий запах: непонятный и тревожный. Но стоило втянуть воздух сильнее, и я ощутила лишь аромат черного напитка.

Не сдержавшись, Август тоже встал и развернулся к принцу лицом. Я поневоле сравнила этих двоих. Совершенную, идеальную красоту Августа и бледную невзрачность наследника. И снова в глазах последнего зажегся голодный огонек, которому я не могла дать определения.

– Я не могу вернуть духовный лотос. Это невозможно.

– О, способ есть! – Юстис улыбнулся, снова спрятав руки и ссутулившись. – Я расскажу о нем. Вы ведь хотите обезопасить Кассандру? Ме доложили, что вы поженились. Хотел бы я вас поздравить, но обстоятельства… Не располагают. Единственный способ уберечь вашу молодую супругу – это вернуть духовный цветок. Надеюсь, вы это понимаете, господин Эттвуд? Вы согласны?

Август промолчал, а я вскочила:

– Нет!

– Достаточно согласия дарителя, – ласково улыбнулся принц. – Это ведь часть *его* души. Он может забрать ее. Практика сложнее, чем с дарением, но все же возможна.

– Зачем вам это? – Я снова едва не сжала кулаки и ощутила покалывание в пальцах, как бывает перед воплощением моего атмэ. Но доставать его здесь, в присутствии Юстиса, – это приговор. Я не успею даже моргнуть, как телохранитель принца отрежет мне голову, или что там делают телохранители?

Поэтому я сосредоточилась, расслабляясь и сдерживая свое негодование. Слова наследника злили до темных кругов перед глазами, так почему Август слушает его так внимательно?

– Так зачем это вам? – повторила я грубее, чем было позволительно. – Вы перехватили самолеты, доставили нас во дворец, угощаете кофе… Откуда такое участие в судьбе тех, кого вы даже не знаете!

– Но я вас знаю. – Юстис снова подхватил чашку, качая ее в пальцах. Рукава он натянул на ладони, поэтому выглядел как ребенок. – Я знаю все о вас, Август. Все же появление разрушителя – значимая страница в истории моей страны. Эзра Кросман был ее печальной главой, но есть шанс не допустить повторения. И я знаю вас, Кассандра, ведь ваша мать спасла мою жизнь во время Снежного бунта. Мне было девять лет, уже не совсем ребенок. Я хорошо помню тот день. Помню ужас и пожар, охвативший дворец. Пламя лизало стены, пожирало старинную мебель и отцовскую библиотеку, в которой мы прятались. Мятежники обещали отрезать мне голову и насадить на кол, который выставят на главной площади Неварбурга. Отца ударили. Несколько раз. Я видел его кровь. Я очень боялся, Кассандра. И этот страх трудно забыть. А потом явилась женщина.

Серебряные волосы – словно нимб святой, форма миротворца на изящной фигуре. Невероятно красивая. Вы похожи, Кассандра. Первая гармонизирующая волна, которую создала Аманда, заставила отщепенца опустить нож, которым он собирался выпустить мне кишки. Мятежники замерли, словно их окатили божественным светом. Опустили оружие. А в их глазах мелькнуло сожаление. Клянусь, я видел его. Человек, который еще минуту назад упивался моим ужасом и болью, испытал раскаяние. Конечно, я и раньше знал о влиянии миротворцев, но ваша мать оказалась особенной. Она спасла нас всех.

Я молчала, пока Юстис говорил.

Да, несравненная Аманда была особенной. Великим миротворцем, и вероятно, выдающимся инквизитором. Жаль, что на роль матери ее уже не хватило.

– Госпожа Вэйлинг всегда была примером для многих, и для меня тоже. Я восхищаюсь ею. Но сейчас… Боюсь, она не права. Ее желание уничтожить разрушителя приобрело страшные формы. В конце концов, ваша инициация не завершена, ведь так? – Принц не спрашивал, он утверждал, а я мрачно подумала, что у него слишком хорошие осведомители. – Для завершения вам нужно испытать ряд негативных эмоций, оказаться внутри внушительной ямы скверны, а главное – совершить нечто непростительное… Но вы ведь не собираетесь это делать? Я слышал, вы человек прекрасных моральных и душевных качеств.

Август хмуро кивнул.

– Я так и думал. Нельзя винить человека за то, что он не в силах контролировать. Рождение низкочастотных вибрацией, а если проще – рождение разрушителя, нельзя сдержать. Вы не виновны в том, что случилось в Нью-Касле. Ваша казнь противоречит законам о вине. А кто, если не наследник, должен как никто чтить законы своей империи, ведь так?

– Очень благородно… – пробормотала я.

– А он такой! Благородный! – Новый визгливый голос заставил нас повернуться к двери. В кабинет вошла женщина. Полная, невысокая, одетая в свободное серое платье. Лицо круглощекое, крупный нос и большие светло-зеленые глаза. Когда-то наверняка красавица, но время стерло женскую привлекательность, испещрив

морщинами, пигментными пятнами и следами усталости. Из-под яркого желто-красного платка на грудь падали две тонкие пегие косы.

Блаженная Анастасия, провидица императора, Совершенная, постигшая Око и, вероятно, та, которая способствовала нашей поимке. И близкий человек принца. В молчании мы наблюдали, как Анастасия обняла наследника, а тот в ответ прикоснулся губами к ее лбу и щекам.

– Ты всегда слишком добра ко мне, дорогая нянюшка. – Юстис расплылся в улыбке и глянул на нас. – Анастасия буквально воспитала меня, увы, я слишком рано лишился родной матери.

– Мой благородный, милый, добрый мальчик! – Голос женщины повышался на каждом слоге, почти переходя на визг. – Прекрасный, прекрасный принц!

– О, полно. – Юстис махнул рукой, его не заботили противные звуки. Анастасия же принялась трепать парня за впалые щеки, словно видела перед собой неразумного малыша. А потом и вовсе схватила салфетку с монограммой наследника и начала тереть его лицо.

– Опять испачкался, проказник! Ну что за напасть!

Мы с Августом не сдержали недоумения, но принц выдержал пытку достойно и с улыбкой. Его рука потянулась к колокольчику на столе.

– Мой сладкий малыш, мой маленький принц! – продолжала лепетать Анастасия. Ее светлые глаза казались совсем блеклыми, словно их зелень на глазах выцветала. – Такой бледный… совсем неподвижный… совсем холодный! Я умою твои щёчки, твои бледные губки, твои маленькие ладошки… Ты будешь спать на перине, на лебяжьем пуху… Будешь спать…

Трезвон колокольчика оборвал несвязную речь и в кабинет тенями скользнули две женщины.

– Проводите нянюшку в ее комнату, – распорядился принц.

Анастасию, которая продолжала бормотать, увели. Принц без сил упал в кресло и потер лоб. Похоже, визит Анастасии выбил парня из колеи и теперь он не мог сосредоточиться. Но сердитым Юстис не выглядел, скорее обеспокоенным. Глянув на нас, он развел руками.

– Участь провидцев сложна. Хотя их значимость трудно переоценить. Моя нянюшка порой путает фантазии и реальность. Ей нужно отдохнуть. Так о чем мы говорили? Ах да… вижу, вы сомневаетесь. Не доверяете мне, вашему будущему сюзерену. Но вам

надо понять, что я ваш единственный друг. Единственный, кто готов протянуть вам руку помощи. Не стоит ее отвергать.

– А что думает об этой… помощи император? – Мой взгляд снова упал на величественный портрет монарха.

– Моего отца здесь нет, – резко произнес Юстис. Но тут же улыбнулся, сглаживая свой тон. – Мой отец – мудрый правитель. Но он несколько старомоден. И предпочитает уничтожать возможную проблему, а не использовать открывающиеся возможности. Боюсь, отец будет недоволен. Но я сумею убедить его. Вам лишь надо вести себя соответствующе и проявить доброжелательность.

– То есть если я заберу свой духовный цветок, Кассандра будет в безопасности? – мрачно спросил Август, и Юстис кивнул.

– Ну конечно. Она дочь генерала Вэйлинга и Аманды, миротворец. Или инквизитор, думаю, у девушки будет возможность выбрать. Ее жизнь сложится удачно. Насколько это возможно в подобных обстоятельствах… но выбор за вами. Такой подарок нельзя взять насильно. Вижу, вам нужно время подумать. Что ж… Оно у вас есть. Немного, но есть. Уверен, вы примете правильное решение. Ну а пока… Побудьте моими гостями. Вечером состоится банкет, приедут мои друзья. Узкий круг. Вы приглашены.

Мы с Августом переглянулись.

– Разве вы не боитесь, что я причиню вред? – удивился Август, и принц рассмеялся.

– Ах, не переоценивайте свои силы, господин Эттвуд. В стенах дворца ни мне, ни моим гостям ничего не грозит. Вы не представляете степень защиты этого здания. После Снежного бунта мы учли все недостатки. Поверьте, разрушить *этот* дворец не смог бы и сам Эзра Кросман. Ну и насколько я знаю, вы неплохо научились сдерживать антиматерию внутри своего тела, не так ли? К тому же рядом будет наша дорогая Кассандра. Уверен, вы не захотите навредить ни ей, ни кому-либо еще. Ведь так?

Конечно, мой святоша-муж кивнул, и Юстис улыбнулся довольный.

– Рад нашему взаимопониманию. А пока отдохните, я распорядился…

– Я хочу узнать, где мои близкие, – перебил наследника Август. – Инквизиция угрожает их расправой. Я выполнил условия и сдался, и

хочу, чтобы их выпустили. Их и Кассандру.

Юстис поджал и без того узкие губы.

– Я велю узнать, где их содержат…

– Я хочу получить письменные гарантии с императорским гербом, что с них снимут все обвинения и отпустят, – снова перебил Август, чем вызвал мое удивление. У святоши прорезались зубы?

– Хорошо, – после паузы кивнул принц. – Вы их получите. А пока все же отдохните. Ваш путь был долгим. Вас проводят.

В дверь скользнули двое мужчин в бархатных ливреях – сопровождающие.

На пороге я обернулась. Принц откинулся в кресле и в упор смотрел на своего телохранителя, который склонился над наследником, положив руки на его плечи. Эта картина почему-то вызывала внутреннюю дрожь…

Дверь хлопнула, отрезая Юстиса от моего взгляда.

***

Нас поселили в разных комнатах.

И это несколько противоречило словам принца о дружбе. Или напротив – он проявил тактичность, распорядившись выделить нам разные апартаменты? Он ведь не знает, в каких мы отношениях и хочу ли я делить комнаты с Августом. Может, я просто ищу подвох там, где его нет?

Конечно, дворцовые комнаты оказались не просто красивыми, они были роскошными. Некоторое время я ходила из гостиной в спальню, из спальни в кабинет, оттуда в огромную ванную комнату и снова в гостиную. Рассматривала антикварную мебель, шелка и бархат, мрамор и ценное дерево, золотые статуэтки и драгоценные побрякушки. Потом все-таки вернулась к двери и толкнула створку. Она, к моему удивлению, открылась, но рядом стоял лакей.

– Мне нельзя выходить?

– Отчего, конечно, можно. Его высочество велел проводить, если вы решите прогуляться, – ответил прислужник. Судя по военной выправке, в его обязанности входило не только носить бархатную ливрею. Рукава скрывали запястья, но я готова была покляться, что на одном имеется нейропанель.

– Значит, будете за мной следить?

– Дворец очень велик, госпожа, – не меняясь в лице, ответил мужчина. Мой выпад оставил его равнодушным. – Вы можете заблудиться и не успеете подготовиться к банкету. А вот и ваши наряды.

– Наряды?

Из-за угла выплыли несколько девушек с чехлами и коробками.

– Его высочество велел принести вам платья. Чтобы вы могли выбрать подходящее.

Судя по количеству чехлов, выбор предстоял весьма широкий. И я ощутила предательское желание немедленно броситься обратно в роскошную комнату и заняться тем, что так любила, – примеркой платьев.

И видимо, из чувства противоречия буркнула:

– Я хочу осмотреться.

– Конечно, госпожа.

Лакей снова не выказал никаких эмоций.

Битых два часа мы ходили по коридорам дворца. Роскошные залы, роскошные лестницы, роскошные гостиные и кабинеты. В основном – пустые. Иногда навстречу попадались люди – лакеи, горничные, охрана и личная гвардия принца. Все они занимались своими делами и на нас не обращали внимания. Или были отлично вышколены, потому что я не заметила ни одного косого взгляда в свою сторону. Мой сопровождающий терпеливо шагал рядом и даже открывал двери. Некоторые оказались закрыты, и на мой вопросительный взгляд страж пожал плечами.

– Куда поселили Рэя? Молодого мужчину, который был со мной у принца?

– Я не знаю, госпожа, – так же мягко ответил страж. – Мне велено лишь сопровождать вас. Помогать, если вам понадобится помощь. А все вопросы вы сможете задать его высочеству. При личной встрече.

Еще через час я поняла две вещи: от блуждания по дворцу нет никакого толка, а от блеска и роскоши у меня начинается головокружение. К тому же, даже если я захочу, страж не позволит увидеть нечто, не предназначенное для посторонних глаз. Смирившись, я буркнула, что пора возвращаться. И снова в ответ – ни радости, ни злорадства, лишь безупречная вежливость.

В моей комнате уже дожидались под серебряным колпаком изысканные закуски и напитки. Я положила в рот хрустящий шарик, начиненный икрой и сырным муссом, облизнулась. И отправилась в ванную комнату.

Чехлы повесили на длинный переносной кронштейн, и их было не менее десятка. В каждом – платье, рядом аксессуары. Я дернула молнию первого чехла, потом второго, третьего… Белое и золотое, золотое и белое! Изысканные наряды сияли белизной и блеском. Цвета Совершенных, которые мне любезно разрешили надеть.

В дверь постучала вежливая улыбчивая женщина.

– Госпожа позволит помочь с волосами и лицом? Я мастер визажа.

Подумав, я кивнула. Правда, надеялась не на красиво нанесенную помаду, а на разговор. Но увы, выучка женщины могла поспорить с вежливой отстранённостью стража. Все мои вопросы разбивались о профессиональную улыбку. Поняв, что разговорить прислугу не удастся, я закрыла глаза, позволив женщине делать свою работу.

А сама думала о том, стоит ли доверять принцу. Хотя разве был у нас с Августом выбор? Уже то, что мы оба не в наручниках и не в тюрьме, – большая удача. Наследник прав – он единственный протянул нам руку помощи. Может, стоит поверить, что нам наконец-то повезло? Может, надо было сразу обратиться к принцу, я ведь слышала, что Аманда не желала передавать данные в Неварбург! Но не догадалась, что между инквизицией и наследником могут быть такие разногласия. Да и как я могла это понять по случайным фразам, интриги королевской семьи далеки от меня, как луна!

Мастер визажа завершила работу. Я открыла глаза и несколько минут смотрела на свое отражение. Подведенные темной дымкой глаза, карминовые губы, искусно уложенные волнами волосы.

– Вы просто волшебница, – произнесла я, и женщина улыбнулась.

– Благодарю, госпожа. Помочь вам одеться?

Я покачала головой. Уж с платьем я как-нибудь справлюсь.

Платье я выбрала золотое, белые слишком напоминали о моей свадьбе, той, с которой я сбежала. У наряда была широкая юбка, длинная сзади и короткая впереди. Несколько слоев прозрачной вуали, полностью открытая спина и закрытый под горло лиф. По всему платью плетутся золотые листья, с плеч свисают тонкие сверкающие цепочки и бусины. Когда я облачилась и повернулась к зеркалу, из

груди вырвался невольный вздох. Красиво. И провокационно. Ткань скрывала тело, но в то же время и подчёркивала его. Обманчивая прозрачность искрилась камнями и золотом, прятала, но и намекала на нечто тайное и даже порочное.

К наряду полагались блестящие туфли на высоких и тонких каблуках, золотые перчатки-когти на пальцы, а также украшение на голову – массивное плетение из золотых бусин. Оно шапочкой легло на волосы и сверкающим дождем стекло до губ спереди и до самой талии – сзади.

Из зеркала смотрела великолепная в своей красоте девушка. Что ж, у того, кто создал этот ансамбль, не было ни грани смущения, но был идеальный вкус. И наверняка, золотая нейропанель.

Я выглядела потрясающе греховно.

Настолько, что даже мой вежливый страж не удержался, и в его глазах на миг мелькнула эмоция. Правда, я не успела понять – какая.

– Вы прекрасны, госпожа. Я провожу вас, гости уже собираются.

Стекающие на лицо нити и бусины закрывали обзор, но я быстро научилась смотреть сквозь них. В целом это было даже удобно, потому что создавало некую своеобразную маску. Возможно, мне она будет полезна, неизвестно, что за гости собрались у принца.

Я вертела головой, пытаясь запомнить дорогу. И хмурилась, потому что была уверена, что за два часа блуждания по дворцу ни разу не видела этих коридоров и анфилад!

– Почему мы не проходили здесь? – не сдержалась я.

– Во дворце более тысячи коридоров и комнат, – невозмутимо отозвался сопровождающий. – Вы не могли осмотреть их все.

– Но этот коридор совсем рядом с моими покоями!

– Вероятно, во время прогулки мы свернули в другую сторону.

Я сжала накрашенные кармином губы, понимая, что ответа не получу. И покосилась на вежливого спутника. Сдается мне, его способность – не просто вежливо улыбаться! Но еще и путать гостей, возжелавших сунуть нос туда, куда не следует!

И все же я пыталась запомнить дорогу и считала повороты. На пятнадцатом возникли огромные сводчатые двери, из-за которых лилась нежная музыка. Я вошла, страж остался в коридоре. Первое, что удивило, – зал был гораздо больше, чем я ожидала, а гостей оказалось не менее трех десятков. И это небольшой прием для друзей!

Наряды женщин поражали воображение и ослепляли золотым блеском. Сияние ожерелий, браслетов, колец и диадем спорило с хрустальными люстрами, свечами и гранёнными бокалами на подносах незаметных прислужников. На миг я застыла, пораженная изысканной красотой этого места. Мне хотелось рассмотреть каждую деталь, каждую безделушку и предмет, а еще больше – каждое платье и головной убор. Я никогда не видела такой блистательной роскоши. А ведь выросла в окружении элиты Нью-Касла! Но сейчас понимала, как наивно было считать сливками общества тех матрон в устаревших костюмах. Только здесь, в Неварбурге, в императорском дворце, собирались истинные звезды. Те, кому поклонялась остальная империя. Совершенные. Пантеон.

Ведь почти у каждого в этом зале я видела то, что было ценнее золота и бриллиантов. Молочно-белый шарик в массивном кольце на изящной руке мужчины в белом смокинге. Подвеска на груди его спутницы. Ее голову и часть лица закрывали золотые крылья, а наряд состоял их двух полос белой ткани, перекинутых через плечи и скреплённых на талии поясом из массивных пряжек. Я сомневалась, что при ходьбе этой девушке удастся сохранить хоть какую-то тайну своего тела. Впрочем, это тело было идеальным и, возможно, его обладательница желала как раз демонстрировать, а не скрывать. Таких было достаточно, похоже, скромность у собравшихся достоинством не считалась. Некоторые и вовсе пришли почти обнаженными, не считать же одеждой нечто, больше похожее на золотые сети, а не на ткань? Зато лица почти у всех оказались прикрыты невероятными масками, вуалями или головными уборами из бусин, перьев, золотых цветов и листьев.

Одно из лиц под вуалью показалось знакомым и, присмотревшись, я узнала Луизу Бергт. Когда-то она приезжала к моему отцу. Последний раз я видела чету Бергт в Люпьенском театре, перед той самой «Гликерией».

Сейчас Вилли Бергт улыбался стройной и почти обнаженной незнакомке, а Луиза равнодушно рассматривала пузырьки в своем бокале.

Взгляд скользнул дальше.

Изящная молочная диадема у женщины с черными, спускающимися до пола волосами. Широкий браслет у

короткостриженой, но в таком пышном платье, что оно задевало окружающих. Снова браслет у мужчины рядом. Серьги у двух других…

Атмэ. Это все были атмэ. Символы прошедшего Возвышения. Атрибуты истинной власти.

Несколько пар танцевали в центре зала, другие разговаривали. Приглушенный свет плясал на гранях и камнях, рассыпался искрами.

Наследник империи выделялся среди белого-золотого кровавым пятном. Поверх белого костюма он накинул традиционную для монархов красную мантию. Сейчас в Юстисе не осталось ничего добродушно-домашнего, он выглядел, как и полагает наследнику, – величественно и слегка отстранённо. Я задумалась, какое атмэ у принца, вот как раз его я не видела ни при первой встрече, ни сейчас.

Но мысль тут же улетучилась, потому что я увидела еще одного мужчину.

Черные как ночь волосы, собранные в аккуратный хвост. Белый удлиненный сюртук с золотым узором на лацканах и шнуром на правом плече. Шелковая сорочка, вышитый жилет, белые брюки. Верх лица прикрывает полумаска с перьями, но разве можно не узнать эти чувственные губы, мужественный подбородок и мрачный взгляд сквозь прорези.

Меня потянуло к нему магнитом. Впрочем, не только меня. Несколько девушек качнулись в его сторону, другие развернулись, чтобы лучше его видеть. Танцующая женщина наступила на ногу своего партнера и остановилась, глядя на нового гостя.

Август повернул голову и наши взгляды встретились. Сурово сжатые губы расслабились.

Мы сошлись где-то на середине зала.

– Кассандра! Наконец-то.

Он сбился с шага, протянул ко мне руку и смущенно опустил, словно не понимая, можно ли ко мне прикоснуться.

– Истинодух… Какая же ты красивая.

– Точно я? Здесь полно красивых женщин.

– Разве? Не вижу ни одной.

Я рассмеялась и дышать стало легче.

– Я пытался понять, где тебя разместили, но ничего не вышло.

Он оглянулся на Совершенных, и снова взгляд потемнел. Похоже, откровенные наряды коробили вкус бывшего ученика семинарии. Я потянула Рэя за руку.

– Потанцуем? Надо поговорить.

Он кивнул и положил ладонь на мою талию. Нежная мелодия очаровывала. Пару минут мы просто качались на ее волнах, глядя в глаза друг друга. А потом я вздохнула и сказала, разбивая очарование:

– Мне все это не нравится.

– Не веришь принцу? – еще больше помрачнел он.

– Ни единому его слову. А ты?

– Он… странный. – Август нахмурился, подбирая слова. – Но меня беспокоит не он. А тот, кто стоит за его спиной.

Я бросила быстрый взгляд на кровавую мантию наследника. За ней возвышался телохранитель в серой форме. Такой же молчаливый и почти неподвижный. Видимо, его присутствие никого из Совершенных не смущало.

– Страж? Похоже, принц боится нападения, вот и ходит везде с охраной.

– Только у этой охраны нет оружия, – задумчиво произнес Август, и я моргнула. А ведь и правда! Я видела форму, но не видела ни меча, ни револьвера.

– Может, он Совершенный и способен убить одним лишь взглядом. Никто не знает всех талантов тех, кто прошел Возвышение. – Я помолчала, ощущая тепло мужских рук на своей голой спине. Если бы можно было просто танцевать и не думать о том, что нам грозит! Но увы… – Август, я не хочу, чтобы ты забирал духовный цветок.

– Если это поможет защитить тебя…

– Да с чего принцу беспокоиться о моем благополучии!

– Из уважения к твоей семье. Из благодарности твоей матери. Просто потому, что заботиться о людях – его обязанность.

– Да вот еще! – Я снова оглянулась на принца. Он смотрел в нашу сторону. Или это лишь показалось? В полумраке зала было слишком много людей, чтобы определить точно. Отвернувшись, я теснее прижалась к мужу и вздохнула. – Беда порядочных людей в том, что они всех меряют по себе. Ты честный человек. Хороший человек. И потому веришь, что и другие такие же. А я вот знаю, что это не так. И интерес принца мне не нравится. Ему что-то нужно от нас.

– Не веришь, что нам хоть немного повезло и Юстис просто желает помочь?

Я мрачно покачала головой.

– Может, ты слишком подозрительна.

– Или ты слишком доверчив.

– Я просто верю, что в людях больше хорошего, чем плохого.

– Ты вырос среди молитв Истинодуху и братьев по вере, – вздохнула я. – Украденное печенье и мелкие шалости – вот верх вашего коварства. А я проводила детство, слушая чужие тайны. Измены, которые обсуждались под миндальные пирожные. Нечестные торговые сделки под дым сигарет. Большие и маленькие обманы, предательства и ложь. Скелеты, которые были у всех.

– Мне жаль, что твое детство получилось таким, – тихо сказал Август, и я вскинула голову. В его глазах была невыносимая нежность.

– Не хуже, чем у других, – улыбнулась я. – Но я увидела изнанку человеческих жизней. И потому не верю в благие помыслы. Твое Писание учит, что добро сильнее. Но пока я вижу лишь другую сторону. И я не доверяю принцу.

Мы посмотрели на помост, где рядом с наследником улыбался советник Гафар.

– Не вздумай забирать цветок, Рэй, – серьезно сказала я. – В конце концов, это подарок.

Его губы снова стали жёсткими и упрямыми. Август слишком сильно желал защитить тех, кто был ему дорог.

Музыка закончилась, а кроваво-красное плеснуло совсем рядом.

– Мои дорогие друзья, – с очаровательной улыбкой Юстис положил ладонь на плечо Рэя. – Вы прекрасно выглядите. Позвольте угостить вас вином? Прошу, не отказывайтесь, это особенное вино с западных виноградников. Вы были в этом экзархате?

Не прекращая говорить, наследник потащил Августа в толпу Совершенных. Я двинулась следом, но кто-то зацепил бусины на моей голове, дернул. Золотые шарики посыпались по моим плечам и застучали по полу.

Рядом тут же возник услужливый лакей.

– Госпожа может поправить прическу в комнате за колоннами, – вежливо подсказал он.

Я кивнула и решила последовать совету. Хотя волновало меня вовсе не рассыпавшееся украшение. В уборной – такой же роскошной, как и все во дворце, – я открыла кран и некоторое время смотрела в свое лицо. Вот удивительно. Еще недавно подобный прием – был венцом моих желаний. Больше всего я хотела стать частью этого сияющего общества, влиться в него. Иметь возможность блистать наравне с Совершенными, любоваться нарядами, разговаривать и смеяться, танцевать и пить изысканное вино. А сейчас… сейчас все это не доставляло мне никакой радости. И больше всего мне хотелось оказаться где-нибудь далеко. Например, на кухне Марты и Бернара, или и вовсе – за закрытой дверью сурового монастыря у реки Мун…

Вымыв и без того чистые руки, я вздохнула и вышла в коридор. Надо возвращаться…

У лестницы мелькнула женская фигура и донесся стук трости, показавшийся знакомым. Мгновение я смотрела вслед удаляющейся женщине, а потом подхватила свое платье и бросилась следом.

– Госпожа Вольц!

Катерина, а это несомненно была она, обернулась и нахмурилась.

– О, юная Вэйлинг, это вы, – в своей обычной грубоватой манере бросила миротворец. – Не ожидала встретить вас здесь.

– Вы пришли на прием?

– Я? Что вы, я не гожусь для подобных мероприятий. К счастью. – Катерина хрипло, отрывисто рассмеялась. Она слегка взмахнула своей тростью-клюкой, и я внезапно смутилась. Вольц в своем синем мундире, с пегими волосами, уложенными строгим пучком, и загорелым лицом и правда была совершенно неуместной среди изысканного блеска и золота. – Я лишь принесла Его Высочеству очередной доклад с границы. Слегка не вовремя. Меня ждет самолет, в Неварбурге мне делать нечего. Чего нельзя сказать о вас, Кассандра. Кажется, у вас получилось найти свое место?

Я помолчала, рассматривая некрасивое лицо женщины. Катерина один из сильнейших миротворцев империи. И все же…

– Госпожа Вольц, – вырвалось у меня. – Почему вы не прошли Возвышение? Почему не примкнули к Пантеону?

Ее глаза сузились, рот сжался.

– О подобном не спрашивают, Вэйлинг. Но я отвечу. Дело в неприемлемом ущербе.

– Что это значит?

– Не все готовы заплатить положенную цену, – отрезала она, и я задумалась. О чем говорит Катерина? Милорд Хакал тоже бормотал, что Возвышение – это проклятие, а цена слишком велика. Правда, ученый был под опиумными парами, когда говорил это, но все же…. – А сейчас мне пора идти.

– Госпожа Вольц! – терять мне было особенно нечего, поэтому я снова ее остановила и увидела удивлённый взгляд. – В тот день, в Нью-Касле. Почему вы выбрали меня? Из всех учеников колледжа вы выбрали меня и дали мне золотой браслет. Но я не была сильным миротворцем. И вы это знали!

– Что? Ох… Ясно. – Взгляд Вольц смягчился. – При всей вашей наглости, Вэйлинг, вы удивительно не верите в собственные способности, сравнение в вашей матерью имело дурные последствия. Вы так боялись не соответствовать ей, что не решались даже претендовать на сравнение.

– Я не понимаю…

– Думаете, я выбрала вас из-за дружбы с генералом, вашим отцом? – Катерина хрипло, как-то по-мужски рассмеялась. – Так и думаете, верно? Вот же чушь! Я выбрала самый сильный ресурс, который был в том зале.

– Но это не так! Джема была гораздо способнее! И Дамир…

– Я выбрала самый сильный миротворческий ресурс, – отчеканила Катерина и внезапно перешла на «ты». – И понадеялась, что однажды ты перестанешь давить свои способности и позволишь себе раскрыться! К тому же… я ясно выдела иные черты. Твои и остальных. У тебя наглость и девичья наивность, высокомерие и самообман. Панцирь, которым ты защищалась от мира. Но и отчаянная смелость. Готовность действовать и принимать быстрые нестандартные решения. Умение никогда не сдаваться. Сила вести за собой других, быть поддержкой, опорой и выдающимся примером. Качества истинного лидера.

– Но Джема…

– Струсила в первом же бою. Как я и предполагала. А Норингтон… Способный парень. Но слишком неустойчив. Легко поддаётся влиянию и дурным эмоциям, одержим навязчивыми идеями… Может изменить сторону или даже предать. А вот ты – дело

иное. Ты могла бы стать по-настоящему хорошим миротворцем, Вэйлинг. Но я вижу, что ты уже избрала свой путь.

Катерина посмотрела на мое золотое платье и вздохнула с сожалением. Мне почему-то стало стыдно. И за платье, и за бусины, и за карминовые губы.

– А сейчас мне действительно пора. На границе с Полярисом неспокойно, да и юг вызывает большую тревогу… Прощайте, Вэйлинг. Удачи вам… во дворце.

Она повернулась на каблуках и ушла, стуча тростью. Я смотрела ей вслед и почему-то испытывала мучительное желание броситься за этой женщиной и все ей рассказать. О себе, об Августе, об Аманде, о Кастеле и монастыре на реке Мун, о своих мечтах, надеждах, страхах. О ночных кошмарах и невозможной, запретной любви…

Почему-то казалось, что Катерина поймет. Как поняли бы Бернар и Марта, или старый вояка Бром, когда-то приезжавший в отцовский дом, чтобы поведать мне, малышке, странные и страшные сказки…

Рассказать, попросить помощи. Она поможет…

Или нет.

Катерина Вольц – военный миротворец. Солдат. Жизнь разрушителя для нее тоже – неприемлемый ущерб.

Словно что-то почувствовав и засомневавшись, женщина остановилась у лестницы. Трость зависла в воздухе.

Я развернулась и быстро пошла туда, где гремела музыка и в полутьме зеркал кружили совершенные люди.

Глава 25. Зеркала

Рэй стоял около принца и блаженной Анастасии. К моему удивлению, на женщине снова было серое платье и пестрый платок, резко выделяющийся среди бело-золотых нарядов.

– Милый мальчик позволяет мне нарушать его правила и приходить в чем хочу, – заметив мой взгляд, произнесла провидица. – Как вам прием, Кассандра? Должна сказать, вы выглядите просто божественно.

– Благодарю, – уставилась я в лицо женщины. Сейчас на ее щеках лежал легкий здоровый румянец, яркие зеленые глаза искрились. Никакой мутной пленки и слетающего с губ бреда. Анастасия выглядела бодрой, здоровой и помолодевшей. Морщины и пятна исчезли, улыбающиеся губы алели словно вишни.

Что ж, во дворце действительно прекрасные мастера визажа. Хотя Анастасия выглядела совершенно естественной, даже приглядевшись, я не заметила следов макияжа. Заметив мое удивление, женщина приветливо улыбнулась.

– Мой дорогой воспитанник сказал, что днем мы уже встречались. Увы, я этого не помню. Моя работа требует погружения в транс и порой войти в него легче, чем выйти. Я что-то говорила? Напугала вас?

– Вы говорили о смерти.

– Увы, – увлажнились глаза Анастасии. – Пророчества не всегда приятны. Вернее – почти никогда. Я вижу слишком много дурного, и порой требуется изрядное усилие, чтобы об этом не думать. Но не будем о грустном. Мой дорогой мальчик устроил прекрасный прием, верно?

– Нянюшка, я уже давно не мальчик, – с улыбкой возразил Юстис. Серая фигура его телохранителя маячила за его спиной.

– Ах, милый! Для меня ты всегда останешься моим ненаглядным несмышленышем. Даже когда пройдет сотня лет. – Анастасия потрепала его по щеке, и принц закатил глаза, но было видно, что делает это безо всякого недовольства. Похоже, эти двое действительно любили друг друга.

Рядом возник лакей с подносом и Юстис указал на бокалы.

– Вы совсем не пьете. Попробуйте это вино. Уверяю, вам понравится.

Я пожала плечами и взяла фужер, Август молча качнул головой. Даже сквозь прорези маски я видела его мрачный взгляд.

Я сделала глоток. Зеркальный зал качнулся, растворяясь. И я вдруг оказалась совсем в другом месте. С двух сторон плелись виноградники. Тёплое солнце согревало лицо и плечи, пятнами света плескалось на листьях. Прямо передо мной покачивалась гроздь – светло-зеленая, почти янтарная, наливная. Упругие сочные виноградины так и манили протянуть руку, сорвать, вкусить…

Иллюзия исчезла, и я моргнула, снова привыкая к полумраку с зеркальной бесконечностью.

– Понравилось? – рядом улыбался принц. Я кивнула. – Это виноградники госпожи Аллер. Ее семья уже больше века выращивает виноград и делает вино. И почти все имеют нейропанели, отчего напиток приобретает особые свойства. А еще способен показать ценителям лозу, с которой была сорвана гроздь.

Я сделала еще глоток, но на этот раз осталась в зале дворца. И даже испытала из-за этого сожаление.

– А вы, Рэй? – Принц коснулся руки молчащего Августа. – Не хотите попробовать?

– Я не употребляю алкоголь.

– Отчего же?

Август медленно повернул голову и посмотрел сначала на руку принца, которая задержалась на его локте, потом в лицо наследника. Юстис сглотнул и ладонь убрал. Но тут же доброжелательно улыбнулся.

– Я понимаю. Вы выросли в семинарии Духа и верите в постулаты. Я тоже верю в них, Рэй. Например, в то, что каждый получает то, что заслуживает. Но разве хорошее вино запрещается Истинодухом? В Писании об этом не сказано ни слова. Все запреты исходят от людей, верно? Ваши наставники были строги к вам?

– Я не люблю вкус вина, – отрезал мой муж. – Вы обещали узнать о моих близких. Где они? Что с ними?

– Наберитесь терпения: скоро вы получите всю информацию, я отдал распоряжения. Инквизиция не хочет делиться секретами, –

вздохнул наследник. – А сейчас попытайтесь хоть немного расслабиться, вы очень напряжены. А я надеялся, что мой прием вам понравится.

Юстис снова тронул руку Рэя, и я увидела, как темные глаза сузились. Навязчивое внимание принца злило Августа.

– Ваше высочество, – к нам подплыла миледи в роскошном, усыпанном камнями платье. Обращалась она к принцу, но смотрела только на Августа. – Не представите нашего прекрасного гостя? Мы сгораем от нетерпения и желания узнать о нем больше.

Я мрачно осмотрела женщин, похожих на золотых птиц. Они делали вид, что общаются, но все головы, словно хищные клювы, были повернуты в нашу сторону.

– Это лишь мой гость, миледи Лурения, – сказал принц, и от ледяных ноток в его голосе женщина отпрянула. Облизала покрытые золотом губы и снова качнулась к Августу. Словно ее тянуло к нему с неимоверной силой.

– Мы даже не узнаем его имя? – обиделась миледи. – В нашем обществе редко появляются новые люди. Тем более… столь интересные. Всего лишь имя?

– Август Рэй, – уронил принц, а я нахмурилась. Происходящее нравилось мне все меньше.

– Август Рэй. – Лурения прокатила имя на языке, словно засахаренную ягоду. – Идемте со мной, Август Рэй, я хочу показать вам зимний сад…

– Предпочитаю остаться здесь, со своей женой, – резко и нелюбезно отрезал мой супруг, и дышать стало немного легче. Глаза Лурении расширились, а принц неожиданно рассмеялся.

– Вы соврали, Ваше высочество, это не его имя! – возмутилась женщина.

– Никакого обмана, – продолжая улыбаться, отбил принц. – Просто на него ваши фокусы не действуют.

– Но это невозможно! – Совершенная выглядела настолько потрясённой, что казалось – еще миг, и она лишится сознания. – Это немыслимо… кто он? И почему…

– Вам стоит освежиться, миледи. – Голос Юстиса зазвенел сталью, и женщина вздрогнула. Пробормотав извинение, она торопливо двинулась в сторону двери на террасу.

– Думается, мой мальчик, ты зря привел сюда наших милых гостей, – пробормотала блаженная Анастасия. – Господа чувствуют скверну. И она зовет каждого… Даже меня.

Женщина сделала большой глоток мятного лимонада и громко икнула.

Я оглянулась на Августа. Он рассматривал лица, скрытые масками, и его взгляд мне не нравился. Слишком мрачный, почти злой, что было так непохоже на моего мужа. Словно Рэй ощущал нечто, скрытое от глаз, и это его неимоверно раздражало.

– Давай уйдем… – начала я.

– Я хочу знать, чего вы хотите, – сказал Август, повернувшись к Юстису.

– Всего лишь немного вас развлечь. Что за обидные подозрения?

Серый страж за спиной принца качнулся и неслышно шагнул ближе, встал за спиной будущего монарха.

Кто-то в глубине зала вскрикнул, и я узнала голос Луизы Бенгт. Молодая женщина качнулась, даже сквозь слой золотой пудры была видна мертвецкая бледность, охватившая ее. Луиза, не отрываясь, смотрела в пустоту. Хотя нет… она смотрела на стену. Зеркальную стену. Но что она там увидела?

– Что происходит? – удивилась Анастасия.

Танцующая пара замерла посреди зала. А их отражение – нет. Оно продолжило скользить, перемещаясь по кругу – из зеркала в зеркало. Черноволосая женщина в перьях прижала ладонь к губам. А кто-то наоборот – засмеялся, глядя в серебристую глубину.

Вилли Бенгт в зале вежливо улыбался, слушая милорда в золотом смокинге.

Вилли Бенгт в зеркале двинул кулаком в нос своему собеседнику.

София Бенуа в зале танцевала с советником.

София в зеркале с наслаждением наступила острым каблуком на ногу своего партнера, откинула голову и беззвучно захохотала.

Вернувшаяся миледи Лурeция неподвижно стояла возле открытой террасы. Ее зеркальный двойник срывал с себя одежду, томно извиваясь.

Блаженная Анастасия возле меня безмятежно наслаждалась мятным лимонадом. Провидица в зеркале швырнула об стену

стеклянную колбу с сизым дымом, а потом принялась неистово топтать осколки каблуками.

– Скверна взывает к скверне… – прошептала Анастасия, глядя, как ее двойник уничтожает то, что помогает вызывать видения.

Отражения перестали показывать лживую реальность. Отражения зажили своей жизнью, сотканной из чужих тайных желаний и серебра безжалостной амальгамы. Отражения отринули путы морали, и человеческие мысли выплескивались в амальгаму, становясь видимыми для всех и каждого.

Я огляделась.

Кто-то заворожённо всматривался в глубины своих и чужих помыслов, кто-то уже пришел в себя и начал кричать.

Август в зале стоял рядом со мной, внимательно рассматривая изумленных и испуганных людей.

В зеркалах нас с Августом не было. Мой взгляд заметался из одной рамы в другую, натыкаясь на порочные, странные, непонятные или пугающие сцены, но все лица были чужими. Темное серебро зазеркалья ни показывало ни меня, ни Рэя.

Зато там были принц и его телохранитель. За их спиной высилась огромная чаша, наполненная чем-то темным. Юстис схватил стража, прижал к себе, стиснул изо всех сил. И они оба рухнули в маслянистую жидкость, которая всколыхнулась, разбрызгивая красное…

– Гафар, убери это! Скорее! – разъярённый и мучительный крик наследника разбил звенящий ступор Совершенных. Советник императора тряхнул головой, отрываясь от созерцания, развернулся, его Дух вырвался из тела и кувалдой ударил в зеркала. Те взорвались – все разом. Тысячи осколков взвились в воздух и… осыпались беспомощной грудой мусора.

Без серебристой глубины отражения зал сразу стал значительно меньше и скучнее. Пустые рамы и голые стены выглядели пугающе.

– Расходитесь, – сквозь зубы выдавил принц. – Прием окончен!

Совершенные рванули к выходу.

Юстис – бледный до синевы – прищурился, рассматривая Рэя.

– Как вы это сделали? – почти выкрикнул он. – Как залезли к нам в головы? Как заставили увидеть *это*?! Это невозможно! Массовые галлюцинации? Бред! Милостивые святые! Сила скверны… сила бездны… Молчите. Не отвечайте!

Он устало закрыл глаза, а когда открыл снова – обрел спокойствие. Что ж, наследник умел брать себя в руки. На нас он не смотрел, лишь кивнул советнику, развернулся и быстро ушел. Серая тень стража скользнула следом.

Гафар поджал бледные губы и махнул охране.

– Этих. Запереть! —приказал он.

***

Я надеялась, что запрут меня в удобных апартаментах, но похоже, хорошее расположение принца закончилось. Несколько молчаливых стражников, обвешанных оружием, проводили меня на первый этаж, долго вели петляющим коридором, а потом открыли решетку. За ней лежала тьма, в которую мне совсем не хотелось вступать. Я замерла, сжимая кулаки и пытаясь призвать свое духовное оружие. Но моей спины коснулась чужая рука и тело охватила слабость. Мышцы налились тяжестью, я едва волочила ноги.

– Не сопротивляйтесь, госпожа, – тихо сказал страж. – Я не хочу навредить вам.

Меня мягко втолкнули во тьму, и решетка закрылась. Я вихрем обернулась и увидела, как опускается тяжелый толстый засов. Проклятие! Я надеялась на обычный замок, который смогу открыть!

Некоторое время я стояла, моргая и привыкая ко тьме. Но уже через минуту поняла, что свет тут все-таки был, просто рассеянный. Да и клетка выглядела не жутким подземельем, а обычной комнатой. У дальней стены нашлась узкая кровать, рядом стул и стол. Ширма, за которой, вероятно, находится что-то вроде уборной. Пустые полки.

Мутный свет лился через крохотное окошко наверху.

Подумав, я села на узкую лежанку, расправила платье. И некоторое время размышляла. Подумать было о чем.

– Эй, новенькая. – Тихий голос прошелестел где-то сбоку, и я подпрыгнула. Подлетела к стене, пытаясь определить источник звука. Мне ведь не послышалось?

– Кто здесь? – прошептала я.

– Я, – эхом отозвалась стена.

Я повела ладонью, пока не обнаружила трещину: маленькую пробоину не больше замочной скважины. За ней ворочалось что-то большое и темное.

– Ты кто? – спросила я.

– Неудачница, раз сижу здесь, – хмыкнул женский голос за стеной.

– Как тебя зовут?

За скважиной боязливо помолчали. Потом снова шепнули:

– Бриггита.

– Я знала одну Бриггиту, – подтянула я к стене стул и уселась сверху. – Мы вместе учились в Аннонквирхе.

Некоторое время за стеной висела тишина. Скважину что-то закрыло. Может, лицо пленницы, которая пытается рассмотреть собеседницу?

– Кассандра Вэйлинг?

– Бригитта? – Я вскрикнула и зажала себе рот рукой. – Это правда ты?

– А это ты? Хотя о чем я говорю… кто еще может сидеть в темнице, облаченная в невероятное золотое платье! Может, это все мне снится? Или я брежу?

– Нет, я настоящая! Но что ты тут делаешь?

Милостивый Пантелей, я была готова увидеть за решеткой кого угодно, но только не толстушку Бриггиту! Да эта скромница даже улицу всегда переходила лишь по разрешающему сигналу! Что она могла натворить?

Я вспомнила синюю гостиную Аннонквирхе, мое платье с шелестящим, как гремучая змея, подолом, запрещенный глинтвейн и сокурсников. Как же давно это было… Казалось – вечность назад. А ведь на самом деле прошло не так много времени. Вот только та Кассандра из Аннонквирхе сильно изменилась.

Впрочем, как и Бригитта, судя по тому, что толстушка оказалась в темнице дворца! Девушка за стеной невесело рассмеялась.

– Как ты оказалась в северной столице?

– Всего лишь открыла в себе талан прорицателя. Ты помнишь тот вечер в гостиной? Когда я увидела черный песок Равилона?

Я кивнула, но сообразив, что собеседница не видит, подтвердила шепотом:

– Конечно.

– После этого были другие видения. Не про Равилон, но вполне точные. Наставницы решили, что я очень способная, и меня перевели в

Неварбург. Знаешь, как я обрадовалась? Думала вот она – столица, прекрасная жизнь, дворец… А теперь я здесь.

– Но что ты натворила?

– Я… не помню.

– Как это? – удивилась я.

– Кассандра, – шепот оказался ближе, похоже, толстушка прижалась губами к скважине. – Мне страшно.

– Брось, тут даже крысы похоже не водятся, – ободрила я.

– Какие крысы? Ты что, не понимаешь? Раз ты здесь, с тобой тоже это случится.

– Что случится?

Бригитта едва слышно всхлипнула.

– Они заберут твой талан.

– Что?

– Я здесь уже неделю. Я считаю дни, наверху есть окно. Но за эти дни я не видела ни одного видения. Ни одного!

– Это от стресса.

– Кэссс, – всхлипнула Бригитта. – Со мной что-то случилось. Я помню свою комнату на Вербной улице, помню, что шла на занятие… а потом – провал. Я не помню, как оказалась здесь. Не помню, что натворила. У меня нет видений. И внутри меня что-то не так. Там так… пусто.

– Может, ты проголодалась? – осторожно предположила я. Было ясно, что девушка едва сдерживает истерику. – Ты спросила, почему тебя держат здесь?

– Мне сказали, что это вынужденная мера. Что идет… разбирательство, и пока я должна оставаться здесь. Но что произошло?

– Совсем ничего не помнишь?

Некоторое время Бриггита молчала.

– Кровь, – едва слышно шепнула она. – Там была кровь.

– Чья?

– Мужчины.

– Ты его знаешь?

– Нет. Никогда не видела. Он лежал… там.

– Где?

– Страшное место. Все затянуло дымкой. И так трудно вспомнить…Словно это было во сне… но я знаю, что это не сон! Кто-

то умер. И я была там. А потом… потом оказалась здесь. Меня не выпускают. Хорошо кормят. Приносят книги, если я прошу… Но у меня больше нет видений. Всегда были. Самые незначительные, даже глупые! Цвет занавесок в гостиной, в которую я войду через пару минут. Мелодия, которая зазвучит в чайной, когда я сяду за столик. Или опрокинувшаяся кружка… Разные мелочи. Но они были всегда. И вот уже неделю – ни одного. И внутри так тянет… тянет.

– Болит? – Слова Бриггиты сбивали с толка. Что, если девушка слегка помешалась? Или… стала деструктом. Может, бывшая сокурсница увидела убийство и это повредило ее Дух, а заодно и разум?

– Я не сошла с ума, – догадавшись о моих мыслях, сказала она. – Я все понимаю. Что-то случилось, Кэсс. Мой талан прорицания… исчез. Я стала пустой. Такой пустой…

– Но это невозможно, – фыркнула я.

И осеклась.

Если только…

Я вспомнила мальчика Юниша из дома на скале.

Отрезатели. Жуткие монстры, верящие, что можно забрать чужой Дух себе. Но что, если они верят в это не просто так? Хотя Ассамблея ученых и Святая Инквизиция утверждают, что эта банда – лишь головорезы, а их верование – ересь и кощунство, которому нет никакого оправдания. Отрезатели – сумасшедшие отщепенцы нашего общества и не более того.

Но что, если Бригитта попала к ним? И они что-то сотворили с несчастной девушкой? Я поневоле ощутила жалость. Толстушка, которая больше всего хотела быть гармонизатором в детском саду, не заслужила такой участи.

– Бригитта, – позвала я. – Кроме этой пустоты внутри, у тебя все… на месте?

Отрезатели режут тело, кромсают человеческую плоть, надеясь добраться до линий Силы. Чаще всего они покушаются на руку с браслетом, но случаи бывают разные… а потом уроды просто бросают несчастных калек умирать в луже собственной крови.

– Да, – сказала толстушка, и я вздохнула.

– Ты уверена?

– Кэсс, я не могла не заметить, что у меня не хватает руки или ноги, – неожиданно здраво буркнула Бриггита. – А если ты о чем-то внутри… то это я тоже не могла не заметить! Шрамов и повреждений у меня нет. Только…

– Только?

– Черная линия на груди. Поперек. И она не стирается.

– Точно?

– Я не сошла с ума. Хотя кто знает. Может, тебя тут даже нет, а я разговариваю сама с собой. И правда, откуда здесь взяться наряженной в золото Кассандре Вэйлинг?

– Ты потерла девственность на третьем курсе с Патриком Уэйном, – равнодушно огласила я. – И влюбилась в него по уши. Делала за него все задания и тесты. А твоя подружка Агнесса всем об этом разболтала, надеясь, что Патрик выберет ее.

– Что? Вот же стерва! – едва не завопила Бриггита, и я шикнула. – Ладно, ты настоящая. Мое сознание даже в бреду не придумает такую гадость.

– К слову, Уэйн лопоухий дурак, и что ты в нем нашла.

– Это точно ты. Кассандра «я никогда не влюблюсь» Вэйлинг.

Я подумала о темных как ночь глазах, которые светлеют, когда *ему* хорошо. Когда *он* счастлив. Когда целует меня…

– Идиотское прозвище.

– Что мне делать, Кэсс?

Я вздохнула. Если бы я знала…

– Верь в лучшее и повторяй девиз Аннонквирхе. Ты ведь помнишь его?

Забыть было трудно, ведь слова, выбитые на железной ленте у входа главного здания, ученики видели по десять раз в день.

– Алое пламя души согреет мрак вечной ночи, – прошептала толстушка. – И мрак падет.

– Верно.

– Вот только… – Бриггита почти поцеловала стену, ее шепот долетал с дыханием. – Вот только… Только кажется, что души у меня больше и нет. Ее забрали… Забрали.

Я промолчала, не зная, что еще сказать.

Похоже, Бриггита все-таки слегка помешалась.

Глава 26. Скверна

До утра я почти не спала. Кровать оказалась узкой, постельное белье пахло хлоркой, но было чистым. На столике стояла бутылка с питьевой водой. Еды не было, и я пожалела, что не съела на приеме парочку бутербродов. Легла прямо в платье, опасаясь раздеваться. За стеной царила тишина, Бриггита то ли уснула, то ли больше не хотела общаться, хотя я ее звала.

Но и мне было о чем подумать.

В голове все еще танцевали Совершенные. Скользил по мрамору шелк и бархат, мягко стучали золотые каблуки, звенели украшения и зеркала. Лучшие из лучших, пантеон, частью которого желает стать каждый житель империи. Сбывшаяся мечта. И пугающие люди. Их красота завораживает, их величие ослепляет. Но что кроется за безупречными лицами и телами?

Странно, но сейчас принадлежность Пантеону вовсе не казалась мне столь желанной. Скорее подобная возможность отталкивала.

Хотя мне-то переживать не о чем. Я-то никогда не стану полноправным неофитом Пантеона, это попросту невозможно. Я передернула плечами, вспоминая холодное лицо советника Гафара. Советник – стар, он старше императора и служил еще прежнему монарху, отцу Константина. Но на моложавом лице почти нет примет возраста, он выглядит мужчиной сорока лет. И все же, глядя в пустые глаза Гафара, ощущаешь гнет времени и что-то холодное. Словно на тебя смотрит не живой человек, а бог. Вечный, суровый, безжалостный. Едва ли милосердный.

Я подтянула колени к груди, выбрасывая Совершенных из головы. Сосредоточилась, пытаясь увидеть внутри себя часть чужой души.

– Кассандра?

Призрачная тень Августа появилась не сразу, а лишь спустя пару часов.

– С тобой все в порядке?

Я вскочила и быстро кивнула.

– Ты можешь нас вытащить? – тихо спросила я. – Как тогда, в храме?

– Здесь какая-то защита, – поморщился Рэй. – Наверное, о ней говорил Юстис. Даже явиться к тебе получилось не сразу.

– Это миротворцы. Гармонизирующие высокие вибрации. Они подавляют тебя. Ослабляют. – Я прошлась по тесной комнате, Август застыл на месте. Его призрачный силуэт был едва различим. А когда я неловко дернула рукой, он и вовсе почти развеялся. —Где тебя держат?

– Где-то на нижнем этаже, – обвел он взглядом обстановку. – Кассандра…

Он тяжело сглотнул, и я напряглась. Рэю трудно говорить? Его тень размылась настолько, что я уже не видела лица, лишь силуэт. Но внутри возникло гадкое болезненное чувство. С Августом не все в порядке. Его… били?

– Кассандра, я постараюсь что-нибудь придумать. Не бойся.

– Рэй!

Но он уже исчез. Узкая камера показалась слишком пустой и неуютной.

Я схватила бутылку и швырнула ее в стену. Стекло разлетелось осколками, вода стекла, оставляя потоки на штукатурке.

– Кассандра, у тебя там все в порядке? – долетел из трещины встревоженный голос Бриггиты. – Ты с кем-то разговаривала?

– Сама с собой, – подняв кусок стекла, я посмотрела на острый край.

Когда в крохотном окошке забрезжил рассвет, за дверью послышались шаги. Я вскочила, пряча осколок в складках платья. Загрохотал засов, и дверь распахнулась. В коридоре вытянулись сразу несколько стражей.

– О, прислали почетный эскорт? А почему форма не парадная? – съязвила я.

– Госпожа, следуйте за мной, – сухо сказал мужчина, вчера спеленавший меня своим Духом.

Я пожала плечами, как могла высоко подняла голову и вышла из камеры. Снова коридоры, лестницы, переходы. И незнакомый зал. Мебели в нем не было, кроме столика и кресла, на котором восседал Юстис. Сегодня принц выглядел еще более бледным и уставшим, чем в нашу первую встречу. Словно и он провел эту ночь без сна. Хотя с чего бы наследнику терять покой?

За спиной принца как обычно стоял его телохранитель. Неподвижная, застывшая фигура в серой форме. Хотя страж ли он? Снова в памяти возникли зеркала и отражения…

Дверь открылась, впуская еще одну группу стражей, гораздо более многочисленную, чем моя. Солдат было так много, что они полностью закрывали фигуру Августа.

Я хотела броситься к Рэю, но заставила себя остаться на месте. Лишь окинула взглядом его тело. Но ран или следов пыток не заметила. Лишь железные наручники, стягивающие запястья парня.

– Уходите, – махнул рукой принц.

Командир слегка поклонился.

– Вы уверены, Ваше Высочество?

– Да, идите.

– Задержанный может быть опасен, несмотря на усиленную гармонизацию…

– Проваливайте!

Еще один поклон без доли злости – и солдаты ушли.

Юстис поднял на нас взгляд. За прошедшую ночь его глаза стали еще светлее. Принц словно выцветал.

– Ваш арест был ошибкой, – резко бросил он. – Я разозлился. А Гафар… Гафар сделал неверные выводы. Я…прошу прощения за эту ночь.

Мы переглянулись, и Рэй поднял скованные руки.

– Это тоже ошибка?

Принц с досадой поморщился. Его страж качнулся за спиной. А железные браслеты на руках Рэя развалились на куски и стукнулись об пол. Словно невидимая сила разорвала железо как бумажный лист. Я моргнула. Хотя чему удивляться? У Юстиса тоже есть нейробраслет и наверняка немалые таланы. Его отец император – один из сильнейших миротворцев земли, сын пошел в него.

Вот почему принц отослал солдат. Его сила Духа могла запросто оторвать наши головы. Или… сила Духа его стража, потому что неизвестно, кто именно это сделал.

– Жест моей доброй воли, – криво улыбнулся Юстис. – И знак моей дружбы.

– Дружбы, – с несвойственной ему усмешкой повторил Август.

– Не верите?

– С трудом.

Принц потер лоб, словно у него болела голова. Телохранитель за его спиной качнулся, но остался на месте.

– Кажется, мне нужно загладить свою вину. – Наследник пытался говорить весело и беззаботно, но веселый тон резонировал с его глазами. Холодными и какими-то… отчаянными. – Скажите, чего вы хотите. Я приказал накрыть для вас завтрак в зимнем саду, это великолепное место. Экзотические растения, редкие птицы, фонтаны…. Свежие булочки, омлет с беконом и сыром, блины с икрой, пирожные… Чай – несколько сортов. Даже кофе, если пожелаете…

– Что вам нужно? – совершенно бесцветно спросил Рэй.

Принц осекся. В бледных глазах на миг показалась злость. Но так же быстро исчезла. Принц умел брать себя в руки. Он снова улыбнулся, видимо, собираясь перечислить остаток блюд, ожидающих нас. Но посмотрел в лицо Рэя и промолчал.

Снова потер лоб. А когда поднял голову, искусственная улыбка исчезла, а взгляд принца напомнил мне Гафара. Такой же холодный и безжалостный.

– Хорошо. Вы сами отказались от прекрасного завтрака под деревьями. Значит, по-дружески не хотите. – Юстис поднялся. – Заберите у Кассандры свой духовный цветок. Сейчас же.

Брови моего мужа удивленно поднялись.

– Какое вам дело до этого цветка?

– Просто сделай это! – почти выкрикнул Юстис, и я незаметно стиснула среди золотых складок осколок. – Сейчас же!

– Я не стану этого делать.

Юстис замер, словно споткнулся. Качнулся на носках. Его губы скривились.

– Жаль.

То ли он подал какой-то сигнал, то ли это планировалось с самого начала, но дверь открылась, впуская новых людей. Их тоже окружали люди в серой форме. Уже не охрана дворца, а личная гвардия принца, вооруженная до зубов. И я увидела, как вздрогнул Август, как исказилось его лицо. Среди бесстрастных стражей стояли пленники.

Прошло почти шесть лет с того дня, как я увидела в чайной «Клевер и роза» послушников семинарии и их наставника. Но сегодня сразу узнала старика. Все те же голубые, широко распахнутые глаза на

круглом лице, мягкая улыбка и венчик пушистых волос вокруг лысины. Отец Доминик, ставший Рэю практически вторым родителем. Тот, кто вырастил его, обучил и вытащил из Песков. Стоящая рядом Зоя была выше старика почти на голову. На девушке было черное платье с длинными руками, подол касался носков таких же черных туфель. Распущенные волосы падали на белую маску, в прорезях которой лихорадочно и зло блестели глаза.

Ирма покачивалась чуть в стороне. Одетая в свой траурный наряд, без вуали, но с венком на спутанных седых волосах. На ее лице дрожала улыбка. Кажется, провидица не понимала, где находится.

А за ними я увидела Фиби, Мишель и Арчи-Вулкана – деструктов из дома на скале. Им тоже не удалось избежать ареста. С едва сдерживаемым страхом всмотрелась в остальных, почти ожидая увидеть Марту и Бернара, но четы Пейп здесь не было. Я понадеялась, что с ними все в порядке.

– Вы обещали, что моих близких отпустят. – Август повернулся к принцу.

– Просто сделай, что я велел, и они уйдут. Им не причинят вреда, – процедил Юстис. Телохранитель подобрался ближе и возвышался за спиной принца.

– Но зачем? – Я переводила взгляд с напряжённого наследника на Рэя. Смотреть на последнего было почти невозможно. Я видела в его глазах отчаянное желание помочь, спасти тех, кого он любит, освободить. Эти чувства ломали, причиняли парню боль. Разрывали его на куски.

– Не ваше дело! – огрызнулся наследник. – Делайте, что велено. Обещаю, что отпущу этих людей. Истинодух! Да я даже выделю им ежегодное содержание и подарю дома где-нибудь у моря, в западном экзархате. Я держу свое слово.

– Кассандру тоже отпустите?

– Конечно, – поморщился Юстис.

– Август, не верь ему, – быстро произнесла я.

– Мальчик мой, просто сделай это. – Дребезжащий старческий голос заставил Августа дернуться как от удара.

– Рэй? Это ты? – Фиби качнулась вперед, на некрасивом лице расцвела счастливая улыбка. Ее взгляд снова и снова скользил по лицу Августа, и столько невыразимого упоения было в этом любовании, что

мне стало неуютно. Милая странная Фиби, готовая любоваться своим кумиром в любом из его обличий. Девушка качнулась вперед, безотчетно пытаясь приблизиться, но один из гвардейцев толкнул ее обратно. Фиби тихо охнула.

Август сжал кулаки.

– Рэй, прости нас, – виновато произнесла Мишель. – Мы не смогли убежать.

– Вы ни в чем не виноваты, – глухо уронил Август.

Зоя что-то простонала под маской, но слов было не разобрать. Она что же, говорить не может? Что с ней сделали?

Похоже, Август задался тем же вопросом.

Он шагнул к сестре, но гвардейцы вскинули оружие.

– Сделай, что я велю, и никто не пострадает! – выкрикнул принц. – Забери духовный цветок.

Рэй посмотрел на меня. Я медленно кивнула.

– Я не знаю как.

– Выпей это. – Юстис протянул темную склянку. – Выпей и пожелай забрать часть своего Духа. Сделать его цельным.

– Что это такое?

– Епитимья, – буркнул принц. – Темная.

Рэй хмуро повертел в пальцах пузырек.

– Ну? – выкрикнул принц, и пленников поставили на колени. Зоя дернулась, пытаясь сопротивляться, и снова застонала. Старик сложил ладони и начал молиться.

Под прицелом винтовок я медленно шагнула к Рэю и взяла его руки.

– Я буду твоим якорем, – тихо произнесла я. И добавила одними губами еще три слова. Они не прозвучали, но Август их увидел. Его зрачки расширились, словно он не верил в увиденное.

А потом Рэй сбил большим пальцем крышку склянки, опрокинул в себя жидкость и сжал мои ладони.

Дворцовый зал растворился вместе с пленными, гвардейцами, принцем и его стражем… Все исчезло. Мы стояли вдвоем среди пылающих звезд. Бесконечность звёздных огней стала нашим небом и нашей землей. Мы плыли в ней, оставляя за спинами горести, греясь в лучах внеземного вечного света. И в любви друг друга. Ведь именно она приближает к Истинодуху, к его сиянию во мраке.

– И я тебя, – сказал Август.

Звезды кружились в небесном хороводе. Такие яркие и чистые, такие бесконечные и совершенные. И мы кружились вместе с ними, становясь частью их, впуская звезды в свои души. Наполняясь их светом. Растворяясь в них и обретая их…

Капля света сгустилась между нами. Словно одна звезда сорвалась с бархата вечности и разгорелась у моей груди.

Я моргнула. Звезды исчезли.

А Август глухо застонал, на его лбу выступила испарина, лицо исказилось от невыносимой боли.

– Что вы ему дали? – закричала я. – Что он выпил?

– То, что нужно для завершения процесса. – Юстис дрожал так, что на него было страшно смотреть. – Наконец-то!

Его телохранитель скользко шагнул и положил ладони в перчатках на плечи наследника. И я вдруг подумала, что у принца и его тени одинаковые глаза. Светло-светло-серые.

– Август! – Я обняла трясущегося Рэя, пытаясь понять, что с ним происходит. Судя по его виду, это была не просто темная епитимья, это была какая-то отрава!

– Немедленно остановитесь! – Новый знакомый голос разорвал оцепенение. В распахнутые двери стремительно влился черный поток. Инквизиторы! Впереди чеканила шаг Аманда Вэйлинг. За ее спиной шел Дамир, а за десятком солдат в черной форме я, к своему удивлению, увидела Джему с клеткой в руках.

– Немедленно остановитесь! – повторила госпожа архиепископ. – Ваше Высочество, я требую…

– Убирайся! – яростно выкрикнул Юстис. – Да как ты смеешь мешать мне? Вторгаться в императорский дворец?

– Я требую передать этих людей во власть инквизиции. – Аманда – бледная, но решительная, со сверкающими глазами, – указала на нас.

– Я сказал – проваливай! Эти люди – не твое дело.

– Более чем мое! – упрямо возразила женщина.

И я даже восхитилась ее храбростью. Все же не всякий сможет так противостоять разозленному наследнику империи.

– Разрушительные вибрации, способные дестабилизировать и нанести вред империи – главное дело Святого Воинства. И носителей

подобных вибраций либо их влияния следует незамедлительно передать инквизиции. Я их забираю.

– Попробуй, – прошипел принц. – Я накладываю вето на твое решение. Именем наследника престола.

Аманда вытянулась в струнку. И я отстраненно отметила, какая же она все-таки красивая. Строгая прическа, черная форма с красным аксельбантом. Блестящие сапоги. Никакого оружия, но я помнила секиру, которую Аманда была способна сотворить из своего Духа.

Несгибаемая.

– Прошу простить. – Она стояла все так же ровно. – Но ваше вето не имеет силы. У меня приказ императора.

Она не глядя протянула руку, и стоящий позади Дамир вложил бумагу с гербовой печатью.

– Что? Отец отказал? Он не имеет права… он не мог!

– Его Величество император Константин запрещает использование Духа разрушителя для вашего Возвышения. Это… опасно.

– Это единственный выход!

– Возвышение? – повторила я. – Использование Духа разрушителя? Какого черта?

Дамир тихо хмыкнул, словно удивляясь моей дерзости. Норингтон смотрел на меня, не отрываясь – с той минуты, как перешагнул порог зала. Я отвернулась от его глаз. Слишком много там было… всего. И слишком мало меня сейчас заботили чувства бывшего друга.

Август выпрямился, но его трясло, лицо побелело.

Страж за спиной принца вдруг задрожал, дергаясь подобно сломанной кукле. Неподвижные серые глаза смотрели на Аманду.

– Я отказываюсь. – Юстис со злостью швырнул бумагу на пол. – Отказываюсь подчиняться. И приказываю вам покинуть дворец, иначе все вы будете арестованы.

– Вы осознаете последствия, Ваше Высочество? – очень спокойно спросила Аманда.

– Последствия? – Юстис рассмеялся так, словно это была очень забавная шутка. Он наклонился, всматриваясь в лицо стоящей перед ним женщины. – Ну конечно, Аманда. Наш воинственный архиепископ. Осознаю ли я? А ты осознаешь? Ты ведь помнишь тот

день так же хорошо, как и я, верно? Или даже лучше? Ведь я был лишь ребенком, а ты смотрела на мир взрослыми глазами. Что ты ощутила, когда поняла, что не успела? Что нож отщепенца вспорол шею наследника монархии? Что мальчик стал трупом? Ты видишь тот день в кошмарах? Снежный бунт, так его назвали люди. Я называю это днем своей смерти. И все еще чувствую ту рану. А ты? Именно ты зажала рукой мою шею, надеясь остановить кровь. Надеясь, что мальчика еще можно спасти.

Юстис вдруг дернул высокий воротник рубашки, и все увидели жуткий рубец.

Я обвела взглядом военных. Гвардия наследника напоминала статуи. Инквизиторы стояли с лицами восковых кукол – ни одной эмоции. Лишь у Дамира до предела расширились зрачки, все-таки он был не таким закаленным и понимал, чем грозит тайна, к которой мы все стали причастны. В лучшем случае – ментальной чисткой памяти.

В худшем…

За спинами солдат побледнела Джема. Она-то что здесь делает? Ее зеленая форма миротворца контрастировала с черной и серой.

– Но я спасла вас, – тихо сказала архиепископ, и я снова глянула на нее.

– Какой ценой? – рявкнул принц, и Аманда побледнела еще сильнее. – Мой Дух отделился от тела! Я умер, забери тебя бездна.

– Вы живы, Ваше высочество. Даже если ваш Дух отныне существует отдельно. Вы живы.

Я перевела потрясенный взгляд с принца на его телохранителя. Хотя какой он к черту телохранитель? Дух, отделенный от тела наследника в день, когда на дворец напали мятежники.

– Эта жизнь хуже смерти!

Юстис сорвал с рук перчатки и швырнул в Аманду. Та даже не вздрогнула. И я снова увидела пятна на руках парня. Это были не следы кофе, как мне показалось в день знакомства. Это были следы разложения. А еще… мои глаза удивленно расширились – на обоих запястьях наследника блестели золотые нейропанели. Два браслета! Я никогда такого не видела! Даже не знала, что это возможно…

– Это не спасение, это кандалы, ты что, не понимаешь? Я ни жив и ни мертв, я нечто… среднее! Мне необходимо это Возвышение!

– Отец продлит ваши годы на…

– На сколько? – заорал принц, и несколько инквизиторов все-таки вздрогнули. Они держались, но я видела смятение в их бесстрастных глазах. Может, потому что выросла среди вояк. Конечно, не каждый день узнаешь, что надежда империи, достойный сын монарха и наследник – какое-то… чудовище. – Мне необходим ритуал, ты что, не понимаешь? И этот Дух! Такое слияние возможно лишь в низких вибрациях. Высокие делают только хуже, они убивают меня!

– Но и низкие могут не сработать! Юстис, послушай меня. – Архиепископ облизнула губы и внезапно перешла на неформальное обращение.

Я на миг ощутила горечь. Похоже, с наследником Аманда была гораздо ближе, чем со своей родной дочерью. Может, все что принц говорил о ней, – правда. Может, он действительно считает ее близким человеком. Когда-то она зажимала тонкими пальцами рану на его шее, пытаясь отогнать смерть.

Что ж, вероятно, это сближает.

– Ты веришь в теорию низкочастотного слияния, но она не доказана! Нет ни одного доказательства, что это сработает! Когда… когда все случилось, мы хватались за любые возможности в попытках сохранить вашу жизнь. Теория низкочастотной конъюгации казалась хорошим вариантом. Но новые данные доказывают, что это слишком опасно! Мы не знаем, что случится, если слияние произойдет. Маловероятно, что ваш Дух воссоединится с телом. Вы не деструкт. Вы…

– Монстр! Это сработает! Только разрушитель способен регенерировать с такой скоростью и силой! Он спасет меня!

– Ты веришь в невозможное!

– Позволю себе вмешаться. – Негромкий голос вызвал новое изумление, потому что заговорил не кто иной, как господин отец Доминик – наставник Августа. Он встал с колен, а гвардейцы отошли в сторону, словно никогда и не угрожали старику. Святой отец оправила рясу и улыбнулся Аманде. – Вы не правы. Исцеляющие способности разрушителя действительно потрясают. Мальчик умирал как минимум два раза, а после – снова открывал глаза. И это при незавершенной инициации, ведь он все еще не вошел в полную силу. Но тем не менее это удивительный случай. Я все еще настаиваю, что такой Дух действительно может спасти наследника.

– Наставник, о чем вы говорите? Что происходит? – в глазах Рэя не было обиды, лишь непонимание. Он все еще не осознал слова того, кого считал своей семьей. А вот я уже догадалась. И горечь предательства – чужого, но оттого еще более страшного, разлилась во рту словно кислота.

Шестнадцать лет назад мятежники пытались захватить императорскую семью и устроить переворот. Снежный бунт принес несколько смертей, но монарх и принц выжили. Так все думали… На самом деле юного Юстиса тоже убили. Нейробраслеты привязали его Дух к телу – странным, противоестественным, жутким образом. И все же этого оказалось недостаточно. Зато в это же время далеко в горах под завалами нашли юного Рэя Эттвуда. Мальчика, который очнулся после смерти. И кто-то во дворце решил, что это сможет спасти будущего императора.

Старик с наивными голубыми глазами и венчиком пушистых волос выступил вперед. И гвардейцы, которые якобы держали его в плену, послушно расступились.

Август моргнул. Мне стало так больно, что хотелось заорать. Хотелось ударить этого человека с добрым лицом и наивными голубыми глазами.

– Святой отец, ваши теории не имеют подтверждений, – скривилась Аманда.

– Но они дают мне надежду, – возразил принц. – Святой отец обещает успешное слияние и мое полное восстановление…

– Это разрушитель, Юстис! Я против. Твой отец против! Он осознал опасность, пойми же ее и ты! – не сдержалась Аманда. На ее бледном лице вспыхнул злой румянец.

Я сделала осторожный шаг назад. На грудь давило. В ушах нарастал звон. Оглянулась и увидела Джему – совсем рядом. С клеткой в руках она казалась чем-то чужеродным. Девушка открыла рот, и я прочитала по ее губам.

«Опасность! Низкие… частоты…»

Да, я тоже их ощущала. Агрессия. Злость. Обида. Ужас и страх. Нарастающая паника. Если бы в этом зале был низкочастотный датчик, он бы уже вопил во всю мощь. Но его здесь не было.

Джема указала глазами на двух мужчин в сером. Их напряженные лица заливал пот, тела дрожали, зрачки сошлись в точки.

«Миротворцы. Не справляются», – шепнула Джема.

«Подключайся», – ответила я, пользуясь тем, что на нас никто не смотрит. Рыжая кивнула, посмотрела на клетку. И сунула ее мне в руки. Ткань упала, и я увидела Опиума. Крысеныш заметался внутри. Я не придумала ничего лучше, как открыть дверцу и вытащить зверка. Опиум сгоряча цапнул меня за палец, словно мстил за то, что я его оставила. Я ахнула, выпустила крысеныша, и тот юркнул в сторону, ловко пробираясь между людьми. Но я успела увидеть то, что случилось, когда взяла его руки. Какой стала его шкурка…

– … конечно, взращивание регенерационного резерва его Духа пошло не по плану… К сожалению, я не в силах предусмотреть все. Например, рождение разрушителя должно было случиться под моим чутким присмотром, но вы же понимаете, насколько это удивительный случай? Я способствовал его усилению, читая ритуальные молитвы, они блокируют гармонизаторов.

Что?

Я вдруг вспомнила удивление Августа: «Мой наставник так испугался, что неправильно прочитал молитву, а ведь он знает ее лучше, чем свое имя». Но ошибся лишь Август. Ошибся, когда доверил свою жизнь проклятому церковнику. А вот отец Доминик знал, что делает. В Нью-Касле он не пытался спасти своего воспитанника. Он способствовал рождению разрушителя.

Не обращая внимания на наше изумление и горечь, отец Доминик продолжал:

– … непредсказуемо. Ведь передачу части Духа в виде духовного цветка не смогла увидеть даже Блаженная Анастасия! Кто мог подумать, что появится какая-то девушка и Август внезапно решит отдать ей часть своего Духа! Немыслимое совпадение!

– Чудовище приближается, – с безумной улыбкой внезапно пропела Ирма. – Чудовище скоро будет здесь.

Один из гвардейцев оттолкнул девушку, и Зоя замычала, затрясла головой. Маска слетела с ее лица – и оказалось, что ее рот заклеен липкой лентой. Сестра Рэя яростно дернулась, а в ее несвязном стоне ясно прозвучало: «Ублюдок!»

Похоже, Зоя узнала о предательстве раньше нас.

Фиби, Мишель и Арчи сбились в кучу и казались перепуганными цыплятами среди ворон.

– Но я настаиваю, что теория работает, а мой подопечный может служить донорным Духом для излечения Вашего Высочества…

– Наставник, о чем вы говорите? – повторил Август. Так мягко. Так доброжелательно. Мне захотелось подойти к его наставнику и воткнуть нож в сердце. В подлое, мерзкое сердце!

– Вы играли с огнем! – вскричала Аманда. – Вы не имели права скрывать подобные факты от инквизиции. От меня, в конце концов!

– Ты слишком консервативна, Аманда, – оборвал принц. – Как и мой отец.

– Он осознал, что этот путь приведет к краху! Послушай же…

– Анастасия видела, что все получится! Она предсказала удачное слияние!

– Но появился Рубеж, – тоненьким и каким-то отстранённым голосом снова сказала Ирма и захихикала. – Рубеж – та, кто меняет полотно судьбы. Та, кто приняла решение, и все пошло совсем не так. Привет, Рубеж. Ты принесла мне яблоко?

Я неловко улыбнулась девушке. Ирма существовала сразу в двух мирах – реальном и выдуманном. Я не знала, видит ли она меня на самом деле.

– Прости, нет.

– Наставник, – Август выглядел по-настоящему плохо: лицо посерело, белки глаз покраснели, обозначились морщины, которых раньше не было. То, что выпил Август, убивало его. Но голос звучал по-прежнему уважительно. – Вы знали, кто я? Когда пришли к моим родителям и велели им отдать воскресшего мальчика в семинарию Духа, вы знали, что я будущий разрушитель? Вы растили меня с целью… с какой, наставник?

– Август, помолчи. – Священник с досадой поморщился. – Есть вещи гораздо более важные, чем жизнь одного человека. Ты получил должное воспитание и должен понимать, что твой путь – служение. Служение высшим целям.

– Служение высшим целям?

Август медленно перевел взгляд на принца. В нем что-то менялось. Я чувствовала это. Кажется, Аманда тоже, все же она была талантливым миротворцем.

– Повышение низкочастотного фона, – выпалила она. – Ваше высочество, надо…

– Не переживайте, – с видимым превосходством сказал священник. – Нейропанель Августа видоизменена. Антиматерия внутри разрушителя поддается контролю. А епитимья, которую он принял, временно заблокирует его способности. Ближайшие часы Август совершенно не опасен.

– Видоизменена? – Август поднял руку и смотал бинты, закрывающие запястье. Я увидела, как поморщился Юстис, глядя на черный разомкнутый браслет. Август поднял голову и посмотрел на человека, которого любил всем сердцем. – Из какого плена вы спасли меня, наставник? Где я был? В Песках?

Аманда вздохнула. Ее взгляд на миг задержался на мне, но тут же скользнул дальше.

– Вы никогда не были в Песках, Август Рэй Эттвуд. Клянусь вам как архиепископ инквизиции. После Нью-Касла мы потеряли вас. А вот Его Высочество, похоже, знает больше, но решил не делиться этими сведениями с инквизицией.

– Его высочество больше не уверен в твоей лояльности и верности, Аманда, – высокомерно произнес принц. – Ты должна защищать меня.

– Я должна защищать империю, – с безмерной усталостью ответила она.

– Этот спор не имеет смысла, – отрезал Юстис. – Я приказываю арестовать архиепископа и ее солдат и проводить в заключение. До дальнейших распоряжений.

– Все, кто это сделают, нарушат прямой приказ императора Константина, – быстро отбила женщина. – Действующего монарха.

– Моя гвардия подчиняется лично мне, Аманда, – усмехнулся наследник.

Военные переглянулись. Серые вскинули оружие. Инквизиторы тоже.

В глазах миротворцев появилось отчаяние. Их гармонизирующие волны катились по залу, но разбивались о камни возрастающей агрессии. И чего-то еще. Чего-то гораздо более страшного. Того, что еще не осознал Юстис. Но того, что ощущала я, Джема, моя мать и миротворцы…

– Бездна, да арестуйте же их! – вскричал принц.

Серое и черное смешалось. Зал наполнился криками, руганью, пыхтением и звоном стали. Применять рядом с его высочеством огнестрельное оружие было слишком опасно, и гвардия пыталась справиться с помощью холодного. Кто-то пихнул меня в спину, оттеснил от Августа, кто-то оттащил в сторону и заслонил собой… Дамир возвышался рядом, прикрывая меня своей спиной.

– Кассандра, – рядом возникла дрожащая фигура Аманды, и я удивилась, увидев ее глаза. В них был ужас.

Несравненная Аманда чего-то боится? Разве это возможно?

– Кассандра! Сдержи его! Умоляю! Сдержи. Я уведу вас… уведу!

Что?

Я проследила за взглядом и увидела Августа. Поток дерущихся обтекал его, как вода бетонную стену. Ни одна рука не коснулась Рэя. Ни одно оружие. Воздух вокруг него дрожал, словно вокруг пылающей звезды.

– Он усиливает низкие частоты. И усиливается сам, – торопливо выдохнула моя мать. – Сдержи это. Иначе…

Иначе…

Жуткое дежа вю пронзило ударом по дых. Уши начало закладывать. Так уже было когда-то, в чайной «Клевер и роза».

Расталкивая военных и пытаясь не попасть под чей-то нож или меч, я начала пробиваться к Августу.

– Наставник, где вы держали меня? – Его негромкий задумчивый голос разлетелся по залу. – Это ведь были вы, не так ли? Вы заточили меня в камере, выкрав из морга Нью-Касла. И потом якобы спасли… Не спрашиваю зачем. Суть мне ясна. Я стал вспоминать и усиливаться. Вы боялись, что не сумеете контролировать процесс и дальше. Пришлось разыграть мое спасение. Но я хочу знать, где именно меня содержали.

– Там, где антиматерия могла разрастись под моим присмотром и контролем.

– Но вы просчитались, – так же задумчиво, словно и не замечая творящегося вокруг хаоса, произнес Рэй. – Я оглушил охранника. И смог выбраться наружу. Я забыл… Но воспоминания возвращаются… я помню… черный песок.

Я вздрогнула. Перед глазами на миг встала синяя гостиная Аннонквирхе, веселящиеся под глинтвейн студенты, соединенные

руки… Чья сила тогда повлияла на Бриггиту и позволила увидеть часть чужой жизни? Не моя ли? Или… это была сила осколка в моей груди? Сила разрушителя?

И воспоминание было его? То, которое он забыл?

«…Черный песок так мягок… Змеи тянутся по следу, стервятники ждут, когда я упаду… Огонь горит в башне, словно кровавый маяк. Уже рядом… Где трон, которым ты славен…»

Милостивые святые… помогите всем нам!

– Кто вы, наставник? – очень уважительно спросил Август.

– Когда-то меня звали отец Доминик, патриарх империи и настоятель самого большого в мире храма. Его купола сияли чистым золотом, а огромный лик Истинодуха над алтарем заставлял плакать тысячи прихожан, заходящих в наши двери. А потом этого храма не стало. Как и города, в котором я вырос. Все потому, что родился человек, подобный тебе. Разрушитель. Вся империя знает его имя, синоним зла. Эзра Кросман разрушил мой храм и город. Я один из немногих выживших. Человек, который сумел сжечь свой Дух, чтобы осветить путь тем, кто ищет дорогу к Истинодуху.

Благословенный Доминик. Так называли этого человека из погибшего Равилона. А потом его имя стерли, как и все упоминания проклятого города. Но Равилон пал десятилетия назад! А Доминик не выглядит развалиной. Хотя чему я удивляюсь… У патриарха есть нейропанель.

– …но святые направили меня, – снова услышала я голос старика. – Я узнал, как победить и выжить. За это Истинодух наградил меня силой менталиста, а Его Величество пожаловал сан.

– Значит, вы стерли мои воспоминания.

– Заблокировал. Антиматерия внутри тебя сопротивляется любым внушениям.

– Но они возвращаются. Воспоминания. Вероятно, после ритуала, который вы планируете, я не выживу?

– Твой путь – служить высшей цели, Август, – спокойно, с невероятной уверенностью произнес старик. – Я вложил в тебя осознание твоей незначительности перед лицом высшей справедливости. Я учил тебя послушанию и готовности жертвовать собой. Просто прими свою судьбу. Ты был рожден для хорошей цели – исцелить будущего монарха нашей империи. О тебе будут помнить.

– Благая цель, – без выражения сказал Август. Мне от его тона стало страшно. А вот наставник, похоже, не понял иронии.

– Прекрасная цель. Случай принца – особенный, здесь нужен осторожный подход… И желательно – добровольное участие донора… Так все пройдет гораздо легче…

– Понимаю. Благословенный Доминик. Тот, кто сжег свой Дух в проклятом городе. Но вы все еще живы. И выглядите вполне здоровым. Вероятно, поэтому вас выбрали в мои наставники. Вы тоже лишились Духа, но нашли способ жить без этого. Тот самый ритуал?

– Ты всегда был способным учеником, Август. А сейчас нам стоит покинуть это помещение и сопроводить принца к…

Меня кто-то толкнул в спину, я упала на колени. Вскочила, озираясь. Дамир – бледный, с расширенными зрачками, – указал на инквизитора, который едва не снес мне голову. Я уставилась на Норингтона, ожидая, что тот снова потащит меня к выходу, но он удивил.

– Двигаемся к разрушителю. Мы с архиепископом прикрываем. Джема обеспечивает гармонизирующую волну. Начали!

Удивляться было некогда, Дамир и Аманда закрыли меня с двух сторон, отбиваясь от атак и серых, и черных. Кажется, теперь все сражались со всеми, плохо понимая, что происходит.

– Они все сошли с ума?

– Да, – коротко ответила моя мать. – Превышен уровень… антиматерии. Общая агрессия достигла критической отметки, еще немного и все перебьют всех. Я едва сдерживаюсь, чтобы не напасть.

– Я… тоже, – прохрипел Дамир. Его глаза бешено блестели. Он сражался за нас. И с собой. Спокойнее всех выглядела Джема. Ее сосредоточенное лицо заострилось, волосы разметались, глаза сверкали. Гармонизирующие потоки, исходящие от девушки, катились волнами, перерастая в цунами.

– Умница, – выдохнула Аманда с восхищением. – Какая же ты умница, Джема!

Я ощутила укол ревности. Глупой, неуместной ревности… Просто я никогда не слышала от своей матери похвалы…

– Думайте о тех, кого любите, – выкрикнула Аманда. – Любовь – иррациональное чувство. Но это самая высокая и самая сильная вибрация! Думайте о тех, кого любите!

Джема посмотрела на Дамира. Дамир посмотрел на меня. Аманда не смотрела ни на кого. Я не отрывала глаз от Августа. Он наклонил голову, темные волосы упали, закрывая его глаза. что-то тихо сказал…

Скорее!

***

… Все эти годы. Проклятые годы, когда я верил, что у меня есть наставник – мудрый и любящий отец, ведущий меня к свету. Тот, самый, что забрал меня из семьи, тот, что приставил ко мне надсмотрщика, тот, что приказал избивать меня.

Ложь.

Слишком много лжи.

Можно выдержать тысячу ударов кнутом и стать сильнее. Можно выдержать голод, побои, заточение. Жестокость и злобу, даже вину. Но одно предательство все меняет. Понимание, что все было напрасно, было иллюзией. Нет и не было никакого наставника.

– Скажите, наставник, – поднял я голову, всматриваясь в знакомые глаза. – Когда вы отдавали приказ избивать меня, кого вы видели? Августа или того, кто погубил ваш город и вашу жизнь? Кого вы так ненавидите, меня или Эзру Кросмана, давно погибшего?

Наставник поджал губы. Такой знакомый жест недовольства. Ты недостаточно усерден, Август. Ты мало молился, Август. Ты задаешь вопросы, Август… Будь послушным, Август. Ты заслужил наказание, Август, ты виноват…

Виноват, виноват, виноват.

Я верил в это. Как же я верил в это!

– Это неважно, – отрезал отец Доминик. – Все, что я делал, было необходимостью, дабы взрастить твой Дух. Твоя плоть не имеет значения, а физическая боль ускоряет регенерацию. Чем она выше, чем больше шансов у наследника. Сегодня ты исполнишь свой долг. Ты готов.

– Довольно слов, – оборвал принц.

– Даже такой, как он, имеет право узнать правду, – выпрямился наставник.

– Такой, как я. – Глухой смешок застыл на губах.

– Хватит. – Юстис с тревогой оглянулся на сражение в зале.

Я тоже, пытаясь рассмотреть среди черных и серых фигур Кассандру. Зою. Ирму, остальных. Тьма была повсюду: затягивала

глаза пленкой, застилала разум, наполняла тело. Я пытался сбросить ее, но она лишь ширилась. Тьма и боль от выпитой епитимьи. Рука под нейропанелью горела, словно ее снова сдирали заживо…

– Отлично, настой действует, – донесся довольный голос наставника. – Еще немного, и он отключится.

– Ведите его в лаваторий, – приказал Юстис. – Скорее!

Кто-то схватил меня, потянул, вздернули. Неужели я упал? Надо встать. Надо спасти… Спасти…

Я качнулся, ощущая тупую боль в теле и голове. Внутри что-то рвалось и ломалось, хрустели кости.

Ноги подкосились, и я снова едва не упал.

– Эй, он что, не сможет идти? Его нести придется…

– Одну минуту, наставник. – Я облизал сухие губы, заморгал, снова всматриваясь в расплывающиеся силуэты. Почему так больно. Так плохо. Я почти ничего не вижу… – Я еще не дал своего согласия.

– Милый мальчик… согласие – приятный дар… Но не обязательный… Главное, что ты вернул часть своего Духа. Ах, этот духовный цветок, сколько проблем из-за него… Глупый мальчишеский порыв…

– Вы правы, наставник. Я был очень глуп, – с мягким, вежливым сожалением произнёс я, и отец Доминик кивнул, довольный. И даже поднял пухлую ладонь, останавливая гвардейцев и давая мне договорить. Какая щедрость… – Я верил вам. Любил вас. Высшая цель… конечно. В это я тоже верил. В то, что добро обязательно побеждает. Странно, что тот, кто учил меня этим истинам, сам оказался злом. Это так… странно. И я мог бы простить вас, если бы дело было лишь во мне. Но Зоя и Ирма. Их вы тоже держали в заточении, пусть не в камере, как меня, но в заточении. Держали как страховку, если однажды придется на меня повлиять. Не так ли?

– Всего лишь два деструкта.

– Кассандра имела все шансы присоединиться к ним, если бы не оказалась дочерью архиепископа. Вероятно, ее даже убили бы, чтобы вернуть часть Духа, который я ей подарил. Но у Кассандры оказалась слишком влиятельная родственница. И вы пошли другим путем…

– Это уже неважно…

– Я вспомнил, наставник. Инквизиция ошиблась. Они думали, что я буду искать яму скверны, чтобы завершить свою инициацию. Что

скверна будет звать меня. Но мне это уже не было нужно. Ведь я уже был в яме скверны. Там, где когда-то вы сожгли свой Дух, наставник. Или свою душу? Ту, что отвечала за любовь и милосердие.

– Перестань…

– И это очень большая яма, ведь так? Самая большая из существующих. Вы хотели сделать меня очень сильным? Вырастить подконтрольную послушную антиматерию. Мое тело и мой разум всего лишь незначительная помеха. Сосуд, не имеющий значения.

Очень медленно, шатаясь, я выпрямился…

– Довольно слов. Просто прими свою судьбу, Август.

***

На нас снова напали. Аманда и Норингтон сражались с такой силой и яростью, что я успела ими восхититься. Прежде чем выхватила у кого-то клинок и тоже бросилась в бой.

– Я… больше… не могу… – прошептала Джема. – Он… усиливается…

Август стоял возле окна и потоки света омывали его фигуру. Слишком много света… Слишком много… а еще – пепла? Откуда он взялся в этом зале?

Меня снова сбили с ног. Я покатилась по полу, загребла в ладонь песок. И с ужасом уставилась на крупинки. Черный песок, которого не могло здесь быть. Но он появился. Как и пепел. Как и невозможный безжалостный свет.

Черный песок проклятого Равилона. Самая большая яма скверны…

– Вы правы, – ровный голос Августа внезапно пролетел над залом. Словно жаркий ветер, рассыпающий пепел… По лицу Дамира текли капли пота. С вытаращенными глазами на нас напал очередной сошедший с ума инквизитор, его кулаки светились от сконцентрированного Духа и один удар мог проломить череп как скорлупку. Белый меч Норингтона описал широкую дугу, и отрубленная рука солдата упала на пол.

Меня затошнило.

– Вы правы, наставник. Надо просто принять свою судьбу. Перестать ей сопротивляться. Я был рожден не для служения Истинодуху. Не для семинарии. Не для добра. Иногда чтобы победить

зло, надо стать еще большим злом, верно? Я был рожден разрушителем. И я принимаю эту роль. Благодарю за науку, учитель.

Август поклонился. Низко. Как кланяются ученики духовной семинарии своим добрым и мудрым учителям.

Отец Доминик неуверенно улыбнулся. Открыл рот, чтобы что-то сказать. Юстис закричал. Гвардейцы окружили Августа. И разлетелись, словно изнутри их отшвырнула противоестественная, невозможная сила.

– Я скверна, – очень спокойно и ровно сказал Август. – И скверна взывает к скверне.

А потом черный песок и серый пепел стали заворачиваться в воронки. Одна, вторая, третья… Тайфуны, сотканные из чужой боли и мучительно разорванного Духа.

– Блуждающие вихри, – выдохнул кто-то. И заорал, уже на все мощь легких. – Блуждающие вихри!

Изумленные и шокированные люди шарахнулись в стороны, пытаясь убежать от того, что вызывало глубинный, инстинктивный ужас.

– Прекрати! – заорал отец Доминик. – Немедленно остановись! Я тебе приказываю!

– Я больше не подчиняюсь вашим приказам.

– Да как ты смеешь? – Церковник вытаращил глаза и махнул рукой на девушек. – Убить деструктов! Сейчас же!

Гвардеец взмахнул мечом, целясь в Ирму, но с ревом его сбила невесть как освободившаяся от наручников Зоя. Сбила, запрыгнула на спину стража, вцепилась зубами в его ухо. Тот заверещал, кружась и пытаясь сбросить с себя разъярённую фурию.

Ирма не отреагировала. Она покачивалась в трансе, ее глаза побелели.

– Близко… – шептала девушка. – Уже близко… Оно идет… Чудовище.

– Подчинись! – орал отец Доминик. – Август, подчинись! Ты не сможешь… Ты совершенно безвреден…Ты…

Я прокатилась по полу, избегая лезвий и мечей, встала на колени. И увидела, что возле Августа стоит Фиби. В безумии битвы она как-то сумела приблизиться к своему кумиру. Август моргнул. Его неподвижное лицо дрогнуло. Он посмотрел на девушку, узнавая.

– Фиби? Уходи. Немедленно уходи!

– Рэй… – неуверенно улыбнулась та. – Какой же ты красивый. Я всегда это знала…

Она протянула ладонь, желая его коснуться. Несмело, робко.

Меч гвардейца понизил ее тело. Некрасивое лицо Фиби стало удивленным, она посмотрела вниз. Рука, так и не коснувшаяся Августа, повисла, девушка упала.

– Нам конец, – с убийственным спокойствием сказала Аманда.

На миг стало так тихо, что эта тишина звоном отозвалась в ушах.

Потом тоненько заверещала Мишель.

Август посмотрел на Фиби. Потом на отца Доминика. Тот попятился, все еще выкрикивая приказы и требования. Его бывший ученик сжал ладонь, в которой появилась черная глефа. Взмахнул ею. И голова церковника покатилась по полу. Рот был открыт, словно отец Доминик все еще пытался урезонить Августа.

Разрушительная, жестокая волна понеслась по залу, превращаясь в шторм. Вихри бушевали, хватая убегающих солдат, отрывая куски плоти, оставляя от людей лишь серые призраки, а то и не оставляя ничего.

Юстис и его оторванный Дух метнулись к книжным полкам, и те разошлись, повинуясь невидимому рычагу. Но не тут-то было. Танцующий вихрь подхватил принца за ноги и потащил по полу – к Августу.

Юстис тонко завизжал. Его стаж-телохранитель опал, оставшись кучей одежды на полу, и освобождённый взмыл в воздух. Словно призрак, размытый по краям, серый, белоглазый.

Солдаты кричали, валясь на колени. Из их глаз и ушей текла кровь.

Джема без звука повалилась на пол, и я едва успела схватить ее, чтобы девушка не приложилась головой об мрамор.

Август стоял у окна и белый свет омывал фигуру с черной глефой, сотканной из Духа разрушителя. На его руке чернел браслет – полностью сомкнувшийся. Разрушитель прошел свой путь и завершил инициацию.

На полу корчились и стонали солдаты, истекающие кровью. Сила давила нас всех, без разбора. Еще немного – и на мраморе останутся лишь трупы… или лишь пепел и песок?

Глефа взлетела над телом Юстиса.

– Отпусти его! – Жесткая рука, которая когда-то гладила меня – маленькую Кассандру – по голове, утешая, развернула и прижала к такому же жесткому телу. Аманда, ах нет – архиепископ Святой Инквизиции, – приставила к моей шее белый серп. – Отпусти наследника, Август. И я не трону Кассандру.

– Вы готовы убить свою дочь? – в голосе разрушителя не было ни удивления, ни сожаления, ни вопроса. Что-то в нем изменилось. И это причиняло мне почти физическую боль.

– Отпусти принца. Я сделаю то, что нужно. Это мой долг.

– Не удивлен, архиепископ. Мой наставник тоже верил в свой долг. Благими намерениями выложен путь в бездну. Я знаю это как никто.

– Я сказала: отпусти наследника. – Шее стало холодно. И мокро. Боли я не чувствовала – так странно. Лишь кровь, текущую на грудь.

Лицо Августа исказилось.

– Не смей. Ее. Трогать, – чужим голосом произнес Август.

Блуждающие вихри завертелись рядом, я видела внутри то, чем они когда-то были: раскрытые рты, глазницы и черепа, сливающиеся и перетекающие друг в друга. Тела, сцепленные в жутких объятиях, и души – сплавленные навечно и жаждущие новых душ.

– Отпусти Юстиса! – отчаянно закричала Аманда.

А сам принц, извернувшись на полу, швырнул в лицо Августа черный песок, ослепляя на миг, а потом следом – белое лезвие, размером с ладонь. Оно вошло в плечо разрушителя. Второе – в его грудь. Третье – в живот. Блуждающие вихри почернели, словно боль того, кто призвал их, увеличивала темную мощь. Юстис вскочил и замахнулся, белое лезвие вошло в сердце Августа.

Почти вошло.

Потому что за миг до этого черная глефа вонзилась в его тело.

Мне стало больно…

Дубовые двери слетели с петель и что-то мощное ворвалось в зал, отгоняя вихри. Моргая, я всмотрелась и увидела стоящего в дверях старика. Лысый череп в пигментных пятнах, сгорбленное тело, трость, на которую он опирался… Я помнила его. Старец из ложи в Люпьенском театре, которой смог сорвать покров, накинутый тогда Августом.

– Ваше Величество! – вскрикнул кто-то. – Хвала Святым!

Император Константин? Тот самый, которого во всех сводках показывают как статного и красивого синеглазого мужчину? Маска… Величественный образ – это всего лишь Маска, давно прикрывающая высохшее тело отца, который годами поддерживал связь сына с его оторванным Духом.

И все же император был по-настоящему силен. Его Дух прокатился по залу, не просто отгоняя силу разрушителя, а разрывая ее в клочья. Живая гармонизирующая волна.

Август упал на колени, закрываясь от белого света, глефа исчезла.

И тут накатила слабость и боль. Удивленно подняв руку, я тронула шею, посмотрела на пальцы. На Аманду. Она что-то сказала, но я ее уже не услышала, проваливаясь во тьму.

Глава 27. Ритуал

Сильно пахло кровью.

Запах, знакомый и мерзкий, щекотал ноздри.

Я открыла глаза и вздрогнула. Везде была кровь. Я сидела в ней и кровь заливала меня по самую шею.

Я умерла?

– Нет.

Я сказала это вслух?

Голос прозвучал откуда-то сбоку. Я попыталась повернуть голову и не смогла – шея болела. Хотела тронуть ее, чтобы понять, насколько глубок разрез, но не сумела и этого. Мои руки сковывали железные обручи. Но раз я говорю и дышу, то все не так плохо. Только голова кружится.

Мутным, ничего не понимающим взглядом я обвела помещение.

Зал, где остались солдаты, император и Август, исчез. Даже шум битвы сюда не долетал. А может, битва давно закончилась? Сколько прошло времени? Где я?

Темные стены, скудное освещение.

Чаша. Я сижу в чаше. Это что, лаваторий? Похоже, он и есть. Глубокая чаша. Такую же я видела в зеркалах, в нее упал наследный принц, сжимая в объятиях свой оторванный Дух. Я моргнула. Легкая дымка затянула помещение. Однако на этом сходство с купальнями заканчивалось. Я сидела не в исцеляющем молоке или заживляющем дегте, как было в Кастеле. Огромная черная емкость была до краев наполнена кровью. Железистый запах сводил с ума. И в эту гадость меня погрузили по самую шею. Да еще и раздели! Черт. Я была голая и я сидела по шею в крови. Прикованная.

– Какого. Черта?

– Не дергайся. Ты теряешь кровь и силы.

Кровь? Я едва не рассмеялась.

– Ты и правда решила убить меня?

– Я тебя спасаю. Единственным возможным способом, – сухо сказала Аманда и наконец возникла из дымки, затягивающей помещение. Или дымка была лишь перед моими глазами? Внутри

разливалась дикая слабость. Нейробраслет пульсировал, но кажется, не справлялся.

– Спасаешь?

Я ничего не понимала. Где Август? Что случилось? Как я здесь оказалась?

Я… и кто-то еще? На противоположном конце чаши был кто-то еще. Но между нами возвышался странный белый столб, мешая рассмотреть.

– Аманда. – Я облизала сухие губы. – Отпусти меня. Пожалуйста. Просто…

– Ты умираешь, – спокойно и жестко сказала архиепископ, снова поворачиваясь.

Я не понимала, что она делает, стоя у длинного стола. Строгая прическа женщины растрепалась, на лице темнели грязные полосы и более светлые дорожки. Она что же, плакала? Ну да, принц ведь умер… Август убил наследника империи.

Ужас всколыхнулся внутри и тут же опал. Чувства казались такими же вялыми, как и тело.

– Я не…

– Да. Умираешь. И проблема не в ране, Кассандра, я всего лишь рассекла кожу. Твой Дух достиг стадии финариума, разрыв пожирает Линии Силы. У тебя больше не осталось времени.

– Вранье, – безразлично буркнула я. Конечно, она врет. Мое тело даже не изменилось. Да, я стала быстрее и сильнее, да, у меня появились новые способности, но это ведь ничего не значит.

А еще я зависала в воздухе, словно тело переставало подчиняться земному тяготению. Бегала по стенам. Исцелялась. Видела схемы механизмов и оживляла их. А Опиум от моего прикосновения весь покрылся пятнами, став похожим на далматинца.

– Ты знаешь, что я права. – Аманда взяла какую- то склянку, посмотрела на свет и вылила в чашу. Запахло серой. – Арус Вер сказал, что у тебя максимум две недели. Но с учётом того, что я разрезала твою шею – и их уже нет.

– Спасибо, мамочка, – хрипло рассмеялась я и увидела, как Аманда вздрогнула. Ее спина стала такой напряженной, словно вот-вот хрустнет.

Внезапно стало смешно. Потом безразлично. Черт, неужели, мне и правда конец? Поверить не могу…

– Где Август?

– Почему сейчас тебя это волнует? – в голосе Аманды скользнула какая-то эмоция. Удивление? Или даже гнев? – Почему ты думаешь о нем, а не о себе?

– Так где он?

– Разрушитель проиграл, – на этот раз архиепископ ответила ровно и твердо. – Константин очень силен, а дворец уже заполнили миротворцы – военные и гражданские. Даже Совершенные все здесь. Никто не сможет выстоять против такой мощи.

Я прикрыла глаза.

Мне хотелось бы увидеть его. Августа. Это чувство оставалось по-прежнему ярким и сильным, хотя остальные поблекли. Может, Аманда дала мне какое-то снадобье? Ощущения были странными.

– Как я тут оказалась? Последнее, что помню – это появление императора…

– Мы привели тебя.

– Мы?

Аманда дернула плечом и не ответила.

Очень медленно и осторожно я посмотрела на браслет, держащий мою руку. Показалось, или одно звено растянуто? Если дернуть посильнее…

– Тебе не повезло с родителями, Кассандра, – не поворачиваясь, тихо произнесла Аманда. – Ни с твоим отцом, ни со мной. Мне… жаль. Я бы хотела, чтобы…чтобы все было иначе. Но сожаления – бесполезная эмоция. А я всегда предпочитала действия. Я знаю, что ты ненавидишь меня. И возможно, возненавидишь еще сильнее. Но я сделаю для тебя то единственное, что могу. Единственное, что тебя спасет от Разрыва и излечит твой деструктизм.

– Дашь мне еще один синий пузырек? – усмехнулась я. И все же, кто лежит на другой стороне чаши? Кажется, человек… – Ты уже обещала мне спасение и исцеление. Только это оказалось враньем. От разрыва нет лекарство.

– Есть, – глухо отозвалась женщина. – Но ты права, это лекарство не разлить по бутылкам. Оно не для всех. Только для… избранных.

– О каком гребанном лекарстве ты говоришь? – Я моргнула. Дымка наконец разошлась. И я увидела… Джема? Какого черта в чаше была Джема? Тоже без одежды и, кажется, сознания, хотя глаза рыжей оставались открытыми. В отличие от меня, Ржаник ничто не связывало, она сидела в чаше совершенно свободно. Но не двигалась, а ее взгляд был пустым. – Какого хрена здесь происходит?

Аманда снова оказалась рядом и вылила в чашу еще какую-то смесь. Глянула на меня. Бледное лицо выглядело очень спокойным и очень уставшим.

– Единственная возможность исцелить тебя – это пройти Возвышение.

– Что? – Я снова рассмеялась и в горле стало больно. – Возвышение? То есть стать Совершенной? Но это невозможно. Чтобы войти в Пантеон, необходимо подать соответствующую заявку, пройти замеры сил, ментальную проверку и кучу чего еще… И то не факт, что Пантеон одобрит новую кандидатуру. А даже если одобрит, у первой десятки Совершенных, в числе которых и сам император, есть право вето. Что-то непохоже, что все это уже случилось со мной и я получила одобрение.

Я выпалила то, что знала о вхождении в круг избранных, и Аманда поморщилась.

– Верно. Но ты права, это слишком долгий путь. У нас нет времени на нормальный ритуал, придется делать все… так, – сказала она. Ее лицо напоминало бледную маску – застывшее и сосредоточенное. Если и был момент, когда ее охватили эмоции, он прошел. А может, его и не было, может, это мои предсмертные иллюзии.

– Нормальный ритуал?

– Красивый антураж. Поверь, мало кто из Совершенных знает, что на самом деле случается на Возвышении. Возможно, некоторые догадываются… После. Но о подобном не говорят. Даже самым близким. Когда я решилась на Возвышение, то была полна прекрасных иллюзий. В каком-то смысле они оправдались. Мой ритуал был красивым: красный шелк одежд, в которых я спускалась к чаше, двое прекрасных служителей, что вели меня. Лепестки роз под босыми ногами. Божественная музыка, звучащая под сводом. Главный Зал Возвышения – прекраснее самого величественного храма в империи.

Это истинный шедевр, расположенный под землей. Пряный дым опиума щекотал мне ноздри и отгонял запах крови, плазмы и прочих частей состава, в котором ты сейчас плаваешь. Я погружалась в чашу с улыбкой и радостью, ожидая величия и новых возможностей. Желая получить силу, с помощью которой я смогу еще лучше служить своей великой стране.

Левый уголок ее рта дрогнул и сполз вниз, странно искажая безупречное лицо несравненной Аманды.

– Что ж, меня не обманули. Я получила то, чего желала. Да, мое Возвышение было прекрасным. Прости, но для тебя лепестков не нашлось. Слишком мало времени… придется сделать все по-черному…

– Отпусти меня!

– Многие верят, что Возвышение – это лучшая участь из возможных. Мало кто знает, чем приходится платить. Вот милорд Хакал знает точно, поэтому и ненавидит всех Совершенных. И себя в первую очередь. И это странно для человека, который и вывел нужную нам формулу Возвышения.

– Альберт Хакал?

– Да. Он ведь настоящий гений, ты знала? И еще он очень стар. Когда ты родилась, ему уже было больше сотни лет… Альберт пытался найти средство для восстановления разорванных Линий Силы, залатать поврежденный Дух. И нашел… Но результат ему не понравился. За исцеление пришлось заплатить.

– Чем? – выдохнула я и снова посмотрела на Джему. Ее взгляд остался безучастным.

Чем? Или… кем?

– У Альберта были жена и сын. Очень давно. Он стал Совершенным. А они…

Где-то за стенами ударило и загрохотало, показалось, что здание подпрыгнуло. Что происходит?

Аманда дёрнула плечом и отвернулась.

– Довольно историй, пора.

– Почему здесь Джема? – не выдержала я.

– Первые Возвышения были такие же, Кассандра. Потом все стало более цивилизованным, более… красивым. Но суть не изменилась. Я не врала, обещая исцелить твой Разрыв. После Возвышения линии

твоего Духа соединятся. Они станут крепче алмаза, ничто и никогда больше не сможет повредить их. Ты обретешь силу. Способности. Долголетие. Почти бессмертие… Я была плохой материю, Кэсс. Но это я для тебя сделаю.

– Почему. Здесь. Джема, – словно и не слыша слов архиепископа, выдохнула я.

И… кто-то еще.

Столб, возвышающийся в центре чаши, наверху расходился узкой платформой. Пока я пыталась понять, для чего она служит, Аманда повернула рычаг и платформа дернулась. Тело, лежащее на ней, подпрыгнуло, и я увидела свесившуюся руку в перчатке. А еще черный рукав и кончик красного аксельбанта. Инквизитор.

Аманда сказала – «Мы тебя привели». Мы?

Мои глаза расширились. Джема и… Дамир?

Кто бы ни лежал наверху, этот человек был мертв. Его только что убила эта жуткая платформа. Что там было? Кол? Шипы, пронзившие тело? Я не хотела этого знать…

Кровь в чаше пошла рябью. Странной, противоестественной, жуткой. Какой-то неправильной. Я прищурилась, всматриваясь. И отшатнулась, увидев расцветающие на поверхности огненные лепестки. Пока еще совсем крошечные, скорее искры, чем пламя. Но я начала понимать.

– Яма скверны, – прошептала я, не в силах отвернуться от плещущих на крови черных и оранжевых точек. Багровая жидкость пошла ленивыми кругами. – Это локальная яма скверны! Созданная намеренно!

– Ты умная девочка, Кассандра. Я горжусь тобой. Твое зелье, которым торговал Ловчий, – удивительная штука. Ты почти полностью воссоздала состав, разработанный профессором Хакалом. Удивительный талант… Твой эликсир и правда латал Разрыв. Но лишь на время, слишком короткое время. Для того, чтобы спаять Дух по-настоящему, нужно кое-что особенное: низкие частоты ямы скверны и…– Аманда посмотрела на Джему. – Живой источник Духа. Нужен миротворец. Гармонизирующая волна вступает в противоречие с низкочастотной энергией смерти, образуя воронку переноса. Это если в общих чертах. Джема подходит.

– Джема подходит… – тупо повторила я. – Поэтому ее перевели в Кастел? Ты давно это планировала?

– Я действую в интересах империи. И тебя, как ни странно.

Я поморщилась, потому что жидкость в чаще двигалась все быстрее, брызги падали на лицо и губы. Отвратительно…

– Живой Дух… Где-то я уже такое слышала… Ямы скверны, в которых проходят мерзкие ритуалы, отрезанные части тел в попытках добраться до Духа… – Милостивые святые! Отрезатели!

– Банда Отрезатели – лишь жалкие подражатели, – дернула плечом женщина. – Хотя действуют не без основания. Много лет назад один предатель узнал часть тайны Возвышения. Отрезатели пытаются воспроизвести этот ритуал, но к счастью, им это не удается. Не бойся, мы ничего не будем отрезать от плоти. Это не нужно. Нам нужен лишь чужой Дух.

«Кажется, у меня больше нет души… – прошептала в голове толстушка Бриггита. – Я больше не вижу видений… кто-то забрал их. Мои способности…»

И Блаженная Анастасия – безумная с утра и сияющая, помолодевшая вечером.

– Совершенные проходят ритуал лишь один раз? – выдохнула я.

– В основном. Некоторые как бы это назвать… подсаживаются. Или их Дух поврежден столь сильно, что требует регулярных ритуалов. Это редкие случаи. Пантеон подобное не одобряет.

– Но всегда есть исключения. Например, ценная провидица и по совместительству – нянюшка принца. Сколько раз Анастасия проходила Возвышение? Сколько талантливых молодых людей лишились Духа, а потом и воспоминаний?

Милостивые святые… Тайны Пантеона оказались кровавыми.

– Нет! Я не хочу!

– Нет? Но это решит все твои проблемы, Кассандра. Твой Дух полностью восстановится, и даже более того. Ты обретешь очень много… Джема останется жива, не бойся. Даже ничего не вспомнит. Она молода, а значит…

– Я сказала – нет!

– Ты умираешь. – Архиепископ поджала губы. – Ты почти умерла! Только нейробраслет удерживает нить твоей жизни. Разве ты не выберешь исцеление? Я знаю тебя, Кассандра. Всю свою жизнь ты

выбирала лишь себя. Свои интересы, свои потребности. Ты горда и своенравна, а еще эгоистична. И это хорошее качество. Вероятно, ты не до конца осознала…

– Немедленно отпусти меня и Джему! Я против! Я отказываюсь! Отказываюсь!

– Но почему? – Похоже, Аманда действительно не понимала.

Я же усмехнулась. Еще недавно я и сама удивилась бы… Подумаешь – рискнуть Ржаник, которую я и так терпеть не могу. Подумаешь… Глава инквизиции права – я действительно всегда выбирала себя. Так почему сейчас сопротивляюсь? Когда в этом даже нет смысла? Почему все во мне восстает против ритуала?

Эх, все-таки общение с одним темноглазым святошей сильно испортило мой идеальный характер. А ведь раньше во мне не было ни намека на альтруизм. Никакого дурацкого самопожертвования или еще более дурацкого милосердия! И вот – на тебе, Кассандра! То, что не могли привить ни родитель, ни святые отцы, ни наставники, ни учителя – привил тот, кто вовсе не старался это сделать. Может, его дурацкая правильность заразна? Передается воздушно-капельным путем при активных поцелуях? Черт его знает.

Я хотела жить. До одури, до безумия. И вот оно – спасение. Так близко.

И в то же время…

Джема моргнула – и взгляд ее стал более осмысленным.

– Нет, – твердо повторила я. – Я отказываюсь от гребаного Возвышения.

Интересно, хоть кто-нибудь в истории империи произносил эту фразу?

Лицо Аманды стало таким удивленным, что даже ради этого стоило ее сказать.

– Тогда ты умрешь. Прямо сейчас.

Я посмотрела на свод, теряющийся в дымке. Умирать не хотелось…

И пожала плечами.

– Выходит, я ошибалась в твоем характере, – задумчиво произнесла Аманда и кивнула на кольца, удерживающие мои руки. – И перестраховалась не зря. Добровольное согласие упрощает процедуру и отменяет боль. Но в твоем случае оно все-таки не обязательно.

Аманда повернула еще рычаг, и кровь всколыхнулась, пошла кругами, а потом начала заворачиваться в воронку.

– Ты не поверишь, но я всегда пыталась защитить тебя, Кассандра. – Фигура женщины расплывалась, и теперь я видела лишь ее силуэт – тонкий, затянутый в черный мундир. Дрожащий. Лицо как бледное пятно. А голос – спокойный. – Когда ушла, заставив поверить в мою смерть. Когда присматривала за тобой в Аннонквирхе. Когда отправила в Кастел, чтобы принц не смог до тебя добраться… Я хотела защитить тебя. Как умела. Ты ненавидишь меня, я понимаю. Но я делаю то, что должна, дабы спасти своего ребенка. Если бы я могла – я отдала бы тебе свой Дух. Но увы… Совершенство лишает нас некоторых важных качеств. В том числе и этого… Мой Дух не подходит, нужна живая Линия Силы. Однажды ты меня поймешь, Кассандра. А прощение мне не нужно.

Кровавая воронка неслась все яростнее. Жидкость бурлила, в центре образовалась дыра. Поток захлестывал мое лицо, порой не давая дышать.

Джема вскрикнула. Что бы ни сделала с ней архиепископ, это перерастало работать.

– Джема! – отплевывая сладковатую жидкость, крикнула я. – Уходи! Уходи!

Она вертела головой, не понимая. Потом попыталась встать и выползти из емкости, но кровь уже неслась с ревом, прибивая нас к стенам чаши. Искры скверны разгорелись до протуберанцев, вспыхивающих и угасающих, словно сотни маленьких звезд. Они рождались, разгорались до немыслимой белизны, а потом взрывались и гасли. Бесконечный цикл рождения и смерти. Бесконечные звезды. Я слышала, как кричит Джема. Я пыталась освободиться.

И каким-то невероятным образом все-таки выдернула кольцо, прибитое к краю чаши, содрав кожу и даже не почувствовав этого. Кровавая воронка гудела, пробивая насквозь мое тело. Я больше не видела Ржаник, глаза затянуло багровой пеленой. Это багровое и бесконечное было везде, оно стало моей вселенной. И на этом багровом полотне все рождались и гасли новые и новые звезды…

Когда это стало невыносимым, потолок задрожал, стены пошли трещинами. Я увидела это лишь мельком, в краткий миг обостренного восприятия. За стеной кровавой бури что-то происходило и кажется,

теперь кричала еще и Аманда… В ее голосе я с удивлением услышала истинный страх, почти ужас… Что она говорила? Слов я не разобрала. Кажется, там звучало мое имя. С потолка сыпались камни, пол трескался, чаша ходила ходуном.

Часть стены с грохотом обвалилась.

И вдалеке я увидела Августа. Но так и не поняла, был ли он настоящим, или лишь моим видением.

Кровавое сменилось черным и совершенно пустым.

Все стихло.

Словно меня не стало.

***

Я смотрел на свои руки. На пальцах темнели пятна от растертого пепла. Немного. В целом, ладони были практически чистыми.

Медленно подняв голову, я осмотрел зал. Некоторые стали пеплом. От иных остались тела. Но не души. Души я вырывал наживую, и они сливались в новые вихри. Некоторые и сейчас лениво кружили у стен, словно стервятники – обожравшиеся, но все еще подбирающие останки. В сером мареве бились человеческие силуэты и лица, словно заключенные в вихрях души все еще надеялись выбраться.

Живых в зале осталось гораздо меньше.

– Рэй.

Зоя позвала – кажется, уже не первый раз, и я все-таки посмотрел на сестру. Ее маска где-то потерялась, но жуткое, обезображенное кровавыми слезами лицо давно не вызывало у меня удивления. Его вызвал страх в глазах Зои. Чистый, неподдельный, неподвластный страх. Почти ужас. А ведь Зоя не из тех, кто хоть кого-то боится.

Но теперь она боялась – истово. Меня, своего брата.

Ирма склонилась над павшим гвардейцем и с интересом посмотрела в его лицо.

– Рубеж обещала мне яблоко, – слишком звонко в звенящей тишине сказала она. – Кто-нибудь видел Рубеж?

– Замолчи, – прошептал я.

Зоя торопливо бросилась к подруге и что-то ей зашептала, оглядываясь на меня. Но я уже не смотрел. Я смотрел на проем в стене. Вернее – на то, что осталось от стены. За ней висела дымка

пыли – и больше ничего не было. Кусок дворца попросту исчез в неизвестном направлении. Это была последняя попытка императора Константина спастись. Я все еще видел удивление и ненависть на лице монарха, когда тот осознал, что его сил недостаточно, чтобы победить разрушителя. Что даже объединённой мощи Совершенных и миротворцев не хватает, чтобы свалить того, кто прошел свой темный путь. Что даже ярости и горя отца мало, чтобы уничтожить убийцу наследника.

Константин буквально разрубил свой дворец, чтобы спастись. Император и его соратники спешно бежали, пытаясь сохранять хоть какое-то подобие контроля и не давать волю ужасу. А ужас был. Особенно когда они видели, как черная сила разрушителя выдирает Дух из живого тела. Как разделяет их. Как плоть становится пеплом, а Дух – вечным заключенным на службе чудовища.

Гвардия императора бежала, прикрывая монарха. Я знал, что мог бы их остановить, но в какой-то момент замер. Сквозь проломы в ломающихся стенах я увидел отблеск серебряных волос. Увидел – и пришел в себя. Повернулся, всматриваясь, отгоняя кружащие в воздухе пыль и пепел. И отшатнулся.

Странное темное помещение, высокая чаша. Много крови. И девушка внутри.

Кассандра. Кажется… не дышит. Ее голова была откинута на край чаши, а в распахнутых глазах не было жизни. И кровь. Как же много крови!

Я видел ее лишь миг, а потом стены хрустнули, как песочное печенье, сломанное рукой нетерпеливого сладкоежки. И кусок дворца исчез. Просто исчез! Вместе с десятками комнат, лестниц и галерей, императором, его соратниками, кровавой чашей и Кассандрой!

Своей пробудившейся силой я попытался дотянуться до девушки, выдернуть ее из чаши, вернуть, но последний удар императора откинул меня в сторону, приложив головой о стену.

Я не сумел.

Я остался в полуразрушенном тронном зале, на полу которого хрустели граненые подвески старинных люстр. Остался наедине с трупами, пеплом, черным песком и своими мыслями. Ах да. Еще были Зоя, Ирма, Мишель и Арчи. Какая-то часть дворцовой стражи и обслуги, прячущаяся в остатках дворца.

И лениво танцующие вихри, расползающиеся по коридорам.

Я снова посмотрел на свои ладони. На тонкий белый ободок на безымянном пальце. «Теперь я буду твоим якорем», – сказала она. Но Кассандра исчезла.

И никаких якорей не осталось.

***

Я открыла глаза и некоторое время с недоумением рассматривала звездное небо. Красивое такое. Звезды безумно яркие и близкие. Если протянуть руку, я точно сумею достать парочку. Сделаю себе серьги. Хотя нет… серьги я, кажется, не ношу. С некоторых пор…

Руку я все-таки протянула, но ни черта не достала. Небо – бездонное и сияющее – так и осталось недосягаемым. А звезды лишь подмигнули, посмеиваясь над человеческой глупостью.

Зато сознание и память наконец-то вернулись.

Аманда. Возвышение. Джема.

Я вздрогнула.

Где я?

От удара чаша треснула, и ее содержимое вытекло. Осталось лишь немного на самом дне. Столб и вовсе куда-то исчез. Висела странная тишина. Вернее, какие-то звуки были, но совсем… незнакомые. Шелест. Скрип. Шорох…

Моргая, я встала на четвереньки и всмотрелась во тьму. На другом конце чаши свернулось… что-то. А потом застонало!

Подскочив и оскальзываясь на остатках крови, я бросилась к этому нечто.

– Джема! Ты жива! Хвала Истинодуху!

– Вэйлинг? – Ржаник мотала головой, цепляясь за мои руки и понимая еще меньше, чем я. – Где я… где мы? Что случилось?

– Не знаю, – торопливо ответила я, понимая, что сейчас не время для откровений. Да и узнать бы, что помнит Джема… Если вообще хоть что-то помнит. – Ты можешь встать?

– Да… кажется…

– Как ты себя чувствуешь?

– Вроде нормально. – Она неуверенно посмотрела на свое тело, такое же голое, как и мое. Провела рукой по животу, груди. Нахмурилась. – Странное чувство… но я цела… вроде бы.

Джема снова коснулась груди. Там, где появилась вертикальная черная линия, которой раньше не было. Я сглотнула.

– Давай попробуем выбраться. И понять, где мы.

– Разве мы не во дворце Неварбурга? – похоже, Ржаник тоже начинала соображать.

Я вздохнула и подняла голову. Джема, повторяя, тоже. И громко ойкнула.

– Вот именно, – подтвердила я. – В Неварбурге в жизни не было таких звезд. И такого месяца.

Серп висел непривычно горизонтально, острые рожки смотрели ввысь.

Помогая друг другу, мы выбрались из чаши и встали на камни, осматриваясь. Несомненно, чаша все еще стояла в части дворца из Неварбурга. Сохранились стены, по крайней мере, три из них. Потолку вот повезло меньше – его не было. В одной из стен даже болталась дверь, поскрипывая на ветру и открывая вид на коридор – полуразрушенный.

– Похоже на расщепление дворца. Или на перенос физического объекта в пространстве. Я слышала, что подобной силой обладают некоторые Совершенные. В том числе император.

Джема оторвала ладонь от груди и сделала несколько шагов. Ее лицо стало сосредоточенным. Все-таки Ржаник была хорошим миротворцем. Я ощутила глухое тоскливое чувство, когда подумала об этом. Торопливо потрогала свою шею: никаких ран или шрамов. Кожа гладкая и нежная, бархатистая. Тронула ухо и едва не вскрикнула. Недостающий кусочек мочки, который я самолично отрезала, чтобы избавиться от символа Кастела, – вернулся на место.

Я потрясла головой.

– Думаешь, это он нас сюда забросил? – спросила я, решив пока думать о более насущных вещах. – Император? Но зачем?

– Может, в попытке спасти? Или спастись. Хотя скорее это спонтанный перенос, ненаправленный и случайный коридор, образованный столкновением двух сил, – отчеканила как на уроке Джема, и я снова восхитилась. – Идем, посмотрим за дверью.

Там был коридор, кусок лестницы, ведущей в никуда, потому что второго этажа не было, и еще несколько комнат, в которых мы

подобрали пыльные покрывала и накинули на плечи – все ж лучше, чем разгуливать голышом. На этом остатки дворца заканчивались.

А за ними…

За ними царила тьма. Плотная. Черная. И…песчаная.

Джема присела, зачерпнула горсть, пропустила песчинки сквозь пальцы.

– Может, западный экзархат? Там есть небольшая пустыня. Архера, кажется, – почти спокойно спросила она, и я кивнула.

Мы посмотрели друг на друга. Я – отдавая должное выдержке Ржаник, она – моему умению глубокомысленно кивать на очевидную ложь.

Мы снова уставились во тьму, в которой виднелись какие-то неровности. Холмы? Здания? Что-то иное?

Рассмотреть не получалось. Ни огней, ни электричества. Где бы мы ни оказались, но точно далеко от северной столицы. Да и от любого нормального города.

– Надо дождаться утра, – решила я. – Бродить во тьме опасно, можем наткнуться на что-то неприятное. Вернемся в комнаты? В одной я даже заметила кровать… И может, удастся найти свечи… хотя это вряд ли, конечно… Вряд ли во дворце были перебои с освещением.

Мы двинулись обратно во тьму коридора. Под ногами что-то зашуршало, и я отпрыгнула, зависла на миг в воздухе, перевернулась и придавила ладонью чудовище, собирающееся на меня напасть.

Чудовище оказалось мелким и пятнистым крысенышем. Разозленный таким приемом, он укусил меня за палец. Тот же самый! И хотя от ранки ничего не осталось, я все равно возмутилась.

– Опиум! Ты что здесь делаешь?

– То же, что и мы. – Глаза Джемы блестели во тьме. – Не знала, что ты умеешь так… подпрыгивать.

– Это от стресса, – прижала я к себе успокоившегося Опиума. С остатков потолка посыпались мелкие камушки, похоже, мой прыжок повредил неустойчивое равновесие выдранного из дворца куска. – Может, не стоит возвращаться в комнаты? Стены ненадежны, вдруг обвалятся? Давай лучше останемся снаружи. По крайней мере у нас есть покрывала. Дождемся рассвета, а там…

Джема кивнула, соглашаясь. Даже во тьме я чувствовала ее взгляд. И он мне не нравился. Ржаник начала думать. И возможно,

вспоминать. Вопрос – что именно.

Я тоже погрузилась в свои мысли. Например: куда делась Аманда. Осталась ли она во дворце или лежит сейчас под завалами, совсем рядом, и утром я найду ее тело? Ее и инквизитора, своей смертью запустившего воронку переноса. Узнать бы еще, кто это был… Или лучше оставаться в неведении? А может, там, во тьме, есть живые? Раненые, оглушенные? Может, надо пойти и все-таки поискать?

Я вздрогнула.

Мы с Джемой снова вышли из болтающейся двери и сели на песок, прислонившись к какому-то валуну.

– Хорошо, что здесь тепло, – слегка дрогнувшим голосом сказала Ржаник. – По крайней мере, не замерзнем. Могло бы забросить куда-нибудь во льды. Вот тогда точно – крышка.

Я что-то угукнула, подтверждая.

– И у нас есть покрывала. Хотя… – Она прищурилась, всматриваясь. – Кажется, это занавеска. Зеленая.

– Синяя, – не успев подумав, ляпнула я. И прикусила язык, снова поймав взгляд Джемы.

– Как ты рассмотрела во тьме? – тихо спросила она.

– Мне кажется, синяя. – Я непринужденно хмыкнула. – Я совсем в этом не уверена…

Я была уверена в этом так же, что у меня две руки и одна голова. Но Джема права – разглядеть оттенок во мраке было невозможно. Но мне это удалось.

– Как думаешь, скоро рассвет?

Я посмотрела на небо, на положение звезд, провела мысленные линии, соединяя известные мне светила… и едва не закрыла себе рот рукой. Милостивый Пантелей и Святая Луиза! И этот ответ я едва не озвучила! Ужас сдавил горло невидимой удавкой.

– Наверное… пара часов, – с трудом выдохнула я. – Не знаю…

– Мне здесь не нравится. – Джема дернула плечом. – Не по себе как-то.

– Понятное дело. Мы сидим неизвестно где, вокруг ни души, лишь песок и камни. И неясно, как мы будем отсюда выбираться. Мало приятного.

– Дело не в этом. – Джема помолчала.

Я похолодела, подозревая, о чем она думает.

– Я странно себя чувствую…

Она осеклась, не завершив фразу.

– Наверное, не стоит здесь болтать, – прошептала через минуту. – Вдруг поблизости какие-то хищники? А у нас ни огня, ни оружия. Лучше не привлекать к себе чужого внимания.

Я кивнула и мысленно порадовалась такому решению Джемы. Я не хотела признавать, что опасалась ее вопросов.

«Время трудных вопросов, да?» – прозвучал в голове мужской голос. Я сжала кулак. На пальце блеснуло тонкое серебряное колечко. Я накрыла его второй ладонью, пряча от света звезд и взгляда Джемы.

Так мы и сидели – плечо к плечу, кутаясь в занавески и ожидая рассвета.

Он наступил через два часа семнадцать минут, как я и думала.

Мир вокруг посветлел.

Песок – нет.

Он остался таким же черным, словно впитавшим вечную ночь.

Насколько хватало взгляда, тянулись черные волны песка, кое-где их протыкали обугленные останки башен, зданий, шпилей… Древний город, утонувший в дюнах вместе со всеми его жителями. Где-то под нами были дворцы и мосты, храмы и святилища, рестораций и театры. Остался лишь песок, камни и ужас, навечно впаянный в самую большую яму скверны.

Равилон.

Его черные пески невозможно не узнать.

Джема придушенно всхлипнула. Карие глаза Ржаник расширились от нахлынувшей паники, щеки так сильно побледнели, что девушка стала напоминать привидение, которых, по слухам, полно в проклятых песках. Казалось, еще миг – и Джема свалится в обморок.

Но к моему удивлению, она сумела взять себя в руки. Прикусила губу так, что выступила капля крови, сжала кулаки. И сказала почти нормальным голосом:

– Осмотрим остатки дворца, нам нужны одежда и оружие. Желательно – вода и провизия. Возьмем, что сможем, и двинемся к восточной границе.

– Почему к восточной?

– Южная граничит с королевством Вуду. Север и запад подпирают горы. На востоке базируется блок пост империи, доберемся до него.

Я кивнула, восхищенная отвагой и знаниями Джемы. Не каждый на ее месте сумел бы так быстро взять себя в руки. Проклятый Равилон внушал ужас на глубинном уровне. Он задевал сам Дух. И любой человек знает, что такая яма скверны, – это приговор для Линий Силы. Разрыв неизбежен.

Правда… Теперь я не знала, что думать.

Я не знала, что с моими линиями. И что с линиями Джемы. Не знала и… боялась посмотреть.

Отвернувшись от девушки в занавеске – синей, конечно, – я решила сосредоточиться на развалинах дворца. При свете солнца стало ясно, что неведомая сила забросила в пески довольно большой кусок здания. Часть – та, из которой выбрались мы, – лежала среди валунов. Нам повезло, и мы свалились на мягкий бархан, а не на камни. Еще часть виднелась поодаль, словно кусок не донесли, и он вывалился из рук невидимого великана.

Среди черных дюн, камней и древних развалин ярко-белые или синие с позолотой стены дворца из Неварбурга казались чем-то… нелепым. Вопиющим. Даже кощунственным.

– Ладно… – Джема смотрела на стены, но не двигалась с места. – Идем, что ли?

Я кивнула и пошла к покачивающейся двери. Ржаник меня обогнала, словно ей было важно войти первой.

Осмотр комнат принес неплохой результат. Довольно быстро мы нашли шкаф с одеждой, правда, тонкие шелка, ночные сорочки и пышные вечерние платья совершенно не подходили для пустыни, но все же были лучше занавесок. Джема, скривившись, облачилась в длинную кружевную юбку и желтую блузку с пышным бантом на плече. Я натянула розовое платье с вышивкой на подоле. Шелковые платки из этого же шкафа мы повязали на головы, решив прикрыться от солнца. С обувью все обстояло хуже. Бархатные туфли подошли мне, а Ржаник оказались катастрофически малы и ей пришлось ограничиться носками.

С оружием все обстояло хуже. Мы нашли вязальные спицы, подушечку с иголками и разбитую бутылку. Ни ножей, ни мечей нам не досталось.

– Лучше, чем ничего, – мрачно сказала Джема, пытаясь пристроить спицы на поясе.

– Посмотрим в других развалинах. Может, нам повезет и там окажется комната какого-нибудь гвардейца. Ну или склад с провизией, что было бы неплохо, я ужасно проголодалась. В животе совсем пусто.

Джема замерла, словно мои слова снова взбудоражили ее разум. Положила ладонь на живот. Потом на грудь.

– Да… так пусто… – Она отдёрнула руку и поморгала. – Идем. Главное, не еда, а вода, без нее мы долго не протянем…

Я опустила Опиума в обвязанный вокруг пояса платок, и крысеныш, повозившись, устроился там вполне вольготно. Второй кусок здания из Неварбурга лежал за чередой высоких валунов. А может, это были и не валуны, а часть строения, уж очень равномерно тянулись гладкие, облепленные песком камни. Выставив спицы и решительно сжав губы, Джема шла впереди. Я, осматриваясь, за ней.

Но первым занервничал Опиум. Крысеныш, выглядывающий из дырки платка, вдруг тихо заверещал. Я остановилась, насторожившись.

– Джема, стой…

Но Джема уже шагнула за камень. И оттуда донёсся ее визг.

Загребая туфлями песок, я помчалась следом, ожидая увидеть Ржаник в руках монстра.

Монстр и правда был.

Из-за валунов, подобный миражу, выступил силуэт, одетый в серую форму гвардейца. Белоглазый близнец погибшего принца криво улыбнулся, глядя на нас.

– Ты? – изумилась я. – То есть… Вы?

Мы с Джемой переглянулись. Мы обе прекрасно видели, как тело наследника пробила черная глефа Августа.

Август…

Я незаметно тронула ободок на пальце.

– Ваше Высочество? – неуверенно произнесла Ржаник и попыталась изобразить поклон.

Я осталась стоять. Дух закатил глаза.

– Он не может говорить, – озвучила Ржаник то, что я и так поняла. Звуки воспроизводит плоть, а ее у Духа не было. Но как он вообще существует? Почему не отправился в свет Истинодуха или куда там положено отправляться тем, чье тело погибло?

Наверное, эти вопросы легко читались в наших глазах и лицо принца или того, что от него осталось, сделалось мрачным.

– Но как вы тут оказались? – воскликнула Джема, и Юстис – я решила именовать эти останки именем принца, – снова закатил белые глаза, скривился и ткнул в нас пальцем.

– Кажется, он пытается сказать, что так как же, как и мы.

– Но почему вы все еще… здесь? – не сдержалась моя заклятая подруга, и белоглазый Дух скривился. Потом пожал плечами.

Некоторое время мы таращились друг на друга, потом я постановила:

– Ладно. Давайте попытаемся выбраться. Пока это наша основная задача. Разбираться с тем, что случилось и почему, – будем потом. Ваше Высочество, вы осмотрели ту часть здания?

Я указала на развалины, и Юстис кивнул.

– Там есть что-нибудь полезное? Вода? Провизия? Оружие?

Принц кивнул, потом мотнул головой.

– Хорошо, тогда заберем, что найдем, и двинемся на восток, к блокпостам империи. Все согласны?

Мои странные спутники вразнобой кивнули. Джема уверенно, Юстис – словно сомневаясь.

Но потом принц развернулся и двинулся ко дворцу. Удивительно, но шел он как человек – переставляя ноги и ссутулившись. Хотя я почти ожидала, что Дух полетит, подобно призраку.

Джема, помявшись, побежала следом. Я наконец решилась и сосредоточилась, пытаясь увидеть ее Линии Силы.

И не увидела ничего. Но может, я просто утратила эти способности? Может, я больше ничего такого не вижу?

Решив, пока остановиться на этой версии, я двинулась за фигурой в сером и девушкой в нелепой желтой блузке.

Словно ощутив мой взгляд, Юстис обернулся и белые глаза прищурились, всматриваясь в меня. А потом странно, жестко ухмыльнулся. Словно говоря: я все о тебе знаю, Кассандра Вэйлинг. Я все помню. Я отомщу.

Или мне это лишь показалось?

Принц первым достиг развалин – двигался он не по-человечески быстро, – и скрылся за полу обрушенной стеной. А Джема, наоборот, отстала. Ее ладонь снова и снова возвращалась к груди, туда, где

теперь была вертикальная черная полоса. А когда я поравнялась с девушкой, Ржаник подняла на меня измученные глаза.

– Со мной что-то не так… Я не понимаю… Я здорова, но… Но так пусто. Внутри меня стало так пусто…

Не отвечая, я снова прокрутила на пальце ободок кольца. Август. Август. Август…

Сдавила его так сильно, что металл смялся.

Август.

Я повторяла это имя снова и снова. Словно молитву, которая может все исправить. Словно призыв к жестокому богу, которому наплевать. Словно вопль к холодным звездам, которые никогда нас не слышат.

– Да, – прошептала я, хотя Джема уже ушла вперед, догонять Его Высочество. – Так пусто.

Эпилог

– Рэй, – позвал Вулкан. Парня, всегда знающего, что предводитель деструктов из дома на скале носит Маску, не удивила новая внешность. Гораздо больше Арчи удивили его способности. Но об этом парень старался не сильно задумываться, понимая, что так лучше. За спиной Арчи толпились гвардейцы в серой форме. – Рэй, посмотри, мы тут кое-кого нашли!

Солдаты расступились – и вперед вышла женщина. У Августа кольнуло в груди. Серебро волос, тонкий стан… Нет, не она. Совсем не она.

– Архиепископ, – подошел он ближе, глядя на вытянувшуюся в струнку женщину. – Похоже, вам не повезло. У меня к вам только один вопрос, миледи. Что вы сделали с Кассандрой? Я видел, как вы уводили ее из зала.

– Я тебе ничего не скажу.

Аманда посмотрела туда, где недавно лежал убитый принц. Где теперь его тело? Что с ним сделали? Успел ли император забрать погибшего сына или разрушитель превратил его в кучу пепла, который сейчас разносит ветер из открытых окон? Аманде хотелось закричать, но она лишь сжала губы.

– Ты меня не убьешь. – Аманда Вэйлинг еще выше вздернула подбородок.

Август смотрел без угрозы.

– Убивать не обязательно. – Его голос звучал мягко. Почти бархатно. И Аманда застыла, не позволяя себе эмоций. – Я знаю методы и похуже. Например, создать для вас иллюзию самого жуткого кошмара.

Аманда рассмеялась.

– Я – Совершенная. Ты не сможешь влиять на меня. Или внушить иллюзию! Мой разум неподвластен ментальному внушению.

– Вы так считаете? – Август смотрел по-прежнему спокойно.

Аманда заколебалась. Но потом снова выпрямилась. На нее пытался повлиять сам император и даже его воздействие оказалось напрасным. Разум архиепископа был неподвластен и ему.

– Ты не сможешь, – уверенно произнесла она, решив не думать о той силе, которой уже стала свидетельницей.

– Я могу подарить вам сны. Или заставить видеть в каждом отражении день и час, когда боль пожирала вас изнутри. – Август наклонил голову, внимательно глядя на Аманду. – Что это будет, Ваше Святейшество? День Снежного бунта, когда вы сжимали разрезанную шею маленького принца? Или все же тот, когда уходили из поместья в Нью-Касле, последний раз посмотрев на спящую в кроватке дочь? Зная, что больше не вернетесь? Что станете для нее мёртвым идеалом? Какого воспоминания вы страшитесь больше, архиепископ?

Аманда против воли побледнела и не сдержала возгласа:

– Откуда… ты знаешь?

Разрушитель все-таки улыбнулся. Мягко. Почти с сочувствием. Почти, потому что в темных как смерть глазах не было ни капли истиной жалости. Больше не было. Он не ответил, а женщина посмотрела на гвардейцев. Преданные до мозга костей убитому принцу, сейчас они служили разрушителю. Что он сделал с ними? Как добился этого жуткого, противоестественного послушания? Солдаты не выглядели запуганными, в их глазах не мелькала затаенная злость или ненависть. Они были спокойны и сосредоточены на деле. Словно действительно не понимали, что служат убийце своего истинного повелителя. Какой силой надо обладать, чтобы сотворить это?

– Ты ничего мне не сделаешь, – к чести Аманды, голос звучал твердо. – Я прошла Возвышение. На меня не действуют ментальные приказы.

– Я не отдаю приказы, архиепископ. Я лишь прошу. Но мои просьбы всегда выполняют. И сейчас я прошу сказать, что вы сделали с Кассандрой. И куда дели ее тело.

Архиепископ Святой Инквизиции, несравненная Аманда, Совершенная и миротворец, до хруста сжала зубы. Она не врала – Аманда уже очень давно ничего не боялась. Ни боли, ни смерти, ни даже ночных кошмаров. Она забыла, что такое страх, от которого сердце заходится заполошной, бьющейся птицей, а горло сдавливает невидимая рука ужаса. Не давая говорить. Не давая дышать.

Но сейчас, глядя в идеальное лицо стоящего перед ней молодого мужчины, Аманда ощутила это – давно забытый страх. Глубинный, истинный, неконтролируемый.

Разрушитель не двигался, терпеливо ожидая ответа. На кончиках его волос вспыхнуло несколько оранжевых искр. Вспыхнули, скатились вниз и погасли. Но что-то подсказывало – лишь на время. Оранжевые искры – признак, наводящий ужас на всех живых. Признак скверны. В темных глазах искр не было. Только тьма. И она затягивала. Хотелось сделать шаг, чтобы увидеть больше. Чтобы рассмотреть лучше. Чтобы упасть в эту бездну и позволить ей поглотить себя.

Несгибаемая и бесстрашная Аманда Вэйлинг сделала шаг назад. Проявила непозволительную слабость. Потому что впервые за долгие годы она испугалась.

– Кассандры больше нет, – заставляя себя не отводить взгляд и ощущая, каким трудом это дается, ответила женщина.

Бездна, заключенная в человеческое тело, склонила голову. На плечах вспыхнули и погасли всполохи. Пепел человеческих тел завертелся в вихри.

И когда разрушитель снова посмотрел на Аманду, та отшатнулась.

– Это плохой ответ, Ваше Святейшество. Он означает боль. Много боли.

– Ты так не поступишь! Август Рэй Эттвуд не убийца! Ты не причинишь… зла!

– Но Августа Рэя Эттвуда больше нет, – очень мягко ответил мужчина. – Только скверна.

Он кивнул гвардейцам, ожидающим приказа, подобно изголодавшимся по мясу псам.

– Уведите ее. Заприте в темнице. Охраняйте. Если она сбежит, вы все умрете.

– Да, повелитель, – с такой готовностью отозвались военные, что Аманду затошнило. Пока ее вели, она не пыталась сопротивляться и даже не замечала дорогу. То, что она увидела, поразило несгибаемую женщину. И по-настоящему испугало.

***

Дворец Неварбурга восхищал каждого, кто имел счастье его увидеть. Удивлял лепниной и позолотой, колоннами, арками и лестницами. Но мало кто знал, что дворец имеет еще одну, скрытую от глаз горожан, часть. Эта часть располагалась ниже уровня земли, в густой сети тайных переходов и скрытых комнат. В одной такой сейчас

сидел человек. На стене остался отпечаток его кулака, которым он саданул по камню, не сдержав эмоции.

Час назад гвардеец в серой форме вышел из зала наверху, но в коридорах незаметно отдалился от остальных стражей и, внимательно осмотревшись, нажал на рычаг, открывая потайной ход. Скользнув в него, он пробежал по узкой лестнице и оказался в пыльной комнате, которой не было на карте дворца. И уже здесь дал волю своей ярости и боли. Его нейропанель казалась горячей, а все усилия молодого мужчины уходили на то, чтобы держать на лице Маску и закрывать свой разум от влияния разрушителя.

Он видел, как в полуразрушенный зал привели Аманду Вэйлинг и слышал ее разговор с преступником. Он хотел подойти и ударить разрушителя, снести голову с плеч, уничтожить! Но понимал, что сил не хватит. Надо выждать. Надо подготовиться!

Но услышанное наверху не давало думать и сосредоточиться.

Маска неприметного гвардейца слетела, показывая настоящее лицо – искаженное от эмоций – и блестящие зеленые глаза.

Дамир Норингтон снова ударил кулаком в камень. Боль в теле помогла хоть немного переключиться с боли душевной. И все же разговор с архиепископом не давал покоя. Неужели это правда? Неужели Кэсс, его Кэсс, больше… нет?

Дамир закрыл глаза и некоторое время стоял, качаясь из стороны в сторону. А потом открыл и посмотрел наверх. Словно мог увидеть сквозь толщу камней того, кто стоял в бывшем тронном зале.

Проклятого разрушителя.

Ненавистного разрушителя!

Того, кто отнял у него Кэсс. Того, кто сломал ее жизнь. Того, кто виноват в ее гибели!

Жестокая усмешка предвкушения искривила красивые губы инквизитора, рука сжала появившийся белый меч.

– Ты об этом пожалеешь, – тихо произнес Дамир. – Ты будешь очень, очень жалеть.

Меч исчез, Норингтон выдохнул. Нет, разрушитель не заслужил быстрой смерти. Дамир Норингтон придумает что-то поинтереснее.

Конец второй книги